

ШПИОНАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

ПОСОЛ ФРАНЦИИ
«АГЕНТ ВЛИЯНИЯ»

НЕ ЗАВЕРБУЕМ
ТАК СКОМПРОМЕТИРУЕМ

ПОСТЕЛЬ — ТРЕНАЖЕР ШПИОНА

ИГОРЬ АТАМАНЕНКО

ЭКСМО

Annotation

Руководство ЦРУ и европейских разведок огромную роль отводило работе с секретными агентами из числа дипломатов, крупных административных чиновников, сотрудников закрытых институтов, кадровых офицеров госбезопасности и разведки. Из этой книги вы сможете получить эксклюзивную информацию о том:

- как спецслужбы Запада и Японии использовали коррумпированность чиновничьей верхушки Совмина;
 - почему бежал за границу популярнейший киноактер Олег Видов;
 - как под видом перевозки фаянсовой посуды ЦРУ производило радиоэлектронную разведку на территории нашей страны;
 - каким образом японцам удалось вывезти из России огромное количество ценных полезных ископаемых.
-

- [Атаманенко Игорь Григорьевич](#)

-

- [Часть I](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Часть II](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Часть III](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Атаманенко Игорь Григорьевич

Шпионами не рождаются

BOSTON PUBLIC LIBRARY Copley Square Boston, MA 02116
Digitized by the Internet Archive in 2014

История человечества знает много цивилизаций, исчезнувших с лица Земли в силу различных причин. Сегодня мы можем констатировать, что в уничтожении уникальной цивилизации — Союза Советских Социалистических Республик — самое деятельное участие принимали спецслужбы главного противника — США, стран Западной Европы, входящих в блок НАТО, и Японии.

В 1980 году ЦРУ, возглавив «крестовый поход» против СССР, подготовило и начало целенаправленно реализовывать строго секретный план под кодовым названием «Доктрина освобождения». С тех пор она является настольной книгой всех американских президентов.

Согласно «Доктрине» немаловажная роль в развале СССР отводилась секретным агентам из числа наших политиков, дипломатов, крупных хозяйственников, научных сотрудников закрытых НИИ, разрабатывавших новейшие образцы стратегической продукции для оборонной промышленности, а также кадровых офицеров КГБ и ГРУ, которые на языке профессионалов именуется «кротами».

И надо отдать должное «охотникам за головами» из ЦРУ — они преуспели. В их сети попали и плодотворно работали в пользу Соединенных Штатов десятки высококлассных специалистов и

высокопоставленных должностных лиц, наших сограждан, в том числе и сотрудники органов госбезопасности.

Действие рождает противодействие, и вот уже отечественные офицеры-агентуристы озабочены приобретением источников, граждан иностранных держав, имеющих доступ к стратегическим секретам Запада и Японии,

В тайную войну вовлекается бесчисленное количество агентов. Их сорок сороков. Они — золотой фонд любой спецслужбы. Их не встретить на пашне или у доменных печей. Они — в генеральных штабах, в дипломатических миссиях и в божьих храмах, И хотя все они — отступники, без их услуг не обойтись.

Это так же, как с зубодерами и проститутками, — у них дурная слава, но к кому мы идем, когда нам приспичит?

Эксклюзив! Об условиях и причинах, подвигающих людей к негласной работе в пользу спецслужб, об уникальных методах привлечения к секретному сотрудничеству и об изобретательности вербовщиков, расставляющих силки для ловли интересующих их персонажей — обо всем этом в предлагаемом Вашему вниманию повествовании.

Кроме того, прочитав эту книгу, Вы узнаете, как:

— спецслужбы Запада и Японии использовали в своих целях коррумпированность чиновников из Совмина, а также пристрастие Брежнева и его ближайших клеветов к наркотикам.

— под видом транспортировки фаянсовых горшков в Гамбург ЦРУ проводило радиоэлектронную разведку всей территории СССР от Владивостока до Ленинграда.

— следы разбойного нападения на жилища народной артистки СССР и вдовы всемирно известного писателя привели к Галине Брежневой и жене министра внутренних дел Светлане Щелоковой, и об их роли на подпольной московской «бриллиантовой бирже».

— беспощадно КГБ компрометировал неподдающихся вербовке иностранных разведчиков.

— изобретательно советские офицеры-агентуристы загоняли в свои сети иностранных дипломатов-секретоносителей.

— КГБ обратил французского посла в Москве в «агента влияния», который, воздействуя на своего друга, президента де Голля, способствовал выходу Франции из НАТО.

— народная артистка СССР Фаина Раневская ловко ушла от предложения о негласном сотрудничестве с органами госбезопасности.

— советские школьники, занимаясь групповым сексом, внесли поправки и дополнения в трактат о любви Камасутра.

— и для чего в Африке зашивают (в буквальном смысле слова!) женщин.

— прием растительных наркотических средств превращается в национальный ритуал.

— русские бомжи служили полуфабрикатом для изготовления сувениров, услаждавших взоры западных миллионеров-извращенцев.

— генералы КГБ, используя психологические приемы, превращали валютных проституток, представителей столичного бомонда и «золотой молодежи» в агентов экстра-класса.

— спецслужбы проводят проверку на лояльность своих секретных помощников.

— и кем пополнялся пантеон перебежчиков, офицеров советских спецслужб, десятилетиями «таскавших каштаны» для ЦРУ.

— японцы изоощренно маскируют разграбление наших природных богатств.

— в целях привлечения к негласному сотрудничеству японских дипломатов Комитет госбезопасности использовал их подспудные антиамериканские настроения.

Часть I
ТАЙНЫ ЯПОНСКИХ КАРАВАНОВ

Глава 1

НАЛЕТЧИКИ НЕ УСТАЛИ ОТ НАЛЕТОВ

14 ноября 1980 года было совершено разбойное нападение на квартиру вдовы писателя Алексея Толстого Людмилы Ильиничны, которая унаследовала от мужа немалое количество бриллиантов, антиквариата, подлинников полотен всемирно известных художников. В одночасье большая часть наследства перешла в руки налетчиков.

Но самой дорогой утратой оказалась уникальная, невиданной красоты французская брошь из коллекции Людовика XV, исполненная в виде королевской лилии, с огромным рубином в центре и тридцатью бриллиантами, образующими силуэты лепестков.

В тот злополучный день в дверь квартиры, где Людмила Ильинична проживала с домработницей, позвонили.

«Кто там?» — спросила домработница.

«Из Литературного музея», — ответил приятный мужской баритон. Женщина, ничего не подозревая — к ее хозяйке часто навещали люди из музеев, — открыла дверь.

В квартиру ворвались трое мужчин в масках. Они связали старушек и затолкали их в ванную комнату.

О том, что главной целью вторжения была уникальная брошь, хозяйке стало ясно из случайно оброненной одним из налетчиков фразы: «А вот наконец и она, голубушка!»

По факту разбойного нападения на вдову и ограбления ее квартиры было возбуждено уголовное дело, создана специальная оперативная группа из опытных сотрудников. Начальник ГУВД при Мосгорисполкоме В. Трушин держал ее работу под личным контролем.

Вскоре оперативникам удалось выйти на след и задержать жителей Кишинева Шварцберга и Беца, домушников экстра-класса, специально прибывших в столицу для совершения квартирных краж.

После ареста подозреваемые содержались в Бутырской тюрьме, но несмотря на все меры воздействия, категорически отрицали свою причастность к ограблению.

Когда следствие подошло к концу, Бец попросил о встрече со следователем, которому заявил, что решил рассказать всю правду и указать «квартиру, где деньги лежат», то есть место хранения бриллиантовой броши. С его слов, она спрятана в одном из частных домов Баку, где он

скрывался после ограбления. Адреса он не помнит, но стоит ему только приехать в Баку, и он легко отыщет жилище-схорон.

Спешно была создана специальная оперативная группа из четырех сотрудников ГУВД во главе со следователем прокуратуры, которые вместе с Бецом вылетели в Баку.

Операция закончилась успешно... для Беца. При посещении указанного им дома он выпрыгнул из окна второго этажа и был таков. Судорожные усилия местной милиции разыскать ловкача ни к чему не привели.

С исчезновением Беца улетучились и надежды на обнаружение броши. Так драгоценная реликвия дважды подвела свою хозяйку: первый раз спровоцировав разбойное нападение, второй — выступив «помощницей» побега!..

Объявленного во всесоюзный розыск Беца вскоре обнаружили в Тбилиси, но при попытке к бегству он был застрелен наповал.

Следователи предположили, что Бец, никогда не бывший владельцем броши, осуществив набег, передал ее истинному организатору ограбления. А блеф с «квартирой, где деньги лежат», — всего лишь уловка, которую предпринял Бец исключительно для совершения побега.

Поскольку все нити, которые могли бы привести к броши, оборвались, следователям ничего не оставалось, как вновь вернуться к обстоятельствам, предшествовавшим разбойному нападению.

Выяснились неожиданные подробности.

Накануне ограбления Толстая, желая «под занавес» (ей было около восьмидесяти лет) блеснуть на публике, появилась на приеме, устроенном румынским послом в Москве, в фамильных драгоценностях.

Поскольку до появления в румынском посольстве Людмила Ильинична никогда прилюдно не демонстрировала свои сокровища, сыщики предположили, что на брошь «положил глаз», а впоследствии организовал ограбление кто-то из присутствовавших на дипломатическом приеме.

Подозрение пало на Бориса Буряце, артиста цыганского театра «Ромэн», известного в криминальной среде под кличкой «Борис Бриллиантович», который активно промышлял спекуляцией валютой и драгоценностями, да и вообще был нечист на руку. В тот злополучный для Толстой вечер он присутствовал на приеме.

Впрочем, Буряце захаживал в посольство, как к себе домой, так как был дружен с семьей румынского посла в Москве, жена которого также была цыганкой.

Однако все попытки следователей прокуратуры Союза пригласить на

допрос Буряце натолкнулись на непредвиденное, но чрезвычайно жесткое противодействие со стороны... Галины Брежневой.

Подозрения — не улики, и следователи, дабы избежать неприятностей по службе, прекратили разработку «цыганской» версии. До поры...

...В конце 1981 года народная артистка СССР Ирина Николаевна Бугримова получила приглашение участвовать в праздничном представлении по случаю годовщины советского цирка. На торжество были приглашены «избранные» представители столичного бомонда и партноменклатуры.

Все присутствовавшие женщины, как водится, надели к случаю свои лучшие украшения.

Но даже Галина Брежнева и Светлана Щелокова, знающие толк в драгоценностях, через чьи руки прошли сотни и тысячи самых изысканных ювелирных изделий, были поражены красотой «камушков» семидесятилетней дрессировщицы...

Коллекция Ирины Николаевны, о которой мало кто знал в Москве, специалистами считалась одним из самых лучших частных собраний драгоценностей не только у нас в стране, но и вообще в мире. Описание многих предметов коллекции присутствовало в каталогах самых престижных ювелирных магазинов Западной Европы и Америки.

Дрессировщица получила сокровища в наследство от своих родителей, но никогда прежде не рисковала появляться в них на людях, опасаясь стать жертвой охотников за бриллиантами...

Коллекцию Бугримовой постигла участь драгоценностей вдовы Алексея Толстого.

Вечером 30 декабря 1981 года все бриллиантовые украшения Ирины Николаевны исчезли из ее квартиры в высотном здании на Котельнической набережной.

Злой рок преследовал обладателей фамильных драгоценностей: однажды появившись на людях в бриллиантах, и Толстая, и Бугримова подписали себе приговор.

Предметы посягательств, обстоятельства, при которых о них стало известно окружающим, наконец, дерзость, с которой были проведены ограбления — на этом не заканчивался перечень признаков, указывавших, что в обоих случаях организатором налетов был один и тот же человек.

И вновь, как и в случае с Людмилой Толстой, неосязаемые нити потянулись к столичной «бриллиантовой» элите вообще и к Буряце в частности...

По решению, принятому «на самом верху», оба преступления были объединены в одно уголовное дело, а само оно после бакинского казуса было передано в производство Комитету государственной безопасности.

Такой шаг властей был обусловлен еще одним обстоятельством.

10 декабря в собственной квартире была застрелена народная артистка СССР Зоя Федорова, и Москва полнилась слухами о каком-то маньяке, якобы открывшем охоту на знаменитых женщин, которого милиция не то что обезвредить — найти не может!

Чтобы переломить ситуацию в свою пользу и успокоить столичного обывателя, Комитет через многочисленную агентуру распространил «контрслух» — сведения о якобы предпринимаемых мерах по розыску злоумышленника и даже о состоявшейся поимке его.

Публикациям в газетах в то время мало кто верил, поэтому делалось все сугубо конфиденциально, по принципу «дойти до каждого». «Мариванна, вы слышали? Нет?! А между тем двоих уже взяли! Да-да, тех самых, ну, что артисток, того!.. Скоро суд, но только это между нами, Мариванна!»

Эти два громких преступления, связанных с деятельностью столичной «бриллиантовой» элиты, кардинально изменили отношение к ней Председателя КГБ. Из безучастного оно стало более чем заинтересованным, а его ведомство принялось за дело засучив рукава. Однако то были меры, категорически не подлежавшие огласке...

Глава 2

«БРИЛЛИАНТОВЫЕ ДЕВОЧКИ»

Во времена правления Брежнева в СССР каждые 2–3 года происходило существенное повышение цен на ювелирные изделия из золота и драгоценных камней, причем сразу на 100–150 процентов. Решение об этом принималось на заседании Политбюро, куда приглашался министр финансов СССР, и оно считалось совершенно секретным. Однако сведения о предстоящем подорожании не являлись прерогативой только чиновников высших государственных органов.

Еще за неделю-две до повышения цен дочь Брежнева, Галина Леонидовна, и ее подруга, жена министра внутренних дел Союза ССР Светлана Щелокова, эти две «жемчужины» столичной «бриллиантовой» элиты, скупали партии ювелирных изделий из золота и драгоценных камней на сотни тысяч рублей. Лучшие образцы оставляли себе, остальное перепродавали втридорога.

Фамилии предприимчивых «девочек» говорили сами за себя, поэтому они левой ногой открывали двери в кабинеты директоров самых крупных ювелирных магазинов Москвы: «Самоцветы», что на Арбате, и «Березка» на улице Горького. Но предпочтение все же отдавалось магазину «Алмаз» в Столешниковом переулке.

Прежде всего потому, что в конце 70-х годов именно там, у входа в магазин, находилась нелегальная «биржа» по купле-продаже золота и «камушков», где без перерыва на обед тусовались «бриллиантовые мальчишки», которые, не торгуясь, скупали у подруг любое количество драгоценностей, за минуту до этого извлеченных из сейфа директора магазина.

Нередко подруги приобретали драгоценности непосредственно на Московской ювелирной фабрике на улице Лавочкина. При этом они, как правило, не расплачивались, а оставляли расписки, немалое число которых было изъято позднее из сейфа директора при аресте.

Не брезговали «девочки» и банальной спекуляцией носильными вещами. Поставки товара осуществляла Лидия Дмитриевна Громыко, жена министра иностранных дел, постоянно курсировавшая между США и Москвой.

Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, она за один только рейс умудрялась привезти такое количество шуб и женской одежды,

которого хватало, чтобы затоварить пару крупных столичных коммисионок.

А что мелочиться, играть — так уж играть по-крупному!

Впрочем, деньги, и немалые, у Галины и Светланы водились всегда, и дело не только в спекуляции бриллиантами и ширпотребом.

Испокон веку в Москву со всех концов страны приезжали тысячи обиженных и пострадавших, справедливо или несправедливо.

Наивные правдолюбцы шли в Приемную ЦК КПСС, Прокуратуру СССР, Верховный суд.

Искушенные и разуверившиеся искали доступа к Галине Брежневой и Светлане Щелоковой.

Дело в том, что подруги могли способствовать принятию нужного просителям решения, даже не обращаясь к своим отцу и мужу. Они могли оказать покровительство и в освобождении от уголовного наказания, а нередко и содействовать назначению на некоторые посты в провинции.

Зная это, все те, кто обращался напрямую к Брежневой и Щелоковой, выкладывали на стол такое количество веских «аргументов», что подруги попросту не могли устоять перед искушением. Обе без устали работали под девизом: «Все средства хороши, но лучше — наличные!»

Кроме денежных вознаграждений за протекцию, «девочки» получали массу подарков, которые им привозили из всех республик, краев и областей необъятной страны.

Ведь было известно, что и Генсек, и глава МВД патологически чувствительны ко всякого рода подношениям. А что, их родичи — дочь и жена — из другого теста? Да быть такого не может!

В архивах Верховного суда России хранятся протоколы допросов продавщицы буфета в столовой Центрального аппарата МВД СССР, которой министр внутренних дел Щелоков продавал полученные в подарок элитные коньяки!

Подобным образом реализовывали доставшиеся подарки и его супруга, и дочь Генсека.

Брежневу и Щелокову сближала не только неумная страсть к драгоценным камням, но и постоянный поиск полных опасностей приключений.

Было в этих их страстях что-то из книжек XIX века о пиратах, ставших маркизами. Галя и Света строили свою жизнь не по классикам марксизма-ленинизма, а по «Графу Монте-Кристо».

Ирония (а может, издевка?) судьбы состоит в том, что Галина Леонидовна была удостоена высшей награды Советского Союза — ордена Ленина, походя, втихую врученного ей в 1978 году как подарок на

пятидесятилетие...

Вручил награду член Политбюро, министр иностранных дел Андрей Громыко. Вернувшись из Нью-Йорка, где он участвовал в работе очередной сессии Организации Объединенных Наций, Андрей Андреевич прямо из аэропорта направился в Кремль и тут же был взят в оборот Генеральным.

— Ну вот, Андрей, остались только мы с тобой, — сказал Брежнев, встречая соратника. — Принято коллективное решение наградить Галину Леонидовну Брежневу орденом Ленина, но все куда-то запропастились... Я, как ты понимаешь, не могу быть крестным отцом собственной дочери, так что награду будешь вручать ты!

Дело в том, что хотя на заседании Политбюро (Громыко на нем отсутствовал) члены и кандидаты единогласно проголосовали за награждение Галины Леонидовны, но в день торжества они также единодушно и скоропостижно покинули Кремль...

Авантюристкой по натуре, Брежнева и Щелокова вели бурную, разухабистую жизнь.

Провернув очередную аферу с «брюликами», они отправлялись в заграничные турне вдохнуть тлетворного аромата гнивающего капитализма — уж больно был он дурманящ!

И хотя появлялись они там инкогнито, но местным папарацци не составляло труда выяснить, «кто есть кто».

Подруги сами провоцировали репортеров светской хроники, появляясь в казино и других зланных местах в экстравагантных нарядах, расцвеченные драгоценностями, как рождественские елки — стеклянными шарами. А разовые чаевые, которыми «девочки» одаривали гостиничную прислугу, швейцаров баров и ресторанов, равнялись месячному заработку квалифицированного рабочего таких концернов, как «Фиат» или «Рено»!

По возвращении на Родину пикники с шашлыками из осетрины на пленэре чередовались с приемами в Кремле.

Приемы в посольствах западных стран, куда Галину и Светлану неизменно приглашали как живых экспонатов Алмазного фонда, заканчивались попойками и скандалами в столичных ресторанах «Метрополь», «Националь», «Узбекистан».

Интимные партнеры — а у Галины, вдобавок, еще и мужа — менялись как перчатки.

Достаточно назвать несколько известных имен: Евгений Милаев, Марис Рудольф Лиела, Игорь Кио, Борис Буряце, наконец, Юрий Чурбанов... А сколько было безымянных, которые пролетали в жизни Гали-Светы, как пассажиры в электричке в часы пик!..

Разумеется, информация обо всех проделках тандема Галя — Света бесперебойно поступала к Андропову, но до поры оседала в его сейфе. Вслед за ограблениями квартир Толстой и Бугримовой Председатель решил, что наступила пора действовать.

Глава 3

ИЗ СОВЕТНИКА ПОСОЛЬСТВА В САМУРАИ

Комитет госбезопасности давно уже держал на примете человека, представлявшего бесспорный интерес в вербовочном плане. Он располагал обширнейшими связями и пользовался непререкаемым авторитетом в среде столичных дельцов. И было из-за чего: он имел устойчивые контакты с ближайшим окружением дочери Генсека и ее подруги, жены министра внутренних дел. А Борис Бриллиантович, тот вообще считал его своим другом. Ловкач активно занимался продажей валюты и контрабандных товаров, в основном японской видео-аудиоаппаратуры и часов, а на вырученные деньги оптом приобретал золотые монеты царской чеканки, ордена времен Петра Великого и других российских императоров, а также изделия с драгоценными камнями. Надо отдать ему должное — толк в приобретаемых предметах он знал.

И хотя неизвестный регулярно появлялся на валютно-бриллиантовой «бирже» в Столешниковом переулке и имел обширные знакомства среди ее завсегдатаев, однако единственное, что о нем знали коллеги (опять же с его слов!), он — житель Ташкента.

Скорее всего поэтому он и получил прозвище Урюк.

* * *

Дело об ограблении Людмилы Толстой и Ирины Бугримовой ускорило вербовочную разработку Урюка.

В места, посещаемые Брежневой и Щелоковой для встреч со своими контрагентами, спекулирующими «камешками», были стянуты значительные силы разведчиков Службы наружного наблюдения. А к Урюку подвели агентессу экстра-класса Второго главного управления (контрразведка Союза) Эдиту, выступавшую в роли эксперта Гохрана. Агентесса сумела заинтересовать объект не только предложением купить у нее большую партию военных регалий петровских времен и старинных золотых монет, но, что важнее, собственной персоной.

После того как Эдита сблизилась с незнакомцем, который по традиции представился выходцем из Узбекистана и жителем Ташкента, «наружка» аккуратно проводила его.

Каково же было удивление сыщиков, когда объект вошел, как к себе домой, в... японское посольство в Калашном переулке. Выяснилось, что спекулянт — ни много ни мало — советник по экономическим вопросам посольства Японии в Москве Иосихису Курусу.

Это обстоятельство неизмеримо усилило желание Андропова сделать его нашим секретным источником, и все последующие мероприятия по агентурной разработке иностранца проводились под непосредственным контролем Председателя.

С учетом открывшихся подробностей о профессиональной принадлежности японца Андропов отдал указание завербовать его исключительно с использованием компрометирующих материалов.

Эдита сумела настолько войти в доверие к Курусу, что тот открылся ей, рассказав под большим секретом, что он — японский дипломат, вынужденно занимающийся золотовалютными операциями: крайне нужны большие деньги для оплаты врачей, лечащих его жену. Сообщил он агентессе и о своих регулярных поездках в Токио, Сингапур и Гонконг для доставки оттуда в Союз аудио-видеоаппаратуры. Проблем при перевозке больших партий товара у него не возникало, так как он обладал дипломатическим иммунитетом.

Свою заинтересованность в поддержании деловых отношений с Эдитой японец объяснил просто: удобнее и безопаснее продавать контрабандный товар одному надежному посреднику, чем многим случайным покупателям.

В порыве откровенности японец посетовал, что долгое время безуспешно пытается приобрести серебряный константиновский рубль, за который готов отдать любые деньги. В этой связи он возлагает особые надежды на развитие отношений с Эдитой как с работницей Гохрана и готов выполнить все ее условия^[1].

К тому же, заявил иностранец, принадлежность Эдиты к элите государственных служащих — гарантия безопасности их бизнеса, ибо она рискует не менее, чем он, а значит, будет предельно осмотрительна и конспиративна в делах.

Японец также доверительно сообщил агентессе, что в Москве находится без жены, да и вообще истосковался по женскому обществу. Намекнул, что не прочь навестить женщину на дому.

Следуя отработанной линии поведения, Эдита охотно подхватила предложенную тему, сказав, что непременно пригласит Курусу к себе в гости, как только ее муж-геолог уедет в командировку.

Иностранец проявил интерес к специфике работы мужа, спросил, в

чем конкретно она заключается.

Эдита в соответствии с полученными рекомендациями невзначай заметила, что ее супруг занимается геологоразведкой месторождений алмазов и золота...

Когда агентесса сообщила о состоявшемся разговоре своему оператору — генералу Маслову, тот, следуя в фарватере намерений Председателя, немедленно отработал ей линию поведения, предусматривающую совращение таинственного азиата.

Решено было завлечь его к ней на квартиру. Остановились на том, что делать это надо не спеша, какое-то время подержав японца на сексуальном карантине — пусть созреет!

...Эдита поддерживала деловые отношения с Курусу около месяца. За это время она приобрела оптом и сдала на Лубянку столько первоклассной видеоаппаратуры и превосходных японских часов «Сейко», «Ориент» и «Ситизен», что руководство КГБ СССР разрешило продать все это по весьма доступным ценам всем желающим сотрудникам, чтобы как-то окупить расходы на их приобретение.

Когда дипломат вновь вернулся из Сингапура с очередной партией товара и позвонил агентессе, та сказала ему, что прийти на встречу (обычно их свидания проходили в Сокольническом парке) не может, так как повредила ногу, поэтому в течение недели, а то и двух вынуждена будет сидеть дома. А в настоящий момент она вообще лежит в постели голодная, так как муж уехал в длительную командировку и ей даже чаю некому заварить.

В подтверждение своих слов Эдита расплакалась навзрыд в телефонную трубку.

Японец и растерялся, и обрадовался одновременно. Помолчав секунду — упоминание о постели задело за живое, к тому же ему недвусмысленно было сказано, что объект его вожделий одна, — Курусу взял себя в руки и спросил, что же делать с привезенным добром.

Будто не расслышав вопроса, Эдита, перейдя на шепот, добавила, что если Курусу-сан желает взглянуть на константиновский рубль, то она может предоставить ему такую возможность — монета временно находится у нее дома.

Все сомнения мгновенно разрешились, японец прокричал в трубку, что немедленно берет такси и выезжает. Бросив трубку, он опрометью выбежал из телефонной будки. Вернулся, чтобы узнать адрес, а заодно поинтересовался, не будет ли Эдита возражать, если он захватит с собой пару бутылок шампанского...

Эдите спешно забинтовали ногу, вооружили ее костылями. Макияж она наложила сама.

В сопровождении двух бригад «наружки» Курусу через двадцать минут подъехал на такси к дому агентессы.

Женщина встретила японца, прыгая на костылях и морщась от боли.

Со своей ролью женщины, попавшей в беду, агентесса-обольстительница справлялась блестяще: халатик постоянно распахивался, то обнажая до самого основания стройные ноги, то вдруг из него одновременно выкатывались две молочные луны налитых грудей...

От такого натиска Курусу вмиг позабыл и о привезенном товаре, и о константиновском рубле.

Залпом осушив пару бокалов шампанского, он попросил разрешения снять пиджак. На пиджаке не остановился, стащил и надетый поверх рубашки полотняный пояс с кармашками-ячейками, заполненными часами и золотыми браслетами. С облегчением вздохнул — «кольчуга» весила около десяти килограммов!

В свою очередь Эдита попросила разрешения прилечь на кровать — болит нога.

Вновь предательски распахнулся халатик, обнажив черный треугольник...

Зачарованный Курусу вперил взгляд в манящее лоно. Ленивым движением женщина поправила халатик. Губы ее были закушены, лукавые глаза, источавшие похоть, призывно смеялись.

Запахивая полы халата, Эдита слегка раздвинула ноги и, отрешенно глядя в потолок, стала поправлять прическу. Нет, она просто издевалась над молодым изголодавшимся самцом!

Завуалированный стриптиз стал последней каплей, переполнившей чашу плотских воздержаний японца...

Не в силах более противостоять разбушевавшейся физиологии, он с остервенением рванул брючный пояс и в тот же миг его тело оказалось меж ее ног, голова уткнулась в упругие груди.

Женщина вскрикнула и начала робко сопротивляться. Притворная борьба, а по сути — освобождение от халата, еще больше раззадорили японца. Дрыгая ногами, он и сам пытался освободиться от брюк. Затрещала рвущаяся материя — лопнули по шву брюки — и нетерпеливый член азиата птенчиком впрыгнул в тепло-влажный тюльпан ее естества. Когда он вошел в нее до упора, женщина зажмурилась, сладко и глухо замычала. Тела сплелись в пароксизме страсти, забились в судорогах скороспешного наслаждения, комната наполнилась криками и сладострастными стонами...

Дьявольская пляска достигла апогея, когда хлопнула входная дверь и в прихожей раздались хмельные мужские голоса.

— Боже мой! Муж! — вскричала агентесса, пытаясь столкнуть с себя вошедшего в раж азиата. — Вернулся раньше времени... Что делать? Что делать?!

Забыв, что у нее по сценарию перелом, Эдита, извиваясь всем телом, начала обеими ногами колотить по ягодицам пляшущего над нею японца.

— Иосихису! Да остановись ты наконец'!

— Сейчас-сейчас... я уже!! — обезумев от азарта, заорал японец. И в тот же миг выпростал член из чрева и окатил струей спермы низ живота партнерши...

— Как ты тут без меня, золотцо мое? Что ты там делаешь, почему не встречаешь своего зайчика? — раздался из прихожей голос «мужа».

Только тогда японец осознал всю трагичность момента. Действительно, что делать? Прыгать в окно? Под кровать? В шкаф? Поздно!

Взгляд Курусу беспокойно метался в поисках брюк. А, черт! Распоротые на две половинки штаны валялись на полу. Что толку их надевать?!

На пороге комнаты с букетом красных гвоздик и в сопровождении амбала зловещего вида появился «зайчик» — оперативный сотрудник из Службы Маслова, капитан Еременко.

Амбал — сыщик по профессии, драчун по призванию, московскими «топтунами» прозванный «Витя-выключатель», потому как одним ударом мог сразить наповал трехгодовалого бычка, — был приобщен к мероприятию для оказания на японца психологического воздействия.

...Далее мизансцена развивалась по всем канонам байки о вернувшемся из командировки муже и неверной жене.

Женщина, делая вид, что пытается перехватить инициативу, спрыгнула с постели и, застегивая на ходу халат, со стаканом вина ринулась к мужу.

— Коля, дорогой!

В следующую секунду стакан полетел на пол, жена — на постель.

— Ах ты стерва! — завидев бесштанного незнакомца, стоявшего у разобранной постели, заорал муж и добавил несколько этажей непечатных выражений.

С наскоку он обрушился на незадачливого любовника и влепил ему пару оплеух. Для пущей драматизации обстановки схватил подвернувшийся под руку костыль, копьем метнул его в выбегавшую из комнаты жену и снова бросился к японцу.

Витя-выключатель перехватил входящего в раж приятеля и глыбой навис над иностранцем...

Накал страстей был так высок, актеры настолько вжились в роли, что никто из них не вспомнил, что по сценарию у Эдиты сломана нога и уж бежать никак не может, когда она, спасаясь от праведного гнева «мужа», бросилась на кухню.

Приоткрыв дверь в комнату, Эдита не своим голосом прокричала:

— Коля, не трогай его, он — иностранец, дипломат. Он пришел к нам в гости!

— Дипломаты в гости без штанов не ходят! Ты еще скажи, что он папа римский! Дипломат! Ишь, стоило уехать на неделю, как она здесь международное блядство развела!

Разбушевавшийся Коля схватил початую бутылку шампанского и грохнул ею о пол.

Курусу продолжал стоять посреди комнаты, судорожно соображая, что предпринять. Если бы не штаны, он уже давно попытался бы пробиться к двери, но...

Раздался звонок в дверь.

Эдита сразу вспомнила, что у нее сломана нога, громко застонала и, проковыляв в прихожую, отворила.

На пороге стоял ее оператор, генерал Маслов, в форме майора милиции с двумя людьми в штатском.

— Вам чего? — как можно грубее спросила агентесса.

— Что у вас здесь происходит? — грозно ответил вопросом на вопрос Маслов. — Соседи позвонили в милицию, говорят, убийство...

«Майор» придиричиво оглядел присутствующих и остановил взгляд на Курусу.

— Так-так, значит, не убийство, а разбой! Вовремя мы прибыли. Гоп-стоп только начался! Вы, похоже, только портки успели с гражданина снять! А если бы мы задержались?..

Маслов шагнул к стулу, на котором лежал полотняный пояс, приподнял его. Посыпались часы и браслеты.

Витя-выключатель нагнулся, чтобы поднять один. В ту же секунду «майор» проворно выхватил пистолет, двое в штатском также обнажили стволы.

— Не двигаться! Всем лечь на пол! Быстро! Лицом вниз! Стреляю без предупреждения! Кузькин, вызови подмогу!

Тот вынул из кармана переговорное устройство.

— Седьмой! Я — Пятый! Здесь ограбление! Группу захвата в

четвертую квартиру... Второй этаж! Живо!

— Вот оно в чем дело! — произнес Маслов, носком башмака сгребая в кучку раскатившиеся по полу часы и браслеты. — Неплохо поживились бы ребята, опоздай мы на пять минут... Кто хозяин этих вещей?

Японец оторвал голову от пола, но тут в квартиру ввалились дюжие автоматчики в камуфляже.

— Забрать всех в отделение, оставить пострадавшего и ответственного квартиросъемщика... для допроса!

— Я не могу ехать, у меня сломана нога, ко мне врач сейчас должен прийти! — скороговоркой выпалила Эдита.

— Вы останьтесь! — приказал Маслов.

* * *

— Вы кто такой? — безапелляционно спросил Маслов японца, когда «мужа» и Витю-выключателя автоматчики выволокли из квартиры.

Курусу пробормотал что-то невнятное.

— Предъявите документы! — скомандовал генерал.

В это время один из оперов уже расстегивал кармашки пояса и с ловкостью фокусника раскладывал часы и браслеты на столе. Другой деловито щелкал фотокамерой.

Агентесса, продолжая игру, сослалась на боль в ноге и прилегла на кровать.

— Я дипломат, — заявил Курусу и трясущимися руками предъявил свою аккредитационную карточку.

— В таком случае, — заявил лжемайор, — я обязан сообщить о вашем задержании в МИД...

Подняв трубку телефона, он стал наугад вращать диск.

— Не надо! — покрывшись испариной, взмолился японец. — Пожалуйста, не надо никуда звонить. — И, указывая на «патронташ» с часами и золотыми изделиями: — Забирайте все... Здесь целое состояние!

В это время один из оперов навел на него фотоаппарат и сделал несколько снимков.

Все поняв, Курусу окончательно сник.

— Часики и золотишко нам не нужны, — примирительно сказал Маслов, — но договориться сможем...

Вербовка состоялась.

Тут же в квартире Эдиты японец в подтверждение своей готовности

сотрудничать с правоохранительными органами СССР (какими конкретно, Курусу еще не знал) собственноручно описал известные ему подробности кражи уникальных бриллиантов из квартиры народной артистки СССР дрессировщицы Ирины Бугримовой.

Покончив с сочинением на заданную тему, иностранец поинтересовался, как подписывать его.

— Да чего там... подпишите его одним словом: Самурай! — бодро ответил Маслов и добавил: — Чтоб никто не догадался... ни сейчас, ни впредь! Не возражаете?

Нет, японец не возражал. Любовь зла... Он лишь на секунду задержал взгляд на лице генерала, улыбнулся своей догадке и сделал решительный росчерк.

Перед тем как выпроводить «новобранца» за порог, Маслов детально проинструктировал его о способах связи, обусловил дату и место следующей встречи.

Как только за новоиспеченным агентом закрылась дверь, генерал отправил Эдиту на кухню разбинтовываться и готовить кофе, а сам нетерпеливо сгреб со стола ворох исписанных бумаг и стал вчитываться в каракули японца, более похожие на иероглифы, чем на кириллицу.

Через минуту Маслов схватил трубку и набрал номер прямого телефона Андропова. Вовремя вспомнил, что перед ним не защищенный от прослушивания аппарат городской АТС, в сердцах швырнул телефонную трубку, чертыхнулся и, наспех попрощавшись с агентессой, опрометью выбежал из квартиры.

В тот же вечер Маслов доложил Председателю подробности проведенной вербовки и содержание сообщения, представленного Самураем.

На следующее утро Андропов уведомил Леонида Ильича о «грозящей ему опасности» и заручился его поддержкой в реализации своих планов: под предлогом проведения оперативных мероприятий по защите чести семьи и как следствие — престижа державы Андропов получил карт-бланш на разработку связей Галины Леонидовны, первой в числе которых значилась Светлана Щелокова...

Таким образом, Генсек фактически жаловал Андропова грамотой, позволяющей бесконтрольно держать «под колпаком» самого министра внутренних дел!

Брежнев так и не понял, какую злую шутку сыграл с ним Андропов, получив из его рук исключительное право разрабатывать окружение Галины Леонидовны. Впрочем, Леонид Ильич в то время уже мало что

ПОНИМАЛ...

Глава 4

БОРИС БРИАЛИАНТОВИЧ

Я близко познакомился с Борисом Буряце в 1977 году в Мисхоре, когда по заданию посла выезжал на два дня в Крым. Раньше мы нередко встречались на «бирже» в Столешниковом переулке, но представлены друг другу не были.

Общаясь с постоянными клиентами «биржи», я, как правило, представлялся жителем Ташкента, и мое «среднеазиатское» происхождение ни у кого не вызывало сомнений, так как по-русски я говорю с акцентом, присущим выходцам из указанного региона. Но там, в Мисхоре, я почувствовал, что Борису должен открыть свой реальный статус и свое имя. Почему? Чтобы установить с ним более тесные деловые отношения, так как его я всегда считал одним из основных игроков или, скорее, законодателей цен на «бирже».

Борис оценил мою откровенность, и во время общения со мной всегда старался отвечать тем же.

В кругах деловых людей, которые занимаются операциями с валютой и драгоценностями, Буряце известен под кличкой «Борис Бриллиантович». Думаю, что основанием для этого послужила его страсть к драгоценным камням вообще и к «брюликам» в частности. Не исключено, что «Бриллиантовичем» его называют еще и потому, что дела, которые он проворачивает с «камушками», поражают воображение.

Он постоянно носит золотой перстень с бриллиантом в четыре карата, на шее у него — толстая крученая золотая цепь с огромным крестом из платины, который украшен бриллиантом в шесть карат. Он не расставался с этими украшениями и, даже купаясь в море, никогда их не снимал.

Я спросил Бориса, как это он не боится появляться на людях, таская на себе целое состояние. Он засмеялся и указал на приближающуюся к пляжу белую «Волгу».

— Вон, видишь, — сказал он, — катит моя мадам. Она везет мне обед, смену белья, а заодно — смену охранников. Эти, — Борис указал на сидевших поблизости двух громил, которые, в отличие от нас, несмотря на испепеляющее солнце, не снимали рубашек, под которыми бугрились пистолетами кобуры — мне надоели!

Когда подъехала «Волга», я был ошеломлен, увидев, как из нее вышла... Галина Брежнева, которую Буряце за глаза назвал «мадам». Я

встречал ее у нас в посольстве на дипломатических приемах и поэтому хорошо знаю в лицо.

Я догадался, что в роли телохранителей, на которых указывал Борис, выступают сотрудники правительственной охраны, приставленные к дочери вашего Генерального секретаря, но я никак не мог понять, что может быть общего между нею, дочерью первого лица великой страны, и спекулянтом «брюликами», каким я знал Буряце.

Возможно, мои размышления отразились на моем лице, потому что Борис поспешил объяснить, что Галина безумно влюблена в него.

— А вообще, — сказал он, — моя мадам — женщина с «заскоками», тем более у нее начался климакс, ведь она на пятнадцать лет старше меня, ей уже почти пятьдесят и она уже стала бабушкой.

— Ну так брось ее, какие проблемы? — сказал я. — Ты же молод, красив, с твоими деньгами, твоей внешностью и умом любая понравившаяся тебе женщина почтет за счастье быть твоей подругой!

Подумав, Борис ответил:

— Видишь эту штуку? — Он сжал рукой висящий на груди платиновый крест. — Это — моя мадам. Тяжело таскать на шее такую дорогую вещицу, но зато прибыльно и престижно... Где бы я ни появлялся с этим крестом, все почтительно расступаются и места, предназначенные для избранных, достаются в первую очередь мне!

На Западе, Курусу-сан, говорят: «Если вы видите, что ваш банкир выпрыгивает из окна десятого этажа, бросайтесь за ним — это прибыльно».

Я руководствуюсь той же логикой. Поэтому, несмотря на все причуды и истерики мадам, я готов пойти за ней в огонь и в воду — куда угодно ей...

Кстати, вот это, — Борис вновь дотронулся до болтающегося у него на груди креста, — я приобрел по настоянию и с помощью мадам. Она толк в таких вещах знает и собирает их...

Знаешь, какая у нее богатая коллекция «брюликов»? Я пристрастился к ним под ее влиянием... Я вообще многим ей обязан. Она меня ввела в такое общество, в которое ни за какие деньги не попадешь: писатели, заместители министров, торговые тузы...

Но все же я очень устал от нее. Ладно бы только ее причуды и скандалы, которые она мне ежечасно устраивает! С ними еще можно мириться... Хуже другое — ведь мне приходится ложиться с ней в постель, ну, ты понимаешь...

Так вот, самое ужасное в том, что когда я по ее просьбе начинаю

обнимать и целовать ее в губы, а целоваться взапрос она ох как любит! — мне постоянно кажется, что я целую Леонида Ильича... Моя мадам, старая, внешне все больше походит на своего отца...

Да ты и сам это сейчас увидишь, вот она, уже подходит... Ты только присмотрись повнимательнее! У нее же очень грубые, крупные мужские черты лица... А тут еще с возрастом у нее усы стали расти... Недавно я по телевизору увидел, как Брежнев лбызался с Эрихом Хонеккером, ну, ты знаешь, гэдэровский генсек, так меня чуть не стошнило на стол...

Хорошо, что успел до ванной добежать, а то бы опозорился перед гостями...

Короче, когда мне приходится целовать ее в губы, я стараюсь закрывать глаза...

Ты знаешь, мне часто снится один и тот же сон.

Будто бы я в постели с императрицей Екатериной Второй. И лежит она передо мной в чем мать родила с двусмысленной улыбкой на губах, бесстыже раскинув свое крупное дряблое тело на огромной кровати. Я вижу перед собой обвислые, как уши спаниеля, груди, огромный живот, трясущийся, как желе, похотливо раздвинутые ноги. Вижу, как она пальцами, унизанными бриллиантовыми кольцами, расчесывает редующие волосы на лобке. Она тянется ко мне, напрашивается на поцелуй. Передо мной — стареющая самка, беспощадная при отказе насытить ее похоть, но самка королевской крови, на чьей голове невидимо светится корона.

Я с трудом заставляю себя поцеловать ее напудренную руку и сквозь бьющий в нос резкий аромат духов чую тошнотворный запах тлена, исходящий от ее разлагающихся чресел.

Екатерина Вторая с царственным бесстыдством призывно раздвигает ноги и пытается приподняться на подушках...

И в это мгновение я замечаю, что передо мной никакая не императрица — моя мадам, похожая на кобру, готовую к броску. Я в ужасе застываю у ее ног, а затем опрометью бросаюсь наутек. Мокрый, как мышонок, я мечусь по комнатам дворца, не находя выхода, пока наконец не просыпаюсь от трели будильника...

Ну, ничего! Христос терпел и нам велел... Вот купит она мне квартиру, а там видно будет.

— Но она ведь замужем, — удивился я, — и, если не ошибаюсь, ее муж занимает большой пост в министерстве внутренних дел!

— Ну, а что муж? — равнодушно ответил Буряце. — Его интересует только карьера. К мадам он совершенно равнодушен.

Правда, узнав о том, что у нее со мной любовь, муж пару раз подсылал

своих людей, ментов поганых, чтоб меня поколотили, но теперь мадам приставила ко мне охранников из КГБ, которые в обиду меня не дадут.

Ее мужу, генералу Чурбанову, совсем невыгодно идти на разрыв с мадам, потому что он сразу потеряет благосклонность ее отца. Чурбанов это хорошо знает, потому и терпит меня — выбора у него нет!

...Приблизившись к нам, Галина вместо приветствия громко и витиевато выругалась матом. Прокричала, чтобы Борис помог прибывшим на смену охранникам вынести из машины хлеб, банки с икрой, виноград, ящики с шампанским и водкой.

Отдав распоряжения, Галина без тени стеснения начала снимать с себя платье, чтобы переодеться в поданный телохранителем шелковый халат.

Я попытался отвернуться, но Борис, который демонстративно проигнорировал указание «мадам» помочь охране, тихо сказал мне: «Не вздумай отворачиваться, иначе ты сразу попадешь в немилость. Она обожает, когда ее нагую рассматривают молодые мужчины!»

За время, которое я провел в тот день в обществе «влюбленных», я понял, что Борис человек умный и изощренный, умеющий держать себя в руках.

Галина — крайне раздражительная и конфликтная женщина. Когда Борис напоминал ей, что пора возвращаться к родителям, которые отдыхали неподалеку, в Ореанде, Галина закатывала истерику, ругалась матом, швыряла в любовника гроздь винограда и обвиняла его в том, что он не любит ее.

Под конец, напившись, Галина стала плакать и кричать:

«Я люблю искусство, а мой муж — мудака, хотя и генерал. Ну что поделаешь, чурбан — он и есть чурбан!»

По возвращении в Москву я несколько раз бывал в гостях у Буряце, в квартире на улице Чехова, которую приобрела для него Галина.

Однажды, это было в декабре прошлого, 1981 года, вернувшись из Гонконга, куда я летал, чтобы приобрести Борису видеоаппаратуру, я застал у него дома двух неизвестных мне молодых людей. Все трое оживленно обсуждали план тайного проникновения в квартиру какой-то артистки.

Я хотел уйти, но Борис попросил остаться, сказав, что от меня у него секретов нет.

Из разговора мне стало известно, что в квартире этой артистки — драгоценностей на астрономическую сумму и они необыкновенной красоты.

Таких нет даже у Галины, что вызывает ее зависть и злость. Злость оттого, что она якобы предложила артистке огромные деньги за коллекцию,

но та отказалась ее продавать.

После чего будто бы Брежнева сказала: «Если уж она не хочет мне их продать, то уж лучше, чтобы их вообще не было в Советском Союзе!»

Насколько я понял, родственник одного из присутствовавших молодых людей работает в отделе, контролирующем сигнализацию в доме артистки. Он должен был в обусловленное время отключить ее, чтобы сигнал тревоги не поступил в отделение милиции.

Еще двое или трое мужчин должны были подъехать к дому на машине-фургоне и на глазах консьержа вытащить огромную елку.

В случае возможных вопросов мужчины должны были бы отвечать, что елка — новогодний подарок артистке, а они лишь выполняют поручение привезти и оставить дерево у дверей квартиры.

Буряце согласился с остальными заговорщиками, что все будет выглядеть естественно и их действия не вызовут подозрений у консьержа, так как у знаменитых артистов масса поклонников, которые способны выражать свои симпатии самым экстравагантным образом...

Самурай

Последующие события развивались стремительнее, чем в крутом кинобоевике.

Поскольку бриллианты Бугримовой было практически невозможно сбыть внутри страны, генерал Маслов по согласованию с Председателем отдал указание ввести особый таможенный контроль во всех международных аэропортах и пограничных станциях Советского Союза. Успех не заставил себя ждать.

Через два дня в аэропорту Шереметьево был задержан гражданин, в полу пальто которого был зашит замшевый мешочек с тремя самыми крупными бриллиантами из коллекции Бугримовой.

Еще через несколько дней оказались за решеткой и другие члены банды профессиональных грабителей, специализировавшихся на, как они именовали свой промысел, «изъятии у населения бриллиантовых излишков».

Расследование дела об ограблении вдовы Алексея Толстого и квартиры Ирины Бугримовой получило новый импульс, когда от подследственных были получены косвенные данные, что наводчиком, получившим за свои труды баснословные комиссионные, в обоих случаях был Борис Буряце.

В его квартире был проведен тщательный обыск, который не только

усилил подозрения в причастности цыгана к данному делу, но и заставил вернуться к другим нераскрытым делам.

Буряце был вызван на допрос.

В норковой шубе и норковых сапогах, с болонкой в руках и дымящейся сигаретой в зубах Бриллиантович вошел в кабинет следователя.

Но спесь слетела моментально, как только ему было объявлено, что он арестован и ближайшие десять дней, как минимум, ему придется провести в Лефортовской тюрьме.

Следователи любезно (им было известно о его близости с Галиной Брежневой) предложили ему уведомить своих родственников об аресте. Борис позвонил Галине, но та еще не успела прийти в себя после затянувшейся новогодней попойки и в растерянности бросила трубку...

* * *

Через некоторое время Буряце был приговорен к пяти годам лишения свободы с конфискацией принадлежавшего ему имущества, в том числе и подарка Брежневой, квартиры на улице Чехова...

Из тюрьмы Борис Бриллиантович уже больше никогда не попадет в объятия мадам, как, впрочем, и других своих любовниц — его просто прикончат в зоне.

Галина Леонидовна впадет в затяжную депрессию, которую будет усугублять неумемным потреблением спиртного. Через некоторое время она перестанет себя контролировать и сопьется окончательно.

Вплоть до 1995 года она будет жить в своей огромной квартире на улице Алексея Толстого, которая превратится в ночлежку московских пьяниц и бомжей.

Последний ухажер Брежневой, сантехник из домоуправления, некто Илюша, по возрасту годившийся ей в сыновья, поселится в ее квартире, лелея тайную надежду, что она по пьянке сболтнет, где закопаны фамильные драгоценности.

В 1995-м взбунтуются соседи по дому, которым отравляли жизнь пьяные дебоши лишившейся рассудка мадам. Они предъявят ультиматум ее дочери Виктории, и та поместит мать в психиатрическую клинику, где та скончалась 30 июня 1998 года...

Глава 5

ГЛУБОКОЕ ПРИКРЫТИЕ

Вернувшись в свой рабочий кабинет после доклада Андропову о состоявшейся вербовке, Маслов отключил городские телефоны и попытался проанализировать складывающуюся ситуацию и заодно наметить конкретную область максимально эффективного применения возможностей Самурая.

Генерал опасался, что Председатель, однажды получив от агента информацию, которую он может использовать в своих политических играх, потребует и впредь нацеливать японца на добывание компрометирующего материала об окружении Брежнева и прежде всего о Светлане Щелоковой и ее муже. Маслов же, будучи контрразведчиком до мозга костей, душой и телом приросший ко Второму главку (контрразведка Союза), был убежден, что бриллиантовыми делами дочери Генсека должно заниматься Пятое (идеологическое) управление.

Он знал, что заставить Андропова отказаться от мысли использовать Самурая в интересах «политического сыска» можно, лишь сыграв на опережение. Надо было как можно быстрее получить от японца информацию, относящуюся к компетенции Второго, и только Второго главка.

«Конечно, — рассуждал Маслов, — представь Самурай сведения об устремлениях японских спецслужб, которые все более идут на поводу у ЦРУ и все чаще выполняют задания американцев, Андропову и в голову не придет направлять агента на добывание какого-то компромата на окружение Брежнева. Не станет же он использовать потенциал такого ценного агента не по профилю! Это ж все равно, что долгожданное наследство растратить на подаяние нищим или гвозди забивать китайскими вазами... Стоп-стоп! У меня ведь что-то было по вазам... Ну, конечно же, — «Сетику»! Почему бы не начать работу с Самураем именно с этой японской фирмы?»

* * *

...«Сетику» привлекла внимание аналитиков Службы Маслова тем, что в течение полугода регулярно, раз в два месяца, на открытых

железнодорожных платформах через весь Советский Союз доставляла в Гамбург... фаянсовые вазы.

Формально придаться было не к чему: сопроводительные документы были всегда в полном порядке, на платформах находились только опломбированные контейнеры с вазами и прочими фаянсовыми безделушками.

И все же было в этой транспортировке нечто внушавшее подозрение.

«Ладно бы экспортировались вазы, представляющие художественную ценность, а то ведь — обыкновенные горшки! — который раз говорил себе Маслов, вновь и вновь мысленно возвращаясь к вопросу о перевозке изделий японских ремесленников. — Да и вообще, стоит ли овчинка выделки: зачем черепки, которым грош цена в базарный день, везти на продажу в Германию, страну, которая славится саксонским фарфором?!

Или мне пора на пенсию по причине возникновения маниакальной подозрительности, или кто-то дьявольски изощренный внаглую проворачивает какие-то незаконные операции, при этом немало потешаясь над недотепами из русской таможни и контрразведки! Нет-нет, здесь явно что-то не так!»

В конце концов Маслов распорядился завести дело оперативной разработки под кодовым названием «Горшечники», которое до вербовки Самурая продвигалось ни шатко ни валко: не было источников, имевших прямые выходы на японские фирмы, сотрудничавшие с СССР.

Подозрения Маслова в отношении «Сетику» не лишены были оснований — во все времена разведки мира пользовались двумя видами прикрытий: официальным и неофициальным.

Под официальным подразумеваются посольства, торговые и экономические миссии и иные учреждения за границей, над которыми в прямом смысле полощется на ветру государственный флаг страны, действующий на местных контрразведчиков, как красная тряпка на быка.

Официальное прикрытие обеспечивает надежную защиту разведчиков в случае провалов, расшифровки и прочих неприятностей, от которых не застрахован ни один «рыцарь плаща и кинжала».

Но у официального прикрытия есть и один существенный недостаток: контрразведка страны пребывания заведомо подозревает всех официальных иностранных представителей в проведении подрывной деятельности и потому, независимо от обоснованности подозрений, постоянно держит их «под колпаком».

Чтобы повысить эффективность работы своих разведчиков и вывести их из-под недремлющего ока противоборствующих спецслужб, и было

придуман неофициальное прикрытие. При его создании каждая разведка использует наиболее доступные ей возможности. Оно также зависит от изошренности воображения разработчиков конкретной операции...

Советская разведка, имея весьма ограниченные возможности упрятать своих сотрудников в каких-то неправительственных учреждениях (за малым количеством таковых в СССР), широко практиковала использование разведчиков-нелегалов, превращая в иностранцев рязанских и саратовских парней и девчат.

По окончании специальных, глубоко законспирированных курсов они с чужими документами и чужой биографией-легендой направлялись в особо охраняемые и труднодоступные места и учреждения, где одно лишь появление советского человека вызвало бы переполох, не меньший, чем появление гуманоида неземной цивилизации.

В отличие от советской разведки, перед ЦРУ, английской Сикрет интеллидженс сервис (СИС), израильским Моссадом никогда не возникало проблем по обеспечению своих сотрудников неофициальным прикрытием.

Дело в том, что в капиталистических странах всегда существовало многообразие форм собственности, и разведчики этих спецслужб могли спокойно выступать под вывеской всевозможных частных компаний и фирм. И не только своих, доморощенных, но и любой другой страны, а также мультинациональных, в которых бок о бок работают граждане разных государств.

К тому же американцы, англичане и израильтяне в интересах своих разведок успешно использовали паспорта других стран, маскируя свое происхождение и отводя от себя возможные подозрения.

Иногда ЦРУ, СИС и Моссад на свои деньги попросту создавали частные фирмы-прикрытия, причем определить их национальную принадлежность бывало так же сложно, как без соответствующих тестов установить отца ребенка, мать которого не отличалась разборчивостью в связях с мужчинами.

О такой форме маскировки иностранных, прежде всего американских, разведчиков, прозванной профессионалами «глубоким прикрытием», Маслов был достаточно осведомлен. Поэтому он допускал, что в Японии может действовать американская секция «глубокого прикрытия», которая использует фаянсовые горшки как ширму, прикрывающую... Что? Вот это «что» и нужно было выяснить. А помочь в сборе доказательств противоправной деятельности «Сетику» или тех, кто за ней стоит, реально мог Самурай, так как в круг его служебных обязанностей входили вопросы экспорта в СССР продукции японских производителей.

Именно он мог представить исчерпывающую информацию о «Сетику»: кто ее хозяин и учредители, когда она появилась на японском и международном рынке, как давно экспортирует продукцию в Европу, где еще находятся ее покупатели и контрагенты, существуют ли они вообще.

Решено! «Сетику» станет пробным шаром для Самурая!

Посмотрим, как он отреагирует на задание по этой фирме!.. Но сначала, милый мой самурайчик, мы запустим другой пробный шар, мы проверим тебя... на детекторе лжи! Уж не обессудь — не ты первый, не ты последний!

Проверка по законам жанра

Поскольку Самурай без видимых угрызений совести уже представил письменную информацию о Борисе Буряце, Маслов решил развить достигнутый успех, а заодно и провести проверку «новобранца» на лояльность.

Об остальных его качествах: смелости, предприимчивости, авантюристичности и глубоком знании русского языка было известно достаточно.

А уж то, что японец умеет соблюдать конспирацию, не вызывало никаких сомнений: контрабандисты, вынужденные вести двойную жизнь, умеют хранить тайну.

«Доверяй, но проверяй» — принцип, которому неуклонно следуют офицеры-агентуристы всех спецслужб мира.

Особенно интенсивны проверки в начальный период негласного сотрудничества. А уж если «новобранцем» является подданный иностранной державы, да к тому же завербованный с использованием компрометирующих материалов, то у его оператора только и забот: каким рентгеном «просветить» обращенного в новую веру, как убедиться самому и доказать начальству, что мы имеем дело не с двурушником, который одинаково ловко таскает каштаны из огня и для нас, и для противника или того хуже — кормит нас «дезой».

Сказанное выше вовсе не означает, что со временем агенту будут доверять беспрекословно и всякую добытую им информацию начнут принимать как откровение божие. Отнюдь. И в дальнейшем представляемые агентом сведения будут подвергаться всестороннему анализу и проверкам, а он — постоянно находиться под контролем. Но одно точно: проверок станет меньше, хотя проводиться они будут

изошренной и тоньше.

Не мудрствуя лукаво, Маслов прибег к испытанному многими поколениями контрразведчиков трюку: в ходе очередной явки вручил Самураю плоскую металлическую коробочку в виде табакерки, с несколькими кнопками, измерительной шкалой и стрелкой на лицевой крышке.

Попросил агента (разумеется, пообещав приличное вознаграждение!) спрятать эту коробочку на пару-тройку дней в кабинете японского посла, лучше всего где-нибудь за книгами.

Осторожный Самурай поинтересовался, что это за штукавина и зачем «патрону» нужно, чтобы она оказалась не где-нибудь, а в кабинете посла.

Генерал пустился в пространные объяснения по поводу ухудшения экологической обстановки из-за расплодившихся в столице НИИ и лабораторий, занимающихся исследованиями в области радиоэлектроники.

По его словам, население Москвы только и делает, что рассылает письма-ультиматумы во все мыслимые государственные инстанции по поводу пресловутых электромагнитных излучений.

В настоящее время КГБ СССР выясняет, действительно ли настолько загрязнена окружающая среда, что надо принимать неотложные меры. Но для того, чтобы преждевременно не создавать паники, делает это скрытно.

Добавил, что принято решение начать изучение обстановки в зданиях иностранных дипломатических представительств, конкретно — в кабинетах послов и лиц, к ним приравненных. Вручаемый «регистратор» как раз и должен отфиксировать указанные излучения и их интенсивность.

Внешне японец был польщен проявлением заботы о здоровье его соотечественников, да не кем-нибудь, а самим Комитетом госбезопасности. Однако сомнения оставались. Самурай с опаской взял «регистратор» в руки и спросил:

— А он не взорвется?

— Слово офицера! — с пафосом ответил генерал. — Он не только не взрывается, но и не может никому причинить вред. — В отличие от предыдущих объяснений, это было святой правдой. — Не надо только нажимать эти кнопки...

Других вопросов со стороны Самурая не последовало, он забрал «регистратор излучений» и на следующий день спрятал его в кабинете посла.

В том, что «регистратор» находится в японском посольстве и именно в крыле, где расположен кабинет посла, сотрудники Оперативно-технического управления имели возможность убедиться, пеленгуя из

разных точек микрорайона издаваемые им позывные. Через равные промежутки времени «регистратор» выплевывал в эфир сигналы, подобные знаменитым «бип-бип», что издавал наш первый искусственный спутник Земли.

В назначенный день Самурай вернул Маслову прибор, в котором была еще одна техническая хитрость: «регистратор» был устроен таким образом, что попади он при посредничестве Самурая или без его участия в руки японских контрразведчиков, которые попытались бы определить его предназначение, то это было бы обязательно зафиксировано при контрольном обследовании нашими технарями.

Тщательно обследовав прибор, специалисты пришли к заключению, что в нем не только никто не ковырялся, но его даже не пытались просвечивать какими-либо лучами.

Ну, чем не проверка агента на «детекторе лжи»!

Теперь, когда Самурай успешно прошел первый тест на надежность (сколько еще их будет!), Маслов теоретически мог рассчитывать на его помощь и в других, более деликатных вопросах — добычании секретной информации.

То, что Самурай имеет допуск к сведениям такого характера, то есть является секретноносителем, Маслову стало ясно еще во время вербовки, когда при отработке способов связи японец просил не звонить ему на работу. Такая просьба может поступить только от дипломата, допущенного к секретам и, кроме того, предупрежденного о том, что его телефон контролируется службой собственной безопасности Посольства.

Контрабандист поневоле

Встреча с Самураем должна была состояться в баре на третьем этаже гостиницы «Интурист» в 4 часа пополудни, когда заведение закрывается на санитарный час и в зале остаются лишь особо почитаемые или «ведомственные» вроде Маслова посетители.

Генерал прибыл на место загодя, чтобы осмотреться и спокойно осмыслить предстоящий разговор с агентом.

Последние два дня в рабочем кабинете это сделать не удавалось: вслед за арестом Буряце Маслова беспрестанно вызывали к себе то Андропов, то его заместитель, Семен Цвигун, а то и кураторы Комитета со Старой площади.

Особенно раздражала генерала позиция, занятая Цвигуном. Маслов

понимал, что заместитель председателя не по своей воле вмешивается в дело о краденых бриллиантах, а лишь выполняет указание своего родственника, Генерального секретаря, чтобы в случае необходимости отвести удар от Галины Брежневой. Но уж больно беспардонно он это делал!

Как только копия агентурного сообщения Самурая легла на стол Цвигуну, он немедленно потребовал к себе Маслова.

«Слушайте, — заорал зампред, едва только генерал перешагнул порог его кабинета, — вы со своим агентом сожрали весь мой замысел!» — «То-то у меня чувство, будто я наелся говна», — парировал Маслов.

«Вон из кабинета!!» — захлебнувшись от ярости, прокричал Цвигун.

«Вон из контрразведки!» — в тон ему ответил Маслов и, пулей вылетев из кабинета самодура, напрямик направился в приемную Юрия Владимировича.

Если бы не вмешательство Андропова, не сносить бы головы строптивому генералу — уволили бы в одночасье без выходного пособия.

Впрочем, Маслов играл наверняка, понимая, что с его уходом Комитет потеряет только что приобретенного ценного агента. А советники японского посольства на улице не валяются и не каждый день оказываются в агентурных сетях КГБ!

...Устроившись за столиком в глубине зала, генерал недовольно поморщился: сидевшие в центре зала четверо дюжих бритоголовых парней о чем-то громко спорили. Говорили по-английски. Судя по выговору, внешнему виду и по тому, как они лихо опрокидывали в себя фужеры с виски, Маслов сделал вывод, что перед ним американцы, скорее всего морские пехотинцы из охраны здания посольства США.

«Вот напасть, нигде нет покоя! — чертыхнулся про себя генерал. — Не попросить ли администратора, чтобы он спровадил этих «вояк»?»

Оценив ситуацию взглядом возмутителей спокойствия, генерал понял, что и весь обслуживающий персонал бара будет бессилён унять не в меру разошедшихся морпехов.

«Черт с вами, живите!» — И Маслов углубился в размышления.

Вновь и вновь генерал мысленно возвращался к вопросу об использовании Самурая в добывании информации по «Сетику».

Идея была весьма заманчивой, но возникали серьезные сомнения в возможности ее реализации: согласится ли Самурай выполнять задание по «Сетику», ведь речь пойдет о добывании японцем сведений о японской фирме. Не сочтет ли агент его предложение оскорбительным, а свое участие в операции антипатриотичным?

Каждый раз в памяти генерала всплывали целые абзацы из наставлений полковника Кошкина, известного разведчика и специалиста-ниппониста, к которому генерал обратился накануне вербовки Курусу, чтобы получить консультацию о национальных особенностях мышления японцев, их традициях и обычаях.

Все это необходимо знать, чтобы с самого начала партии взять правильную ноту. Ведь каким бы высоким ни было вознаграждение, выплачиваемое Комитетом агенту за представленные сведения, одной денежной подпиткой не обойтись. Чтобы сотрудничество стало полнокровным, надо найти ключик к внутреннему «я» секретного сотрудника.

...Николай Петрович Кошкин, много лет проработавший в Японии и поднаторевший в вербовках местных жителей, предостерег Маслова от упрощенческого подхода, доказал на примерах, что «вести» японца гораздо труднее, чем завербовать. Хотя и последнее — задача не из легких. И не только в Японии. Ее граждане и за пределами своей страны с большим трудом идут на контакт с чужеземными спецслужбами. Причина, по которой японец согласится добывать информацию в пользу иностранной державы, должна быть исключительно веской. Вместе с тем они охотно и без всяких предварительных условий поставляют сведения своей тайной полиции. Более того, считают это своим священным долгом.

Рассуждая о японском шпионаже вообще и о возможности привлечения конкретного японца к секретному сотрудничеству, Кошкин сослался на некий трактат, разработанный ближайшим сподвижником Гитлера — Рудольфом Гессом, который в начале 30-х стоял у истоков создания новых спецслужб рейха и считается отцом концепции «тотального шпионажа» в Германии.

Дело в том, пояснил Кошкин, что Гесс позаимствовал ее у японцев, которые на протяжении долгого времени создавали и оттачивали принципы «тотального шпионажа». В Японии накануне и Первой, и Второй мировых войн им были подчинены все сферы жизни. Гесс взял эти принципы и с успехом перенес их на немецкую почву.

В своем трактате Гесс делал вывод, что шпионаж является второй натурой японцев.

На протяжении многих поколений в Японии сложилась внутренняя система массового шпионажа, когда сосед шпионил за соседом, а оба они, в свою очередь, находились под присмотром третьего соседа.

Это стало возможно потому, что японские властители всегда обращались со своим народом, как с детьми. Со времен сёгуната широко

использовались сыщики, добровольные осведомители и секретные агенты.

Гесс считал, что это обстоятельство развило в японской нации склонность к шпионажу, которая настолько укоренилась, что японцы занимаются им всюду, где представляется удобный случай, особенно в заграничных поездках. По возвращении на родину они передают информацию японскому консулу или своей полиции.

Донесения как профессиональных агентов, так и стукачей-любителей передаются в Центральный разведывательный орган (ЦРО) в Токио одним из следующих способов.

Первый', через консульства, которые переправляют развединформацию в посольства с курьерами, посольства, в свою очередь, посылают ее в Японию чаще всего дипломатической почтой. *Второй'*, через специальных агентов-курьеров, передвигающихся под видом должностных лиц, якобы совершающих инспекционные поездки. Наконец, сведения, в которых заинтересован ЦРО, могут быть переданы через капитанов японских торговых и пассажирских судов, которым донесения вручаются, как правило, в последнюю минуту перед отплытием в Японию.

Со слов Кошкина, проблема «тотального шпионажа» уходит корнями в историю нации.

Японцы — очень сплоченная нация. Но в отличие от немцев, не менее сплоченного народа, жители Страны восходящего солнца еще в недалеком прошлом находились в полной изоляции, постоянно готовые к отражению агрессии со стороны более сильных соседей.

Япония — мононациональное государство, с единым языком и одной культурой. Там нет нацменьшинств, очень мало эмигрантов. До сих пор японцы стремятся оградить свой внутренний мир от внешнего вторжения, всеми силами противостоя проникновению чуждой им по духу европейской, не говоря уж об американской, культуре. У японцев очень развито чувство соперничества, у них не принято завидовать успехам, злорадствовать по поводу неудач. А коллективизм и взаимовыручка, не говоря уж о терпении и трудолюбии, вообще возведены в абсолют!..

Далее Кошкин прочел генералу целую лекцию о развитии японского шпионажа, возведенного в ранг государственной политики, внутренней и международной.

Шпионаж, вошедший в плоть и в кровь, наконец, в гены японцев. Вопрос имел глубокие корни, уходящие в историю формирования японского общества в целом.

Большую роль в деятельности японской разведки и контрразведки играли так называемые патриотические общества. Через них-то и

происходило распространение «тотального шпионажа» в Японии.

Созданные в конце девятнадцатого века патриотические общества поначалу вели разведывательную и подрывную деятельность против главных на тот момент противников Японии — Китая и России с целью выявления слабых мест и воздействия на них.

Общества вербовали своих членов из различных социальных слоев. Они требовали от них прежде всего беззаветной преданности идеям и идеалам общества. Если такой преданности не было, то, независимо от наличия у кандидата других качеств и положительных сторон, его отвергали. Именно исключительная преданность членов общества привела к тому, что деятельность этих организаций за пределами Японии стала значительной и опасной. Члены обществ, отобранные для наиболее важной работы, обучались языкам и подрывной деятельности.

Агенты, предназначавшиеся для сбора информации, набирались из лавочников, туристов, продавцов литературы, порнографических открыток, медикаментов, инструкторов по спорту, рыбаков, бизнесменов, студентов, изучающих ислам и английский язык, ученых, священников, археологов.

Агентам не обещали никаких наград, да они и не рассчитывали на это. Материалы патриотических обществ переполнены биографиями «маленьких людей». Все, что эти люди узнавали и докладывали своим руководителям, передавалось правительству, военным властям или другим заинтересованным инстанциям.

В такой стране, как Япония, сохранившей старинные военные традиции, вплоть до капитуляции невозможно было провести ясную линию между военными и гражданскими лицами. Точно так же не всегда можно разграничить деятельность и функции патриотических обществ от действий и функций военной разведки.

На протяжении всего военного и предшествующего ему периодов отмечалось тесное сотрудничество обществ и официальной разведки, их действия часто дополняли друг друга. Многие бывшие военнослужащие входили в патриотические общества, а те, в свою очередь, отдали военной разведке своих лучших агентов.

В этом плане показателен пример с военным атташе Японии в ряде западноевропейских стран и в России Мотодзиро Акаси и обществом, которое он представлял, — «Кокурюкай».

...Самым значительным из всех японских патриотических обществ было «Кокурюкай», или общество «Черный дракон», которое основал в 1901 году Рехэй Утида.

«Черный дракон» — это китайское название реки Амур, разделявшей Маньчжурию и Россию. В названии общества содержится намек на его главную цель — оттеснить русских из Маньчжурии за Амур, из Кореи и любого другого места на Тихом океане, то есть деятельность «Кокурюкай» была нацелена на войну с Россией.

«Кокурюкай», как и другие патриотические общества, имело свои учреждения. В Токио ему принадлежали две школы, где проводилось обучение всем видам шпионажа. Они прикрывались безобидно звучащими названиями: «Академия подготовки националистов» и «Школа иностранных языков».

Осенью 1900 года японское военное министерство назначило полковника Мотодзиро Акаси военным атташе во Франции, Швейцарии, Швеции и России. Его назначение, на которое министерство вначале не соглашалось, было произведено по настоянию Рехэй Утида. Влиятельный член «Кокурюкай», Утида пригрозил, что, если Акаси не будет назначен на эту должность, общество прекратит передачу информации своих агентов военному министерству.

«Очень скоро, — сказал Утида на прощание своему ставленнику, — мы нанесем удар по нашим врагам в Сибири. Европейская часть России находится на очень большом расстоянии от нас. Но именно там делается политика и оттуда идут указания в азиатскую часть империи, в Сибирь.

Мы смогли бы приобрести важную информацию, если бы имели в Европейской части России своих агентов...»

Акаси отличался особой проницательностью, гибким умом, завидной твердостью, отсутствием жалости — тем, чем должен обладать преуспевающий шпион. В скором времени он продемонстрировал, в какой степени обладал всеми этими качествами.

За 15–20 лет подготовки Япония достигла не только высокого промышленного и военного развития. Огромная армия ее разведчиков, превосходящая по численности шпионскую службу любой другой страны, раскрыла многие секреты и намерения России в районах, которые стали объектами нападения.

Японцы доказали на практике, что хорошо и широко поставленный шпионаж в состоянии обеспечить половину победы еще до того, как будет нанесен первый открытый удар.

Но, видимо, самым удивительным нововведением было отношение

японцев к шпионам и шпионажу. Ведь на Западе вплоть до Первой мировой войны так называемые «приличные люди» с презрением относились к шпионам и шпионажу.

Японцы же с момента зарождения в Японии шпионажа включили его в Бусидо — строгий кодекс морали и поведения самураев.

Шпионаж, провозгласили они, осуществляемый в интересах родины, является как почетным, так и благородным делом. Разве не требует он смелости и отваги — тех достоинств, которые более всего ценятся самураями?

Отношение японцев к шпионажу находилось в полном соответствии с их культом служения родине и идеалами патриотизма. Эти идеалы воодушевляли многих из тех, кто в минуты душевной слабости колебался принять на себя риск, вытекающий из шпионской деятельности.

Бусидо делал японских шпионов вдвойне опасными. Одним из примеров кодекса Бусидо в действии являются камикадзе — летчики-смертники Второй мировой войны...

— Как я уже сказал, товарищ генерал, — с нажимом сказал Кошкин, видя, что тема начала утомлять его добровольного адепта, — одной из особенностей японцев, больше всего поразивших Рудольфа Гесса, был повышенный интерес к шпионажу.

В своем трактате Гесс писал: «Каждый японец, выезжающий за границу, считает себя шпионом, а когда он находится дома, он берет на себя роль ловца шпионов».

Под влиянием руководителей разведки японцы воспитывались в таком духе, чтобы в любом мероприятии всякой иной нации на Тихом океане, в особенности Соединенных Штатов, усматривать шпионские намерения. С этой целью устраивались выставки, на которых демонстрировались экспонаты, показывающие вероломные и преступные, с точки зрения японцев, методы работы иностранных шпионов.

На улицах расклеивались сотни плакатов, призывающих к бдительности, устраивались антишпионские дни и недели. Антишпионские лозунги печатались на спичечных коробках и выставлялись в витринах магазинов. Охота за шпионами превращалась в искусственно насаждаемую манию.

Пресса, радио и официальные лица постоянно призывали каждого японского мужчину, женщину и ребенка быть настороже, искать шпионов и сообщать обо всем, что вызывает хотя бы малейшее подозрение. В результате такой обработки население питало к иностранцам беспримерную ненависть...

— Нечто подобное, если вы помните, товарищ генерал, мы пережили в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, — подытожил свой экскурс в историю становления японских спецслужб полковник Кошкин.

— Думаю, Николай Петрович, что мы по части нагнетания шпиономании на государственном уровне не сумели догнать японцев...

— В этом вопросе их вообще никто не догонит, Леонид Иосифович! — в тон собеседнику ответил разведчик. — Последнее, что я хотел бы добавить к тому, что уже сказано. По моему мнению, все перечисленное, в том числе и отношение японцев к шпионажу, не только помогло им выжить, добиться впечатляющих успехов в экономике и самоутвердиться, но одновременно породило гипертрофированное чувство собственного величия и превосходства над другими народами, а также способствовало развитию у них и без того достаточно выраженной ксенофобии, враждебности ко всему чужеземному, будь то образ жизни, идеалы или мировоззрение...

Убедившись на собственном опыте, что всех благ можно добиться только собственным трудом, японцы с порога отменяют всякие предложения добывать информацию для иностранных государств, считая последних паразитами.

Совсем по-другому ведет себя японец, попадая в зависимость от спецслужб под угрозой компрометации.

Личное в сознании японца ассоциировано с общественным, он ощущает себя частицей, неотделимой от однородной общности — нации. В его представлении они спаяны воедино. Для него скомпрометировать себя — это подвести коллектив, а по большому счету — нанести ущерб своей стране. А это — позор! Чтобы избежать его, японец скрепя сердце выполнит любое задание. Его моральные принципы позволяют это сделать...

— Это то, что мне нужно! — воскликнул Маслов.

Размышления Маслова были прерваны появлением агента.

Генерал заметил, с какой неприязнью Курусу посмотрел в сторону американцев, его глаза-щелочки, казалось, закрылись совсем.

— Вы знаете, кто они, Леонид-сан? — обратился агент к Маслову после взаимных приветствий.

— Полагаю, что это — американцы, морские пехотинцы, которые охраняют американское посольство... — предельно спокойно ответил генерал, внимательно наблюдая за собеседником.

— Вы совершенно правы! Американскую солдатню я даже с

завязанными глазами по запаху узнаю! — Агент умолк, потупив взгляд.

— Не обращайтесь на них внимания, Курусу-сан. Судя по количеству пустых бутылок на их столе, они сидят давно и скоро уйдут! — почти ласково произнес Маслов и положил ладонь на руку японца.

В этот момент один из американцев скомкал пустую пачку из-под сигарет и, швырнув ее себе под ноги, притоптал ботинком.

Конечно, как и все японцы, агент был очень вежлив и терпим к проявлениям чужого невежества, но тут он не выдержал, взорвался:

— Совсем обнаглели! Что хотят, то и делают, будто они у себя дома. Ненавижу эту нацию, будь она проклята!

Консультации Кошкина не прошли для генерала даром. Из прослушанного курса он знал, что подобное откровение для японца — чрезвычайная редкость. Обычно они умеют скрывать свои эмоции и не выказывать истинных чувств, а уж если японец говорит такое, значит, у него весьма серьезный счет к американцам и его ненависти нет предела.

«Эврика! — мысленно закричал Маслов. — Теперь я знаю, в какой упаковке преподнести моему «самурайчику» задание по «Сетику»!

Почему ее контрагентами должны быть только немцы? А что, если сказать агенту, что фирма имеет подозрительные контакты с американцами?! Ай, да молодцы морпехи! Какую стартовую площадку вы мне подготовили для обсуждения задания. Вот так находка! Теперь осталось подлить масла в огонь — и вперед!»

Доверительно наклонившись к агенту, генерал тихо произнес:

— К сожалению, Курусу-сан, американцы весь мир считают пустой пачкой из-под сигарет — так и норовят швырнуть его себе под ноги и растоптать солдатским башмаком... Что поделаешь, молодая нация — ни глубоких исторических корней, ни культурных традиций...

Маслов выжидательно посмотрел на японца.

Зерна упали на благодатную почву. Курусу, почувствовав в собеседнике единомышленника, завелся с пол-оборота, заговорил громко, с жаром:

— Сегодня ровно месяц, как умерла моя жена... Ее мать в сорок пятом жила в Нагасаки, когда американцы сбросили на город свои атомные бомбы. В результате она получила лучевую болезнь.

Как выяснилось потом, болезнь передалась по наследству и моей жене, хотя она родилась через десять лет после бомбардировки...

Вы думаете, я искатель приключений или преступник по призванию?! Нет, нет и нет!! Я — контрабандист поневоле! Мне нужны были деньги, чтобы оплачивать операции по пересадке костного мозга моей жене, Вы

знаете, сколько это стоит?! А какие это мучения!! Теперь вот и мой сын страдает белокровием, его ждет участь моей тещи и жены! А эти, — оборот головы в сторону подгулявшей компании, — не зная горя, пьют виски, веселятся!! Они умертвили близких мне людей, меня сделали преступником!! Но преступники — они! Они, а не я!! — иступленно прокричал Курусу.

Американцы обернулись на крик. Заметив, что японец указывает рукой в их сторону, они рассмеялись и стали репликами подзадоривать его.

В следующую секунду неведомая пружина подбросила Курусу вверх, и он в мгновение ока очутился у стола американцев. Маслов бросился вдогонку, но было поздно.

Схватив со стола пустую бутылку. Самурай обрушил ее на голову одного, отбитое горлышко всадил в шею другому.

Обливаясь кровью, жертвы рухнули под стол.

Уцелевшие американцы с неожиданной для пьяных резвостью вскочили на ноги, разом обнажив выкидные ножи-стилеты.

В тот же миг Курусу очутился на столе. Неуловимое движение ногой, леденящий душу боевой клич «Й-я-я!», и еще один морпех со стоном распластался у стола. Резко присев и сделав полный оборот вокруг собственной оси, японец пружинно выпрямился и в прыжке, с криком «Й-я-я!» припечатал обе ноги к затылку рванувшего было от стола американца. От удара Курусу отбросило назад, и он навзничь рухнул на стол.

Генерал сгреб в охапку стонущего Самурая и поволок его к выходу...

Глава 6

ПЕСОЧНЫЕ ЗАМКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ

В тот же день Маслову удалось попасть на прием к Андропову.

— Такой явки в моей практике еще не бывало! — подытожил генерал свой доклад.

Андропов, заложив руки за спину, в глубокой задумчивости прошелся по кабинету и остановился у окна.

— Скандал, конечно, будет вселенский... Не исключен и ответный прессинг в отношении наших сотрудников в Вашингтоне или Нью-Йорке... Но я думаю сейчас о другом.

Маслов при этих словах весь напрягся.

— Не считаешь ли ты, Леонид Иосифович, что, устроив побоище, жертвами которого пали американцы, Курусу сам себе соорудил крест, а тебе осталось лишь взять в руки гвозди, молоток и... распятие готово!

— Юрий Владимирович, я полагал, что Самурай пригвоздил себя к нашему кресту уже тогда, когда «слил» нам информацию о Буряце и его подельниках...

— Отчасти — да... Однако на твоём месте я не стал бы обольщаться. То, что японец чистосердечно сообщил о Буряце, его участии в планировании и организации преступных операций с драгоценностями, наконец, об отношениях этого эстетствующего прощельги с... ну, ты сам понимаешь, еще не доказательство его готовности сотрудничать с нами. Тот его шаг можно расценивать как уступку, сделанную под определенным нажимом, — ты ведь вербовал Курусу на основе компромат-материалов, не так ли?

Японец, что называется, «потек» — признался во всем, — потому что не желает с треском вылететь отсюда и расстаться с дипломатической службой! Его пугает не уголовное преследование за контрабанду — он обладает дипломатическим иммунитетом и отделается высылкой из СССР, — его страшит крушение карьеры, и не просто дипломатической — государственной. За границей она дорогого стоит, ценят и дорожат ею поболее нашего!..

Короче говоря, я буду считать, что вербовка Курусу прошла успешно и он состоялся как наш агент, лишь когда от него будут получены сведения о скрытых аспектах экономической политики Японии в отношении ее иностранных партнеров, прежде всего СССР, а пока что для меня он не

Самурай, а всего лишь дипломат по фамилии Курусу. Точка!

Андропов умолк, чтобы перевести дыхание.

— Я собираюсь дать задание Самураю по фирме «Сетику», я вам о ней докладывал, — воспользовался паузой Маслов.

— Погоди, не перебивай... О чем это я говорил? Ах, да! «Слив», как ты выражаешься, информацию о краже бриллиантов, агент нанес удар нашим согражданам, а в баре были искалечены граждане США! Как говорится, почувствуйте разницу...

Кстати, тебе не кажется, что своими откровениями об отношении к американцам, как и последующей агрессией в их адрес, он расчистил тебе дорогу, вручил ключик к своей душе?

«Черт побери, Председатель, как обычно, бьет прямо в «десятку»! Но то, что вы, уважаемый Юрий Владимирович, собираетесь мне сказать только сейчас, мною уже давно осмыслено!» — обрадовался Маслов и бодро ответил:

— Разумеется, Юрий Владимирович, я думал об этом! Действительно, нацеливая Самурая на добывание интересующей нас информации, я собираюсь использовать его ненависть к американцам...

То есть каждый раз, отрабатывая ему задание по каким-либо японским объектам, я всякий раз буду подчеркивать, что, предоставляя нам сведения о них, Самурай сможет насолить американцам... Я правильно вас понял, Юрий Владимирович?

— Вот-вот, именно так! — Андропов удовлетворенно потер руки. — Но еще раз подчеркиваю, надо постараться как можно быстрее заполучить от Курусу весомую информацию об экономической стратегии и тактике Японии в отношении Советского Союза... Это, как ты понимаешь, не столько даже вопрос экономики, сколько политики! Начни с малого...

— Юрий Владимирович, я и собираюсь начать с малого, с «Сетику»! — не дождавшись окончания паузы, Маслов вновь нарушил ход рассуждений Председателя.

— Далась тебе эта «Сетику»! Дойдет очередь и до нее! — Андропов уже с трудом сдерживал раздражение. — Мне надо, чтобы твоя Служба прояснила ситуацию с вывозом одной японской фирмой нашего морского песка...

— Песка?!

— Да-да, ты не ослышался — именно песка! Фирма зачем-то тайно вывозит его с побережья Камчатки уже в течение более полугода, а вот зачем, мы до сих пор не знаем...

— Юрий Владимирович, может быть, в этом песке японцы

обнаружили какие-то химические элементы, используемые, скажем, в радиоэлектронной промышленности? — высказал предположение Маслов, пытаясь определить, к чему клонит шеф.

— Ерунда это все! Песок, он и есть песок. Вот, полюбуйся! — с этими словами Председатель открыл сейф и подал генералу папку для входящих шифротелеграмм.

Шифротелеграмма № 1983/081 от 22.01.82 г.

члену Политбюро ЦК КПСС Председателю КГБ СССР генералу армии Андропову Ю.В.

Распоряжением Совета Министров СССР № 1339-Р от 10.08.81 г. японской фирме «Икебуко» отдан в аренду сроком на один год участок прибрежной полосы (песчаная коса) протяженностью 12 000 м и шириной 500 м в районе пос. Озерновский (юго-восточная оконечность Камчатского п-ова). Официально на арендуемой территории «Икебуко» намерена возвести временный порт для своих рыболовецких судов, ведущих промысел в Алеутской котловине Берингова моря.

Следует отметить, что с момента вступления в силу договора об аренде японцы по периметру участка возвели ограду из колючей проволоки с сигнализацией и выставили вооруженную охрану.

Наблюдением за действиями японцев, проводимым с пограничных катеров, установлено, что до настоящего времени фирмой «Икебуко» на участок не завезено никаких строительных материалов. Вместе с тем, используя многочисленные экскаваторы, землеройные машины и плавучие насосные станции, японцы круглосуточно (ночью — при свете прожекторов) ведут выемку грунта (черного песка) не только на арендуемой территории, но также с дна прилегающей морской акватории.

Эти свои действия руководство «Икебуко» называет «подготовительными работами», предшествующими возведению портовых построек.

По мнению наших инженеров-строителей, это объяснение звучит неубедительно, так как объем уже выполненных японцами земляных работ соотносим разве что со строительством метрополитена, но никак не с возведением временных портовых сооружений.

Обращает на себя внимание тот факт, что вынимаемый грунт (черный песок) грузится на рыболовецкие траулеры, принадлежащие «Икебуко», и отправляется в неустановленном направлении.

Из официальных объяснений, полученных от руководства фирмы, следует, что песок сбрасывается в открытом море, однако, по

неподтвержденным данным, песок вывозится в Японию.

С учетом изложенного прошу вашего указания установить истинные намерения японцев заключения договора об аренде песчаной косы и рассмотреть целесообразность его продления в 1982–1983 гг.

Начальник УКГБ СССР по Камчатской области
генерал-майор ДЕМИДОВ М. С.

— Давненко я, Юрий Владимирович, не строил песочных замков... — Маслов выжидающе посмотрел на Андропова.

— Никто тебе и не предлагает, Леонид Иосифович. Этим займется будущий начальник экономической контрразведки Комитета генерал-майор Щербак... Тебе же надо через Курусу выяснить, на что идет вывозимый караванами судов камчатский песок...

«Давно пора уже было создать экономическую контрразведку! — подумал Маслов. — А то всю экономику отдали на откуп МВД, БХСС, Щелокову... Пустили козла в огород! Можно подумать, что КГБ только и делает, что печется об идеологическом здоровье масс, а защита госсекретов, а шпионы?!..»

— Я тебе шифротелеграмму еще вот для чего показал... Тебе не кажется, что японцы повели фронтальное наступление с целью овладеть нашими сырьевыми ресурсами?

— Да-да, конечно, Юрий Владимирович! — генерал живо подхватил мысль шефа. — Сначала «Сетику», теперь вот «И кебу ко»...

И все-то у них с виду простенько, как-то вроде по-детски, даже и придраться не к чему: то вазочки фаянсовые в глаза нам суют, теперь вот песком мозги решили запудрить...

Пропустив мимо ушей слова подчиненного, Андропов продолжал:

— Нет, ты можешь себе такое представить, Леонид Иосифович? Япония, входящая в клуб десяти самых развитых в промышленном отношении стран, и вдруг скрытно похищает у нас песок, причем караванами! У меня это в голове не укладывается, я отказываюсь что-либо понимать и принимать на веру! Дело твоей чекистской чести выяснить, зачем японцам понадобилось столько песка!

— А может быть, — не унимался Маслов, — японцы освоили какую-то неизвестную миру технологию по переработке песка во что-то более ценное? Я тут недавно в газете прочитал, что шведы научились из слоновьего дерьма делать высококачественную бумагу.

В один присест слон выдает на-гора 20 килограммов говна, а шведы из него же — 2000 листов писчей бумаги, которую мы у них за валюту

покупаем. Может, и японцы из говна, то есть из песка, научились алмазы делать?..

— Ты мне, Леонид Иосифович, проблему с песком не переводи в говенную плоскость! Сказано тебе: изготовить из песка алмазы невозможно. Остальное — это воспаленное воображение, бред и утопия!

— Но для чего-то ведь японцы закупают песок! — обиженно произнес Маслов, приняв слова Председателя о бреде и утопии на свой счет.

— А вот это и предстоит тебе выяснить! — немедленно отреагировал Андропов.

«Ловко запрягает меня Председатель! — подумал Маслов. — Ну, Юрий Владимирович, ну виртуоз! Но меня беспокоит другое, вы уж не обессудьте, шеф...

Первым заместителем министра внешней торговли, курирующим вопросы заключения договоров с иностранными партнерами, является Юрий Леонидович Брежнев, сын Генсека. Раскопай я в заключенной сыном сделке с песком какие-то нарушения, начиная от получения им взятки за предоставление режима наибольшего благоприятствования покупателю и кончая нанесением ущерба государственной безопасности, меня же первого и сожрут. Ну, не вас же, Юрий Владимирович! Вы — неуязвимы.

А после того, как я положил вам на стол информацию Самурая о Буряце и его связи с Галиной Брежневой, вы вообще стали неприкасаемы! Но когда клан Брежнева вознамерится зажарить меня на вертеле, вы же первый откреститесь от Маслова!»

Вслух же генерал произнес совсем другое:

— Юрий Владимирович, если я не ошибаюсь, вопросами заключения договоров с зарубежьем ведает министерство внешней торговли... — Маслов умолк, ожидая ответной реакции шефа.

— Это — вопрос не вашей компетенции, генерал, — с раздражением ответил Председатель, поняв, к чему клонит подчиненный: боится оказаться крайним и лишиться погон. — Знайте, вы ничем не рискуете, выполняя мое личное поручение по выяснению цели масштабной кражи японцами нашего песка!

Вы вот сейчас мысленно запаниковали, мол, «сдаст» меня Андропов, если в ведомстве сына Леонида Ильича будет обнаружено что-то противозаконное. Ошибка! Не «сдал» же я вас после того, как Курусу представил информацию на Галину Леонидовну?

— Никак нет, Юрий Владимирович!

— А после вашего конфликта с Семеном Цвигуном?

— Никак нет, Юрий Владимирович!

— То-то же! Время не разбрасывать, но собирать камни!

Недобро блеснув стеклами очков в сторону окаменевшего в кресле Маслова, Андропов извлек из тумбы стола кувшин и стал поливать стоявшие на специальной подставке цветы. Вдруг, оставив кувшин, Председатель торопливо подошел к столу и начал листать настольный календарь.

Когда он поднял голову, генерал вновь увидел привычного Юрия Владимировича, спокойного и ироничного.

— Впрочем, твоя взяла — начни с «Сетику». — Председатель снова перешел на «ты». — К песку мы вернемся чуть позже... Мне тут кое-какие организационные вопросы, связанные с заключением Внешторгом договора об аренде нашей территории, надо решить... Н-да... Скажи, сколько времени может занять работа по «Сетику»?

Маслов от удивления всем корпусом откинулся на спинку стула.

«Черт побери, Юрий Владимирович, вы же сами прекрасно знаете, что ахиллесова пята контрразведки — это прогнозирование.

Кто может ответить на ваш вопрос?! Сколько времени! А почему бы вам не спросить, в какую сумму эта работа обойдется?! Сколько времени! Ничего себе вопросик!!»

Вслух же Маслов произнес иное:

— Сколько времени вы мне даете, Юрий Владимирович?

Маслов с опозданием понял свою ошибку. Андропов круто пресекал попытки подчиненных уйти от ответа на поставленный им вопрос, а уж с теми ловкачами, которые пытались на его вопрос ответить своим, вообще переставал общаться с глазу на глаз. Но на этот раз пронесло!

Андропов, расхаживая посреди кабинета, был настолько увлечен своими мыслями, что даже не обратил внимания на оплошность генерала. Вместо взбучки Маслов получил ответ, повергший его в крайнее недоумение: уж не забыл ли Председатель о его присутствии? Уж не бредит ли шеф?!

Тем временем Андропов в состоянии какого-то сомнамбулического оцепенения расхаживал по кабинету, бормоча себе под нос:

— Чазов полагает, что Генеральный после самоубийства свояка, Семена Цвигуна, оклемается не скоро... На больничном пробудет, как минимум, до конца января... Заседания Политбюро отменены до его выздоровления... Если его состояние не улучшится к февралю, он вынужден будет передать право вести заседания мне...

Может, дождаться февраля и самому решить вопрос с договором об

аренде? Или рискнуть, не дожидаясь? Может, все-таки начать с «Сетику»?.. Если наши усилия окажутся результативными, это станет моим козырем, и тогда можно, не откладывая до лучших времен, поднимать вопрос о заключении Внешторгом договора с «Икебуко» даже в присутствии Генерального... Н-да, дилемма!..

Неожиданно обернувшись к Маслову, Андропов без всякого перехода сказал, как отрезал:

— Даю две недели! Управишься?

— Юрий Владимирович, — взмолился Маслов, — я ведь только собираюсь ввести Самурая в разработку «Горшечников», то бишь «Сетику»... Я еще не знаю, есть ли у агента выходы на фигурантов дела, может быть, у него имеются другие возможности...

Но несмотря ни на что, я считаю разработку «Горшечников» делом перспективным... Думаю, Самурай не подведет, Юрий Владимирович! — в мажоре закончил Маслов.

— Он думает! Уж как вы все думаете, мне известно... Я недавно прошел по кабинетам начальствующего состава центрального аппарата. Было часов десять вечера. Захожу к одному генералу, другому, третьему. Сидят, пишут что-то, звонят куда-то, отвечают на телефонные звонки. Пригласил я их к себе в кабинет и спрашиваю:

«Что вы делаете так поздно?» Отвечают: «Работаем». — «А что вы делаете днем?» — «И днем работаем». — «И по утрам тоже работаете?» — «Разумеется, товарищ председатель, работаем и утром!» Вот мне и любопытно стало, когда же они думают, если постоянно заняты работой! К тебе, Леонид Иосифович, это тоже относится. Ты ведь тоже только и делаешь, что работаешь... А думать начинаешь в моем кабинете, не так ли?

А подумать есть о чем. Мы сейчас наблюдаем закат эры... И крушение кланов. Тебе, конечно, это в голову не приходило... А пора бы уж, раздвинув шторы, выглянуть в окно, узнать, чем живет наш народ!..

«Вот, оказывается, на что вы замахнулись, Юрий Владимирович! Уж не на место ли Генерального метите, коль скоро о народе заговорили? Все с этого начинают, а потом... Ладно, к черту! Воистину: «по Сеньке и шапка» — вы о народном благе печетесь, а мне Внешторгом и Юрием Леонидовичем заниматься... Стоп! А что, если Андропов таким образом решил расчистить себе путь к трону: дочь Галину скомпрометировал с моей помощью, теперь моими же руками сына Юрия собирается убрать? Их отца-старика в открытом поединке ему пока еще не осилить, но стоит ослабить его детей на весь Советский Союз, смотришь, не выдержит отцовское сердце и он сам дойдет до точки, он же — доходяга!

Ловко вы с брежневским кланом хотите расправиться, Юрий Владимирович!

Собственно, вы уже начали кампанию по дискредитации Генерального, отдав указание председателю Гостелерадио Лапину ежедневно передавать по всем каналам хронику публичной жизни и выступлений Леонида Ильича, как и бесконечное вручение ему наград — пусть весь народ видит его маразм и неспособность управлять державой. Ежедневная демонстрация на экране выжившего из ума вождя еще больше подорвет его позиции в глазах мирового сообщества...

Судя по всему, не сам по себе песок или его похищение японцами вас заботит, Юрий Владимирович! Вам нужно публично разоблачить роль сына Брежнева в заключении договора на аренду нашей территории, чтобы окончательно подорвать позиции Генсека, а там, смотришь, на царствие вас пригласят...

Удастся ли вам, шеф, возвести свои замки на этом песке?!»

Андропов прервал размышления Маслова. Сказал, как гвоздь вбил:

— Форсируй разработку «Сетику», а затем спокойно и вдумчиво разберись с причинами масштабного похищения японцами нашего песка. И ролью Юрия Леонидовича в этой сделке... Все ясно?

— Так точно, това...

Андропов жестом остановил Маслова.

— Ты же знаешь, субординационное декламирование мне не по душе...

Андропов вернулся к своему столу, грузно опустился в кресло и стал неторопливо перебирать бумаги.

Поняв, что аудиенция окончена, Маслов напоследок решил перевести стрелки беседы в чисто оперативную плоскость:

— Так что же мы будем делать с Самураем, Юрий Владимирович?

Задавая вопрос, генерал имел в виду возможные санкции в отношении агента за дебош в баре.

— Что будем делать? Завидовать будем! Мы ведь с тобой, Леонид Иосифович, ни президенту США, ни директору ЦРУ голову раскрыть не можем. А жаль! — с усмешкой ответил Андропов. — Но если говорить серьезно, то ты у нас, Леонид Иосифович, — один из самых опытных агентуристов и отменный психолог. Ты всегда был настоящим ловцом человеческих душ. В расставленные тобой силки залетали птицы и более высокого полета, чем Иосихису Курусу... Он в сравнении с ними — серый воробушек. Словом, японец у тебя на связи, вот ты и решай сам, что с ним делать! Помнится, перед вербовкой ты заверял меня, что он — кладезь

оперативно значимой информации, относящейся к компетенции Второго главка, не так ли? Вот и посмотрим, что он за кладезь, когда он отработает «Сетику»!..

«Не удержался-таки старик от подначки! Не смог отказать себе в удовольствии... А так хорошо начал: и «отменный психолог», и «ловец душ»... Что ж, и на том спасибо, Юрий Владимирович. Я в долгу не останусь!»

— Вы, Юрий Владимирович, как всегда, на гребне волны...

— Верно! Потому что именно я поднимаю эту волну! — немедленно отреагировал Андропов.

И Маслов, и Андропов остались довольны друг другом. Генерал — потому, что сумел настоять на своем, отсрочив решение «песочных проблем» и вместе с ними разработку сына Генсека. Председатель — потому, что, как ему казалось, расширил круг своей личной агентуры в руководстве центрального аппарата КГБ, завербовав еще одного сотрудника. Скоро, очень скоро такие генералы могут понадобиться в решающей схватке за главенство в партии и государстве...

Уже взявшись за ручку двери, генерал обернулся:

— Прощу прощения, Юрий Владимирович, — Маслов не мог упустить такой шанс, — в Центральном аппарате циркулирует масса диаметрально противоположных версий о самоубийстве вашего первого зама...

Андропов с готовностью отреагировал:

— Поговори на эту тему с моим бывшим оруженосцем, да-да, с начальником Первого главка (внешняя разведка) Крючковым, он сейчас дожидается в приемной...

«Оруженосец» охотно изложил то, что, по его мнению, произошло с Цвигуном на самом деле.

Во время плановой диспансеризации руководящего состава КГБ СССР врачи обнаружили у Цвигуна злокачественную опухоль в правом легком. На его удачу, она была еще операбельной.

Ведущий хирург высших сановных клиник Марк Перельман провел блестящую операцию, удалив пораженную раком часть больного органа. Казалось, все обошлось, как вдруг по прошествии нескольких лет Цвигуна начали мучить кошмарные головные боли, у него стала развиваться глубочайшая парамнезия — нарушение памяти, временами он терял ориентацию в пространстве и времени. Все чаще он оказывался прикованным к постели в специализированных кремлевских клиниках. Каждый раз по выходе из лазарета Цвигун устремлялся на Лубянку в свой

кабинет.

Однако там он запирался и ничего не делал, пребывая в глубочайшей депрессии.

Болезненное состояние усугублялось тем, что некогда лощеный и самодовольный генерал, окруженный свитой подхалимов, вдруг оказался в полном одиночестве: никто не хотел признавать в нем еще недавно могущественного свояка Генерального секретаря...

— За две недели до его кончины, — невозмутимо продолжал «оруженосец», — у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого этот конвойный пес Юрия Владимировича уже путал свое имя и отчество!

Без устали Крючков смаковал подробности, найдя в лице Маслова заинтересованного слушателя.

— 19 января Семен Кузьмич почувствовал себя настолько хорошо, что вызвал машину для поездки на дачу. Со слов водителя, по совместительству выполнявшего роль телохранителя, в отличие от прежних дней Цвигун вел спокойный, вполне осмысленный разговор... Прогуливаясь на даче по дорожке, вдруг проявил интерес к личному оружию охранника. Поинтересовался, пользуется ли он им и в каком состоянии содержится пистолет, потому что по уставу, мол, оружие всегда должно быть в полной готовности, а затем попросил показать его. Подержал пистолет на ладони, словно взвешивая, и неожиданно положил его в карман.

Телохранитель удивился, но ничего не сказал.

Повалил снег, и охранник принялся очищать дорожку.

Цвигун спросил, куда она ведет.

— А никуда, упирается в забор...

— Вот и хорошо, что никуда, — сказал генерал и, приблизившись к насыпанной охранником куче снега, вынул «Макаров» и выстрелил себе в висок.

«Оруженосец» вынул из портфеля лист бумаги и подал его Маслову.

«Усово, дача 43, «Скорая помощь». 19 января 1982 года. 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 прибыла реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта,

прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил себе в висок из пистолета «Макаров». Подписи пяти врачей».

Молча Маслов вернул документ улыбающемуся Крючкову.

«Черт побери, какой-то сеанс садомазохизма! Это ж как надо ненавидеть Цвигуна, чтоб таскать в портфеле заключение о его смерти!»

— Вы, конечно, Леонид Иосифович, обратили внимание, что Генеральный не подписал некролог, — как ни в чем не бывало продолжал «оруженосец». — Что бы там ни говорили, а сделал он это по одной лишь причине: Леонид Ильич суеверно боится самоубийц!..

Не попрощавшись, Маслов покинул приемную.

Глава 7

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

После инцидента с морскими пехотинцами Маслов стал встречаться с Самураем на конспиративной квартире: береженого бог бережет. На первой же явке генерал разыграл психологический этюд, преследовавший две основные цели.

Во-первых, надо было заставить агента в будущем вести себя благоразумнее — не всякий же раз при его встрече с американцами рядом окажется генерал КГБ!

Во-вторых, надо было создать мощную моральную мотивацию, которая бы помогла держать агента в состоянии перманентной психологической зависимости от своего «оператора». Зависимость, подобную той, что возникает между ведущим и ведомым.

...Мозговую атаку Маслов повел с первой минуты встречи.

После взаимных приветствий генерал, выдержав многозначительную паузу, вынул из портфеля и подал Самураю пресс-бюллетень госдепа (министерство иностранных дел) США, где в рубрике «Происшествия» была опубликована заметка о трагическом инциденте в баре гостиницы «Интурист». Она заканчивалась словами:

«Начальник управления информации МИД СССР заверил посла Соединенных Штатов в Москве, сэра Мэтлока, что злоумышленник, нанесший тяжелые увечья двум нашим морским пехотинцам, непременно окажется в руках правосудия, так как на его поимку мобилизованы лучшие сыщики московской полиции. Телевидение ежедневно демонстрирует фотографию нападавшего, ее копии розданы мобильным полицейским Москвы. За поимку злодея нашим послом назначено вознаграждение в 10 000 долларов».

Прочитав заметку, Курусу беззаботно рассмеялся:

— Леонид-сан, вы же свидетель тому, что у меня не было времени подарить свою фотографию американцам... То, что здесь написано, — блеф!

Маслов, блестящий актер по жизни, с напускной озабоченностью сдвинул брови, всем своим видом показывая, что не разделяет оптимизма собеседника.

— Для такого серьезного человека, как вы, Курусу-сан, ваше замечание звучит по крайней мере легкомысленно... Милиция опросила

весь обслуживающий персонал гостиницы и на основании полученных данных составила ваш фотопортрет, или фоторобот. Вот, полюбуйте! — С этими словами генерал подчеркнуто небрежно бросил на стол фотографию.

Улыбка моментально исчезла с лица японца.

— Но это же действительно я, это мой портрет! Абсолютное сходство! Для того чтобы создать его, милиции, похоже, пришлось опросить десятки людей... Я и представить себе не мог, что, пока я шел в бар, меня наблюдало столько людей...

— Да, вынужден констатировать: в вашем случае органы правопорядка оказались на высоте... Бутерброд всегда падает икрой на пол, что поделаешь...

К тому, что изложено в заметке, могу добавить, что ваше фото вывешено на специальных стендах милиции и роздано всему обслуживающему персоналу всех гостиниц Москвы... Потому-то я и назначил встречу здесь, а не в баре или ресторане, как мы договаривались вначале...

Вас ищут, Курусу-сан, и вам надо проявлять предельную осторожность! Согласитесь, десять тысяч долларов — сумма, которая может впечатлить любого милиционера и швейцара... При встрече они имеют законное право арестовать вас! — на едином дыхании продекламировал Маслов, внимательно наблюдая за агентом.

Ларчик открывался просто. Штатный художник оперативно-технического управления Комитета карандашом сделал рисунок с фотоснимков, которыми генерала в свое время снабдили сотрудники службы наружного наблюдения, отслеживавшие контакты японца при посещении им валютно-бриллиантовой «биржи» в Столешниковом переулке.

Рисунок сфотографировали, и он превратился в фоторобот. Что касается пресс-бюллетеня, издаваемого госдепом, то он тоже был продуктом оперативно-технического управления.

Самурай беспокойно заерзал на стуле.

— Что же мне делать, Леонид-сан? Я по долгу службы должен посещать публичные места, выставки, презентации... Там ведь всегда дежурят милиционеры... Вы представляете, что будет, если меня арестуют на глазах посла! Мне же конец!

«Да, дружок, тебе конец... если откажешься дружить со мной!» — усмехнулся про себя Маслов.

— Вообще-то есть один вариант... — Это было произнесено так

неопределенно, что Курусу, потеряв над собой контроль, почти закричал:

— Вы уверены, Леонид-сан, что он есть?! Что я должен для этого сделать?!

«Вот это уже слова не мальчика, но... Самурая!» — мысленно похвалил японца генерал.

— Сделать сначала должен я! Вы же будете действовать потом...

Не понимая скрытого в подтексте смысла, агент покорно произнес:

— Я готов, Леонид-сан...

— На все?

— На все!

— Что ж, ловлю вас на слове, Курусу-сан... Значит, так! — приободрился Маслов. — В ближайшие два дня я попросил бы вас не появляться в общественных местах, если это не будет вызвано крайней служебной необходимостью... По городу постарайтесь передвигаться только в автомашине с дипломатическими номерами. За это время, надеюсь, руководство столичной милиции успеет отдать распоряжение своим сотрудникам о прекращении розыска...

— Два дня? А хватит? Ну, а потом? — В глазах-щелочках мелькнул лучик надежды.

— Мне хватит одного... звонка начальнику городской милиции! Я просто скажу ему, что вы уже арестованы нами и находитесь в Лефортовской тюрьме... Только в этом случае поиски злоумышленника, изувечившего двух американских солдат, могут быть прекращены на законном основании... Ну, а что касается вашего последнего вопроса, — генерал стал не спеша заколачивать последний гвоздь в распятие, — то я скажу, что делать потом!

— Если вы считаете, что это самый надежный путь...

— А другого пути нет! Самый надежный — это вместе со мной, Курусу-сан!

Оба дружно рассмеялись. Один иронично, другой — с облегчением. Воистину: «Мысли о несчастье, которого тебе по случайности удалось избежать, — сами по себе могут сделать человека счастливым».

Разыграв этюд, Маслов, не теряя времени, — куй железо, не покидая явки, — перешел к основной цели встречи: к отработке задания Самураю по добыванию информации о «Сетику».

Глава 8

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Через два дня Самурай вызвал генерала на экстренную встречу, в ходе которой сообщил добытые им сведения о «Сетику».

С его слов выходило, что после очередного финансового кризиса в Японии фирма оказалась на грани банкротства, что повлекло за собой смену ее руководства.

Новый президент Хидэе Арита не нашел ничего лучшего, как воспользоваться предложением о сотрудничестве, поступившем от одной американской компании, ведущей разработки в области радиоэлектроники. Ни названия компании, ни характера и направленности проводимых ею разработок агенту выяснить не удалось, так как ее продукция никогда не была представлена на мировом рынке радиоэлектронного оборудования.

По данным агента, полгода назад руководство «Сетику» по непонятным причинам стало демонстративно открещиваться от сотрудничества с американцами, хотя фактически оно развивалось, и довольно успешно.

Более всего удивляло Самурая то, что произошло это вслед за тем, как американцы выделили фирме безвозвратный кредит, сумма которого в несколько раз превышала ее годовой оборотный капитал.

Агенту удалось выяснить, что переговоры о выделении денег проходили в обстановке повышенной секретности, их содержание осталось тайной за семью печатями, в которую посвящены были только два человека: президент и старший вице-президент фирмы. Ни протокола о намерениях, ни договора о сотрудничестве не подписывали.

Впрочем, с точки зрения Маслова, все это не выходило за рамки чисто организационных вопросов. В представленной Самураем информации генерал искал и не находил ответа на самый главный вопрос: что может быть общего между японской фирмой, осуществляющей контейнерные перевозки по территории СССР экспортной продукции отечественных производителей, с американской компанией, занимающейся производством радиоэлектроники неизвестного назначения?

Безусловно, генерал обратил внимание на необъяснимую с точки зрения расчетливого бизнесмена и законов коммерции филантропию американцев, которые, выдав сказочный кредит, по сути, способствовали возрождению «Сетику».

Не осталось не замеченным Масловым и то обстоятельство, что вслед за получением кредита японцы максимально засекретили не только характер и содержание своих отношений с американцами, но и сам факт существования таковых.

Но все это генерал считал производным, вторичным. Он был убежден, что докопайся мы до первопричины, заставившей американцев искать сближения с «Сетику», то сможем ответить и на остальные вопросы.

Еще через день Маслов, докладывая Андропову о ходе оперативной разработки «Горшечники», предложил одним ударом разрубить узел безответных вопросов.

— Каким образом? — поинтересовался Председатель.

— Очень просто, Юрий Владимирович, — бойко ответил Маслов. — Получив информацию о прибытии в Находку контейнеров с японскими черепками, я вылетаю туда и на месте выясняю, что в действительности собираются перегонять через весь Советский Союз японцы, выполняя задание американцев...

— Ну, а почему ты решил, что «Сетику» действует по заданию американцев?

— К тому, что вам уже известно об этой фирме и ее отношениях с загадочной американской компанией, производящей электронику неизвестного назначения, я могу добавить лишь одно: старые, проверенные мехи наполнились молодым вином неустановленного качества...

— А если без аллегорий?

— Мехи — это «Сетику», которая за долгие годы сотрудничества с нами зарекомендовала себя как добросовестный и законопослушный партнер. Вино — продукция, выпускаемая американской компанией. Кстати, тот факт, что ни о ней, ни о производимых ею товарах ничего не известно в японских деловых кругах, можно расценить как косвенное свидетельство того, что она работает на военно-промышленный комплекс США...

— Ну, и при чем же здесь «Сетику»?

— А при том, что американцам как раз и нужен такой проверенный нами и положительно зарекомендовавший себя перевозчик, как «Сетику»... Им нужна не столько сама фирма, сколько ее доброе имя, вывеска! Исходя из предположения, что американская компания работает на ВПК, я пришел к заключению, что она с помощью своего японского партнера проталкивает в Западную Европу не какую-нибудь контрабанду, боже упаси! — транспортирует нечто более серьезное...

— Что именно? — вырвалось у Андропова, которого заинтриговала

тема, развиваемая его подчиненным.

— А вот это «нечто» я и собираюсь выяснить, проведя негласный досмотр контейнеров... С вашего разрешения, разумеется!

— Ну, а если ожидаемый тобою рейс окажется порожним? — не сдавался Председатель. — Что тогда? Ты представляешь, в какую сумму нам обойдутся штрафные санкции за вскрытие контейнеров и чем нам это аукнется в деловом мире?

— Юрий Владимирович, осечки быть не может! — бодро ответил Маслов. — Я все просчитал... Кроме того, не вы ли, Юрий Владимирович, сказали: «Отсутствие в поведении разведчиков признаков, указывающих на проведение ими враждебных акций, — это не их заслуга, это — недоработка нашей контрразведки». Вот я и решил недоработок не допускать...

— Рисковый ты парень, Леонид Иосифович, — покачал головой польщенный Андропов. — Знай, даже если ты и найдешь что-то в контейнерах, это не снимет с тебя ответственности за выполнение моего задания по песку...

В общем, Леонид Иосифович, принимайся за «Сетику»!

— Слушаюсь, товарищ генерал армии, «Карфаген должен быть разрушен»! — Маслов не мог отказать себе в удовольствии съязвить.

— Тогда с богом! — И Председатель, не замечая более подчиненного, углубился в бумаги.

Глава 9

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ!

Многоэтажный дом по Ленинградскому шоссе, где находилась явочная квартира генерала Маслова, имел форму буквы «П» и занимал целый квартал. Каждая из трех составных частей фасадом выходила на разные улицы и имела свой порядковый номер. Арки в разных крыльях дома позволяли войти с одной улицы, а выйти на противоположную. Что и рекомендовалось делать посетителям явочной квартиры.

Попрощавшись с Самураем и заперев дверь, Маслов подошел к окну, из которого хорошо просматривался двор.

Едва агент подошел к центральной арке, где он запарковал машину, как рядом с ним, будто из-под земли, выросли двое мужчин.

Одного из них, капитана 3-го ранга Тосио Миядзаки, начальника отдела собственной безопасности (ОСБ) японского посольства, Маслов узнал сразу.

Профессионал многоопытный и коварный, он доставлял немало хлопот нашей контрразведке. Его портрет в различных ракурсах и во множестве экземпляров имелся в картотеке генерала.

* * *

...Где-то через полгода после того, как Тосио Миядзаки прибыл в Москву, Маслов предпринял попытку «потрогать его за вымя» — выяснить уровень профессиональной подготовки, настроение, привязанности, сильные и слабые стороны, чтобы определить возможность его использования в наших интересах, а если повезет, то и с ходу установить с ним оперативный контакт. Начали по традиции с того, что подвели к Миядзаки «ласточку», которой была поставлена одна задача: совратить!

Японец сделал вид, что готов обеими ногами ступить в капкан, а затем в него же и загнал обольстительницу, да так, что вытаскивала ее оттуда вся масловская Служба.

Вслед за «ласточкой» на горизонте объекта появился «голубь сизокрылый» — смазливый мальчонка нетрадиционной сексуальной ориентации. Опять промашка.

Впервые безотказное оружие Маслова дало осечку. А ведь на

женщинах и на «голубых» ломали и неподкупных аристократов-англичан, и бесшабашных американцев, а тут все наоборот. То ли культура другая, то ли выучка не та...

Зашли с другой стороны. Однако и на операциях с валютой и антиквариатом подловить Миядзаки не удалось, как ни пытались. На них «горели» и арабы, и турки, а тут вдруг никак...

Использовались все традиционные чекистские наработки, которые заставили бы любого другого иностранца искать покровительства у Комитета, толкнули бы его в наши объятия, но, увы! К японцу они оказались неприменимы. Он доказал, что у него иной уровень мышления, иная ценностная шкала и вообще — иное отношение к пребыванию на государственной службе.

Первое время после масловских наездов Миядзаки затаился, выжидал, а затем сам перешел к активным действиям, продемонстрировав, что прибыл в Союз отнюдь не для того, чтобы стать добычей вербовочных устремлений КГБ. Он — охотник и сам не прочь побродить с ружьишком по московским угольям в надежде подстрелить дичь — завербовать кого-нибудь.

Через некоторое время «наружка» зафиксировала конспиративный контакт японца с заместителем министра легкой промышленности РСФСР Платоновым, по служебным делам активно посещавшим дипломатические приемы иностранных посольств в Москве, в том числе и японское. Еще по прошествии некоторого времени среди вновь появившихся связей Миядзаки из числа советских граждан был выявлен некий научный сотрудник одного из «почтовых ящиков» в Мытищах, с которым японец также поддерживал подозрительные отношения.

Советским гражданам в лубяньских ведомственных кабинетах было сделано соответствующее внушение, чтобы отсесть их от не в меру активного «охотника за скальпами», но что делать с ним самим? Его-то на Лубянку не пригласишь!

«Это уже перебор, господин капитан третьего ранга! — сказал Маслов. — Вы уже преступили все допустимые для гостя границы!»

И тогда было принято решение разделаться с ним раз и навсегда с помощью компромата.

Добыть порочащие иностранца материалы в тиши какого-нибудь ведомственного алькова под недреманным оком оперативных видеокамер уже не представлялось возможным.

После первой неудачной попытки совратить Миядзаки идея заманить его в постель и заснять в объятиях полногрудой блондинки выглядела

абсурдной. Наученный горьким опытом, он демонстрировал полное равнодушие ко всем москвичкам сразу. Он отвергал их заранее, заделавшись рьяным женоненавистником.

Требовалось нечто неординарное.

По замыслу Маслова, надо было организовать публичный скандал, вслед за которым вопрос о пребывании Миядзаки в Москве решался бы не в кабинетах его родной спецслужбы, где все события расценили бы как происки русской контрразведки (и правильно бы сделали!), а на уровне двух министерств иностранных дел: СССР и Японии. Быстро сказка сказывается...

Казалось, Миядзаки неуязвим. Но... У каждого в шкафу — «свой скелет». Найти его — вот в чем вопрос! И Маслов нашел.

Обложив японца, как волка флажками, круглосуточным наружным наблюдением, генерал отыскал брешь, даже не брешь — щелочку.

Шеф посольской службы безопасности имел патологическую тягу к... русскому меду.

Возможно, у него были неполадки в эндокринной системе, а может, что-то и на генетическом уровне. Все это — гипотезы, в которых Маслову недосуг было разбираться. Фактом являлись регулярные набеги японца в магазин «Дары природы», что на Комсомольском проспекте, где он закупал сразу целый бочонок обозначенного продукта.

Судя по всему, эту свою страсть Миядзаки тщательно скрывал от сослуживцев.

Подтверждением служило то обстоятельство, что кинжальный маршбросок к магазину за очередной колодой меда он всегда совершал в одиночестве. Было доподлинно известно, что, опасаясь провокаций, он никогда не появляется в общественных местах без сопровождения, а тут... Что ж, все правильно: свои слабости надо прятать от окружающих. От нашей «наружки» — тем более, ибо всякий раз, намереваясь посетить «Дары природы», японец предпринимал отчаянные попытки оторваться от «хвоста». Напрасно. Генерал Маслов был осведомлен о невинном пристрастии своего подопечного и ломал голову, как бы поудачнее использовать его в своих планах.

* * *

Встреча, свидетелем которой стал Маслов, озадачила его. Сам факт появления начальника ОСБ вблизи явочной квартиры ничего хорошо не

предвещал. Более того, все происшедшее утвердило генерала Маслова в правильности избранного в отношении японца образа действий.

«Оказаться просто так в этом дворе японский контрразведчик не мог — таких мест иностранные дипломаты, следуя жестким инструкциям, попросту избегают, — рассуждал генерал. — Конечно, инструкции для таких, как Миядзаки, не указ, потому что ими самими и пишутся, и все же... Настораживает то, как начальник ОСБ возник рядом с агентом. Самый отъявленный оптимист не рискнет назвать их встречу случайной. Конечно же, Самурая ждали! Ждали для того, чтобы застигнуть врасплох и, используя эффект неожиданности, получить исчерпывающе искренние объяснения?»

Тогда возникает другой вопрос: впервые ли агент явился сюда с «хвостом»? Похоже, что да, впервые. Более того, тот факт, что Миядзаки сразу решил выяснить обстоятельства появления здесь Самурая, свидетельствует о том, что ОСБ ему доверяет. В противном случае шеф посольской контрразведки никогда бы не подошел к агенту здесь, во дворе, а потихонечку взял бы его в разработку... Стоп! А не мог ли японский контрразведчик попросту допустить ошибку, поторопившись раскрыть свои карты? Ну не компьютер же он — человек!

Все это выглядит логично, но на вопрос: как и почему здесь оказался Миядзаки, ответа не дает. Что же все-таки кроется за его появлением?

А если допустить, что Самурай, следуя на явку, проявил беспечность, не заметил за собой слежку и приволок сюда шефа ОСБ?.. Хорошо, если это так! А почему бы и нет? Ведь практикуют же контрразведчики выборочные проверки всех посольских дипломатов-секретоносителей. Самурай исключением не является, они незаметно сели ему на «хвост» и оказались здесь. А чтобы не откладывать дело в долгий ящик, ограничились получением объяснений на месте.

В том, что агент сумел убедительно объяснить причину своего появления в этом дворе, сомнений у меня нет: легенда посещения явочной квартиры надежна, проверена и Самураем усвоена железно...

Вопрос в том, поверил ли объяснениям агента Миядзаки! Нет, с этим капитаном третьего ранга пора кончать, и как можно скорее!.. Н-да, незадача... Ну что ж, подождем звонка от виновника переполоха...»

* * *

Агент позвонил поздно вечером.

Разобрать, что он говорил, было невозможно: рядом с ним звучали мужские и женские голоса, играла музыка.

И неурочный час, и место, откуда звонил Самурай, говорили сами за себя: агенту крайне необходимо срочно предупредить своего оператора, он опасается «прослушки», поэтому звонит не со своего телефона, а от друзей.

Без лишних слов генерал стал называть номера. За каждым — заранее оговоренная ситуация или способ экстренной встречи. Под номером «пять» значилась встреча в Библиотеке иностранной литературы в определенный час.

Когда Маслов назвал пятерку, агент обрадованно прокричал в трубку: «Да-да! Именно это мне и нужно!»

Во время короткой встречи в библиотеке Самурай рассказал Маслову то, что ему уже было известно, — о неожиданной встрече во дворе.

— Вы мне лучше, Курусу-сан, скажите, как они вам объяснили свое там появление? — прервал агента генерал.

— А никак... Они сказали, что ехали по городу и вдруг заметили впереди мою машину... Ну и поехали следом, а потом дождались моего выхода... Все!

— Как они отнеслись к вашим объяснениям по поводу посещения этого дома? — Вопрос был задан Масловым не из праздного любопытства — ему необходимо было проверить, сработала ли легенда.

— Вы знаете, Леонид-сан, я в момент встречи с командором Миядзаки почему-то думал о женщинах... Поэтому сказал ему, что посещал свою подругу... Тысячу извинений, Леонид-сан...

«Черт бы побрал этих «новобранцев»! — мысленно выругался генерал. — Заботишься о них, разрабатываешь им легенды прикрытия посещения явки, деньги тратишь, а они...

А что, собственно, я хочу? Самурай — без жены, у него полная спермоинтоксикация... Поэтому он в свое оправдание и брякнул Миядзаки первое, что ему пришло в голову, напрочь забыв о легенде! Действительно, правы эндокринологи и сексологи: «Что у человека в голове — то и в штанах. Что в штанах — то и в голове». Нет, с этим надо как-то бороться... Но не убеждениями же!»

Заставив себя улыбнуться, генерал спросил:

— И как отнеслись к этому офицеры безопасности?

— С пониманием, Леонид-сан... Они даже сказали, что я могу пригласить свою подругу на прием в посольство... Это большая честь — прием по случаю дня рождения наследника императора...

«Чертов ты наивняк, Курусу-сан! Они же тебя проверяют, а ты за честь

считаешь пригласить подружку на прием! И как это ты ухитрился не попасть в поле зрения Миядзаки, столько времени занимаясь контрабандой? Вот уж воистину ты был «контрабандистом поневоле»...

Маслов снова улыбнулся:

— И кто же будет вашей избранницей, Курусу-сан?

— Я не знаю, Леонид-сан... Я по этому поводу и хотел с вами посоветоваться... Как говорят французы: «Ищите женщину!»

Генерал вмиг посерьезнел. Задача не из легких. Не потому, что в конюшнях Комитета не хватало резвых лошадок, способных и бедро, и походку показать даже на приеме у самого императора. Отнюдь! Надо было подобрать такую агентессу, которая соответствовала бы представлениям Миядзаки о чистой славянке, не запятнавшей себя сотрудничеством с КГБ... Он же ее специально пригласил. Смотрины станут для нее рентгеноскопией с Миядзаки в роли рентгенолога... Кроме того, нужна была такая агентесса, которая не успела еще «засветиться», то есть не попадала в поле зрения контрразведчиков стран главного противника — США, Западной Европы и Японии. Спецслужбы этих стран регулярно обмениваются информацией о советских гражданах, подозреваемых в сотрудничестве с КГБ.

«А вообще, — подумал Маслов, — чего это я вдруг забеспокоился? Сама судьба ведет меня за руку! У меня появился шанс посадить японца под «колпак». Сейчас есть возможность подставить ему такую красавицу, которая сможет влюбить его в себя, привязать накрепко, а привязав — постоянно контролировать. И ведь что удивительно! Не надо ломать голову и создавать искусственно какую-то ситуацию, чтобы подвести Распутину к Самураю — он сам напросился в ее объятия.

Значит, вы хотите взглянуть на подружку Самурая, господин Миядзаки? Есть такая партия — агентесса экстра-класса!»

Чтобы скрыть от агента переполнявшую его радость от того, что удалось сразу найти подходящую кандидатуру для смотрин, генерал нарочито недовольно спросил:

— И когда прием, Курусу-сан?

— Завтра! Начало в семнадцать часов...

— Ну что ж завтра так завтра... Вы завтра в 16.30 заедете на явочную квартиру и заберете свою подружку...

— А как...

Маслов не дал японцу договорить:

— А вот так! Если за вами увяжется «хвост», то он останется с «носом»... Где вы сказали господину Миядзаки живет ваша подружка? То-

то же! Ищите женщину... Считайте, что на этот раз вы ее нашли!

Вдруг Маслова осенило: «Стоп! А почему бы не покончить с Миядзаки с помощью Эдиты? Для начала пусть она познакомится с ним на приеме. В посольстве он шарахаться от нее не станет, так как чувствует себя в безопасности... Вот там-то его с нею и надо запечатлеть на память, а потом решим...»

— Вы знаете, Курусу-сан, не лишними окажутся еще два пригласительных билета... Можно ли добыть их без ведома господина Миядзаки?

— Без проблем!

— Хорошо... И если во время приема увидите рядом с Миядзаки знакомое вам лицо, не удивляйтесь и не подавайте виду...

* * *

В тот же вечер Маслов провел еще две экстренные явки со своими блистательными «ласточками», Распутиной и Эдитой, чтобы отработать им линии поведения, которых они должны придерживаться при посещении японского посольства.

Секретные помощницы генерала о существовании друг друга не подозревали и действовать на приеме должны были в автономном режиме.

Первая должна была обаять Миядзаки. Демонстрацией своей красоты и непосредственности рассеять его сомнения о характере ее отношений с Самураем, убедить, что между ними нет ничего, кроме обоюдного эротического влечения и плотской заинтересованности.

Во время приема Эдита должна была подойти к неприступному японцу вплотную с бокалом шампанского в руке и, пожелав наследнику престола долгие лета, выпить вместе с Миядзаки. Остальное скрытой камерой доделает технарь, для которого Маслов и просил второй билет. Если бы это удалось, можно было бы приступить к ключевой мизансцене по выживанию из Москвы шефа посольской контрразведки. По прикидкам Маслова дня через два после приема в посольстве у Миядзаки должны были иссякнуть запасы меда. Поэтому при входе в «Дары природы» ему предстояло случайно столкнуться нос к носу с Эдитой.

«Ну, не отказывайся, Миядзаки-сан, соединить кубок вина с русской женщиной во здравие наследника императора всея Японии. Ну, давай же! Она, поди, не в постель тебя затаскивает. Нам известно, что это бесполезно — ты ж у нас парень-кремень! Подумаешь, пару раз чокнешься с

красавицей — от тебя не убудет...»

Если противник не сдается, его компрометируют?

Узнав женщину, которая на приеме буквально не давала ему прохода, Миядзаки сначала опешил от неожиданности, но уже в следующее мгновение во весь опор мчался к оставленной на боковой дорожке машине. Не тут-то было! С криком:

— Тосио-сан, дорогой, остановись, куда же ты! — женщина ринулась вдогонку.

Любопытство замедливших шаг прохожих было вознаграждено сполна: рослая пышнотелая красавица, будто сошедшая с полотен Кустодиева, гналась за воровато оглядывающимся мужичком с ноготок. Едва только он юркнул в машину и включил зажигание, как был буквально вдавлен в сиденье вспрыгнувшей к нему на колени женщиной. Свет в окошке заслонили пудовые гири ее груди.

— Тосио, я полюбила тебя с первого взгляда, а ты убегаешь от меня... Может, ты девственник?! — донеслось из распахнутой двери автомобиля.

Полку любопытствующих бездельников прибыло. Невесть откуда появился репортер «МК» и направил объектив фотокамеры на автомобиль...

Попытки контрразведчика вытолкнуть бесстыдницу из автомобиля натолкнулись на яростное сопротивление.

Он почти справился с рехнувшейся от страсти нимфоманкой и сбросил ее с колен, как вдруг она случайно нажала педаль газа.

Взревев, «Тойота» помчалась вперед и, преодолев бордюр, выскочила на тротуар.

В последний момент японцу удалось дотянуться до баранки, и он судорожно вращал ею, пытаясь свернуть на проезжую часть улицы.

Пока Миядзаки был занят проблемой, как уйти от столкновения с пешеходами, Эдита стащила с себя платье, а спутнику разорвала ширинку на брюках.

Кульминация всей операции: агентесса зубами впилась в крайнюю плоть инородца! Брызнула кровь, раздался нечеловеческий вопль, и «Тойота» врезалась в стоящий на обочине грузовик.

Подбежавшим сыщикам «наружки» — загримированные под алкашей, они сначала стояли у входа в магазин, а затем гнались за потерявшей управление иномаркой — едва удалось отодрать женщину от обезумевшего

от боли иностранца. При этом они не могли отказать себе в удовольствии и отвесили этому влиятельному лицу пару увесистых оплеух по его ставшей отнюдь не влиятельной физиономии.

Отлились объекту слезы «наружки», сдерживаемые в течение двух лет!

В милицейском протоколе, однако, было зафиксировано совсем другое: японский дипломат, пытаясь изнасиловать гражданку Иванову, вошел в раж и в припадке садистского наслаждения детородным членом разорвал губы жертве своей патологической страсти. Вот до чего доводит импортный секс!

Когда Миядзаки и женщину выволокли наружу, затвор фотокамеры репортера из «МК» продолжал методично щелкать, а прохожим предстояло стать зрителями бесплатного экстравагантного шоу.

Солидный пожилой господин, явно неславянской внешности, с залысынами и в галстук стоял посреди улицы с приспущенными окровавленными штанами, слезно умоляя оградить его от посягательств сумасшедшей и оказать медицинскую помощь. Он уже не обращал внимания на Эдиту.

Совершенно нагая, она одной рукой вытирала перепачканные кровью губы, а второй обнимала корчившегося от боли «партнера». Приговаривала:

— Ну с кем не бывает, Тосио-сан... Сегодня не смог — не беда, завтра все у тебя получится!

Лихих наездников доставили на 2-ю Фрунзенскую улицу в 107-е отделение милиции.

Миядзаки предъявил свою аккредитационную карточку дипломата и потребовал вызвать консула. Заявил, что на него совершено разбойное нападение.

— Как то есть нападение? — возмутился дежурный лейтенант. — Вы что, господин Мудзаки, хотите сказать, что наши женщины вот так вот, среди бела дня, в центре Москвы бросаются на дипломатов?! Может, они еще и сами раздеваются?! — С этими словами милиционер указал на Эдиту, которая, подбоченившись, стояла в одних туфлях посредине дежурной комнаты.

— Да-да, именно так и есть! Я не знаю эту женщину, я первый раз видеть ее...

— Нет, вы только полюбуйтесь на этого негодяя!! — закричала агентесса. — Позавчера он обещал жениться на мне, назначил свидание, а теперь, когда ему не удалось меня прилюдно изнасиловать, он уже меня не знает! Это что ж такое творится в Москве, товарищ лейтенант?!

Женщина щелкнула замком случайно оказавшейся при ней сумочки и

швырнула на стол две фотографии.

Это были фотографии, сделанные во время приема в посольстве скрытой камерой масловским сотрудником.

Прижавшись друг к другу, улыбающиеся Миядзаки и Эдита свели бокалы, наполненные пенящимся шампанским. Снимки были маленького формата, окружающих не было видно, создавалось впечатление, что двое влюбленных увлеченно воркуют, даже не замечая присутствия фотографа...

— И вы, господин дипломат, после этого утверждаете, что впервые видите эту гражданку?! Не ожидал, не ожидал я от вас такого... Будем составлять протокол!

Миядзаки все понял: плутни русской контрразведки.

С мольбой в глазах поверженный гладиатор забился в угол и до приезда консула не проронил ни звука.

Через день он улетел из Москвы, но не потому, что японскому послу МИДом СССР был заявлен решительный протест по поводу инцидента — ему предстояла серьезнейшая операция по оживлению бесчувственного органа.

Неизвестно, какие аргументы контрразведчик представил в свое оправдание начальству, но в Союз он больше не вернулся.

Не последнюю роль в компрометации лжедипломата сыграли и фотографии, сделанные репортером из «МК». Вместе с мидовским протестом они были вручены послу Японии в Москве...

Маслов торжествовал: Карфаген пал — с ненавистным лжедипломатом покончено, за «аморалку» он выдворен из СССР!

Распутиной предстояла более долгая и кропотливая работа с Самураем.

Глава 10

РУССКАЯ РОМАШКА

*из личного дела №-00000 агента Второго Главного управления КГБ
Распутиной*

«Агенты приходят и уходят, а мысли об их приобретении остаются» — это об офицерах-вербовщиках.

Если соль профессии официанта — в чаевых, то соль профессии контрразведчика — в вербовках, в приобретении источников информации. Их контрразведчики ищут непрерывно во всех слоях населения.

В Службе генерала Маслова особо почитаемыми источниками информации были журналисты-международники, дипломаты, известные адвокаты и ученые. Были в числе агентов и писатели, и артисты. Состоявшиеся и не очень. Последние относились к так называемой околотворческой среде, то есть — к запасному составу игроков.

Разумеется, речь идет не только о наших гражданах, но и об иностранцах.

Едва успев завершить одну вербовочную разработку, любой профессиональный агентурист начинает думать о следующей. Ему все время нужно кого-то обращать в свою веру, на кого-то воздействовать, над кем-то доминировать, кем-то управлять. Особенно это свойственно начинающим спецслужбистам.

Переболеть этим профессиональным недугом довелось и генералу на заре своей оперативной карьеры.

Маслову, как и тысячам его коллег, не пришлось жить и работать в те времена, когда люди сотрудничали с органами госбезопасности за одну лишь идею, как это было в 30—40-х годах, когда основным мотивом сотрудничества являлся антифашизм. Эпоха романтизма ушла безвозвратно, и прежде всего на ниве защиты и добывания секретов.

Сегодня кандидатами на вербовку движут не просто земные, но зачастую довольно низменные побуждения.

Вербовать приходится в основном из числа людей ущербных и закомплексованных, одержимых страстями или наделенных какими-то пороками; страдающих непомерным самомнением и, как им кажется, невостребованных, а отсюда — недополучивших благ и почестей за свои

реальные или мнимые заслуги перед обществом; корыстолюбивых, ставящих превыше всего личную выгоду и собственное благополучие; злобных и мстительных, не умеющих прощать обиды; беспринципных, азартных игроков, готовых ради сомнительного удовольствия поставить на карту собственную судьбу и судьбу своих близких.

Разумеется, все перечисленные качества не могут присутствовать в одном человеке, хотя Маслову доводилось иметь дело и с такими персонажами, которых иначе, как «сосудом пороков», не назовешь.

Впрочем, зачастую и одного порока достаточно, чтобы оказаться на крючке у спецслужб.

«Спецслужбы взывают к самым низменным страстям и устремлениям, и в этом их высший разум», — сказал классик мирового шпионажа Аллен Даллес.

Что ж, цинично, но схвачено верно...

* * *

Впервые Валентина Борзых, по кличке СОРВАНЕЦ, блестяще исполнила чужую роль в тринадцать лет, выступив на сцене майкопской филармонии, где давал представления заезжий гипнотизер-эстрадник Давид Блаво.

Короткая стрижка «а-ля Гаврош», угловатые движения и размашистая походка, потертые джинсы и рубашка-ковбойка, наконец, низкий голос и отсутствие всякого намека на грудь вводили в заблуждение окружающих — Валентину неизменно принимали за мальчишку. Давид Блаво не был исключением. Поэтому Валентина нисколько не удивилась, когда он выудил ее в числе других, как ему казалось, особо внушаемых подростков-мальчишек из зала, чтобы продемонстрировать свое искусство погружать людей в транс и лепить из них, как из глины, все, что было угодно ему и чего требовала публика.

Построив ребят на сцене, гипнотизер медленно двигался вдоль шеренги.

Каждого «подопытного» он доверительно брал за руку, пронзительно смотрел ему в зрачки и ласково спрашивал, как его зовут.

Когда очередь дошла до Борзых, она без тени смущения ответила басом: «Валентин!»

Зал замер в предвкушении чуда. Даже когда на галерке кто-то, не выдержав напряжения, громко пукнул, в зале не раздалось ни смешка.

Через несколько секунд после начала священнодействия Валентина поняла, что команды гипнотизера лишь сотрясают воздух, а она при всем своем желании не в состоянии поддаться внушению. Появившееся было легкое головокружение тут же улетучилось. По спине струился горячий пот, а внутри закипала ярость на себя и на артиста: гипнотический сон не наступал!

Чтобы не ставить в неловкое положение заезжую знаменитость, Валентина сквозь опущенные веки следила за стоящими рядом фигурантами, стараясь точь-в-точь повторить все их движения.

Когда наконец раздалась команда: «Всем проснуться и открыть глаза!», Валентина почувствовала смертельную усталость и безразличие ко всему происходящему. Странно, но именно после команды ей захотелось спать.

Она готова была уже покинуть сцену, как вдруг к ней резво шагнул гипнотизер.

Не обращая внимания на шквал аплодисментов, он схватил за руку ее и стоящего рядом женоподобного мальчика-херувимчика и повелительным тоном произнес: «Вы оба — за кулисы, быстро!»

В примерной гипнотизер рассадил их по разным углам в роскошные кожаные кресла, сам уселся к столу, на котором стояла початая бутылка шампанского. Угостил ребят вином и московскими конфетами.

Валентина пить не стала, только пригубила.

Херувимчик смело опрокинул в себя бокал, потом еще... Выпив, он вмиг осмелел, робость от незнакомой обстановки и общения с властелином человеческой психики улетучилась, его понесло.

Блаво, услужливо подливая мальчишке вина, подробно расспрашивал об ощущениях, которые испытывали ребята, находясь в гипнотическом трансе.

Валентина отвечала односложно, ссылаясь на глубокий сон. Разумеется, она ничего не сказала о своем лукавстве. Зачем портить настроение такому гостеприимному человеку?

Херувимчик заливался соловьем, на ходу придумывая совершенно невероятные сюжеты снов, которые ему якобы довелось видеть в состоянии транса.

Артист с таким интересом внимал его рассказу, что даже придвинулся поближе...

Пристально наблюдая за реакцией своих малолетних гостей, Блаво начал рассказывать непристойные анекдоты об отношениях мужчины и женщины в постели.

То ли от услышанных скабрзностей, то ли от того, что артист стал

ласково поглаживать его коленку, херувимчик густо покраснел и закашлялся.

Валентина же — вот она, девичья ревность! — запрокинув голову, громко рассмеялась и неожиданно для себя хлопнула рассказчика по коленке.

Панибратство гипнотизер воспринял как сигнал к действию. Тут же вскочил, засуетился и начал скороговоркой увещевать ребят:

— Валентин, Боренька, сейчас летние каникулы, вы свободны, а мне нужны два ассистента... Вы прекрасно держитесь на сцене, мы с вами можем неплохо заработать... А что? Покатаетесь, побываете в разных городах, узнаете, что такое жизнь актера... Завтра выезжаем в Ставрополь, далее — Краснодар, Сочи, Сухуми... Оттуда на поезде вернетесь домой. Думаю, вы уже достаточно взрослые — проблем с родителями не возникнет, вас отпустят... Ну так как, идет?

Не дожидаясь ответа, скороговоркой добавил:

— Мне вот только еще один... испытательный сеанс надо провести с вами... Прямо здесь, прямо сейчас... Не будем терять времени! Значит, так: уселись поудобней, расслабились... Начали! Я совершенно спокоен, моя голова пуста и свободна, мышцы лица расслаблены, руки и ноги наливаются тяжестью...

Все время, пока говорил Блаво, девочка, зажмурившись, безучастно слушала знакомый речитатив, думая о своем. На этот раз не было ни ярости, ни ручьев пота по спине, только спокойствие, отрешенность и... любопытство.

Вновь притворившись легко внушаемой, Валентина задавала себе один вопрос: «А что будет дальше?»

Собственно, только поэтому она и не ушла сразу после услышанных анекдотов: «Фу, какая мерзость, а еще артист, гипнотизер!»

Вдруг раздался храп. Блаво тут же замолк, а Валентина, повинуясь внутреннему бессознательному толчку, открыла глаза.

Храпел херувимчик. Самозабвенно. С причмокиванием.

В тот же миг Блаво вскочил на ноги и бесшумно метнулся к распростертому на диване телу. Тренированным движением расстегнул молнию на джинсах мальчишки. Со словами: «А поверотись-ка, отрок!» — уложил его на бок. Одной рукой оголил попку херувимчика, другой вынул свой член и...

Как только артист вонзил свою плоть в херувимчика, Валентина сорвалась с кресла, плечом выбила дверь и сломя голову бросилась наутек.

Целый вечер Валентина не находила себе места — искала, с кем бы

поделиться увиденным, а главное — выяснить, что ж это за любовь такая, когда мужчина с мальчиком?!

* * *

Отклик и понимание своих забот Валентина нашла у соседки. Мальвина Вишня была старше на пять лет и училась в Москве во ВГИКе. Приезжая на каникулы в родной город, она поражала воображение бывших одноклассниц ярко покрашенным ртом, рискованно короткими юбками, умением ходить на высоких тонких каблуках, бесстыдно покачивая бедрами, и вызывающе прилюдно курить длинные заморские сигареты с золотым ободком.

Подруги-провинциалки любовались плавными узорами ее движений и зачарованно внимали каждому слову, когда она, полулежа на кушетке, проникновенно-сексуальным голосом мурлыкала под гитару песни о безысходной любви и ностальгии белогвардейских офицеров.

От Мальвины исходило какое-то жаркое томное свечение. Она вся, казалось, была переполнена желанием брать и давать любовь.

О, в ней эта столичная мессия знала толк!

Во всяком случае, она ненавязчиво подсказывала этот вывод, когда, симулируя всезнающую скуку, рассказывала о своих московских похождениях.

Все время ее пребывания в Майкопе окружавшие девчонки только и делали, что жили ее влюбленностями и разочарованиями, беременностями и выкидышами...

Она бескорыстно передавала восхищенному окружению весь набор искусных уловок, способных прельстить любого мужчину — как двигаться, как одеваться, как нужно красиво курить, как изящно давать деньги швейцару при выходе из ресторана и даже как отдаться выбранному на вечер мужчине.

«Девочки, — любила повторять Мальвина, — запомните, если и есть что-то красивое на земле, так это преисполненное неги женское тело. Каждое утро начинайте с принятия ванны и беспрестанно повторяйте себе: «Господи, как я хороша! И какие все же счастливики эти мужчины, которым я иногда достаюсь!» Жемчуг, чтобы он не терял своего блеска, надо носить на теле. Он впитывает вашу энергию и живет вместе с вами. Так и ваше тело, и вы в нем. Чтобы оно и вы жили полнокровной жизнью, надо постоянно хвалить себя и свое тело. Поверьте, мое тело столько знает!

Уверяю вас, достаточно любому мужчине провести со мной два дня и две ночи, и он будет есть у меня из рук!»

Для многих малолетних слушательниц общение с Мальвиной, с этой искусственной стервой, было своеобразным курсом сексуального ликбеза, и они со всем юношеским пылом и азартом бросались наверстывать, как им казалось, упущенное, а по сути — реализовывать на практике чужой опыт.

Прирученные Мальвиной девчонки на все смотрели ее глазами, с завистью повторяя про себя: «Господи, как хорошо быть такой красивой и все знать о жизни, шагать вперед, не зная поражений, источать любовь, получая в ответ взаимность, и наслаждаться, наслаждаться, наслаждаться!»

...Когда Валентина пришла в гости, Мальвина встретила ее, лежа в постели, превращая свое лицо в чудо косметического искусства.

Девочке показалось, что умудренная опытом подруга, сосредоточенно вглядываясь в зеркало, не слушает ее. Однако тут же убедилась в обратном.

— Знаешь, что я тебе скажу, Сорванец? Тобой не просто движет любопытство. Тебе не только хочется узнать о любви мужчины к мужчине и почему этот гипнотизер воткнул свой член в мальчишку. Ты пришла, чтобы узнать, каким должен быть твой первый шаг, не правда ли? У тебя в лобке уже горит пламя, а груди вот-вот лопнут от желания.

Плоть — это кабала, это — вериги души. События в гримерной разбудили дремлющие инстинкты, и тебе наверняка с тех пор снятся голые мужчины с огромными торчащими членами. Только не ври мне, что это не так! Да, мир вокруг нас переполнен сексом. И вчера ты сама в этом убедилась. Вчера для тебя была любовная трагедия — почему трахали мальчишку, а не тебя... В тебе проснулась девичья ревность. Но ничего! Во-первых, этот артист — попросту паскудный педофил, и не больше. Тоже мне, нашла к кому приревновать! Наконец, первое страдание дает отроку зрелость и новые глаза. Не познав первого поражения, трудно карабкаться выше...

Знаешь, один умный человек сказал: «Препятствия есть рождение возможностей. Будьте благословенны препятствия — вами мы растем!»

Искусительница перевела дыхание и продолжала с энтузиазмом:

— Послушай, что я тебе скажу! Если ты сейчас же не займешься сексом, то потом будет слишком поздно, а тем временем ты будешь медленно угасать и сатанеть, превращаясь из девки-перезрелки в опасную ведьму...

Это придумала не я — психологи и сексологи. Я лишь проверила их теории на своем опыте...

Это ничего, что ты выглядишь мальчишкой и тебя зовут Сорванцом,

пусть тебя это не смущает. Ты очень мила, и год-два интенсивных занятий сексом превратят тебя в красивую женщину... Может быть, в самую сексапильную из тех, что мне доводилось видеть, уж поверь моему опыту... Только я бы советовала тебе расстаться с этим провинциальным гнездом. Тебе нужен простор, крылья ты сможешь расправить только на столичном небосклоне... Нет-нет, начать можно и здесь, но дальше...

— Что ты! — воскликнула Валентина. — Я же девушка!

— Это все преходяще, — с философским спокойствием заметила дефлорированная еще в пятом классе Мальвина, — главное, чтобы первый твой мужчина был толковый и обходительный...

— Нет-нет! Этого не надо! Я боюсь!

— Тоже мне Сорванец! — с насмешкой сказала наставница. — Лазать по крышам и прыгать с третьего этажа не страшно, а... Тогда я не понимаю, зачем ты ко мне пришла? Впрочем, выход есть...

Я хочу открыть курсы полового просвещения... Если тебя устраивает — приглашаю! Тебе, как девственнице, — первый урок бесплатно!

Значит, слушай. Сейчас в Москве все старшеклассники увлечены разными сексуальными игрищами. Чисто мужской игре белогвардейских офицеров — РУССКОЙ РУЛЕТКЕ акселератки из старших классов противопоставили свою под названием РУССКАЯ РОМАШКА, в ходе которой надо крутить не барабан револьвера, а головку члена...

И Мальвина с азартом начала рассказывать.

Итак, пять-шесть девиц, уже познавших удовольствие от совокупления с мужчиной, но по большей части — вчерашние девственницы, движимые любопытством и жаждой познания своей и мужской физиологии, приглашают мальчика из числа школьных кумиров распить бутылку вина. Выбирают рослого, физически крепкого и внешне привлекательного индивидуума.

После распития нескольких бутылок вина девочки, смеясь и подзадоривая друг друга поощрительными возгласами, начинают раздеваться, а крупье — хозяйка квартиры, предлагает делать ставки.

В стеклянную (чтоб было видно всем) банку летят трешки или пятерки — размер разового взноса в «партийную кассу» зависит от достатка родителей девиц, принимающих участие в игре. Взнос сделан, теперь делайте вашу игру, господа!

Ничего не подозревающий, но уже достаточно захмелевший и приятно удивленный витязь вдруг оказывается без тигровой шкуры: веселясь, девицы вмиг разоблачают его донага и опрокидывают навзничь — торчащим членом вверх — в центре комнаты.

Соблюдая строгую очередность, девицы поодиночке усаживаются на повергнутого самца и вводят его восставшую плоть в себя, делая пять-шесть фрикций. Их количество под строгим контролем крупье. За лишний мах виновница карается штрафным взносом в общую кассу.

Закончен первый круг — снова трешки или пятерки летят в банку. И так до тех пор, пока молодой бог напрокат не окатит какую-нибудь участницу секс-карнавала своим эякулятом. Та девица, которой достается плевков (или целый каскад!) семени, срывает куш — получает всю «партийную кассу».

Зажав под мышкой стеклянную банку с деньгами, счастливица в ритуальном экстазе вылизывает головку члена-дароносца.

Дароносца? Еще бы! За один сеанс в «партийной кассе» собирается от семидесяти пяти до ста пятидесяти рублей. О-очень большие деньги по тем временам!

— В игре в РУССКУЮ РОМАШКУ, — подытожила Мальвина, — существуют свои непреложные правила. Во-первых, одного и того же мальчика нельзя приглашать более трех раз...

— Почему?

— Да потому, что он обязательно вступит в сговор с кем-нибудь из девиц и будет кончать только с ней. Он же отчислений из партийной кассы не имеет — достаточно того, что ему бесплатно отдаются пять девиц за раз! А договорившись с кем-нибудь из девчонок «упасть в долю», он будет иметь часть ее куша. Удобно двоим, а не коллективу...

Мне-то все равно — я в любом случае не в проигрыше, мне идут комиссионные за аренду квартиры... А другим какво? Если постоянно будет выигрывать одна — остальные потеряют интерес и разбегутся... Ясно?

— А во-вторых?

— А во-вторых, никогда не приглашать девочек — мышиный глаз!

— Кого-кого?

— Вот таких, как ты — девственниц, или тех, у кого очень узкий вход во влагалище — мышиный глаз... На них всегда и кончают! Но для тебя я сделаю исключение... С деньгами небось туго?

— Да, только на бабкину пенсию и живем...

— А за родителей ты разве ничего не получаешь?

— Так отца же признали виновником аварии. Останься он жив — еще бы и остальным пострадавшим платил...

— Ну вот и договорились! Завтра приходи — заработаешь. Я тебя последней в круг поставлю, так что касса будет твоя... А мне отдашь

половину...

СЕКСУАЛЬНАЯ МАШИНА

из личного дела № 00000 агента

Второго Главного управления КГБ Распутиной

К семнадцати годам Валентина, как и предрекала Мальвина, превратилась в красивую и эффектную женщину.

Самозабвенно раскручивая РУССКУЮ РОМАШКУ и овладевая техникой группового секса, Валентина два раза беременела и дважды абортировалась.

Подельницы-ромашки в конце концов раскусили уловку, и она перестала быть для них Сорванцом, получив новое прозвище: Мышиный Глаз.

Вскоре «глаз» утратил свою эластичную упругость, и мужские члены болтались в нем, как спицы в сапоге.

По окончании школы Валентина последовала за своей наставницей в Москву и поступила на актерский факультет ВГИКа, но через два года ее отчислили за непосещаемость. Действительно, с официантами престижных столичных ресторанов она общалась чаще, чем с преподавателями ВГИКа.

Пороки, разбуженные в ней Мальвиной еще в Майкопе, буйно расцвели в столице.

Валентина, восторженная девица, пригубив в отрочестве из чаши греха, теперь стала пить из этого сосуда жадными глотками. За два года эпизодических посещений учебных классов ВГИКа несостоявшаяся актриса обзавелась целым гаремом любовников, где преобладали народные артисты и обремененные лауреатством мастера важнейшего из искусств с Мосфильма. Их количество не поддавалось подсчету — обольстительница работала с размахом, нещадно опустошая их карманы. Престарелые мэтры советского кино не возражали. Их покладистость объяснялась просто: стремясь обрести второе дыхание на закате своей физической и половой активности, они на красивых и уступчивых студенток до 20 лет денег не жалели.

В коллекции новоявленной дивы из провинции сверкали даже такие драгоценные камни, как Сергей Мартинсон и Михаил Жаров — Валентину не раз видели в их обществе в Сочи в конце 70-х годов.

Воздыхатели-клиенты передавали свою юную, но многоопытную по части сексуальных извращений наперсницу, как божественный дар — из

рук в руки, однако за глаза называли Валентину Голодной Уткой или Сексуальной Машиной. Их жены в бессильной злобе за подорванный семейный бюджет дали ей прозвища Половая Бандитка и Похотливая Сучка.

Бесконечные любовные похождения Валентины неизменно заканчивались шумными скандалами. И лишь потому, что Валентина делала все слишком: если влюблялась, то до потери сознания, если напивалась, то вдрызг, если отдавалась, то троим одновременно... После многих передраг она стала осторожнее и конспиративнее: на какое-то время ее имя перестало быть на слуху.

Но длилось это недолго, ибо кудесники советского экрана, не в силах устоять перед ее сексапильностью, гонялись за ней, как свора кобелей за сукой во время течки.

Мальвина сквозь пальцы смотрела на похождения подруги: «Ничего — перебесится!» Но однажды грянул гром, вмиг реанимировавший ее инстинкт самосохранения.

...В 1976 году разразился громкий скандал, фигурантами которого была Валентина и Олег Видов, купавшийся в лучах славы киноактер, красавец, бонвиван, повеса, выпивоха, секс-символ и кумир всех молодых женщин Советского Союза конца 60-х — начала 70-х годов.

Стремительно начавшись, его роман с Валентиной так же стремительно и закончился. Причиной тому был не только ультиматум жены Видова — Натальи Федоровой: либо она, либо Валентина, но и оказанное на Олега давление со стороны друзей его жены.

Казалось, что такой дилеммы для Олега вообще не должно было бы существовать, ибо, будучи женат на Федоровой, он автоматически становился звездой. Даже не приложив никаких усилий, он был одним из самых ангажированных, а значит, наиболее высокооплачиваемых актеров советского кино. Однако...

Федорова — женщина неземной красоты, от которой сходили с ума все знавшие ее мужчины, к которой сватались самые знатные женихи Советского Союза: сын композитора Дмитрия Шостаковича, дети баснословно богатых и знаменитых на весь мир авиаконструкторов Туполева и Ильюшина, отпрыски членов Политбюро Виктора Гришина и Андрея Кириленко.

Среди ее воздыхателей числились и плейбои интернационального калибра — от шаха Ирана до бородатого революционера с острова Свободы.

Фидель Кастро, к примеру, для свиданий с Натальей прилетал в Союз

по несколько раз в году под надуманными предлогами: консультации у врачей кремлевской больницы, лечение зубов, посещение сеансов известной экстрасенсорши Джуны...

Отец Натальи, генерал КГБ Георгий Федоров, воевал вместе с будущим Генсеком, и, когда Леонид Ильич в конце 50-х перебрался в Москву, они стали дружить семьями. Наталья и Галя Брежнева стали закадычными подругами.

Впервые Галина на пороге дома Федоровых появилась в обрезанных валенках и в жакете, перешитом из папиной шинели. Косноязычная провинциалка, она в лице матери Натальи нашла бесплатную гувернантку и репетитора, преподававшую ей немало уроков хорошего тона и светских манер.

Федорова-старшая сумела на некоторое время отучить Галину прилюдно лузгать семечки и ругаться матом, да и вообще придала необходимый ее статусу лоск. В частности, научила разбираться в драгоценностях, тем самым привив к ним роковое влечение. Не сумела лишь одного: вытравить из ее речи неистребимый украинский выговор с еврейскими интонациями — все родственники Галины по линии матери, Виктории Петровны, евреи по национальности, говорили на ужасной смеси русского, украинского и идиш.

К 1968 году женщины поменялись ролями: теперь уже Галина Леонидовна шефствовала над женской половиной семьи Федоровых.

По ее настоянию Алексей Нагорный, сценарист фильмов «Алые паруса» и «Рожденная революцией», пригласил Наталью на эпизодическую роль в своем фильме.

Сделала это Галина Леонидовна, чтобы отвлечь подругу от свалившихся на нее жизненных неурядиц: Наталья овдовела, потеряв первого мужа; ее кумиром и ухажером Владимиром Высоцким безраздельно овладели Марина Влади и зеленый змей; Олег Даль, числившийся первым в списке кандидатов в мужья, предпочел ей Елизавету Эйхенбаум, внучку известного филолога Бориса Эйхенбаума. И это несмотря на то, что избранница Даля была старше его на шесть, а Натальи — на десять лет. Словом, было от чего прийти в уныние!

Как-то после съемок Галина предложила всей труппе поехать «оттянуться» в ресторан гостиницы «Интурист», модное тогда место тусовок столичной «золотой молодежи». Там Наталью немедленно взял в оборот яркий молодой блондин, обрушив на нее каскад комплиментов. Через десять минут, пригласив на танец, он предложил руку и сердце.

Как оказалось, их знакомство было подстроено великой свахой и

сводницей Галиной Леонидовной, у которой Видов буквально валялся в ногах, умоляя поспособствовать в сближении с Федоровой.

Узнав, что Олег уроженец деревни Филимонки Московской области, его отец — бухгалтер, а мать преподает в начальных классах, Наталья наотрез отказалась продолжать знакомство. Ровня ли ей, от блеска которой меркли даже кремлевские звезды, какой-то выкидыш счетовода и училки?!

Но Галина Леонидовна вела свою, только ей ведомую игру.

«Знаешь, Наташа, — сказала она, заметив сомнения подружки, — если бы я не была замужем, немедленно приняла предложение этого блестящего гусара!»

Ненароком брошенная фраза сыграла решающую роль. Несмотря на установку отца: «В киношных хлыщай не влюбляться!» — Наталья предложение приняла. Однако не в силах отказать себе в удовольствии продемонстрировать свою власть над по уши влюбленным Олегом, с напускной жесткостью сказала: «Завтра или никогда!»

Видов воспринял слова буквально.

На следующий день в загсах был выходной день, но что Галине Брежневой до забот совслужащих, в которых она видела своих холопов?! Мы рождены, чтоб сказку сделать былью! Один звонок по «вертушке» — аппарату правительственной связи — Владимиру Промыслову, председателю Мосгорисполкома, и вопрос решен: все нужные для регистрации брака сотрудники собраны, хоть для этого пришлось кого-то вытаскивать из теплой постели, а за кем-то гонять машину на дачу в Подмоскowie.

В десять утра Дворец бракосочетаний на улице Грибоедова был расцвечен фейерверком огней, и любимица Галины Леонидовны госпожа Федорова благополучно отбыли замуж...

Семейная идиллия длилась недолго.

Межконтинентальные свидания Фиделя Кастро и Натальи резко обострили и без того непростые отношения между Олегом и Натальей. Видов, исходя бессильной ревностью и злобой, начал искать спасения в алкоголе.

Каждый раз по возвращении из Завидова, где останавливался команданте, Наталья, не скрывая своих чувств к кубинцу, с томной усталостью произносила:

«Боже мой, какой блестящий и интересный человек!»

За этим следовал вопрос Олега: «А кто был переводчик и как он выдержал такую многочасовую беседу? Ты ведь по-испански не знаешь ни слова?»

Ответ был неизменно прост: «Господи, Олег, что ты за бестолочь! Неужели не понятно, что иногда в общении мужчины и женщины, даже если они говорят на разных языках, посредники не требуются... Тем более с таким неумным... революционером!»

В заповеднике благополучия, в который попал Видов, женившись на Федоровой, густо запахло изменой.

Олег, мысленно рвавшийся душой к своим молоденьким обожательницам и прежним подружкам, теперь отдался им всем телом. Вскоре он познакомился с Валентиной. Их постоянно видели вместе в ресторанах гостиниц «Интурист» и «Метрополь», в кафе «Хрустальное» на Кутузовском проспекте и в кафе «Артистическое» в Художественном проезде.

Когда компанию Олегу составляла Галина Брежнева, они напивались до потери пульса.

В киношных тусовках наперебой обсуждались каверзы, которые устраивала Валентина своей сопернице. Со слов очевидцев, отряду которых прибывало по мере обсуждения темы, Валентина, чтобы спровоцировать разлад в семье и подвигнуть Видова к решительным действиям, ежедневно заявлялась к нему в высотку на Котельнической набережной.

Каждый раз на пороге ее встречала Наталья. Начиналось выяснение отношений. Дом сотрясался от ругани и оскорблений. Поприсутствовать на разборках «залетов» Олега, которого окружение до этого знало как примерного семьянина, и послушать выступления обезумевших от любви и ревности двух молодых красавиц сбегались, забыв о приличиях, соседи с других этажей — когда еще бесплатно увидишь такой спектакль!

Однажды Валентина заявила в непотребно пьяном виде на... поливальной машине. На глазах у всего дома разделась и начала купаться совершенно голая в струях поливалки перед окнами квартиры Федоровой. Затем под улюлюканье и поощрительные возгласы жильцов, побила стекла, угрожала самоубийством и ругалась нецензурными словами на весь двор. Кто-то из доброжелателей вызвал милицейский наряд.

Дебоширку забрали, но через два часа она, как ни в чем не бывало, появилась вновь и, оттолкнув в сторону старушку-консьержку, с целеустремленностью танка ринулась наверх.

Оказалось, что все происходившее до этого было лишь репетицией генерального сражения, которое развернулось на пороге квартиры Федоровой через несколько минут...

Началось, как водится, с элементарной бабской перепалки, во время

которой Валентина обозвала соперницу «синим чулком». Первая проба клинка оказалась удачной — укол пришелся в самую чувствительную точку души.

В ответ Наталья выхватила из кармана халата пачку фотографий с изображением Валентины, нагишом купающейся в струях поливальной машины.

Возможно, у Федоровой сработала генетическая память и она реализовала навыки своего отца-кагэбэшника, поднаторевшего в компрометации людей с помощью скрытой фотосъемки. Как бы там ни было, в руках Наталья держала десяток моментальных снимков, сделанных с помощью подарка иранского шаха — фотоаппарата «Полароид». Пока Валентина плескалась в фонтане брызг, Наталья, прячась за оконной шторой, без устали щелкала затвором импортной вещицы. Потряса графическим компроматом, она не своим голосом закричала:

— На, полюбуйся на себя, овца паршивая! Завтра эти фото будут на столе начальника милиции Москвы! И попробуй докажи ему, что ты — порядочная женщина!

— Ха-ха! — раздалось в ответ. — Нашла чем удивить... Да я тебе таких фото — мешок доставлю! Но на них я не одна — с Олежкой... Отнеси заодно и их!

Такого оборота Наталья, до глубины души уязвленная наглостью и беспардонным вторжением в ее жизнь какой-то выскочки из северокавказского захолустья (справки с помощью папы уже были наведены в отделе кадров ВГИКа!), никак не ожидала.

— Ах ты шлюха! — заорала Федорова, и в тот же миг Валентина получила такую затрепину, что снопом рухнула на пол.

Они сцепились с яростью диких кошек, но весовые категории были неравны — рослая Валентина легко подмяла под себя хрупкую обидчицу и пустила в ход свои длинные, каменной твердости ногти. Вжик-вжик! И на подбородке, шее и руках агрессора появились красные полосы.

Женщины дрались подло — царапались, кусались и выдирали друг другу волосы, едва не снимая скальп!

Рядом бегали перепуганные соседи и пытались их разнять: «Господи, бабы! Да стоит ли этот кобель вашей кровушки?! Перестаньте сейчас же!»

Тогда Валентина торжественно поднялась, отряхнула платье, щелкнула замком сумочки и показала обомлевшей Федоровой фото, где была изображена в обнимку с возлюбленным. Оба — голые!

Спокойно, с расстановкой сказала:

— Вот это я завтра покажу начальнику милиции... И попробуй докажи

ему, что ты — любимая женщина...

Вслед за этим развернулась на каблуках и с гордо поднятой головой покинула поле брани. Навсегда.

* * *

Брак Видова с Федоровой все-таки распался. Друзья семьи Федоровых, и прежде всего Гали на Брежнева, пытались образумить «бунтовщика». Она прямо заявляла Олегу:

«Я тебя оженела — я же тебе и яйца оторву!» Но добились лишь одного: отвернувшись от Валентины, Видов бесповоротно порвал с Натальей. Благодаря стараниям Брежневой, Олега перестали приглашать сниматься, а в 1978 году по окончании им режиссерского отделения ВГИКа руководство института долгое время даже отказывалось выдать ему диплом, потому что этого требовали «сверху».

Немалые огорчения доставляли актеру и запреты встречаться со своим сыном Вячеславом. Федорова или не пускала его на порог, или прятала ребенка.

Регулярные попытки испортить Олегу жизнь и карьеру, предпринимаемые друзьями генерала и его дочери, подтолкнули его к выезду на съемки за рубеж — в приглашениях от иностранных режиссеров недостатка не было.

Правдами и неправдами, взятками и посулами таковых Видову удалось выехать в Югославию. Узнав об этом, папа Натальи через свои оперативные возможности разыскал его и приказал в 72 часа вернуть «отступника» в Союз. Этот ультиматум заставил Олега призадуматься. Что ждало его в СССР? Невозможность пробиться на съемочные площадки? Безденежье? Унижение и насмешки друзей бывшей жены? И он решил.

С помощью своего друга-актера Видов перешел австрийскую границу, а затем перебрался в Италию. Вскоре он встретил свою вторую жену — продюсера и журналистку Джоан Борстен, с помощью которой переехал в США и неплохо устроился в Голливуде.

Бегство Видова произвело в высших партийных инстанциях эффект разорвавшейся бомбы — кто выпустил?!

Галина Брежнева исходила желчью от бессилия достать своего протеже. Но так как ее ставленник был недосягаем, вся ее злоба теперь была переадресована Валентине. Галина Леонидовна поклялась известить плутовку во что бы то ни стало...

Своими заботами генерал Федоров поделился с Масловым, с которым был в приятельских отношениях, но тот вежливо отклонил просьбу коллеги использовать оперативные возможности своей Службы для возвращения беглеца и укрощения строптивицы — не тот калибр. Однако фамилию Борзых на заметку взял — мало ли когда и при каких обстоятельствах понадобятся услуги такой красавицы, которая может составить конкуренцию самой Федоровой! Более того, распорядился провести предварительное изучение Валентины на предмет выяснения возможности привлечь ее к сотрудничеству в качестве секретного агента. Полученные данные впечатлили генерала, но перейти к активным вербовочным мероприятиям мешала текучка.

Тонкая папочка с результатами изучения не знающей поражений потрошительницы мужских сердец и кошельков осталась лежать в сейфе. До поры... Мальвина же, почувствовав, что за спиной подруги точатся ножи, начала действовать решительно и бескомпромиссно.

Мальвина Вишня, красивая и неотразимо вульгарная, предприимчивая и целеустремленная женщина, обладала секретами алхимиков из всего делать деньги. В этом Валентина имела возможность убедиться еще в Майкопе.

Однако главным ее талантом было умение заводить знакомства с нужными людьми, поэтому основной статьей ее дохода были мужчины — одновременно она находилась на содержании у нескольких то ли докторов наук, то ли членов-корреспондентов.

Ее любимый афоризм: «Каждая красивая, уважающая себя женщина должна иметь трех зверей: соболя на плечах, «Ягуара» в гараже и козла, который это все оплатит», — был не просто остроумным сочетанием слов, — руководством к действию, которое она с успехом реализовывала в жизни.

Однако приобретение постоянного спутника жизни из числа отечественных денежных тузов в ее планы не входило — она спала и видела себя гражданкой Франции или Англии. По ее твердому убеждению, только там она смогла бы развернуться во всю ширь своих недюжинных способностей и дарований.

Свое намерение перебраться на Запад она воплощала планомерно и настойчиво. Ко времени приезда Валентины в Москву она оставила ВГИК и теперь успешно овладевала английским и французским языками на филологическом факультете МГУ — за границу надо встретить во всеоружии!

По натуре скрытная и осторожная, свое намерение сменить страну

проживания она утаивала даже от ближайшей подруги-подельницы. Отчасти это можно было объяснить ее неудержимым эгоизмом и гипертрофированной завистью, в основе которых лежал комплекс неполноценности, порожденный чувством мнимой вины за свое провинциальное происхождение.

Она относилась к категории весьма опасных людей, потому что не была обременена предрассудками и моралью. Привлекательность ее состояла не только во внешней красоте — порочный гибрид отца курда и матери польки с Западной Украины была чертовски хороша собой! — она подкупала своей откровенной жадностью до всех жизненных и, прежде всего, сексуальных утех. Коктейль кровей и безродное происхождение давали ей сок и силу — Мальвина по сравнению со своими сверстницами, слепыми котятками, была молодой волчицей.

Прожив в Москве около десяти лет, она настолько пообтесалась и приобрела внешний лоск, что даже коренные московские интеллигенты удивились бы, узнав, что она — дитя без роду и без племени, к тому же и выходец с окраины советской империи.

В свое время она усердно работала над собой и своим имиджем. Мальвина никогда не сквернословила. Выражалась скупой, содержательно и с налетом снобистской скуки. В голосе ее звучали плавные светские интонации. Одевалась с аристократической простотой. Единственное, от чего она так и не смогла отучить себя — от обилия нательных золотых украшений. Хотя их изысканность и цена могли свидетельствовать о ее хорошем вкусе и обеспеченности, а это — надежный пропуск в великосветские московские салоны.

Вообще способность к мимикрии у Вишни была абсолютной.

Как только злые языки обвинили Валентину в развале семьи Федоровой и Видова, Мальвина засучив рукава принялась устраивать личную жизнь подруги и преуспела. Ее интригабельный ум сразу подсказал оптимальный выход — наперсницу надо выдать замуж! А так как подруги недостатка в поклонниках не испытывали, то простор для маневра был достаточно широк. Вскоре сыграли пышную свадьбу. Мальвина не могла отказать себе в удовольствии отомстить за поруганную честь подруги. Прекрасно зная, что Федорова пребывает в одиночестве, она отослала ей исполненное на гербовой бумаге приглашение, в котором указывалось, что сочетающиеся законным браком молодожены — академик Балалыкин и актриса Борзых — почтут за честь лицезреть на своем торжестве *супругов Наталью Федорову и Олега Видова...*

Новоиспеченный муж, престарелый академик-вдовец, стал не только

пластырем, что заклеил рты столичным сплетникам, раздувавшим скандалы вокруг имени Валентины, но и явился тем «козлом», который оплачивал причуды и капризы подруг-развратниц.

Мальвина, под видом сестры Валентины, перебралась жить к счастливым молодоженам в высотку на площади Восстания. Из окна ее комнаты здание американского посольства было как на ладони. Один его вид каждое утро вдохновлял ее на поиски новых путей достижения своей цели — выезда на постоянное жительство за рубеж. Но она по-прежнему хранила в тайне от подруги свои намерения.

Впрочем, Валентина, отдавая всю себя сексуальным утехам, была занята разборками со своими алчущими ее любви и тела любовниками, поэтому не интересовалась Мальвиниными планами на будущее. А после неудачи с Видовым она вообще впала в транс.

«Лекарство от мужчин — это мужчины!» — заявила Мальвина, и подруги бросились искать новых знакомств и развлечений.

Уже втроем они стали посещать элитные московские рестораны: Центрального дома литераторов, Всероссийского театрального общества и Центрального дома работников искусств, где собирались представители столичной богемы, с которыми подруги, нисколько не стесняясь присутствия старого пердуна-супруга, заводили знакомства, откровенно преследовавшие одну цель — секс.

Новые знакомства имели буйное продолжение на даче академика, где устраивались грандиозные приемы, на которых девочки напропалую флиртовали с блестящими кавалерами. Как правило, вечер, начавшись светским раутом, заканчивался сеансом группового секса на ковре гостиной, в оранжерее или в роскошном бассейне. Но обязательно при свечах.

В это время вечно простуженный хозяин привычно находился в ванной комнате, где, обложившись ингаляторами и намазавшись мазями от выпадения волос и появления веснушек, истязал себя очередным курсом лечения.

Выживший из ума ученый, к тому же сексуальный банкрот, он лечился от всех болезней сразу с маниакальным упорством: зубы чистил шесть-семь раз в день, столько же раз заставлял Валентину делать ему очистительные клизмы. Ежедневно принимал по 40 таблеток витаминов, а для профилактики атеросклероза беспрерывно щелкал семечки. Все бы ничего, но того же он требовал и от своей пышущей здоровьем супруги...

Безразличие к жизни после разлуки с Видовым усиливалось, Валентина чахла на глазах, и Мальвина попыталась вывести ее из этого состояния, соблазнив экзотическими плодами Черного континента — неграми, с которыми поддерживала отношения, проживая в общежитии МГУ.

В жаркий июльский день подруги устроили на даче эксцентричный прием, чтобы отпраздновать госпитализацию академика в кремлевскую больницу.

Валентина, пребывая в тяжелом «отходняке» после бурно проведенной ночи с традиционной групповухой под утро, лежала обнаженная на надувном матрасе в бассейне и безучастно наблюдала за гостями.

Некоторые «баклажаны» — негры — резвились в саду, гонялись за подружками напрокат в чем мать родила, самозабвенно предаваясь игре с одним раз и навсегда утвержденным правилом: «кто кого сгреб, тот того и взъеб».

Остальные приглашенные сгрудились на импровизированной танцплощадке и отрешенно стриптизировали. Иссиня-черные, лоснящиеся и пружинистые негры двигались с грацией гепардов. В каждом узоре танца сквозило неприкрытое сладострастие. Валентине эти танцы напоминали секс без единого прикосновения.

Потомки бывших рабов, негры, обучаясь в Стране Советов, себя угнетенными не считали: бравировали возможностью беспрепятственно выезжать в любую страну мира, приобретать недоступные совгражданам вещи в «Березке», а при желании и обладать любой приглянувшейся москвичкой.

Действительно, некоторым нашим девушкам негры открыли радости заграничной жизни. Они не носили башмаков с истоптанными каблуками, от них исходил элегантный запах дорогой туалетной воды, они курили чарующе ароматные сигареты в броских пачках, которые безостановочно влекли к себе — ну-ка, попробуй меня!

С этих сигарет Валентина пристрастилась к курению. Но на этом для нее заканчивался негритянский заграничный шарм.

Пару раз попробовав негра в постели, Валентина сделала для себя вывод, что чернокожие — никудышные любовники, начисто лишенные даже намек на сентиментальность. Примитивно-откровенная, а иногда и наглая — я тебя хочу! — похоть. Поговорить не о чем. Для нее негры были

всего лишь «роботы с яйцами».

По ее убеждению, в общении с нашими женщинами каждый негр преследовал одну цель — секс. Обладание женщиной для него — разновидность спорта и возможность самоутвердиться.

Еще бы! Ведь под ним — белая женщина.

Чтобы показать свое превосходство над партнершей, лежащей под ним разверзнувши ноги, негр, не прерывая фрикции, мог закурить, начать грызть яблоко, шоколад и даже — фу, какая мерзость! — ковырять пальцем в носу. Заметив удивленный взгляд соучастницы акта, он с обескураживающенаивной простотой спрашивал: «Ты уже приехала?» и тут же с гордостью добавлял: «А я еще нет!»

Знай, мол, наших — негров не так-то просто довести до оргазма. А вы, белые, просто слабаки!

...Валентина увидела, как от группы танцующих отделился приятель Мальвины, шофер французского посольства Поль, и неуверенной поступью направился к бассейну.

В начале знакомства он представился подругам помощником военноморского атташе Франции в Москве, что вначале походило на правду.

Навещая девушек сначала в общежитии, а затем в высотке на площади Восстания, он часто менял дорогие иномарки, всегда привозя мешки подарков. Но однажды он был случайно разоблачен собственной женой, хотя об этом и не догадывался. Подруги решили наказать лгунишку, устроив ему показательную экзекуцию.

Однажды Поль, который уже устал от затянувшейся прелюдии — обхаживания обеих подруг одновременно в надежде, что кто-то из них наконец проявит к нему снисхождение и раздвинет под ним ноги, — явился к ним в высотку с огромными кулками разносолов из «Березки». Негр заявил, что отпросился у шефа и может остаться до утра.

Девочки не возражали. Выпили, закусили, потанцевали, уселись смотреть телевизор.

Поль в нетерпении курил сигарету за сигаретой — ну, когда же?

Но по сценарию подруг, ему предстояло испить всю чашу до дна. Зевая и жалуясь на усталость, они, пожелав гостю спокойной ночи, отправились спать, предварительно вручив негру комплект постельного белья и указав на диван в гостиной.

Поль от такой наглости пришел в ярость. Ведь сколько снеди, сколько экзотических напитков привезено! Да за такую роскошь в Африке можно поиметь самок всего племени! А тут?!

Он фурией ворвался в спальню, на ходу сбрасывая с себя одежды. Его

ждали. Но с твердым намерением — не дать, а лишь довести до экстаза. И себя, и негра.

По замыслу заговорщиц и то и другое должен был сделать все тот же Поль.

В крошечной темноте (лампочки предусмотрительно выкрутили) то с одной, то с другой кровати раздавался девичий голос: «Поль, почешу тебе за ушком! Нет, не так — нежнее!» «Поль, поглажь мне спинку! Да-да, здесь, а теперь ниже!» «Поль, повороши мне волосы! Поль, поцелуй мне правую грудь! Да не наваливайся на меня, черт ты безволосый!»

Ошалев от привалившего счастья, Поль без устали метался между кроватей, исполняя девичьи прихоти, нежная и лаская соски груди, спины, плечи, попки. Но не более того. Потаенные, интимные места были на замке!

Благодаря его опытным ласкам девицы давно уже выкрали свою порцию нектара — испытали оргазм, — но прикидывались по-прежнему неудовлетворенными.

Когда же негр, не в силах вынести пытку воздержанием, взмолился о пощаде, девицы хором заявили:

«Поль, милый, ты же знаешь, что мы еще не женщины!»

Этого бедный раб своей и чужой похоти вынести никак уже не мог. С животным рыком он всосал своими толстыми горячими губами клитор Мальвины, одновременно мастурбируя обеими руками...

Утром, когда усталый негр лежал меж двух белых тел — пришлось потрудиться! — девицы огласили приговор:

«За сознательное введение в заблуждение честных советских студенток относительно своего социального и дипломатического статуса приговорить посольского шофера Поля к мере наказания в виде лишения его энной суммы для покупки двух флаконов французских духов «Шанель № 5» и двух пар джинсов «Леви Страус». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Разоблаченный лгунишка не возражал и, когда доставил требуемое, был поощрен двумя половыми актами. С тех пор их сексуальные отношения развивались на сугубо коммерческой основе...

— Валентина, здесь не место для тебя! — заплетающимся языком произнес Поль, подойдя к краю бассейна.

— Я не хочу танцевать...

— Нет, ты не понимаешь! Я имею в виду Москву, Советский Союз...

Валентина внимательно посмотрела на собеседника — что-то уж больно заумно для шофера! Опять надрался, что ли?

— И где же по-твоему?
— На обложках французских журналов! С твоей красотой...
— Поль, поди прочь, мне сейчас не до философии... — вяло отмахнулась Валентина.

— Нет-нет, я серьезно... Почему Мальвина уезжает, а ты остаешься? Тебе тоже надо сваливать отсюда...

От удивления Валентина едва не опрокинулась с матраца в воду.

— Ну-ка, повтори!

— А ты что, не знаешь? — в свою очередь удивился негр. — Она пригласила нас сегодня на прощальный вечер... Она выходит замуж за Жана, повара посла...

— Но он ведь «голубой»!

— Ну и что? Он ей нужен не как мужчина, а как средство передвижения... Жан уже получил три тысячи рублями, а тысячу франков Мальвина заплатит ему после пересечения границы... Сделка взаимовыгодная: на Жана не будут коситься посольские служащие — он же теперь не «голубой», а женатый мужчина... А Мальвина наконец добилась своего — уезжает... Извини, а ты разве не в курсе?

— Откуда ты все это знаешь, Поль?

— Как? От Жана! А тебе разве Мальвина не... Странно, вы же близкие подруги...

— И когда она уезжает?

— А вот только поженит своего брата — и прости-прощай!

Костю, брата Мальвины, Валентина знала хорошо, они учились в параллельных классах майкопской средней школы. Сейчас он был на четвертом курсе экономического факультета МГУ. Общались они строго дозированно и эпизодически — Мальвина оберегала брата от знакомства с порочной изнанкой их жизни.

Через своих многочисленных знакомых Мальвина подыскала Косте невесту — девушку из хорошей семьи. Ее отец — полковник, служил то ли в Генштабе, то ли еще в каком-то секретном военном ведомстве.

«Ну и ну, Мальвина! — постпохмельная заторможенность Валентины вмиг сменилась злостью. — И ты еще претендуешь на звание моей самой близкой подруги?! Сплошные предательства — сначала Видов, теперь ты... Господи! Полоса, что ли, такая пошла? А тут еще старый пердун академик, похоже, в самом деле концы отдаст — третий раз за последние полгода в больнице...»

Хорошо, хоть Христю мне бог послал — солнечный мой лучик в беспросветном царстве, — а то бы и не знала, как жить дальше...»

Глава 11

ОТКРОВЕНИЯ БЛУДНИЦЫ

*из личного дела № 00000 агента Второго Главного управления КГБ
РАСПУТИНОЙ*

БЕЗ ПРИНЦА В СЕРДЦЕ

17 мая, воскресенье

В который раз, когда становится невыносимо тоскливо и одиноко в окружающей меня толпе, я вновь и вновь, мой дневник-спутник, обращаюсь к тебе.

Ведя с тобой неторопливые беседы, доверяя тебе, мой верный друг, самое сокровенное, я имею возможность подводить итоги и, расставляя точки над «і», делать правильные выводы, отделять зерна от плевел, а, сняв камень с сердца и обретя душевное равновесие, завтра опять беззаботно улыбаться окружающим. Пусть все думают, что у такой, как я, нет и быть не может проблем!

А между тем, оказавшись в Москве четыре года назад без денег, без связей, без профессии, я, преисполненная романтики, не смогла примириться с сермяжной прозой жизни, и это глубокое противоречие постоянно оказывало влияние на мою личную жизнь. Наверно, потому я до сих пор одна...

Мои соперницы и завистницы из ВГИКа сегодня сделали карьеру, их постоянно приглашают сниматься. А ведь ни кожи, ни рожи! Ну, что сделаешь, коль бог красоты не дал?!

А тут, казалось бы, все есть, и вместе с тем, что сегодня имею я? Материальное благополучие в виде роскошной квартиры академика? Обожание народных артистов и чиновников ВГИКа? Лишь потому, что я для них — красивая игрушка, кукла для сексуальных утех, они же хором ревут при виде меня обнаженной: «Истая Мэрилин Монро, я хочу ее немедленно!»

Плучек, так тот вообще решил с ходу мною овладеть, наверно, поспорил со своими друзьями-режиссерами, что одной левой уложит меня к себе в постель. Стал в гости захаживать. К себе в театр приглашал — якобы роль собирался дать.

Но знаем мы все твои штучки-плучки! Пока я недоступна тебе — ты

меня звездой Голливуда готов сделать. На словах, конечно. Как только я тебе свое потаенное место обнажу — все! — память у тебя начисто отшибет! Ничего, милый, подождешь, походишь ко мне с подарками, а я тебя пока на секс-диете подержу. Вот роль дашь — тогда посмотрим! Моя подруга, актриса Театра сатиры Таня Семенова, называет его просто — Чек. Такую кличку не дают абы кому — только очень денежному человеку. И он таковым является! Танюша объяснила мне систему поборов, которую внедрил в театре Плучек.

Оказывается, чтобы получить роль, все актеры что-то должны принести. И не важно, будет ли это постельное белье или кольцо с изумрудом, сырокопченая колбаса или серьги золотые — неси, и все тут! Иначе не видать тебе роли.

А его система растления? К примеру, растление блудом. Стоит ему только намекнуть, что он готов дать роль, как все артистки наперегонки бегут к нему в кабинет расстегивать ширинку, даже до дивана не успевают добраться! И вот этот жмот мне обещает роль дать?! Да он удавится скорее...

Но мужик он, по всему видно, не без фантазии! Божился, что он сумеет добиться, чтобы мой портрет стал торговой маркой нового шампуня «Афродита». Этикетку с моим изображением будто бы на каждом флаконе приклепают. А деньги за это я буду получать от фирмы «Красная Москва». И немалые.

Я сразу поняла, откуда ноги растут. Господин Байбаков, будучи председателем Госплана СССР, распорядился, чтобы фото его пассии, артистки Краснодарского театра оперетты Евгении Белоусовой, красовалось на всех бутылках с вином «Улыбка». Так то Байбаков! А ты кто? Всего лишь главреж. Так что, блефуешь ты, любовник мой несостоявшийся, но ход придумал верный, цену. Видно, очень меня захотел в постели с собой видеть. Подождешь!

...В мою бытность студенткой меня вместе с другими сокурсницами-милашками раз в неделю вгиковские бонзы и главрежи московских театров мобилизовывали на выездные «массовки», то бишь попойки в развратно знаменитом санатории в Рузе.

Многие девочки с моего курса не усматривали решительно ничего дурного в том, чтобы походя развлечься с преподавателями и лауреатами, с которых медали вместе с песком сыплются.

Думаю, что трогательная тяга девочек к связям с сексолюбями из ректората сочеталась у них с не менее трогательной привязанностью к получаемым от них вознаграждениям в виде высоких отметок в зачетной

книжке, польской косметики и бижутерии...

К своему сожалению, я так и не усвоила жизненной мудрости, что всегда следует предусмотреть на будущее кого-то, кто станет тебя содержать, когда твоя красота увянет. Спасибо моему академику-старперу, хоть он не подвел — в последний момент перед смертью переписал квартиру (четыре комнаты в высотке — это вам не койка в общежитии!) и дачу на меня.

Сколько раз Мальвина по-дружески предупреждала, что хватит метаться в мучительном поиске сказочного принца, пора подумать о том, что станет через десяток лет с моей ослепительной красотой. Нет, я никогда не задерживалась на этом неприятном размышлении. Да и откуда ей знать, что мой любовный темперамент, моя физиология постоянно требуют более основательного удовлетворения, чем могут дать эти любовники-старперы из ВГИКа и Мосфильма, обремененные лауреатством, колитами, гастритами и геморроями!

Кроме того (такая уж у меня дурная натура, что поделаешь!), принц мне нужен еще и потому, что в моей душе живет потребность в будоражающей драме, мне просто необходимо быть отвергнутой вначале, чтобы затем завоевать его любовь! Отсюда и все срывы и обломы, что преследуют меня уж который год кряду.

Но кому ж это объяснишь, да и кто поймет!..

О, Олег! Если бы ты вернулся ко мне, я сумела бы доказать, что могу быть преданной только одному мужчине... Только тебе. Не так, как твоя мымра... Мне не нужен был бы никакой Фидель Кастро!

Но вы все, и ты, Олег, и Мальвина — предатели! Вы покинули меня, когда я в вас больше всего нуждалась, когда мне казалось, что сказка о принце стала явью... Ведь всякая женщина, даже не отягощенная таким богатым сексуальным опытом и не наделенная моей красотой, хранит в сердце сказку о принце, который вот-вот придет, но почему-то всегда опаздывает на годы. Или уходит, как это сделал ты...

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА ИЗ ВГИКА

25 июля, пятница

Удивительное дело! Впервые в жизни я встретила человека, мужчину, с такой разноречивой духовной палитрой...

Христос, ты — молодой усталый циник, сам пробившийся в жизни, с оттенком скуки сообщающий о своей профессии актера, и вместе с тем ты

— поэт, романтик, иначе как можно расценить преподнесенный тобой в день нашего знакомства сноп белых роз!

По всему чувствуется, что хотя ты и избалован вниманием красивых женщин и обладаешь какой-то сатанинской гордостью, но при этом тебе удалось сохранить мальчишеское очарование. В твоих оливковых глазах и наивная чувственность девственника, и жестокость хищника...

При всей моей настойчивости ты не ответил всерьез ни на один из моих вопросов, есть ли у нас с тобой общее будущее, сумел все перевести в шутку и уйти от прямого ответа, оставшись нерассказанной сказкой!

И все-таки твое истинно мужское начало, твой крепко взнузданный половой инстинкт, обаяние, такт и внутренняя грация производят неизгладимое впечатление... Когда ты улыбаешься, твое лицо озаряется каким-то детским мечтательным сиянием, тебя сразу хочется притянуть к себе и отдаться тебе без остатка!..

Я благословляю Таню Семенову, что привела меня на съемочную площадку. Там был ты! Увидев тебя, я сразу почувствовала, что это — знак судьбы, и попросила Таню познакомить нас...

Странное дело, я растерялась, как девочка, несмотря на то, что ты лет на пять моложе меня. Хотя, может быть, ты опытнее? Так, во всяком случае, мне показалось вначале.

Под твоим пронзительным взглядом я потеряла уверенность в себе, я готова была поступиться своим самолюбием, лишь бы подольше быть с тобой, мой милый принц, так неожиданно появившийся на съемочной площадке, а по сути — в моей жизни. Вот уж воистину, наша жизнь — импровизированная съемочная площадка, а мы все — актеры!..

Рядом с тобой, Христос, моя ты чистокровка, я ощущаю своих прежних партнеров беспородными дворняжками... Ты в отличие от них — не медяшка, а чистое золото! Твоя плоть источает аромат расы патрициев и превосходство над окружающими, и даже... надо мной и над всеми, кто был в моем прошлом!

Христос, милый! Ты отменно воспитан, но в момент райского блаженства превращаешься в неуправляемое животное: за время первого интимного общения с тобой я такого количества непристойных слов и чудовищных выражений в свой адрес не слышала за всю жизнь! Вспомнить хотя бы, как ты ругался и кричал, когда у меня в квартире, на кухне, ты неожиданно подкрался сзади и вошел в меня:

«Я имею тебя, мою белокурую сучку, как хочу, и тебе никуда не соскочить с моего огромного члена! Так будет всегда, я буду драть тебя, как Сидорову козу, как паскудное животное! Я сейчас воткну тебе до самого

желудка, моя головка будет торчать у тебя изо рта! Я раздеру твою попку, как абрикос, я проткну ее своим членом, как шпагой, насквозь! Потом я заставлю тебя взять его в рот, я вдую тебе литр спермы, ты от нее просто захлебнешься!»

Я никогда не занималась анальным сексом — с тобой у меня это случилось впервые... И — удивительное дело! — ты сумел внушить мне наслаждение даже этим, как мне казалось, неестественным способом совокупления!

Я уже не могу обходиться только традиционной любовью, я должна обязательно поцеловать твой птенчик. Хотя назвать твое достоинство «птенчиком» — обидеть тебя. У тебя меж ног живет неукротимый зверь, который доставляет мне сказочное наслаждение, когда своей огромной головой касается моего неба, упираясь прямо в горло!..

Словом, ты по всем статьям мне подходишь, Христос!

Люблю мужчин с кипучей энергией, мечтающих перекроить мир на собственный лад. Мне нравятся люди с огромными амбициями, с ними не соскучишься. Ты показался мне человеком действия с хваткой бульдога. Ты хорошо изучил женщин, умеешь найти правильную ноту в разговоре с ними, склонить их к исполнению твоих желаний. Но, несмотря на это, я вижу, я чувствую, что ты уже немножко в меня влюблен... Да и я сама, по моему, тоже...

Как бы там ни было, слабый пол любит опираться на мужчин, которые знают, чего хотят, и, не обременяя себя сомнениями, напролом идут вперед.

Я терпеть не могла слюняев с собачьими глазами из ректората, деканата и т. д., которых раздирал внутренний вопрос: поцеловать сейчас или потом, хотя все заранее было ясно: ведь общение уже проплачено и польской косметикой, и обещаниями поставить зачет.

Ты делаешь все правильно. Если любовь — это сражение, так атакуй же... И ты атакуешь, да еще как!.. Ты подарил мне незабываемый праздник, ничего подобного у меня в жизни не было. Я хотела бы провести с тобой еще не одну ночь, я хотела бы вечно быть рабыней твоих желаний, и пусть небу будет жарко, богу — стыдно, а дьяволу завистно!

О, Христос!

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

23 октября, суббота

У каждой красивой, жадной до жизни женщины бывает время

распутства и время добродетели. Неразборчиво перепробовав множество кушаний, она наконец привыкает к какому-нибудь одному блюду, тем более что оно дает полное насыщение плотского аппетита. Так случилось и со мной.

Христос! Обретя тебя в качестве любовника и постоянного партнера, я плотно заколотила ставни и двери своего дома, дабы не дать проникнуть в наше с тобой гнездышко случайному сквозняку, который бы занес помимо моей воли любовный вирус. Оказалось, что я заботилась только о неприкосновенности своего сердца, забыв о твоей любвеобильности...

Вкусив от твоих ласк, я под всякими предлогами стала уклоняться от встреч со своими содержателями. Тому способствовал и их отъезд в командировки на съемки в забытые богом глухие уголки Советского Союза. Словом, эра добродетели и моего постоянства началась с твоим, Христос, появлением...

Небо нашей любви, казалось, было безоблачным. Ты уехал к родителям в Тбилиси, я — к Тане на дачу в Ивановскую область, как вдруг однажды мне так захотелось окунуться в атмосферу нашей взаимной страсти, что рано утром я взяла такси и примчалась оттуда, за 150 километров, к себе — нет! — к нам домой. Я надеялась, что твоя аура, которой ты наполнил мое жилище, поможет мне обрести душевный покой, даст силы перенести бремя разлуки с тобой.

Кроме того, я хотела показаться дерматологу, потому что у меня на теле появилась какая-то сыпь... Но главное, конечно, было в том, чтоб вдохнуть аромат нашего общего ковчега... Боже мой, как я заблуждалась, какое разочарование ожидало меня! Едва только открыла входную дверь, как почувствовала присутствие женщины в квартире.

Охваченная смутным предчувствием, я вбежала в комнату, которую мы называли нашей спальней.

До сих пор не могу разобраться в эмоциях, которые мною овладели, не могу понять, была ли я оглушена, потрясена, подавлена или разочарована. Помню только, что сердце мое бешено застучало, едва я только бросила взгляд на наше «супружеское» ложе. Я увидела на нем молодую красавицу, которая, совершенно нагая, спала с открытым ртом и рассыпанными по подушке роскошными черными волосами.

Я бросилась будить ее, но она спала бесчувственным сном пьяного человека, абсолютно недосыгаемая в своем наркотическом забытии. Я подумала, что ты должен быть где-то поблизости, и вихрем пронеслась по квартире, но тебя нигде не было. Возможно, к лучшему, ибо, окажись ты в тот момент рядом, было бы море крови!

Я обратила внимание на исключительную красоту лица и фигуры незнакомки. Да, только такие имеют право быть рядом с тобой! Я заплакала, мне захотелось разодрать в кровь и клочья ее лик и нежное тело. Такого гнусного позора я еще никогда не испытывала! И кто виновник моего стыда?! Ты, мой Христос!!

Ужасная символика: ты, Христос, выступил в роли Иуды, а я сейчас веду партию Понтия Пилата, своим воображением продолжая распинать мою к тебе любовь на кресте бытия.

Но у тебя взгляд и очарование Медузы Горгоны — однажды заглянув тебе в лицо, я уже не в силах отвести глаз. Проклинаю собственную опрометчивость, мысленно соединив свою жизнь только с тобой. Но...

Теперь, глядя на заблудшую в нашу постель красавицу, я вновь пережила весь кошмар, но — странное дело! — гнев уступил место жалости к нам обеим, к самой себе и этой прекрасной незнакомке...

Я вновь попыталась разбудить мою постельную компаньонку, но ее глубоко обморочное состояние продолжалось. Из приоткрытого ротика вылетали неприятные хрипы и зловоние алкогольного похмелья...

Постепенно ко мне вернулось спокойствие духа. Теперь я уже могла все анализировать холодно, без эмоций. Я поняла, что лживость мужчин — это не пустые утверждения психоаналитиков, а разрыв отношений между любящей женщиной и ее партнером происходит обычно вследствие обмана мужчины. Я вспомнила, что мужчина, как правило, бывает неверен, когда не находит в одной женщине полного собрания достоинств или достаточно увлекательных пороков... Но у нас с тобой, Христос, ведь было в с е! И я не обольщаюсь, заявляя это! Ну скажи, чего тебе не хватало со мной? Ласки? Нежности? Орального или анального секса?!

Каждая минута казалась мне вечностью. Я больше не могла ненавидеть ту девушку, которая лежала в нашей с тобой, Христос, постели. Обычно люди состязаются: кто скорее успеет бросить камень. Я отказалась от этой мысли.

Девушка приоткрыла глаза и с изумлением посмотрела на меня. Мне показалось, что она инстинктивно, взглядом ищет своего партнера — тебя. Через секунду я убедилась в этом.

Она приподняла голову и проговорила запинаясь:

— Христ... Э-э... Уй, черт...

Затем она закрыла глаза и стала тереть их кулаками. Наконец, с трудом приподнявшись, удивленно спросила:

— Что это? Ты кто такая?

— Тот же вопрос я хотела бы задать тебе! — заорала я.

Мой крик вернул ей способность соображать.

— Я — невеста Христа! — Девица стала бесцеремонно всей пятерней скрести свой заросший густыми волосами лобок.

— А я хозяйка этой квартиры и... жена Христа! — неожиданно для самой себя выпалила я. — Ты как здесь оказалась?!

— А-а, так это мы тебе обязаны своей болезнью...

В голосе незнакомки послышался вызов, но я сумела сдержать себя, чтобы прояснить ситуацию до конца.

— Рассказывай все без утайки, — сказала я примирительно и присела на край кровати. — Все, слышишь! Когда и где ты познакомилась с моим мужем, сколько раз спала в этой постели, что он тебе обещал, что говорил обо мне, где он сейчас, что за болезнь, в конце концов... Говори!!

Она потянулась и, взяв с прикроватной тумбочки сигарету, закурила. Даже рискуя разбудить в себе чудовище ревности, я не могла не признать, что она была необычайно красива. Ее нельзя было назвать падшей, ибо едва ли ей хоть раз в жизни случалось подняться. Она была дикарка. Она знала, что солнце всходит на востоке, а садится на западе, что огонь горячий, а лед холодный, но она не знала, что неприлично курить, лежа в чужой постели...

— Я одно тебе скажу, — выпустив огромное кольцо дыма, сказала прекрасная одалиска, — Христос снял для меня эту квартиру на время, пока мы с ним не вылечимся от сифилиса, которым... если ты его жена, ты нас и наградила! Поняла, стерва?!

И она разрыдалась совсем как человек, который вдруг с ужасом замечает, что, сам того не желая, начинает говорить правду.

После этого мы, две обманутые женщины («Только ли две?!» — пришло мне в голову), просидели молча долгую минуту, думая о правде жизни. Не знаю, которая из нас двоих была в ту минуту более безутешна и кого надо было утешать. Одалиска продолжала плакать навзрыд.

Стиснув зубы, я спросила:

— Когда выяснилось, что ты больна?

— Неделю назад... Врач обнаружил у меня твердый шанкр на верхней губе... Христос ведь любит оральный секс... Доктор предложил поместить меня в кожно-венерический диспансер, но Христос заплатил ему деньги, и он нас лечит подпольно...

Я сразу все поняла. И происхождение сыпи у себя на груди, и возникшие два дня назад проблемы с горлом...

— Хочешь выпить? — спросила я дикарку.

— Неплохо бы... После вчерашнего голова свинцом налита...

— А где Христос?

— Он утром улетел в Тбилиси к родителям за деньгами для врача... Завтра к вечеру вернется...

Мы молча выпили коньяка и разом закурили.

— В общем так, девочка! Сейчас ты допьешь коньяк и убирайся к ешкиной матери отсюда! Ясно?! Мне надо побыть одной...

Христос, любовь моя! Ослепленная твоей красотой, как ярким светом прожектора в ночи, я сохраню тебя в моей, возносящейся к небесам душе, как Ночного Человека, ибо фонарь любви, высветив тебя во мраке бытия, дал мне такой обманчивый образ, который при дневном свете распознать оказалось невозможно...

Христос! Твое пришествие, явление в мою жизнь — это последние цветы, дарованные мне судьбой. Жаль, что они оказались ядовитыми...

* * *

...Валентину спасли соседи с нижнего этажа. Забыв закрутить кран в ванной, она устроила настоящий потоп. Люди, ворвавшиеся в квартиру, нашли подле нее пустые упаковки люминала и вызвали «Скорую». Впоследствии установили, что она проглотила 132 (!) таблетки снотворного.

Христос, оказавшийся Христофором Суреновичем Бабаджяном, 1960 года рождения, уроженцем города Тбилиси, без определенного места жительства, отчисленный со 2-го курса ВГИКа за систематические дебоши и развратные действия в отношении преподавательниц института, был задержан на квартире Валентины в тот же вечер по возвращении из Тбилиси.

Районной прокуратурой ему было предъявлено обвинение в доведении до самоубийства путем сознательного заражения партнерши венерической болезнью.

В ходе следствия выяснилось, что Бабаджян страдает хронической формой сифилиса, а инфицирование пострадавшей, непосредственным исполнителем которого он являлся, произведено им сознательно из корыстных побуждений — за это он получил 3 тысячи рублей от Бориса Буряце. Когда Буряце был приглашен в прокуратуру на допрос в качестве свидетеля, в дело вмешалась Галина Брежнева, и его оставили в покое.

Причинно-следственная связь между угрозой Галины Леонидовны отомстить Валентине и знакомством с нею Бабаджяна была доказана и

подтверждалась показаниями обвиняемого, потерпевшей и многочисленных свидетелей, но отражать это в обвинительном заключении прокуратура не нашла нужным, сочтя все малозначительным нюансом из частной жизни. А частная жизнь, как известно, — неприкосновенна. Особенно, если речь идет о дочери лидера страны.

Суд обязал потерпевшую пройти курс стационарного лечения, после чего трудоустроиться. В противном случае ее лишали прав на жилплощадь и выписывали из Москвы по прежнему месту жительства, в город Майкоп.

По выходе из больницы Валентина начала искать пути выезда за границу на постоянное жительство...

Глава 12

АФРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ КАМАСУТРЫ

*из личного дела № 00000 агента Второго Главного управления КГБ
РАСПУТИНОЙ*

По окончании принудительного курса лечения в кожно-венерическом диспансере Валентина вернулась в ставшую после смерти академика ее собственной квартиру в высотке на площади Восстания. Едва переступив порог, она первым делом забралась на антресоли и достала пыльную сумку с письмами от Мальвины. Писем было много — подругу одолевала ностальгия.

С жадностью, будто боясь, что желание заочно общаться с подругой исчезнет, Валентина рассыпала письма по столу и стала читать. Она читала их все, все — одно за другим, с неутолимой жаждой, будто только что вынула из почтового ящика.

Конверты, длинные и красивые, с множеством марок, хрустящая гербовая бумага, разноцветные фотографии — все влекло таинственным ароматом нездешней жизни. Париж! Там не пахнет карболкой больничных палат, там нет откровенных насмешек надсмотрщиц-медсестер, норовящих превратить твоё тело в решето — десяток уколов каждый день, — там нет домогательств молодых врачей-практикантов, которые видят в тебе не попавшего в беду человека, а доступную их вожделениям плоть пациента. Там все — по-другому!

Закончив чтение, она уронила руки на колени и неподвижным взглядом уставилась на разбросанные вокруг листки. Что толку заниматься самоистязанием?!

Внутри нарастало смутное негодование. Негодование против всех и вся. Против живых и мертвых.

Она злилась на своего покойного мужа — слишком рано ушел, оставив ее без средств к существованию.

На своих погибших в автокатастрофе родителей — сделали сиротой в тринадцать лет.

На Видова — не поверил в ее любовь и преданность.

На Христа — предал, заразил, надругался.

На Мальвину — обманула, тайком подготовив бегство во Францию.

На жизнь — бьет наотмашь!

В ярости порвала письма и фото, подошла к зеркалу, увидела себя осунувшуюся и совсем чужую. Расплакалась навзрыд. Будто вспомнив что-то, бросилась в ванную, ополоснула лицо ледяной водой и вновь уставилась на свое отражение в зеркале.

«Надо уезжать! Надо немедленно бежать отсюда! Надо бросить все и мчаться куда глаза глядят, только бы подальше от этого дерьма! Но куда и как?! Стоп! А Поль зачем? Не закончились же на Жане иностранцы-холостяки! Да, действовать нужно быстро и решительно, не откладывая отъезд ни на один день, иначе эта блядская жизнь засосет по пояс, по горло... Но сначала надо выбросить из головы Видова, Христа. Воспоминания о них — помеха!»

Снова на память пришла Мальвина и гомик Жан.

Валентина с настырностью сироты взялась за дело, применив весь свой талант обольстительницы и начав постигать африканскую разновидность секс-трактата Камасутра.

Негры из Заира, Танзании, Уганды теперь дневали и ночевали в ее квартире. Черная карусель! Все, как один, — помощники военных атташе своих стран. На большее их фантазии не хватало. Это значило, что все они, как и Поль, — шоферюги! Но... На безрыбье и сам раком станешь. И становилась. Чему удивляться? Три месяца заточения в кожно-венерическом диспансере сделали свое дело.

Валентина, молодая женщина с развитым, требующим постоянного утоления половым чувством, покинула стационар бунтующей нимфоманкой с непреходящим зудом между ног, опасным, как граната с выдернутой чекой. Плотские желания скользили по ее телу, как огонек по бикфордову шнуру, а чувство сексуальной неудовлетворенности заставляло быть неразборчивой в выборе партнеров — негры так негры! Кроме того, пребывание в КВД — заведении для отвергнутых — породило в ней своеобразный комплекс неполноценности.

Ей срочно требовалось ощутить уверенность в себе, в привлекательности своего тела. Бесшабашный флирт и повышенная половая активность должны были снять «постдиспансерную» депрессию и болезненное ощущение своей ущербности. Если раньше она продавала свое тело в розницу, то негры стали оптовыми покупателями. В ее сексуальной жизни наступил «черный» период...

Самобичевание и бегство от самой себя в страну плотских наслаждений и мужских ласк длилось недолго.

Сначала каждая роскошная ночь, проведенная с еще одним

африканцем, вдохновляла на новые подвиги, дразнила фантазию, сулила обернуться захватывающим романом, который по логике должен был завершиться супружеством, но всякий раз монетка, мгновенно прокрутившись на ребре, со звоном падала решкой вверх: что-то обязательно не складывалось!

Еще через некоторое время выяснилось, что Польша — дорога, ведущая в никуда. Один африканец открыл Валентине тайну, что Польша не сват — сутенер, который, паразитируя на ее желании выехать за рубеж, торгует ею, получая со своих соплеменников огромные комиссионные за сдачу в аренду ее женских прелестей. Валентина, не раздумывая, тут же порвала со всей этой черной братией.

Ищущий да обрящет. Однажды, застряв в лифте, она провела около часа в обществе интеллигентной девушки. Познакомились. Светлана Молочкова — студентка института международных отношений, дочь посла в Сомали. Оказалось, они живут на одном этаже, даже в одной секции.

Подружились. Стали ходить друг к другу в гости. Скоро выяснилось, что Светлана (себя она называла уменьшительным именем Лана, а Валентину на этот же манер Тиной) оформляет документы для поездки к отцу в Могадишо. Дело за малым — получить загранпаспорт. И Валентина вдруг заинтересовалась Сомали, вечера напролет дотошно расспрашивала новую подругу обо всем, связанным с этим государством и с ее предстоящей поездкой. Лана с улыбкой наставника показывала фото, рассказывала об обычаях и традициях народа и страны, где ее отец был не просто послом — дуайеном корпуса послов.

Больше всего Валентину поразили рассказы Ланы о том, как к сомалийцы зашивают (в буквальном смысле слова!) девочек и как употребляют растительный наркотик — кат.

Банан как мерло светской зрелости

— В 1972 году я во время летних каникул ездила к отцу в Сомали. Летала я туда спецрейсами с группами наших военных советников и переводчиков.

Перед отправкой все офицеры нашей группы войск в Сомали проходили подготовительные курсы, на которых ответственные дяди со Старой площади знакомили их с обычаями и традициями сомалийского народа.

С теми офицерами, кто выезжал за рубеж в качестве советников,

работа велась на самом высоком уровне. Спецкурсы длились целый месяц.

Немудрено, ибо набирали советников, как правило, из числа военнослужащих, всю жизнь просидевших по медвежьим углам, в богом и командованием забытых гарнизонах.

Их, советников, учили, в какой руке держать вилку, а в какой — нож, как пользоваться зубочисткой и чем банан отличается от арбуза.

Что из этого вышло, я имела возможность убедиться, прилетев в Аден, столицу НДРЙ — Народную Демократическую Республику Йемен, где наш самолет делал промежуточную посадку.

...Аден — бывшая английская военная база, о чем тогда напоминали бесчисленные надписи на английском языке, машины с правым рулевым управлением и трепетное отношение аборигенов к белому человеку.

В гибельном аденском климате жизнь текла вяло. До самой гостиницы мы не встретили ни одного человека — по улицам бродили только верблюды, ослики и стада козлов, которые в поисках пищи рылись в мусорных кучах, с жадностью пожирая газеты и журналы. Сопровождавший нас араб со смехом пояснил, что особым спросом у животных пользуется английская многостраничная «Times», реже — «Sundy telegraph».

Следовавший вместе с нами заместитель Главного военного советника по политработе полковник Ермолаев одобрительно закивал: «Политизированный скот — это хорошо! Значит, деколонизация пошла вглубь».

На следующее утро перед отлетом нас накормили завтраком: роскошная яичница с сыром и беконом, свежей выпечки белый хлеб, масло, джем, стакан ледяного апельсинового сока и банан на десерт. Я и переводчики, все москвичи, быстро управились со снедью, привычно расчехлили банан, запили соком, утерлись матерчатыми салфетками и молча уставились на замполита, который, обливаясь потом от внутреннего напряжения, с трудом справлялся со столовыми приборами: все время норовил взять вилку правой рукой, ронял на пол салфетку, чертыхался и жадно чавкал.

Наконец он добрался до банана.

«Товарищи дорогие, коллеги, — ужасно окая, обратился к нам полковник, — это что за плод или овощ такой? Впервые вижу!»

Отворачивая головы в сторону, чтобы не ввести в краску замполита, мы хором ответили:

«Это — банан, Василий Ефимович!»

«Так вот он какой, банан-то! — обрадованно вскричал полковник, в

течение месяца постигавший на спецкурсах премудрости застольного этикета и ассортимент африканских базаров. — Надо же, а я-то смотрю, что-то уж больно знакомое!»

Схватив нож и вилку (опять, кстати, перепутав руки), полковник начал резать колониальный плод на мелкие кусочки, пожирая его вместе с кожурой...

Воистину: в какой руке джентльмен должен держать нож, если правой он держит котлету?

Сомалийский пояс верности

Каждый сомалийский мальчик проходит через циркумцизию — обрезание, а каждая девочка в возрасте 4–5 лет должна быть зашита. Даже дочери дипломатов, постоянно проживающих за пределами Сомали, проходят эту процедуру. Для этого их специально доставляют на родину.

На рассвете обусловленного дня мулла в специальном помещении мечети разжигает костер и прокаливает на огне острый, как змеиное жало, ритуальный нож.

Группа девочек, приготовленных для «заклания», в сопровождении родственника-мужчины ожидает у входа.

После исполнения намаза обезумевшая от страха девочка, поддерживаемая своим крестным отцом, попадает на стол к мулле-живодеру. Ей раздвигают ноги и... Несколько взмахов горячим тесаком, и в руках муллы оказывается окровавленный клитор и малые срамные губы.

Под истошные крики, а иногда в полной тишине — от боли девочки часто впадают в обморочное состояние — священник-резник приступает к основной цели обряда — зашиванию. В ход идет игла, такая же ржавая и прокаленная, как нож. Большие срамные губы сшиваются толстой овечьей жилой. Оставляют лишь малюсенькое отверстие для естественных отправлений — мочеиспускания и менструальных выделений.

По достижении четырнадцати-пятнадцати лет — возраста, когда сомалийки обычно выходят замуж, — срамные губы срастаются настолько плотно и ровно, что на их месте едва заметный шрам-рубец. На душе он еще менее заметен, но сохраняется до конца жизни.

Ритуал сопровождается чтением молитв и ласковыми увещеваниями. Наркоз и местная анестезия начисто отрицаются: познание физической боли в детстве — лучший способ воспитать будущую жену и мать в целомудрии и предотвратить случаи адюльтера.

Вся операция занимает десять-пятнадцать минут. Укутанную в ритуальное рубище, защиту девчушку (живую или мертвую, ибо некоторые умирают от болевого шока) крестный отец на руках выносит наружу. Следующая!

Можно себе представить, какие кошмары переполняют душу каждой очередной девчонки: ведь она видела, что предыдущая сверстница входила в мечеть своими ногами, а оттуда ее выносят на руках. А крики, доносящиеся изнутри?!

Обрядом зашивания достигается сразу несколько целей.

Во-первых, он гарантирует появление жизнеспособного, физически крепкого наследства — больной мужчина ватным пенисом не сможет взломать спайку из срамных губ.

Во-вторых, удаление клитора — своеобразная профилактика лесбийской любви и женской мастурбации.

В третьих, ни одна сомалийка, собирающаяся завести семью, не рискнет до замужества отдаться мужчине — результат дефлорации виден невооруженным глазом. Ведь после первого полноценного полового акта отверстие, размером с ноздрю, многократно увеличивается, а это позор и одиночество — замуж берут только девственниц.

Кроме того, всякую созревшую в половом плане девицу останавливает страх боли, вернее, воспоминание о ней, поэтому можно с уверенностью констатировать, что в основе целомудрия сомалиек лежит сохранившийся в памяти кошмар зашивания.

Еще одна цель, которую преследует зашивание, — экономико-гигиенического свойства.

Сомалийской девушке требуется совсем мало воды, даже меньше, чем мужчине, чтобы содержать свои интимные прелести в чистоте. Ведь они, по сути, отсутствуют!

С экономической точки зрения это очень важно: в Сомали литр воды стоит столько, сколько грамм золота. И никаких расходов на гигиенические прокладки — запаха нет, его загнали внутрь.

Некоторые сомалийцы-националисты считают, что обладание зашитой женщиной более эстетично, чем половой контакт с европейками, у которых, по их словам, «не грациозная игрушка между ног, а шапка-ушанка...»

Кстати, об отношении сомалийцев к сексу. Секс для них — такое же естественное отправление, как утреннее или вечернее опорожнение кишечника.

Сомалийцы — мусульмане, и процесс дефекации возведен у них в

своего рода культовый обряд. Их кишечники работают, как часы. Вслед за утренней побудкой сомалиец с кувшином воды устремляется к выгребной яме. Опорожнившись, подмывается и тут же бросается на жену, побуждая ее к половому акту. Если у него их несколько, то он оприходует всех поочередно.

В течение дня, как правило после обеда и ужина, эта процедура повторяется с неизменной регулярностью.

Женатых солдат и сержантов могадишского гарнизона, находящихся на казарменном положении, офицеры отпускают домой для исполнения супружеского долга трижды: утром, после обеда и ужина.

В интимных отношениях сомалийцев, женщин и мужчин, мало поэзии — сплошная физиология. Совокупиться с женщиной для сомалийца — то же, что поставить клизму или выпить стакан чая.

Эти процедуры обходятся даже дороже: медицинское обслуживание и чаепитие — удовольствия не из дешевых.

Никакого орального и — боже упаси! — анального секса в Сомали нет. Это запрещено Кораном и властями. Семя — дар аллаха, и оно должно излиться, куда назначил Всевышний — в женское чрево!

Соитие — только лежа. Мужчина сверху. В крайнем случае, во время кочевья в саванне, из-за боязни ядовитых змей и диких животных, коим несть числа, — сомалийцы сношаются стоя.

Чтобы предупредить распространение онанизма, Коран запрещает неженатому мужчине прикасаться рукой к своему детородному члену. Они даже мочатся по-женски, сидя на корточках.

Мастурбация — смертный грех, потому что потенциальные дети, дремлющие в сперматозоидах, будучи сброшены наземь, погибают. Поэтому застигнутого за процессом самоудовлетворения — онанизмом — могут покарать как детоубийцу.

Даже единичные случаи скотоложства и гомосексуализма в Сомали отсутствуют.

Любой сомалиец наделен правом выступить в роли карающей десницы аллаха. Заставши своего единоверца за этим богоненавистным промыслом, он должен немедленно убить его. Если речь идет о гомосексуализме, то — обоих. Шариатским судом борец за чистоту веры будет оправдан. Однако для этого он должен представить суду неопровержимые доказательства вины отступника — мало ли как до убийства складывались взаимоотношения убиенного и палача.

Сомалийские власти считают, что обряд зашивания стоит на страже сохранения брака и семьи. Он — своего рода пояс верности, принятый в

средневековой Европе.

А вообще женщина в Сомали, как, впрочем, и во всех мусульманских странах, — это фабрика по производству наследников, которые лет через пятнадцать после рождения возьмут ее на попечение. Сомалийка рождает каждый год, начиная с 14–15 лет...

Когда я первый раз приехала в Сомали к отцу, мне довелось встретить замужнюю сомалийку, ставшую матерью и раньше.

...Уборщицей в посольстве была неказистая женщина по имени Аша. Странно было видеть такую низкорослую сомалийку — как правило, все они стройные и рослые, потому что основным продуктом питания в Сомали, в отличие от других стран Африканского континента, является мясо: говядина, козлятина, верблюжатина.

Однажды мой отец хватился своей красивой закладки для книг. Закладка — одновременно ножик для разрезания книг — была украшена золотыми блестками и разноцветными стеклышками, и неизменно привлекала внимание всех посетителей. И вдруг ее не стало. Подозрение пало на Ашу.

Отец начал защищать ее, мол, разве может проверенная уборщица взять закладку? Зачем ей, взрослой женщине, матери троих детей, какая-то детская игрушка?!

Но Аша после доверительной беседы, проведенной начальником отдела собственной безопасности посольства подполковником Тимошкиным, во всем призналась.

Размазывая слезы по щекам, она умоляла не увольнять ее. Пояснила, что никогда в детстве (!) у нее не было такой красивой игрушки! Тимошкин спросил, сколько ей лет. Оказалось — тринадцать... Аша была выдана родителями замуж и начала рожать с десяти лет!..

А мой отец приказал не только оставить Ашу — уж больно старательная уборщица, — но и затребовал из Союза для нее и ее детей ящик игрушек...

Надо сказать, что в 25 лет сомалийская женщина находится в зрелом возрасте, а в 35 она — глубокая старуха...

— Лана! — вскричала Тина. — Эти сомалийские муллы, они же — изверги, вурдалаки, африканские Дракулы! Где-нибудь еще в мире проделывают нечто подобное с девочками?!

— Да, в кушитских племенах, населяющих Африку... Но только в Сомали зашивание девочек возведено в ранг социальной политики...

— Но это же ужасно! А если женщина захочет развестись со своим мужем или вдруг овдовеет, тогда как?

- Все сначала...
- Что? Опять зашивают?!
- Ну да...

Не жуй, Иванушка, кат — козлом станешь!

С катом все много проще и обыденнее, чем с зашиванием девочек. Жевание ката для сомалийцев — самый доступный, в силу своей дешевизны, способ проведения досуга^[2].

Вечером на вилле какого-нибудь богатого скотопромышленника — Сомали, страна, где на 3 миллиона жителей приходится около 20 миллионов крупного и мелкого рогатого скота и верблюдов, которых экспортируют в Саудовскую Аравию, — собираются друзья.

Зажигается свет, нежно льющийся через витражи, расписанные народными умельцами, звучат магнитофонные записи сомалийских песен в исполнении национальных кумиров эстрады.

Посреди комнаты наваливают копну ката, как сено для коров, и расставляют термосы с горячим чаем (жевание ката вызывает горечь и повышенную сухость во рту).

Разлегшись на подушках, разбросанных по мягким, похожим на цветочные клумбы коврам, мужчины ведут неторопливую беседу и начинают жевать кат, запивая его очень сладким чаем. Откровенничают о семейных делах, о заключенных сделках на поставку верблюдов и коровьих шкур в соседние страны, открывают тайны браков, разводов, измен.

Листья и стебли ката зубами перетираются в порошок, который, смешавшись со слюной, превращается в комок. Это подобие жвачки языком заталкивают за щеку и держат в таком виде часа два-три. И опять чай, чай, чай и... неторопливая беседа, во время которой горьковатый сок всасывается кровеносными сосудами щеки и стенками желудка...

Почувствовав прилив энергии, легкость в мыслях и движениях — кайф! — участники ритуального сборища переходят ко второй части программы: в комнату запускаются обнаженные девицы — их количество зависит от размеров кошелька каждого члена клуба. Начинается групповой секс. Оргия продолжается до утра.

Адреналин в огромных количествах впрыскивается в кровеносные сосуды, сердце работает, как мотор танка, голова чистая и свободная от проблем и забот, эрекция длится бесконечно долго — пока есть кат. За ночь его сжевывают пять-шесть деревьев.

Даже после выброса семени член продолжает оставаться в боевом состоянии, поэтому за ночь — небывалое дело! — каждый мужчина, участник катовых посиделок, безо всякого напряжения по три-четыре раза удовлетворяет всех присутствующих весталок.

Обжевавшись катом, сборище горит желанием свернуть горы, начать сотню дел, им кажется, что весь мир у них в кармане. В перерывах между половыми актами обсуждаются оригинальнейшие проекты, принимаются самые смелые решения, которые живут в их воспаленном воображении и погибают с наступлением рассвета...

Сомалийцы утверждают, что кат — это не наркотик, хотя, например, в соседней Саудовской Аравии за его употребление рубят голову. Катофагии — регулярному жеванию ката, а отсюда — катовой интоксикации, или, попросту, катовой наркомании, — подвержены все социальные слои населения Сомали.

Кат жуют генералы и офицеры генерального штаба сомалийской народной армии во время многодневных военных учений.

Без него не обходится ни один сомалийский дипломат в ходе затяжных переговоров.

Его употребляют скотоводы, перегоняя стада верблюдов на огромные расстояния — до тысячи километров, по сто каждые сутки.

Зелье помогает сомалийским сказителям ночи напролет читать по памяти былины местного эпоса.

Существуют разные виды ката — одни возбуждают физическую энергию, другие — умственную. Это зависит от места, где произрастают деревья. Цена на кат тоже разная, но пара пучков стоит дешевле, чем билет в кино...

— Лана, но у нас есть свой, «русский» кат...

— Вот как? И где же он произрастает?

— Он не произрастает, его делают на ликеро-водочных заводах...

Водка — вот наш кат!

— Нет, милая моя, водка усыпляет и расслабляет, а сомалийский кат будит африканцев к жизни и подвигает к действиям. Хотя, по большей части, иллюзорным...

Глава 13

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

*из личного дела № 00000 агента Второго Главного управления КГБ
Распутиной*

Первое время после выхода из диспансера Валентина только и делала, что с остервенением меняла партнеров. Постель оставалась прежней — своя, а вот мужчины... И хотя каждый из них верил, что она принадлежит только ему, но ошибались все: она не принадлежала никому, всех разом считая своей собственностью.

Но при всем при том Валентина буквально физически ощущала одиночество. Оно пронизывало все ее существование, заблудшая душа требовала любви. Валентина мечтала о забытии, которое приносит взаимная привязанность, и готова была, как лиана, уцепиться за ближайшее дерево.

Как-то вечером, проходя мимо Центрального дома литераторов, Валентина обратила внимание на афишу у входной двери. Объявлен был спектакль «Собака на сене» в постановке Марка Захарова. Среди прочих известных артистов был задействован... Видов.

Разыгравшееся воображение рисовало ее недавнего возлюбленного героем всевозможных приключений. Тут смешались и отрывочные воспоминания о прочитанных романах, и смутные представления о его нынешней артистической жизни. Она видела его то в окружении томных красавиц, штатных персонажей королевского двора, то соблазнителем главной героини. Все они неизменно влюблялись в него.

Нет-нет, она должна обязательно добыть билет на этот спектакль! Ей представилось, как она сядет в первом ряду и будет в упор смотреть на Олега, а он, конечно же, не в силах вынести ее взгляда, смешается от стыда и покинет сцену. Она бросится за кулисы, возлюбленный сомнет ее в своих объятиях, и у них вновь появится и любовь, и будущее...

Погруженная в свои думы Валентина, застыв, стояла перед желтой афишей, как вдруг заметила, что двое молодых людей, вышедших из здания, с интересом ее рассматривают. Она сообразила, что, глядя на афишу, плакала, будто видела страшный сон. Тут же один из молодых людей предложил составить им компанию, так как на всю ночь в их

распоряжении огромная дача, да и вообще, не к лицу плакать такой женщине, пока не перевелись ценители ее красоты.

Откровенность, с которой все это было произнесено, вернула Валентину к реальности. Она вновь ощутила себя провинциалкой, как восемь лет назад, когда впервые приехала в Москву.

Тогда, так же как сейчас, ее останавливали на улице молодые люди и предлагали провести время на даче, а ее возмущало не столько предложение, сколько ее собственная застенчивость и неумение найти нужные для отказа слова.

Тогда она, юная и неприступная, спокойно и гордо проходила мимо, одним своим видом демонстрируя отказ.

Сколько молодых и не очень мужчин она познала, сколько перечувствовала с тех пор! Теперь она представлялась себе такой опустившейся и такой жалкой...

Валентина резко развернулась и, не разбирая дороги, зашлепала по лужам прочь. С ужасом она думала о том, что никогда ее жизненный путь не был освещен ни единым лучом того блеска, который озаряет жизнь Олега. И чем дальше она в мыслях уносилась в недоступные волшебные края, тем более жалкой казалась себе и недоумевала, почему так сложилось, что она бросила ВГИК, отказавшись тогда от своих надежд на артистическую будущность.

Валентина задавала себе один и тот же вопрос: почему она так легко смирилась со своей судьбой, почему так легко рассталась со своими юношескими идеалами, почему так беспечно провела все последние годы... Прочь! Надо сейчас же пообщаться с Ланой. Кто-то же должен подпитать ее своим оптимизмом, а самым досягаемым источником жизненной энергии была новая подруга.

— Тиночка, можешь меня поздравить, я наконец получила паспорт! — услышала Валентина, едва переступив порог посольской квартиры. Она почувствовала, как в ней поднимается легкое раздражение. Сделав над собой усилие, криво улыбнулась:

— Поздравляю! Красивый... паспорт-то?

— Сейчас покажу, проходи!

Светлана пританцовывая, закружилась в прихожей. И снова у Валентины появилась легкая досада и зависть к тому восторгу, что испытывала подруга.

— И когда ты улетаешь?

— Через три дня, утром в четверг... А билет принесут вечером в среду...

— Ты уже уложила чемодан?

— Ну что ты! Еще прорва времени, успею... На, полюбуйся! — Лана протянула зеленокожую книжицу.

— Тебе можно позавидовать... Счастливица! — с трудом выдавила из себя Валентина, возвращая паспорт. — Через три дня ты окажешься в цветущем лете, а здесь... Кстати, а почему паспорт не красного цвета, а зеленый?

— А потому что, милая моя, я — член семьи дипломата, и поэтому мне полагается дипломатический паспорт, а он — зеленого цвета...

— Ну, тогда с тебя причитается вдвойне! — пытаюсь разыграть восторг и радость за подругу, натянуто улыбнулась Валентина.

— А как же! Как только принесут билетик, сразу «на посошок»!

— Ну, положим, «посошком» ты не отделаешься... Есть еще «стременная», «закурганная» и прочая, и прочая... — автоматически произнесла Валентина, а про себя подумала, что лучше бы приняла приглашение молодых людей у ЦДЛ и сейчас находилась бы далеко от этого раздражителя в лице Ланы. Быть свидетелем чужих успехов уже не было сил!

Посидев для приличия минут десять, Валентина сослалась на нездоровье и ушла к себе.

Пинком ноги Валентина открыла дверь, не зажигая света, бросилась к бару, выхватила початую бутылку коньяка и прямо из горлышка осушила ее.

После общения со Светланой она чувствовала себя обкраденной, будто все это время в Африку должна была лететь она, но в самый последний момент судьба все перерешила и остановила свой выбор на Лане. Ей хотелось бы тоже иметь кого-то, кто в среду доставил бы ей билет в благословенные края.

Черт возьми! На месте этой беззаботной посольской дочки могла быть она, если бы... если бы... Ну почему она такая одинокая, такая жалкая, никому не нужная?!

И вновь в ней стало нарастать недовольство против всего и всех, против живых и мертвых.

Она негодовала на своего покойного супруга, на своих погибших родителей, на Олега, на Хрис-тоса, на Мальвину, на Поля и всех его друзей-негров...

Многие могли бы позавидовать ее красоте, но что она значит, эта красота, без удачливости и счастья?!

Известие о том, что подруга улетает в Сомали, заставило Валентину

почувствовать себя жестоко обманутой. Ну почему туда летит Светлана?! Ведь туда, да и не только туда, могла бы лететь она! Вместо этого она, одинокая, останется в своей пустой квартире, среди поблекших воспоминаний о бесцельно прожитой юности, жизнь утекла меж пальцев, а ей — алчущей и несчастной — остается либо уступать приглашениям истекающих от вождения самцов, либо самой охотиться за осиротевшими мальчиками!

Вдруг Валентину осенило. В жутком возбуждении она схватила фотографию, стоявшую на трельяже.

Месяц назад, когда они со Светланой прогуливались по зоопарку, к ним подошел человек с фотоаппаратом. Представился штатным фотографом и предложил сделать пару снимков. Бесплатно. Пояснил, что фото сестер-красавиц станет украшением его стенда.

Тогда Валентина и Светлана просто рассмеялись, восприняв слова незнакомца о «сестрах» как неуклюжий комплимент.

Сейчас, лихорадочно всматриваясь в снимок, Валентина убедилась, как прав был фотограф.

«Да, внешне мы очень похожи... И если уж профессионал нашел между нами портретное сходство, то что уж могут сказать другие, менее просвещенные люди! И для окружающих мы — сестры!

Действительно, у нас много схожих черт: овал лица, нос, рот... Разнятся брови, цвет глаз и волос, но, чёрт возьми! — пинцет и краска для чего?! И потом, разве разберешь на черно-белой фотографии паспорта, какие у человека глаза — карие, серые или зеленые?! Стоп! Но Лана моложе меня... Ну и что? Фотографию на паспорт я могла сделать еще три года назад! Нет-нет, этот шанс упустить нельзя! А Лана? А что Лана! Сделает себе еще один паспорт, подумаешь... Пришлю ей из Парижа покаянное письмо — она поймет, что у меня не было другого выхода...»

Возбуждение достигло крайней точки, Валентина откупила новую бутылку коньяка — спасибо Полю и его землякам, уж чего-чего, а спиртного они натащили в дом достаточно!

Снова пила прямо из горлышка. Мысль о том, что через три дня ей придется сыграть, может быть, самую значительную роль в своей жизни, не давала ей покоя.

К утру план вызрел окончательно. Все, теперь спать!

Проснувшись в полдень, Валентина сразу позвонила в Париж Мальвине, чтобы удостовериться, дома ли эта непоседа, не болтается ли где-нибудь в Швейцарских Альпах — именно оттуда последнее время от нее приходили восторженные письма и открытки. В разговоре невзначай, как о чем-то давно решенном, обмолвилась, что в четверг прилетит ее навестить, поэтому было бы неплохо, если бы Мальвина встретила в аэропорту.

«Парижанка» с радостью откликнулась на просьбу, спросила, в какой из аэропортов прибывает самолет: Орли, Ле Бурже или Шарля де Голля.

«Не знаю, — коротко ответила Валентина, — ты сама наведи справки, куда прибывает рейс из Каира или Адена!»

Мальвина, явно сбита с толку, помолчав секунду, принялась расспрашивать подругу, что это за поездка такая, и почему во Францию Валентина добирается окольными путями, да и вообще, как ей удалось получить разрешение на выезд... Потом вдруг спросила:

«Послушай, Валя, а как ты себя чувствуешь после диспансера?» Для Валентины это был совершенно неожиданный сюрприз: ведь в письмах она об этом Мальвине не обмолвилась ни словом, и вдруг! От кого же Мальвина об этом знает?!

«А ты откуда это знаешь, ты что, была в Союзе?»

«Да, я ездила в Майкоп по приглашению мамы... А об остальном мне Поль рассказывал... Он еще иронизировал по этому поводу, что вот, мол, стоило тебе отказаться от негритянских ласк, как ты сразу и подзалетела, оказалась в КВД...»

«Чушь какая-то! — ответила уязвленная Валентина. — Поль что-то перепутал...»

«Ладно, девочка, оставь. Поль никогда ничего не путает! Так что там у тебя все-таки случилось? И каким образом ты завтра собираешься оказаться в Париже?»

Валентина от объяснений уклонилась, вспомнив предостережения друзей-негров о том, что все международные переговоры прослушиваются КГБ.

«До встречи в четверг!» — крикнула Валентина и повесила трубку.

Затем она позвонила Полю и, не упоминая своего разговора с Мальвиной, хотя ох как хотелось задать жару этому толстогубому сплетнику, попросила достать сильнодействующее снотворное.

После неудачной попытки самоубийства она более не доверяла люминалу.

Негр осторожно поинтересовался, не хочет ли Валентина еще раз

повторить попытку перейти в мир иной.

«Нет-нет, это не для меня, к старому возврата больше нет! Это нужно для дела...»

Тут же последовал вопрос: «А сколько с этого дела буду иметь я?»

После долгих препирательств сошлись на 50 долларах.

«Хорошо, — сказал Поль. — Деньги — неграм. Снотворное — белым!»

И привез два флакона... глазных капель стоимостью 32 копейки, которые приобрел в первой попавшейся аптеке.

Почувствовав себя обманутой, Валентина попыталась отторговать обратно свои «баксы» — не тут-то было.

«Ты мне платишь не за лекарство — за знания и инструктаж! — пояснил негр. — Никто у вас не знает, что в этих глазных каплях содержится клофелин — снотворное быстрого и сильного действия. Потому-то в ваших аптеках капли продаются без рецепта. Кроме прочего, клофелин, по сравнению с другим снотворным, имеет одно неоспоримое преимущество. Он гарантирует глубокую парамнезию — утрату памяти, — человек после пробуждения не может восстановить ход предшествовавших событий. Ты просто подливаешь его в спиртное — об остальном он позаботится сам. А твой партнер проснется только часов через пять-шесть и сразу вряд ли вспомнит, что был с тобой! Так что, девочка, — плати!»

Именно это и нужно было Валентине, чтобы иметь выигрыш во времени. Пока Светлана оклемается, она будет уже далеко — поди достань ее!

Следующие два дня Валентина ни на шаг не отходила от Светланы, ненавязчиво выясняя, какие вещи и предметы можно взять с собой в поездку, расспрашивая о подробностях прохождения таможенного и пограничного контроля, о времени, необходимом для оформления документов в Шереметьеве-2, о том, бывают ли задержки вылета и т. д. Последнее обстоятельство имело для Валентины особое значение, чтобы определить правильную дозу снотворного для Ланы.

Лететь в Сомали Валентина не собиралась: там Лану встречает отец, а рейс Москва — Могадишо следует через Каир и Аден, поэтому один из них и должен стать ее трамплином для прыжка в Европу. По прибытии в Египет или в Йемен она собиралась пересесть на самолет, следующий в одну из европейских столиц. И лучше, если им сразу окажется самолет на Париж...

Как и было обещано Светланой, вечером, накануне отлета, она накрыла стол.

Как и было обещано Валентиной, за «посошком» последовали

«отходная», «стременная», «закурганная» и прочие ритуальные тосты. Засиделись до первых петухов.

До вылета оставалось шесть часов, и Валентина решила действовать. Улучив момент, плеснула в бокал подруги лошадиную дозу глазных капель. В ожидании, когда Светлана заснет, потребовала, чтобы та проверила, все ли вещи уложила в чемодан, на месте ли билет и деньги. Сама же подошла к телефону в прихожей и сделала вид, что заказывает такси.

Через пять минут Светлана, накачанная гремучей смесью коньяка, шампанского и клофелина, так и не выпустив из рук паспорта, заснула на диване...

* * *

Первый, кому позвонила Светлана, очнувшись от тяжелейшего сна и обнаружив пропажу документов и денег, был старинный друг семьи Молочковых... генерал Маслов.

«Успокойся, девочка, не надо паники! Дальше каирского аэропорта твоя подруга не уйдет, это я тебе обещаю.

Да, понимаю, все это очень неприятно... Особенно разочаровываться в человеке, которому доверял... Успокой себя тем, что она только заперла тебя снаружи, не догадавшись оборвать телефонный кабель...

Как фамилия беглянки? Борзых? Что-то уж очень знакома мне эта фамилия!.. Она, случайно, к миру кино не имеет отношения? Ах, вот как, с самим Видовым! Все-все, вспомнил! Да-да, с билетом помогу... Не переживай!

Отец, конечно, будет тебе звонить... Будет переживать... Скажешь, проспала... Подробностей не надо, незачем старика расстраивать... Не забудь от меня привет передать! Вылетаешь завтра... Да-да, я перезвоню. Все!»

Положив трубку, Маслов вынул из сейфа тоненькую папочку с материалами изучения Борзых Валентины Николаевны.

«Ну, вот и пробил час свиданья, летунья... Куда ж это вы, Валентина Николаевна, лететь собирались? Впрочем, куда бы вы ни собирались — уже долетались... Следующая ваша посадка в Лефортове, а там — посмотрим!»

Глава 14

СТАВЬ НА «КРАСНОЕ» — НЕ ПРОГАДАЕШЬ!

*из личного дела № 00000 агента Второго Главного управления КГБ
Распутиной*

Генерал Маслов захлопнул дневник Валентины и только теперь рассмотрел полустершуюся чернильную надпись на клеенчатой обложке: «Досье на безумный мир».

«Действительно, среда в которой она росла и формировалась, — это безумный мир. Грязи, предательства, одиночества в ее жизни было предостаточно, а она все это время оставалась чувствительным и ранимым ребенком! И это при ее-то красоте и эффектности...

Но, надо отдать ей должное, — чувства свои доверяла только дневнику и лишь однажды — Видову. А он не понял, решил, что она сродни всем его поклонницам — раз-другой попользовался и прости-прощай... Разгляди он тогда в ее душе настоящую любовь, может, и по-другому все сложилось?..

Черт побери, что-то меня на сентиментальность потянуло...

Христос — песня отдельная. Даже не песня, так — мотивчик... Проходимец. Проплаченный Борисом Буряце искуситель-сифилитик... Похоже, не он ее влюбил в себя — она сама... Нужен был персонаж, кто бы выместил из ее души Видова, или наоборот — заполнил образовавшуюся там пустоту после того, как тот от нее отвернулся. Утешения искала. Нечего сказать — нашла!..

А Галина Леонидовна — боец! Ишь, пообещала отомстить и сдержала слово. Н-да...

Всю жизнь Борзых карабкалась наверх. Доползла, можно сказать, до определенной вершины, а там вместо золотого трона — койка кожно-венерического диспансера! А наверх ли она двигалась? Нет — топталась на месте... Пыталась подняться по эскалатору, двигавшемуся вниз. Скорости, ее и эскалатора, совпали в какой-то момент, а она, того не замечая, продолжала маршировать на месте... А окружение: Мальвина, негры, старые пердуны из киношной богемы — все под руки поддерживали!..

Черт возьми, не каждый выдержит такое испытание на прочность: в одночасье сменить палату КВД на лэфортовскую камеру. При таком раскладе и до самоубийства рукой подать...

Стоп! Хватит розовые пузыри пускать, аналитик чертов!»

Маслов отодвинул подальше дневник. Взял чистый лист бумаги и стал карандашом проставлять плюсы и минусы.

«Службе нужна «ласточка» — агентесса-обольстительница? Нужна! Борзых может стать таковой? С моей помощью — да! И не просто «ласточкой» — кумиром самых привередливых объектов оперативных разработок!

Что мы имеем объективно?

Девочка сногшибательно красива и чертовски эффектна — раз.

Скрытна, значит, умеет хранить секреты — два.

Располагает обширными связями среди интересующих нас людей: иностранцев, представителей московской богемы и столичной «золотой молодежи» — три.

Авантюристична? Да!

Дерзка до безоглядности, неразборчива в выборе средств достижения своей цели. Да!

Целеустремленна? Да! Передряги не в силах остановить ее на полпути. Значит, вдобавок и оптимистично настроена? Ну, конечно! Училась во ВГИКе, готовила себя к сценической деятельности? Значит, склонна к лицедейству!

Не получилось на съемочной площадке — получится на контрразведывательном поприще. Реализовать себя сможет, помогая нам... Ведь профессия секретного агента сродни актерской, только без цветов и аплодисментов...

Помнится, я был знаком с одним американцем, коллегой из ФБР. В детстве он мечтал стать тапером в борделе, сейчас — резидент в Голливуде. Разницы большой не находит...

Так, что у нас с сексом, Валентина Николаевна? Ага! Считаете, что секс — это внутренняя свобода? Куда уж более...»

Маслов порылся в сейфе и перечитал протокол первого допроса Борзых:

«В дорожной сумке задержанной, кроме прочих личных вещей, обнаружен замшевый футляр размером 30х5х5 см, по внешнему виду напоминающий футляр для очков. На вопрос, что в нем находится, Борзых с готовностью ответила: «Это моя игрушка — искусственный член. Я пользуюсь им, когда партнер не в состоянии меня удовлетворить. Этот резиновый фаллос, помимо основного, имеет дополнительное предназначение: усиливает оргазм. Он действует как спринцовка. Я загодя наполняю его теплым молоком, мастурбирую, а когда подкатывает оргазм,

сдавливаю игрушку рукой, впрыскивая в себя жидкость. Имитация спермоизвержения абсолютная!»

«Вот и думай после этого: то ли это сексуальная свобода, возведенная в абсолют, то ли нимфомания...

Да, пожалуй, в этом мешке немало подарков для Второго главка. Так почему же от него отказываться?»

Маслов энергично потер тыльной стороной ладони подбородок.

«Я ничего не теряю, выходя на вербовочную беседу с Борзых. Да и после — тоже. Тотальный контроль за выполнением ею первых моих заданий расставит точки над «і», покажет, готова ли она честно с нами сотрудничать. Надо только дать ей шанс... Подведет — вытащу из сейфа уголовное дело, передам в милицию, и прости-прощай, Валентина Николаевна, — вы не оправдали возлагавшихся на вас надежд! Ну что ж, как говаривал вождь всех времен и народов: «Попытка — не пытка!»

Генерал протянул руку к телефону.

Маслов не стал уподобляться некоторым своим коллегам, предпочитавшим проводить вербовочную беседу прямо в следственном изоляторе.

В Лефортове, где вербовщику и стены помогают, это — не рыцарский турнир, а прессование психики кандидата на вербовку. Чтобы обрести земную твердь и уйти от безысходности, кандидат охотно согласится с любым предложением.

Кто-то из апологетов агентурного искусства сказал: «Голову вербуемого не стоит зажимать между колен или дверью, ибо он от этого переходит в состояние нежелательной нервозности». А вот этого допустить нельзя. Будущий помощник должен сделать выбор — не по принуждению — осознанно.

Атмосфера явочной квартиры как нельзя лучше помогает вербовщику внушить кандидату иллюзию свободы и равенства. Он становится раскованным, ему кажется, что дуэль с «оператором» проходит на равных, и они даже вместе участвовали в выборе оружия для поединка.

Перед тем как вывезти Борзых из следственного изолятора, Маслов распорядился устроить ей трехчасовой изматывающий душу допрос. Прием в духе последователей Ордена иезуитов: ударить — расслабить. Ударить-ударить — расслабить. Почти контрастный душ: из студенной полыньи Лефортове — в убаюкивающий альков явочной квартиры.

Забравшись с ногами в глубокое кожаное кресло с шотландским пледом, Валентина с любопытством рассматривала развешанные по стенам картины в тяжелых, черненого золота багетах, слабо мерцавших в свете чешской хрустальной люстры, солидный кабинетный гарнитур «а-ля Луи XIV» и терялась в догадках, что это за квартира и зачем ее сюда привезли из Лефортова на черной «Волге».

Маслов вошел стремительно, представился и, разгуливая по гостиной, заговорил таким тоном, будто продолжал прерванный минутой ранее разговор.

— Валентина Николаевна, вы — человек азартный, рискованный, поэтому я предлагаю вам еще раз сделать ставку... Насколько мне известно, вы в последнее время ставили на «черное», не так ли? — глаза Маслова лукаво заискрились.

— Вы имеете в виду моих знакомых-африканцев? — тихо спросила Валентина, опустив голову.

— В сообразительности вам не откажешь! — В тоне прозвучала откровенная ирония. — Однако в «черное» я вкладываю более широкое понятие...

Валентина хотела задать вопрос, но, подняв глаза, встретила насмешливо-выжидательный взгляд генерала и передумала.

— Под «черным» я подразумеваю не только ваших партне... то есть друзей-африканцев, но и избранный вами путь выезда из страны... Полагаю, вам уже успели объяснить, чем он отличается от законного, а также какую санкцию предусматривает статья Уголовного кодекса за незаконный выезд из СССР...

Кстати, она входит в раздел «иные государственные преступления», поэтому вами занимается Комитет госбезопасности, а не милиция... Пока! Почему «пока» — я поясню...

Нынешние веяния в нашей внутренней политике исключают для вас возможность стать второй Верой Засулич, Софьей Ковалевской и Марией Спиридоновой... Все! Время революционеров кончилось — таково мнение наших идеологов, поэтому вам будут инкриминировать чистую уголовщину — ограбление квартиры посла Алексея Молочкова, использование наркотических средств с целью завладения паспортом его дочери, ну, и так далее.

Но... Сначала мы побеседуем. Я хотел бы выяснить ваши планы и

намерения...

Маслов подошел к серванту, за стеклянной дверцей которого толпились разнокалиберные бутылки.

Безропотно приняв от генерала огромный тюльпаноподобный бокал, где на доньшке плескалась янтарная полоска коньяка, Валентина попросила разрешения закурить. С неожиданным для его комплекции проворством Маслов развернулся и вынул из книжного шкафа сумку Валентины, отобранную у нее при задержании.

— Не только закурить... Вы можете воспользоваться косметикой, если хотите...

— Возвращаться в Лефортово накрашенной? Что я объясню своей сокамернице? Что я была не на допросе, а на свидании с генералом?! Нет-нет, краситься я не буду! — поспешно ответила Валентина.

«Вспомнила бабушка девичий вечер! Можно подумать, что я тебе не накрашиться предложил, а расстаться с невинностью... Тоже мне — Золушка! Краситься она, видите ли, не будет, потому что надо возвращаться в Лефортово...

Стоп-стоп! — скомандовал себе Маслов. — Ее поведение объяснимо: не успев отойти от больничной палаты, она тут же угодила в тюремную камеру, у нее ж — все импульсы наружу...

Спокойно, дружок, спокойно! Дядя — хороший. Ну, подумаешь, чуть попугал тебя... Сейчас сменим кнут на пряник... А вообще можешь не беспокоиться: заставляя тебя заучивать нецензурные выражения и конспектировать «Краткий курс истории ВКП(б)» я не собираюсь!»

— Видите ли, Валентина Николаевна, я не развлечения ради и не удовольствия для изучал ваш дневник... Уж, извините, работа у нас, контрразведчиков, такая: просвечивать рентгеном и препарировать внутренности... Так вот, знакомясь с вами заочно, я пришел к выводу, что вы зачастую не по собственной воле ставили на «черное»... За вас это делала жизнь и ваше окружение! Впрочем, это несколько не снимает ответственности с вас... Но об этом — позже!

Знаете, что меня поразило более всего в ваших рассуждениях, которые вы доверяли своему собеседнику-дневнику? То, что вы никогда не пытались поставить на «красное»!

Маслов остановился напротив кресла с Валентиной и теперь смотрел на нее сверху вниз, да так, что ей стало немного не по себе.

— А никто и не предлагал... — пряча глаза в поднесенный вплотную к лицу бокал, выдохнула Валентина.

Эта реплика заставила генерала на ходу менять заготовленный план

беседы и сразу перейти к основной части.

— Если это действительно так — то предложу я! Да-да, вы не ослышались, я, генерал-майор КГБ, предлагаю вам поставить на «красное». Должен вам сказать — это беспроигрышный кон!

— А что это значит? — Валентина подняла глаза.

— А это значит, что вы будете играть с крупье заодно. Как говорят профессиональные игроки: «на одну лапу»!

— А крупье — это вы, да?

— Умница! — с хорошо наигранной радостью в голосе вскричал Маслов и продолжил путь по ворсистому ковру.

— Да, крупье — это я. «Красный» крупье, если хотите... Играть будем вместе... Но только честно! И так же честно и благородно будем делить выигрыш...

— Играть против «черных»? — осмелела Валентина.

Маслов вмиг посерьезнел — пора делать предложение.

— А это уже не столь важно... Против «черных», «желтых» или «звездно-полосатых»... Главное — вместе! Так что, выбирайте...

Должен предупредить: выбор — только с одной попытки и... обратного хода не имеет. Сегодня, как никогда ранее, все зависит от вас... То есть на что поставите, то и будет: либо — «красное», либо — «черное»...

— А как же те... — Валентина запнулась, подбирая слова.

— Из Лефортова? — подсказал Маслов. — Или те, кто вас задерживал?

— И те и другие...

— Валентина Николаевна, между мною и ими нет никаких противоречий, мы делаем одно дело. Ведь они, как и я, и по долгу службы, и по велению совести — опричники закона... Но кроме буквы закона, есть еще более весомое понятие — контрразведывательная целесообразность, не слышали? — В голосе генерала опять зазвучали игриво-ироничные нотки. — В конце концов, давайте другими глазами посмотрим на ваше пребывание в Лефортове, а затем в зоне... Ну кто от этого выиграет? Вы? Нет! Зона? Нет! Государство? Нет! Контрразведка? Только в том случае, если вы будете с ней заодно! Послушайте, вам уже двадцать пять — вполне подходящий возраст, чтобы определиться в этом мире и выбрать свою шкалу ценностей... Та, которую вы выбрали до встречи со мной, была ошибочной. Скажете, я не прав? Будете упорствовать и продолжать совершать ошибки? Да и не ошибки — преступления! Тогда — в зону, скатертью дорога! И фаллос с собой прихватите... Хотя нет! Его у вас

отберут... Но зато в колониях махровым цветом цветет лесбийская любовь...

— Можно еще коньяка?

— Ради бога!

Маслов понял, что зерна упали на хорошо взрыхленную почву, теперь надо дать им прорасти. Театральным жестом поднес часы к глазам:

— Извините, мне нужно выйти позвонить...

— А что я должна буду делать? — спросила Валентина, как только Маслов вернулся.

— Прежде всего, быть честной... со мной и с теми, кто будет обращаться к вам от моего имени... И учиться! Овладевать всем тем, чему вас буду учить я или люди, на которых я вам укажу...

А вообще-то, как говорил один из кудесников секретных служб, в нашем деле авантюризм, риск и нахальство должны сочетаться с благоразумием. И ради достижения результата ни одним из этих качеств жертвовать нельзя. Равно как и делать его преобладающим в ущерб другим...

Контрразведка в представлении непосвященных — это разгребание авгиевых конюшен... Где-то это так. При всем том, как ни странно, для грязной работы лучше всего подходят люди с чистыми руками, то есть мы, контрразведчики... А лучше сказать: люди с золотыми руками и светлыми головами!

Обыватель не прочь подглядеть за чужой жизнью в замочную скважину. Вас заставляя это делать я не буду... Вы эту чужую жизнь будете наблюдать вблизи, общаясь с нашими противниками глаза в глаза. А потом обо всем докладывать мне. Ясно?

— А как же... это... ну, следствие?

— Заседание откладывается, господа присяжные заседатели! На время, пока вы, Валентина Николаевна, будете работать со мной...

— Леонид Иосифович, простите за вопрос. А как насчет секса?

— Знаете, Валентина Николаевна, среди врачей, как и среди контрразведчиков моей закалки, считается недопустимым вступать в интимную связь со своими пациентами. То есть в нашем с вами случае — с моей подопечной... Так что секса между нами быть не может!

— Нет-нет! Леонид Иосифович! — почти в панике закричала Валентина. — Я имела в виду совсем другое... Или другого... Вы, ради бога меня извините, я не сумела правильно выразиться... Придется ли мне по вашему заданию вступать в половой контакт... ну, не знаю, как вы их называете... Ну, с интересующими вас лицами, что ли! — на едином

дыхании выпалила Борзых.

— Вы знаете, Валентина Николаевна, я не стал бы исключать такой вероятности... Но, должен вам сказать, что изначально все будет согласовываться с вами и только с вами... Никакой оперативной целесообразности в этом пикантном вопросе быть не может! Знайте об этом заранее, кто бы ни пришел после меня... Впрочем, ближайшие лет пять я никому вас на связь передавать не собираюсь... Но вы же знаете, не только человек, но и контрразведчик только предполагает, а располагает... жизнь!

И последнее. Поверьте, встреча с генералом Масловым — это не счастливый случай, это — судьба... Ваша! Я верю в вас. Если увижу взаимность, искренность и полную самоотдачу, буду считать, что не ошибся...

* * *

Валентина Борзых, в иночестве Распутина, оказалась способной ученицей, доказательством чему служили и профессии, которыми она овладела, готовясь участвовать в оперативных мероприятиях по разработке интересующих генерала Маслова персонажей, и поставляемая ею информация.

Магическая красота и сексапильность новоиспеченной агентессы срабатывали безотказно. Сердца объектов распахивались, языки развязывались навстречу ее будто невзначай поставленным вопросам. Одним намеком на возможность провести с ней вечер она делала счастливыми разрабатываемых Масловым мужчин, независимо от их возраста и профессии. Распутиной было свойственно не только гипнотическое обаяние, но и чрезвычайная самоуверенность. Еще бы: за спиной — генерал КГБ!

На этом и строилась тактика Маслова, превратившего свою секретную помощницу в неотразимую оболъстительницу и тайную похитительницу интересующих его сведений.

Загадочный шарм и неотразимая красота агентессы придавали ее отношениям с объектами особую пикантность, даже если она выступала в ипостаси парикмахера, машинистки или стенографистки.

Иногда Распутина по легенде была журналисткой, ведущей рубрику светской хроники в молодежной газете, иногда — актрисой театра.

Однако наиболее впечатляющих результатов агентесса добивалась,

выступая в роли массажистки в какой-нибудь элитной сауне. Там сама обстановка располагала к откровенности — обнажались не только тела, но и души.

Получив санкцию на любовь, Распутина от легкого пальпирования плавно переходила к общему массажу тела. Пока суд да «тело» — Маслов в итоге получал ценную информацию. Факт общеизвестный: когда красивая женщина раздевается, мужчина рассказывает все.

Однажды объект масловской разработки и Распутина попали в передрагу.

Возвращаясь поздно ночью в гостиницу, они были взяты в клещи тремя вооруженными ножами грабителями.

Иностранец владел приемами джиу-джитсу, и злоумышленники закончили свой ночной промысел на койках у Склифосовского. После этого случая агентесса загорелась желанием непременно овладеть каким-нибудь видом восточных единоборств.

«Почему бы и нет? — подумал Маслов. — Уж если лепить из девицы агентессу экстра-класса, то надо обучить ее всему! Вон ведь Марта Петерсон была каратисткой. Да не просто каратисткой — чемпионкой США 1972 года, обладательницей черного пояса! И если бы не заместитель командира «Альфы» Владимир Зайцев, признанный ас рукопашного боя, гремевший на весь Союз, то при задержании американки не обошлось бы без сломанных рук и ног... у наших бойцов из группы захвата!»

* * *

...В середине 70-х, когда во главе московской резидентуры ЦРУ находился Гарднер Гас Хэтэуэй, все американские разведчики, действовавшие под дипломатическим прикрытием, пристрастились к костюмированным балам-маскарадам.

Руководство Центрального разведывательного управления с подачи Хэтэуэя решило, что непременным атрибутом или даже залогом успешного выполнения заданий в Москве должно быть переодевание. Да, мир разведки во многом схож с театром. Но пренебрежение законами того и другого жанра — прямая дорога к провалу и освистанию. Один из непреложных постулатов сцены, будь то подмостки театра или разведки, гласит: «Не повторяйся!» Однако ЦРУ, нарушив эту заповедь, костюмированные балы поставило на конвейер. Господа, Москва — это не Голливуд, вчерашние находки на сцене театра имени «Советской

контрразведки» не проходят! Появление переодетых американских разведчиков неизменно вызывало улыбки у наших контрразведчиков: «Опять шпионский балаган с участием ряженных!»

Нередко переодевание играло против самих режиссеров-постановщиков маскарадов: облачаясь в чужую шкуру, разведчик, по сути, проводил сеанс самоуспокоения, вел себя сродни страусу, прячущему голову в песок при возникновении опасности.

Можно по пальцам пересчитать случаи, когда маскарад достигал поставленной цели, а актер-разведчик не был освистан по ходу шпионского спектакля нашей «наружкой».

...Вечером 15 июля 1977 года кадровая сотрудница ЦРУ Марта Петерсон, действовавшая под прикрытием вице-консула посольства США в Москве, отправилась закладывать тайник, предназначавшийся для Тригона^[3].

Запарковав служебную автомашину у кинотеатра «Россия», она торопливо вошла в зал. Шел фильм «Красное и черное», и последний сеанс уже начался. «Наружна» вела наблюдение издалека, так как на разведчице было белое, с крупными цветами, платье.

«Женщина в белом» уселась в кресло у запасного выхода и минут десять делала вид, что следит за происходящим на экране. Убедившись, что вокруг все спокойно, Петерсон поверх платья натянула черные брюки и такого же цвета пиджак, наглухо застегнулась и распустила собранные в пучок волосы.

Совершенно преобразившись, Петерсон выскользнула из помещения. Теперь это уже была «женщина в черном». К машине она не вернулась, а села сначала в автобус, затем «покаталась» на троллейбусе и в метро — проверялась. Лишь после этого поймала такси и приехала к Краснолужскому мосту. Там ее уже поджидали.

Хотя место выглядело в этот ночной час совершенно пустынным, на самом деле здесь находилось довольно много людей. Они скрыто наблюдали за всем происходящим в районе моста и за перемещениями разведчицы. В операции было задействовано более трехсот оперативных сотрудников из разных подразделений.

В момент закладки американкой тайника все вокруг осветилось, вспыхнул настоящий фейерверк, казавшееся пустынным место вдруг стало многолюдным.

При задержании госпожа вице-консул показала блестящее владение... русским матом и приемами карате — общение с московским «андеграундом» и изнурительные тренировки не прошли для нее даром. Но

разве можно было устоять перед Владимиром Зайцевым, асом восточных единоборств?! Разведчица была нейтрализована без единого синяка... у Зайцева.

Задержанную доставили на Лубянку и вызвали советника американского посольства для опознания. В его присутствии вскрыли контейнер, закамуфлированный под булыжник. Там обнаружили инструкции, вопросник, микрофотоаппаратуру, золото, деньги и две ампулы с ядом.

Разведчики — народ суеверный. Петерсон не была исключением. Прощаясь со следователем и своим спарринг-партнером, она сказала, что никогда больше не будет брать билет на последний сеанс...

Не единожды объекты оперативной заинтересованности генерала, влюбившись в Распутину по уши, предлагали ей руку и сердце. Вслед за этим она почему-то неизменно оказывалась вне игры — ее немедленно выводили из разработки. Поначалу Валентине было невдомек — ведь она была с объектом наедине, — как шефу стало известно о предложении? Потом поняла, что находится под контролем всеслышащего уха «Константина Григорьевича Баранова»^[4].

Маслов всячески поощрял стремление своей блистательной «ласточки» овладеть и совершенствовать знания английского и французского языков в общении с иностранцами — чем больше сцен, на которых играет талантливый актер, тем выше его мастерство. За два года работы под руководством генерала в руках Распутиной побывали англичане и американцы, скандинавы и французы, немцы и итальянцы. К тому времени, когда в обойме Маслова появилась «желтая пуля» — Самурай, — она уже стала опытной секретной помощницей органов КГБ. Ей не рекомендовалось лишь поддерживать отношения с прежними друзьями — неграми. Маслов считал, что незачем впустую расстрачивать ее потенциал. По его мнению, это было все равно что заставлять профессора математики учить первоклашек таблице умножения.

Однако события весны 1982 года вынудили генерала отступить от своего правила.

Глава 15

ВУРДАЛАКИ АТАКУЮТ СТОЛИЦУ

В столичных правоохранительных органах долго и недобро вспоминали весну восемьдесят второго.

Дружно сошедший в апреле снег обнажил следы таких жутких преступлений, о которых не слыхивали и старослужащие.

С разницей в несколько дней сразу в нескольких районах Москвы: в Измайловском лесопарке и у Борисовских прудов, в парке Сокольники и в прибрежных кустах Химкинского водохранилища были обнаружены шесть обезглавленных трупов.

Паника охватила руководство столичной прокуратуры: это же целая серия, конвейер «висяков»!

Количество трупов достигло десяти, и все уголовные дела по фактам их обнаружения передали в Комитет госбезопасности. Обезглавленные находки продолжали поступать, и теперь уже начальник управления КГБ по Москве и Московской области генерал-полковник Алидин схватился за голову.

Когда же на «вражьих волнах» — в передачах иностранных радиовещательных компаний — были озвучены новости из криминальной хроники столицы, настал черед волноваться высшим сановникам из ЦК...

Из самых опытных розыскников-волкодавов Комитета была создана оперативная группа, начальником штаба которой назначили... генерала Маслова.

Произошло это совершенно случайно, так как розыск не входил в круг его служебных обязанностей — он занимался разработкой иностранных разведчиков, действовавших в Москве под дипломатическим прикрытием.

На внеочередном заседании Коллегии КГБ СССР обсуждались меры противодействия «вражьи́м голосам из-за бугра», смаковавшим подробности «московского вандализма», сея среди жителей столицы панические настроения.

Маслов рассматривал карту, где были отмечены места и даты обнаружения расчлененных трупов, как вдруг вспомнил об одной сводке службы наружного наблюдения.

«Черт побери! Ровно два месяца назад, в феврале, на берегу Химкинского водохранилища, неподалеку от перекрестка улицы Свободы и Химкинского бульвара, был задержан водитель военного атташе Франции

Поль Мламбо Нгкука.

Ночью на служебной машине он подъехал к бивуаку бомжей, гревшихся у костра, и затеял с ними драку.

Вмешался проезжавший мимо милицейский патруль.

Иностранец бросился к своей машине. Когда он приоткрыл дверь, оттуда выпрыгнул разъяренный пес и бросился на стражей порядка.

Пса пришлось пристрелить, бомжи разбежались, водителя не задерживали, так как он предъявил дипломатическую карточку...»

Тут же кто-то из коллег-доброжелателей предложил назначить Маслова начальником штаба по координации розыскных мероприятий: проявил осведомленность в вопросе — тебе и бразды правления!

Все дела объединили в одно, так как ряд схожих признаков указывал на то, что гильотинирование совершалось одним и тем же лицом или одной группой лиц.

В результате лабораторных исследований было установлено, что глумлению подвергались не трупы — нападали на живых людей. В частности, об этом свидетельствовала запекшаяся кровь в местах отделения головы от шеи.

Поскольку трупы были найдены в традиционных местах стойбищ бомжей или, как их тогда называли, «бичей» — бывший интеллигентный человек, — было выдвинуто предположение, что следствие имеет дело именно с останками последователей «Ордена вольных странников».

При более тщательном обследовании трупов версия нашла подтверждение.

Все убиенные были мужского пола и приблизительно одного возраста: 45–50 лет.

Из психологии известно, что в этом возрасте мужчины наиболее уязвимы и подвержены всякого рода разочарованиям. Они активно пересматривают свои ценностные ориентиры, и те из них, кто к этому времени оказались невостребованными, в один прекрасный момент просто «срываются с якоря». Не в силах противостоять натиску внутренней неудовлетворенности, они покидают насиженные места и в поисках забвения отправляются бродить по свету, переходя к анонимному существованию.

В пользу выдвинутой гипотезы говорило и физическое состояние погибших: крайняя степень дистрофии, а также наличие у них различных кожных заболеваний, в частности, чесотки и педикулеза.

Наконец, покойники не значились в списках людей, пропавших без вести, так как заявления об их исчезновении в органы внутренних дел не

поступали. Причина до банальности проста: некому было заявлять.

Так как на теле жертв отсутствовали травмы, которые могли бы привести к летальному исходу, эксперты предположили, что смерть наступала в результате воздействия на голову. А в качестве орудия можно было рассматривать все что угодно: от обломка кирпича до гранатомета — голов-то все равно не было. Так ни одной и не нашли — как в воду канули!

Кстати, в этом вопросе — о способе декапитации — специалисты разошлись во мнениях. Да и объективные признаки не позволяли прийти к единому заключению.

Дело в том, что рваные края тканей шеи выглядели, как изжеванная промокашка. Такие следы может оставить либо очень тупая пила, либо... каменный топор. Вместе с тем, на некоторых шейных позвонках были обнаружены борозды, характерные для острорежущего орудия — ножа или бритвы...

Розыскники и криминалисты терялись в догадках о мотивах и целях совершения преступлений. Для чего понадобилось отделять, а отделив, похищать головы?!

Срочно потребовалась свидетельская база.

Бросились искать бомжей — ан нет их! После Олимпиады-80, хотя и прошло уже два года, когда они в числе других нежелательных элементов, портящих столичный экстерьер, были выселены за 101-й километр, «вольные странники», тем не менее, напуганные усилением паспортного режима, стали обходить Первопрестольную стороной (вот и скажи после этого, что между ними не налажена связь!), либо, соблюдая предельную конспирацию, залегли на дно, да так глубоко, что потребовались поистине титанические усилия, чтобы их оттуда поднять.

По указанию Маслова московская милиция предприняла беспрецедентные меры по отлову уцелевших бомжей. Нашли.

В предъявленных для опознания телах они узнали одно, принадлежавшее некоему бичу по кличке Карл Маркс.

Большого выжать из них не удалось, как ни бились. Да, вот еще. Кличку свою он получил за роскошную бороду-гриву и склонность к философствованию.

Все! Ни связей, ни контактов, не говоря уж о недоброжелателях. Их, как выяснилось, у бомжей просто не бывает, уж такие они люди. Да и люди ли они после этого?

Не найдя более или менее правдоподобных объяснений фактам гильотинирования бомжей, специалисты пришли к заключению, что орудовал либо маньяк-некрофил, коллекционирующий мертвые головы,

либо это дело рук ранее не выявленной секты вампиров, исполнявших какой-то неведомый ритуал.

Наблюдение за водителем военного атташе Франции также результатов не принесло, несмотря на то, что его обложили наружкой, как волка красными флажками.

Сейф Маслова буквально ломился от фотографий и видеофильмов обо всех передвижениях негра по Москве.

После инцидента в прибрежной зоне Химкинского водохранилища он никогда более там не появлялся, как, впрочем, и в других местах традиционных стойбищ бомжей.

Разыскное дело «Вурдалаки» уже собирались сдать в архив, как вдруг генерал вспомнил, что его «ласточка» Распутина располагает обширнейшими связями в негритянской диаспоре, проживающей в Москве. На ближайшей же явке генерал предъявил ей фотографию водителя.

— Да это же Поль! — воскликнула агентесса. — Я же вам, Леонид Иосифович, о нем не раз рассказывала... Это же он сосватал Мальвину за «голубого» повара из французского посольства и помог ей обосноваться в Париже...

— А чем она там сейчас занимается?

— Я давно уже не получала от нее писем... Не знаю, что и думать, раньше она каждую неделю писала, а теперь... Но в одном из последних писем она сообщила, что усиленно изучает французскую историю, чтобы попасть на преподавательскую должность в какой-то колледж, где преподают русский язык малолетним отпрыскам богатых французов, и одновременно работает в магазине, совладельцем которого является Поль... Работа — не бей лежачего, времени свободного много, вот она и пошла туда младшим продавцом, пока не решится вопрос с приемом в колледж...

— А что за магазин?

— Мальвина писала, что торгует антиквариатом и какими-то экзотическими африканскими сувенирами для богатых извращенцев... Покупатели — в основном заезжие американцы... Большого я не знаю. Но я могу написать, спросить... Можно даже позвонить ей, она будет очень рада!

— А что? Это — идея! Только спросить надо без нажима, походя, между прочим... Сошлись на то, что твой знакомый «шишкарь» скоро намерен быть в Париже и хотел бы привезти оттуда какой-нибудь крутой сувенир...

Кстати, сам Поль тебе что-нибудь говорил о магазине и его

ассортименте?

— О магазине как-то был разговор... А вот о том, чем он торгует, нет! Это я точно помню... Стоило ему сказать, что там в основном продаются сувениры, которые изготавливают его родственники, проживающие в Центрально-африканской Республике, как я к этой теме сразу потеряла интерес... Ну что он еще, кроме сушеных крокодилов и змеиных шкур, может получать от своих африканских родственников?!

Хотя, судя по тому, какими суммами он иной раз располагает, можно сказать, что дело его процветает...

Но мне как-то недосуг было в это вникать... Да и вы сами, Леонид Иосифович, запретили с ним и его собратями общаться, так что...

— Думаю, милая моя, пришло время возобновить с ним контакт... Как ты? Не против?

— Ну почему же, если надо...

— Надо, Валентина, надо! Сначала ты поговоришь с Мальвиной, а затем устроим тебе случайную встречу с Полем... Думаю, что домой его к себе приглашать не стоит, сошлись на то, что к тебе приехали родственники...

В общем, поддержишь его какое-то время на сексуальном карантине... А между тем — дозвонишься до Мальвины. Она — пункт первый в нашей программе. Исходя из того, что она тебе расскажет, наметим план беседы с Полем. Все ясно?

Дозвониться до Мальвины не удалось: уехала на неделю в Англию, и Маслов перешел на запасной вариант — попытался устроить случайную встречу Распутиной с Полем. Безрезультатно: негр убыл на родину по окончании служебной командировки...

Дело «Вурдалаки» все-таки сдали в архив из-за его бесперспективности и отсутствия каких-либо реальных зацепок, могущих помочь раскрытию преступлений. Кроме того, к ноябрю 82-го в Москве не было обнаружено ни одного обезглавленного трупа бомжа... Однако генерал Маслов, не привыкший останавливаться на полпути и иметь в своем пассиве какое-то незавершенное дело, еще долго вспоминал эту эпопею с «вольными странниками без головы».

Через много лет он случайно наткнется на разгадку...

Глава 16

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ

Как только Самурай сообщил, что очередная партия горшков должна прибыть из Японии в порт Находку, Маслов немедленно вылетел во Владивосток.

Прибывшие контейнеры перегрузили с парохода на открытые платформы, и они стояли «под парами», чтобы отправиться в путешествие по нашей стране по Транссибирской магистрали. Дабы не насторожить японских экспедиторов, доставивших контейнеры, Маслов распорядился без проволочек дать грузу «зеленый свет».

В двадцати километрах от Находки платформу отцепили и, загнав ее в заранее подготовленный пакгауз, принялись осматривать контейнеры.

Удача! Один из них имел не предусмотренные для обычных контейнеров форточки, подобные щиткам, закрывающим иллюминаторы на кораблях. Странно, что таможенники не обратили внимания на эти демаскирующие признаки! Маслов, которого обуял азарт охотника, преследующего раненого зверя, распорядился немедленно вскрыть контейнер.

— Как! — возразил ему начальник управления КГБ по Приморскому краю, — а пломбы?! Их нарушать нельзя! Да и вообще, в отсутствие отправителя или получателя досматривать мирный груз иностранного государства запрещено. Вы, Леонид Иосифович, на карту ставите престиж страны — в моей практике это беспрецедентный случай, тем более, что вы находитесь на территории моей компетенции! Вопрос надо бы согласовать с Москвой...

«Иван Иваныч, — засмеялся Маслов, — ты сумеешь приготовить яичницу, не разбив яиц? Я — нет! А если серьезно, то вот она, Москва, перед тобой. Я преодолел девять часовых поясов, чтобы всю ответственность взять на себя! Какое еще согласование?! У тебя под носом курсируют горшки с форточками, а ты ни сном, ни духом! И вдруг вспомнил, что пломбы срывать нельзя! Ты где деньги получаешь?! В КГБ или...

Маслов осекся, поняв, что переборщил.

— Ну, я этого так не оставлю! — побледнел Иван Иваныч. — Напишу в партком Комитета, чтобы вас, Леонид Иосифович, там научили подбирать слова!

Маслов всегда испытывал чувство брезгливости к тем сотрудникам, кто в качестве своего самого сильного аргумента в споре использовал угрозу обратиться в партком. Да и вообще, считал генерал, парткомы в системе КГБ нужны не более, чем священники в публичных домах.

Кровь ударила Маслову в лицо и, едва сдержавшись, он бросил вслед удалявшемуся к своей машине местечковому начальнику:

— Давай пиши. Я отвезу твою писульку, чего уж там! — И добавил, вспомнив, что, отправляясь в Приморье, получил благословение от самого Председателя: — Но знай, еще до того, как меня вызовут на партком, я поставлю в кадрах вопрос о твоём неполном служебном соответствии!

...Срезали пломбы, распахнули двери. По всей длине контейнера от пола до потолка сложены аккуратно упакованные ящики. Вскрыли первый... второй... десятый. В мягкой упаковке оказались расписанные японскими кустарями фаянсовые вазы.

«Неужели ошибка? — Генерал вытер платком лоб, покрывшийся испариной. — Не может быть! Нет-нет, не мог я так грубо ошибиться!»

Обернувшись, Маслов встретился взглядом с ехидно улыбающимся приморским начальником. Мгновенно взяв себя в руки, бесстрастным голосом спросил:

— Ну что? Уже написал? Давай сюда свою писульку!

В ответ Иван Иванович снова отошел в сторону.

Досмотр продолжили. Аккуратно, чтоб не повредить, вскрывали все ящики подряд... Наконец, после того как поисковики вытащили наружу и распотрошили более пятидесяти ящиков, они наткнулись на фанерную перегородку, за которой скрывалось достаточно просторное помещение, размером с ванную комнату, загроможденное загадочной аппаратурой. Ну не контейнер — кабина космического корабля!

Экспертам, которых Маслов привез с собой из Москвы, предполагая, что дело придется иметь с радиоэлектронными штучками, потребовалось около шести часов, чтобы сделать предварительное заключение.

Это была сложная система, оснащенная блоками регистрации гамма-излучений и питания, накопления и обработки поступившей информации.

Кроме того, там находились термолюминесцентные дозиметры и фоторегистрирующая аппаратура. Система была абсолютно автономна, управлялась без вмешательства человека компьютером.

Внимательно изучив всю эту фантастическую аппаратуру, ученые-эксперты пришли к выводу, что в контейнере находится специальная лаборатория, способная собирать и накапливать информацию на всем протяжении пути от Находки до Ленинграда...

При более тщательном обследовании, проведенном уже в Москве, специалисты установили, что уникальная разведывательная система фиксировала наличие мест, где проводилась выемка атомного сырья, а также производственные объекты по его переработке. Она была способна «засечь» транспорт, на котором перевозились компоненты атомного производства, и даже определить направление его движения.

В местах наиболее интенсивного радиоактивного излучения автоматически открывались вентиляционные заслонки контейнера и производилась фотосъемка окружающей местности глубиной до нескольких километров по обе стороны железнодорожного полотна. Показатели излучений и фоторегистрации, счетчики километража давали возможность точно определять, где именно находится данный объект.

Таким образом, обнаруженная аппаратура позволяла скрытно «прощупывать» довольно обширное пространство вдоль всей Транссибирской магистрали, устанавливать и контролировать перемещение наших атомных объектов...

Генерал Маслов понял, почему в сопроводительных документах были заявлены именно вазы. Заяви «Сетику» о перевозке, скажем, бамбуковых циновок, и кто знает, как к контейнерам отнеслись бы русские грузчики, а фаянсовые изделия — товар хрупкий, требует особо бережного отношения: не кантовать, с горки не спускать! Очевидно, отправители рассчитывали, что, задекларировав в качестве груза легко бьющиеся предметы, они тем самым заставят наших рабочих проводить разгрузочно-погрузочные операции с особой осторожностью. А это — залог того, что ценнейшая аппаратура (нашими специалистами она была оценена в 200 миллионов долларов!) прибудет в пункт назначения в целости и сохранности. Конечно, фирма могла бы указать и бытовую радиоэлектронику — не менее хрупкий груз, также требующий деликатного обращения, но в этом случае не было никакой гарантии, что контейнеры не подвергнутся ограблению. Платформы-то открытые и неохраняемые...

Словом, все сработало неплохо, и те, кто придумал, и те, кто разгадал. Разумеется, и те, кто помог разгадать!

Лаборатория на колесах использовалась по следующей схеме: завершив пиратский рейд в глубь территории СССР, она из Гамбурга должна была переправляться в Штаты, а после снятия информации, ее доставили бы обратно в Японию, и все повторилось бы сначала. Установить, сколько оборотов проделала «карусель», не представилось возможным. Нам оставалось уповать на то, что до разоблачения и экспроприации лаборатории, в контейнерах находились только фаянсовые

вазы. Должны же были истинные хозяева контейнеров сначала проделать несколько экспериментальных рейсов, а не лезть в воду, не зная броду!

Нелегко пришлось руководству «Сетику», на которое пало подозрение в пособничестве Центральному разведывательному управлению. Чтобы сохранить свой бизнес на нашем рынке, президент «Сетику» Хидэе Арита срочно вылетел в Москву, чтобы пробиться на прием к Председателю Совета Министров. Тихонов продержал Ариту в приемной целую неделю, ожидая, когда Леонид Ильич поднимется с больничной койки, но в итоге был вынужден обратиться за консультацией к Андропову, который после смерти Суслова стал в партии и государстве человеком «номер два», новым «серым кардиналом».

Добившись наконец аудиенции, президент слезно умолял Председателя не предавать дело огласке и инициативно предложил нам в качестве компенсации полмиллиона долларов. Тихонов, памятуя наказ Юрия Владимировича, согласился. Молчание, оно стоит дорого!

Скорее всего Арита выложил деньги не из своего кармана — из кассы так и оставшейся инкогнито американской компании по производству электронной чудо-аппаратуры.

Это осталось за кадром, как, впрочем, и то, что в качестве компенсации за риск и моральные перегрузки получил кругленькую сумму в «зеленых» и Самурай...

* * *

На очередной явке Маслов, вручив Самураю вознаграждение, более получаса растолковывал ему, как плохие дяди из американского ЦРУ используют в своих темных делах не только доброе имя наивных японских бизнесменов, но и их фирмы.

Лекцию по программе чекистского ликбеза подытожил так:

— Уважаемый Курусу-сан! Происки американского империализма против миролюбивых сил не заканчиваются использованием в своих грязных целях фирмы «Сетику». У нас есть основания подозревать, что и государственное предприятие «Икебуко» также выполняет роль ширмы, за которой скрывается Центральное разведывательное управление...

Был бы вам очень признателен за предоставление сведений о скрытых аспектах ее деятельности.

— Насколько мне известно, «Икебуко», в отличие от «Сетику», пользуется государственной поддержкой и не нуждается в частных, тем

более иностранных, инвестициях. Вряд ли администрация предприятия будет рисковать...

— И тем не менее, Курусу-сан. Могу лишь добавить, что дело весьма срочное и... высокооплачиваемое!

Глава 17

КЛУБ КРЕМЛЕВСКИХ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Полковник Медведев, заместитель начальника личной охраны Брежнева, среди сослуживцев попросту «прикрепленный», по-кошачьи мягко подошел к приоткрытой двери Ореховой комнаты Кремля. Наметанным глазом определил, что среди собравшихся на заседание членов Политбюро не хватает Кириленко.

— Виктор, где подопечный? — полуоборот головы в сторону телохранителя.

— Владимир Тимофеевич, он в туалете...

— Давно?

— Да уж... — Телохранитель выхватил из нагрудного кармашка пиджака секундомер. — Четыре минуты и двадцать семь секунд!

— Быстро выясни, что там у него за проблемы, и волоки его сюда, а я пошел будить Генерального — пора начинать!

Андрей Павлович Кириленко был фактически третьим лицом в партии, а значит, и в государстве, но с тех пор как у него началась атрофия сосудов головного мозга и, как следствие, глубочайшая парамнезия — нарушение памяти — кандидаты и члены Политбюро начали дружно его игнорировать, хотя внешние знаки чинопочитания в общении с ним продолжали выказывать.

Брежнев не упускал случая, чтобы посмеяться над соратником, но делал это заочно, когда тот звонил ему по телефону.

— Леонид, здравствуй!

— Здравствуй.

— Это я, Андрей!

— Слушаю, слушаю тебя, Андрей.

— Ты знаешь... — вдруг замолкал Кириленко. Наступала длинная пауза. Леонид Ильич в этот момент расцветал и заговорщицки подмигивал сидящему напротив посетителю.

— Леонид, извини, вылетело из головы...

— Ну ничего. Вспомнишь — позвони!

Вслед за этим Брежнев, улыбаясь во весь рот, с нескрываемым удовольствием произносил:

— Ну вот, хотел что-то сказать и забыл.

Однажды Кириленко зашел в кабинет к Генсеку, попрощаться перед

отъездом на отдых.

— Куда едешь? — поинтересовался Брежнев.

— Да-а... — задумчиво ответил тот, находясь в полной прострации. — Да-а... куда-то... на море.

— Да куда повезут, туда и поедет! — вырвалось у Владимира Медведева, стоявшего за спиной Генерального.

Брежнев весело рассмеялся, а Кириленко никак не отреагировал, так ничего и не поняв.

Леонид Ильич в ту пору сам уже превратился в старца чрезвычайной ветхости, поэтому, наблюдая деградацию соратников, испытывал чувство глубочайшего удовлетворения, это вселяло в него оптимизм: вон они уже какие, ни на что не годные маразматика, а я, смотри, еще ничего, соображаю! Рядом с такими, как Кириленко, неизлечимыми инвалидами властного труда, Брежнев чувствовал себя крепким и здоровым, а самое главное, умственно сохранным. От сознания собственной полноценности, а отсюда и значимости он «бронзовел» на глазах.

Несколько раз Брежнев пытался отправить Кириленко на пенсию. Однажды он завел разговор на эту тему по телефону, но Андрей Павлович поспешно заявил, что еще полон сил и энергии и готов по-прежнему приносить пользу Родине.

После очередного приглашения покинуть клуб кремлевских небожителей Кириленко написал Брежневу пространное письмо с просьбой оставить его на работе. Прочитав письмо, Брежнев с усмешкой произнес:

— Дурак-дурак, а мыло не ест... Не хочет из Кремля на грешную землю спускаться!

...Больше всего хлопот и беспокойств личной охране доставляли участвовавшие вылазки Кириленко в туалеты Кремля. Не осталось без внимания «прикрепленных» и то, что каждый раз перед тем как отправиться в отхожее место, Андрей Павлович доставал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо тетрадный лист, подносил к глазам так близко, что, казалось, обнюхивает его, читал, беззвучно шевеля губами, а вслед за этим молча отправлялся на поиски туалетной комнаты.

Однажды, когда Кириленко в очередной раз заперся в туалете и заснул на унитазах, так и не сняв портки — забыл! — телохранители, привычно сорвав с петель дверь, обнаружили в его правой руке ту самую таинственную записку: «Рюша (так жена ласково называла престарелого иерарха), не забудь — надо покакать!» Стало ясно, что навязчивая идея оседлать «толчок» возникала у Андрея Павловича не спонтанно, по причине расстройства желудка, а как следствие принятых на домашнем

консилиуме решений.

Справедливости ради отметим, что остальные кремлевские мастодонты были не в лучшей, чем Кириленко, форме.

...Во время работы Политического Консультативного Комитета стран Варшавского Договора, проходившего в Софии, наша делегация жила в правительственном комплексе особняков.

Вечером, перед ужином, как обычно, прогуливались по аллеям парка. Горели фонари, было светло, как днем. Громько, шедший рядом с Брежневым, неожиданно споткнулся на ровном месте, у него заплелись ноги, и он упал, довольно сильно ободрав об асфальт руку. Хорошо, что Леонид Ильич успел как-то подцепить его, попридержать, последствия могли быть хуже. Старик поддержал старика...

С министром иностранных дел разного рода ЧП случались беспрестанно. В конце семидесятых годов Брежневу вручали очередную Золотую Звезду Героя. Все соратники-единоверцы стояли на почтительном расстоянии, выходили по очереди к микрофону и дружно аплодировали каждому восхвалению вождя.

Неожиданно Андрею Андреевичу стало плохо. Заметив это, Андропов прижался к нему с одной стороны, Соломенцев — с другой. Так, по-братски прижимая к себе, и вынесли из зала теряющего сознание бедолагу.

Наблюдая провалы в памяти у Кириленко или падения рядом идущих соратников, Брежнев хорохорился почему зря, ибо если сам еще не падал, то порой такого «петуха пускал», что присутствовавшие замирали, будто пораженные столбняком.

...14 марта 1976 года Леонид Ильич вручал в Кремле Фаине Георгиевне Раневской орден Ленина. Из-за дрожи в руках ему никак не удавалось справиться с застежкой, и он неожиданно для всех выпалил:

— Муля, не нервируй меня!

— Леонид Ильич, — с напускной обидой произнесла актриса, — так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы...

Генсек расплакался, как ребенок.

...В 1981 году Брежнев выступал на XVI съезде Компартии Чехословакии. Всех тогда волновала тревожная ситуация в Польше. Генеральный секретарь перепутал листки и вместо рассказа о положении в Польше стал заново зачитывать уже озвученные строки доклада. Присутствующие сделали вид, что ничего не произошло.

Вслед за этим с ответной речью выступил Густав Гусак. Говорил на родном языке, но затем перешел на русский, которым владел свободно. Сказал: «А сейчас, Леонид Ильич, я буду говорить по-русски. Мы очень

рады, что вы приехали на наш съезд. Большое вам спасибо!» И в том же духе продолжал еще пару минут.

Брежнев вдруг повернулся к переводчику и громко с обидой спросил:
— А ты почему мне не переводишь?!

В зале повисла гробовая тишина.

...Через открытую дверь Медведев увидел, как охранник под руку препроводил Кириленко в Ореховую комнату, и прикоснулся к плечу спящего в кресле Генсека. В ответ Брежнев лишь пробормотал что-то нечленораздельное, продолжая крепко спать.

«Эка морока с этой медсестрой! — в сердцах произнес «прикрепленный». — Опять, стерва, подмешала снотворное в компот Генсека, чтоб ей неладно было!»

Марш «Прощание Плутовки»

Осенью 1974 года после проводов американской делегации, возглавляемой президентом Фордом, Леонид Ильич из Владивостока отправился с визитом в Монголию. В поезде произошло нарушение мозгового кровообращения, и Брежнев впал в протрацию. Видели его в таком состоянии охрана и врачи, а узнала о случившемся вся советская делегация.

Врачам удалось поставить больного на ноги, но отсчет болезни уже начался — зловещий метроном включился...

Именно с середины семидесятых Брежнев пристрастился к наркотическим препаратам, снотворному, и всего через несколько лет весь мир мог наблюдать лидера-развалину. Одни лекарства сменялись другими, вместо ноксирона появились спеда, ативан и прочие, которые Брежнев поглощал горстями.

Чтобы упорядочить прием лекарств, главный кремлевский врач Чазов, посоветовавшись с Андроповым, установил при Генеральном медицинский пост. Хорошая идея в дурном исполнении принесла результаты, противоположные ожидаемым.

Вначале работали две сменные медсестры. Но, как это часто случается, одна выжила другую. Вскоре между Брежневым и медсестрой-победительницей установились, мягко говоря, «специфические отношения», и прием лекарств стал полностью бесконтрольным.

...Коровякова Нина Аркадьевна, молодая женщина эффектной внешности, уступчивая мужским притязаниям, при всем при том дело свое

знала хорошо и считалась в 4-м Главном управлении специалистом экстра-класса.

Вначале она держалась скромно — тише воды, ниже травы, но как-то незаметно и очень быстро обрела власть. Особенно этому способствовало то обстоятельство, что личный врач Леонида Ильича зачастую передавал ей весь набор снотворного. Это более чем устраивало ее, ставшую полновластной хозяйкой. Устраивало и самого Брежнева, прихоти которого она выполняла.

Коровякова, безраздельная распорядительница лекарств, так приворожила к себе Леонида Ильича, что тот без нее не мог ступить шагу и очень боялся, как бы ее от него не отстранили. Она по-хозяйски вмешивалась в работу врача-диетолога, сама заказывала для Брежнева блюда, поварам подсказывала, как готовить, официантам — когда и что подавать. Используя слабость Брежнева, особенно периоды апатии, депрессии и бессонницы, медсестра со спокойной душой добавляла в рацион Генерального одну-две таблетки снотворного, а когда тот засыпал, отправлялась по своим личным делам.

Влияние Коровяковой на Брежнева было всеобъемлющим, и она с выгодой не только для себя, но и для своей семьи использовала это обстоятельство. Достаточно сказать, что за время близости медсестры с Леонидом Ильичом, ее муж сделал головокружительную карьеру. За пять (!) лет скромный капитан пограничных войск дослужился до генерал-майора. У него был шанс стать и генерал-лейтенантом, если бы он не погиб в автокатастрофе в 1982 году, незадолго до кончины Генсека.

Леонид Ильич всецело доверял мнению медсестры. Порой дело принимало анекдотичную окраску. С опозданием посмотрев «Семнадцать мгновений весны», Брежнев поинтересовался, кто прототип Штирлица. Коровякова, при всех своих незаурядных деловых качествах и эпатирующей внешности, женщина недалекая, заявила, что полковник Исаев — реальное лицо, жив и поныне, всеми забыт и влачит нищенское существование.

Немедленно Леонид Ильич дал распоряжение своей охране разыскать разведчика Исаева.

— И разыскивать не надо, Леонид Ильич, — хором отвечали «прикрепленные», — Штирлиц-Исаев — это собирательный образ.

Разговор происходил несколько раз. Наконец Брежнев позвонил Андропову.

Юрий Владимирович ответил то же, что и охранники, тем не менее все заново проверили по картотекам. Нет такого.

Но Брежнев уже настроился на вручение заслуженной награды всеми забытому разведчику и в результате распорядился наградить Золотой Звездой... Вячеслава Тихонова, сыгравшего роль Штирлица. Имело значение, конечно, и то, что Тихонов к тому времени уже был придворным актером. Именно ему было делегировано право озвучивать на телевидении эпохальное произведение, вышедшее из-под пера Леонида Ильича, — «Малую землю», не кто иной, как Тихонов, открывал каждый правительственный концерт, посвященный 7 Ноября, торжественной здравицей во славу КПСС, ну, и так далее...

...Брежнев брал медсестру с собой в охотничье хозяйство «Завидово», она беспардонно усаживалась за один стол с членами Политбюро (чего, кстати, никогда не позволяла себе даже жена Генсека, Виктория Петровна), где в ее присутствии обсуждались государственные и международные проблемы чрезвычайной важности.

Не подозревая о «специфических отношениях» медсестры с Генеральным, возмущенный таким ее поведением, член Политбюро Дмитрий Полянский высказал свое мнение Брежневу. После этого он тотчас был выведен из состава Политбюро и назначен министром сельского хозяйства СССР. Еще через некоторое время Полянский был освобожден и от этой должности и отправлен послом в Японию.

Андропов тоже пытался образумить Генерального. Однажды он в свойственной ему доверительной манере завел с Брежневым разговор о Коровяковой. Но собеседник резко оборвал его, сказав: «Знаешь, Юра, мои отношения с ней — это мое личное дело. Я просил бы тебя впредь никогда не возвращаться к этому вопросу!»

Возражать Юрий Владимирович не стал, видя полную неадекватность собеседника, но для себя решил раз и навсегда отлучить медсестру от тела Генсека...

Срочно вслед за этим под непосредственным контролем Андропова была разработана многоходовая операция под кодовым названием «Прощание Плутówki», в которой были скоординированы усилия КГБ, МВД и Министерства здравоохранения.

Прямо не медсестра, а Мата Хари!

Чтобы воспрепятствовать доступу медсестры к телу Генсека, ее стали отстранять от дежурств, а его — обманывать: завтра ее не будет — муж заболел, ребенок заболел, еще что-то дома неладно... Наконец Коровякова сдалась и согласилась покинуть Леонида Ильича, но при одном условии — она должна с ним проститься. Хитрая бестия, она рассчитывала на то, что во время личной встречи Брежнев не устоит перед ее чарами и, как это уже

бывало, отдаст распоряжение, чтобы ее оставили в покое.

Условие медсестры было принято, но главный режиссер-постановщик прощального спектакля Юрий Владимирович Андропов распорядился, чтобы расставание было организовано не в помещении, с глазу на глаз, а на улице — принародно.

У председателя КГБ были основания опасаться, что, оставшись наедине с обольстительницей, Генеральный может дать слабину, и все вернется на круги своя...

Из дома Брежнева вывели в плотном кольце охраны, будто он находился в осажденном террористами чужом городе, а не на даче в Завидове.

Увидев медсестру, которую в последнее время к нему не допускали под разными предлогами, Леонид Ильич смешался, тяжело задышал. Коровякова, заламывая руки, бросилась ему навстречу, начала что-то со слезой в голосе говорить.

Кольцо вокруг Генсека сомкнулось еще плотнее. Вперед выступил начальник личной охраны генерал Рябенко:

— Нина Аркадьевна, хорошего вам отдыха. Леонид Ильич благодарит вас за оказанную помощь. Пройдите к машине!

Закусив нижнюю губу, женщина села в черную «Волгу» и уехала из Завидова навсегда...

Между тем потребности организма Брежнева в наркотических препаратах возрастали. Теперь уже он поглощал таблетки пригоршнями, а так как впрок насытиться снотворным невозможно, то Леонидом Ильичом овладела монотематическая навязчивая идея: где, у кого раздобыть «колеса»?!

Дозы, прописанные Чазовым, — что леденцы для людоеда, и Генсек обращается к соратникам, членам Политбюро:

«Ты как спишь? Снотворным пользуешься? Каким? Помогает? Дай попробовать!»

Никто и никогда ему не отказывал, наоборот, все с готовностью делились своими запасами зелья. Передавали лекарства из рук в руки прямо на заседаниях Политбюро.

Больше других старались услужить Генсеку Черненко и Председатель Совета Министров СССР Тихонов, которые к тому времени сами уже безраздельно находились в наркотической зависимости. Один лишь Андропов всегда передавал пустышки, по виду напоминавшие импортное снадобье, которые по его заказу изготавливали в спецлабораториях КГБ.

Кто-то из членов Политбюро, «сострадавших» патрону, подсказал ему,

что лекарства надо запивать... водкой — лучше и быстрее усваивается. Леонид Ильич справился у Чазова: правда ли?

«Правда», — ответил придворный лекарь, но предупредил, что пользоваться нужно этим редко и осторожно.

Подтверждение, полученное из уст медика, для Брежнева прозвучало как индульгенция. Выбор пал на «Беловежскую пуцу», крепчайшую водку, настоящую на травах, которой Генерального как-то угостили белорусские руководители.

С тех пор этот напиток, хотя и основательно разбавляемый охранниками, стал непременным ингредиентом в рационе Генерального.

Теремные посиделки

С трудом выведя Генерального из послеобеденного сна, Владимир Медведев проводил его в Ореховую комнату — зал заседаний на третьем этаже здания Совмина в Кремле, где отдельно собирался священный ареопаг Коммунистической партии Советского Союза.

Эта святейшая десятка членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем безраздельно вершила судьбы шестой части земного шара, да и не только. Все восемнадцать лет брежневского правления статус этой «могучей кучки» кремлевских мудрецов оставался незыблемым, а ритуал священнодействия, заведенный еще в сталинские времена, — неизменным.

По Брежневу, значит, — по-прежнему...

Заседание Политбюро началось.

В последний год нахождения Брежнева у власти сановные посиделки ввиду немощности участников продолжались не более 20–30 минут, превратившись в коллективный духовный онанизм.

Юбилейно-панегирические выступления в адрес Генерального секретаря то и дело им самим же и прерывались: «Есть мнение, товарищи, согласиться с предложением. Возражений нет? Единогласно!» Или: «Этот вопрос подлежит решению в рабочем порядке. Следующий!»

Генсеку вторил заведующий Общим отделом ЦК Константин Черненко, приглашаемый на заседания в качестве ответственного за протокол, в чьи обязанности входило лишь следить за регламентом и работой стенографисток, но фактически он на равных участвовал в обсуждении всех вопросов.

Пользуясь благосклонностью Брежнева, без упоминания имени которого Черненко и воздуха не мог бы испортить, Константин Устинович

менторским тоном провозглашал: «Товарищи, страна, народ ждет от нас комплексных, глобальных решений, давайте не будем отвлекаться на малозначимые темы. Если нет возражений — идем дальше!»

Присутствующие согласно кивали головами, демонстрируя отличную иерархическую выучку. Лишь Андропов своими кинжально острыми, лишенными стереотипных лозунгов коммунистической схоластики докладами нарушал привычный ритм помпезной ритуальности. В ответ Юрий Владимирович получил неприязнь всех членов Политбюро, кроме Брежнева, министра обороны Дмитрия Устинова и министра иностранных дел Громыко.

Неприязнь кремлевских мастодонтов, со временем переросшая в скрытую антипатию, подпитывалась подозрением, что свой рабочий день единовластный владелец и распорядитель «карающего меча» развитого социализма начинает с ознакомления с их историями болезни, выпрашивая главного теремного лекаря Чазова, как долго им осталось жить.

Патриархи застоя никогда не упускали случая намекнуть Генеральному, что Андропов ведет за ними негласную слежку. Стоило, скажем, во время заседания Политбюро, на котором Юрий Владимирович отсутствовал из-за болезни, качнуться под действием кондиционера тяжелой оконной портъере, как тот же Тихонов или Гришин не без злорадства восклицал:

«Оказывается, и Юрий Владимирович здесь! А сказали, что он под капельницами ведет сражение за свою жизнь».

Правда, дальше этих школярских пакостей они идти не решались, зная, что Андропов обладает нешуточной закулисной силой, и ссориться с ним опасно и всегда убыточно. Андропов знал об этих проделках соратников, но, сознавая свое интеллектуальное превосходство над всеми членами кремлевского клуба патриархов, включая и «самого», никогда не снисходил до ответных уколов.

Свое назначение на пост главы госбезопасности Андропов с самого начала рассматривал как трамплин для прыжка на «самый верх», продолжая жить жизнью политика, имеющего свою оригинальную точку зрения по самому широкому кругу проблем государственного и даже мирового масштаба.

Он отдавал себе отчет, что для реализации его политических идей существует лишь один верный способ: сделать своим союзником Брежнева, и весьма успешно продвигался в этом направлении.

Вместе с тем Андропов живо интересовался и вникал в специфику

работы разведки и контрразведки. Зачастую он не только лично руководил крупными операциями, проводимыми органами госбезопасности внутри страны и за рубежом, поименно знал начальников всех управлений и служб, но умудрялся удерживать в памяти псевдонимы и имена особо ценных агентов.

Для Брежнева Андропов был весьма авторитетным и приятным собеседником даже в самых сложных и деликатных делах, потому что, задавая какой-то вопрос, Юрий Владимирович сам же ненавязчиво, в форме совета, подсказывал и ответ, не заставляя Генерального напрягаться и ломать голову. Он как бы щадил Брежнева, учитывая его болезнь.

Андропов входил — всегда спокойный, рассудительный: «У меня, Леонид Ильич, несколько вопросов». Задавал их четко, кратко, при этом как бы извинялся за то, что вынужден отвлекать Генерального от других важных дел. Стоило Брежневу задуматься над вопросом, как Андропов тут же аккуратно заполнял паузу: «Думаю, Леонид Ильич, надо поступить таким образом, как вы считаете?»

Все вопросы и проблемы решались как бы сами собой, на том беседа и заканчивалась.

Однако на этот раз что-то «закоротило» в мозгу Генерального.

* * *

— Товарищи! — начал свое выступление Юрий Владимирович. — Как сказал на XXVI съезде КПСС самый авторитетный политический и государственный деятель современности, верный продолжатель великого дела Ленина наш дорогой Леонид Ильич, «наши чекисты зорко и бдительно следят за происками империалистических разведок». Вдохновленные этой высокой оценкой своего труда, сотрудники КГБ только за последний месяц успешно провели две серьезные операции. Например, на дне Охотского моря органы безопасности обнаружили приемо-передающую аппаратуру, которую американцам с помощью японских спецслужб удалось разместить с подводной лодки возле кабеля стратегического назначения, соединяющего узлы связи Камчатки и материка. Устройство имело автономное питание в виде ядерного реактора и весило 6 тонн! Назначение указанной аппаратуры — снимать с кабеля, записывать и в автоматическом режиме передавать записанные телефонные переговоры на спутник. Единственное, что оставалось делать американцам вручную, — это периодически менять пленки и питание.

Безусловно, наши сотрудники, обнаружившие это устройство, не подвергались такому риску, как, скажем, наш агент в диверсионной школе, однако совсем не просто было отыскать «иголку в стогу сена» — обнаружить секретную аппаратуру.

Второй пример: буквально на днях нами разоблачена еще одна вопиюще наглая акция американских спецслужб, проводимая при пособничестве одной японской фирмы, занимающейся организацией транспортировки импортных грузов через территорию СССР. Американская лаборатория на колесах, курсировавшая по бескрайним просторам нашей Родины на железнодорожной платформе, представляет собой последнее слово техники и оценивается нашими специалистами в 200 миллионов долларов. С ее помощью ЦРУ рассчитывало получить данные чрезвычайной важности о нашем атомном производстве и оружии.

Следует добавить, что использование лаборатории на колесах маскировалось перевозкой безобидной продукции японских кустарей — фаянсовыми вазами. Это свидетельствует о том, что противник прибегает ко все более изощренным методам добывания разведданных...

— До чего додумались, стервецы! — подал голос заинтригованный Генсек.

Андропов слова Брежнева воспринял как сигнал сделать паузу и обвел взглядом присутствующих, оценивая произведенный эффект. Он выступал первым, участники заседания еще не успели погрузиться в состояние, пограничное между миром грез и реальностью, и поэтому все, в том числе и «сам», заинтересованно внимали докладчику.

— Товарищи, последний пример убедительно показывает, что в своей подрывной деятельности западные спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ, не останавливаются ни перед чем, чтобы нанести максимальный урон нашей стране. В стремлении подорвать наш военный и экономический потенциал они все настойчивее вовлекают в орбиту своей преступной деятельности не только отдельных бизнесменов, но и целые фирмы, используя таким образом их доброе имя, авторитет, наконец, их вывески в своих грязных целях...

— Леонид Ильич, — поворот головы в сторону Генсека, — разрешите перейти к основной части моего сообщения?

— Разрешаю...

— Товарищи, Комитет государственной безопасности внимательно следит за тем, чтобы торговые и другие связи экономического характера между СССР и его зарубежными партнерами не были использованы ими в ущерб нашей стране. В этой связи не могу не отметить, что, по имеющимся

данным, японцы, взявшие в аренду песчаную косу на Камчатском полуострове якобы для строительства мини-порта, на самом деле в течение полугода вывозят оттуда песок, да еще и в огромных количествах... Да-да, как это не покажется странным — обыкновенный морской песок...

— Что ж они с ним делают? — не выдержал Генсек.

— Я не исключаю возможности, Леонид Ильич, что сооружение порта играет роль такой же ширмы, как фаянсовые вазы в случае с лабораторией на колесах... Разница в том, что перевозчик фаянса — частная фирма, а строительством портовых сооружений занимается государственное предприятие под названием «Икебуко»... Якобы занимается!

— Ну и что с того, что «Ебуко» государственное предприятие?

— Дело в том, Леонид Ильич, что договор об аренде части территории Камчатки это предприятие заключило с нашим Министерством внешней торговли, но лишь после того, как предложение об аренде было рассмотрено и одобрено на заседании Политбюро... Теперь для того, чтобы Комитет госбезопасности мог проводить полномасштабную проверку «Икебуко», снова должно быть принято соответствующее решение нашего коллективного органа, Политбюро...

Андропова прервал Николай Тихонов, Председатель Совета Министров.

— Леонид Ильич, разрешите мне сказать?

— Разрешаю...

— Я не понимаю сути вашей озабоченности, Юрий Владимирович. Что плохого в том, что Япония арендует у нас часть не используемой нами песчаной косы?! Мы же имеем стабильное поступление в бюджет свободно конвертируемой валюты! И какое! Тысячи долларов!!

Почему же вас не беспокоит, что мы бесплатно, подчеркиваю — бесплатно! — раздаем в ГДР тысячи, десятки тысяч тонн фекалий!

— А что с ним делают немецкие товарищи? — удивился Генсек.

— Немецкие товарищи используют наши фекалии в качестве удобрения, Леонид Ильич... Да вот и Дмитрий Федорович, — кивок в сторону министра обороны, — не даст мне соврать...

Маршал Устинов энергично закивал головою:

— Воистину, Леонид Ильич! Каждое утро у КПП всех гарнизонов Группы советских войск выстраиваются очереди из говновозок, чтобы, значит, бесплатно получить то, что у них стоит бешеных денег — удобрения...

И все довольны, Леонид Ильич!

Наши солдаты — потому что не надо самим чистить нужники.

Немцы — потому что можно подхарчиться, то есть, я хотел сказать, задарма разжиться фекалиями... Иногда даже драки между немцами из-за этого случаются!..

— Ценят, значит! — Генсек удовлетворенно закивал головою.

— Еще как, Леонид Ильич! Наше говно у них на вес золота!

— Я-то думал... — Брежнев разочарованно поморщился. — Я-то думал — наших солдат!

— Ну это — само собой, Леонид Ильич, но говно — больше! — бодро откликнулся Устинов.

— Разрешите продолжать, Леонид Ильич? — поспешил заполнить паузу Тихонов.

— Разрешаю...

— Вот видите, Юрий Владимирович! А японцы нам за такое же говно, то есть за микроскопический кусочек песчаной косы, платят немалые деньги! Как говорится, почувствуйте разницу... Да и потом...

Тихонов всем корпусом обернулся в сторону Генсека и, не сводя с него глаз, громко произнес ключевую фразу своего обвинения:

— Вы что же считаете, уважаемый Юрий Владимирович, что в нашем Министерстве внешней торговли дураки сидят?! Товарищ Патоличев, товарищ Юрий Леонидович Брежнев за достигнутые успехи по привлечению в наш бюджет иностранной валюты на XXVI съезде кооптированы в состав ЦК нашей партии... Умелое руководство Внешторгом, кстати, в том и заключается, чтобы из говна, то есть из песка, делать деньги!..

У вас, Юрий Владимирович, по-моему, узковедомственный, а не государственный подход к вопросу...

— У меня все, Леонид Ильич, разрешите сесть?

— Разрешаю...

Андропов взглядом психиатра обвел притихших — нет! — затаившихся соратников, и ему стало ясно, что доказывать что-либо бесполезно, ибо придется вести наступление в условиях круговой обороны. А может, собравшиеся ждут, когда он нагнется за брошенной ему под ноги перчаткой, чтобы всей сворой, волчьей стаей налететь сзади, смять, растерзать?! Уж не провокация ли? Ведь впервые не за глаза, а в открытую Предсовмина решил дать ему бой. Но слабы твои позиции, Николай Александрович, иначе ты своими грязными руками не стал бы касаться струн отцовского сердца — упоминать имя сына Генсека. За уши ведь Юрия Леонидовича к ситуации притянул!..

Андропов криво усмехнулся, вспомнив, как в канун Нового года

президент «Икебуко» лично посетил Москву, чтобы в знак благодарности за процветание его предприятия вручить ценные подарки — мебельные гарнитуры — Патоличеву и Юрию Брежневу. Мебель, изготовленная японскими умельцами, была доставлена в Москву на трех железнодорожных платформах и предназначена была не только для служебных кабинетов, но и отвечала вкусу самой взыскательной домохозяйки и могла стать украшением любой гостиной и спальни. От японских щедрот «обломилось» и Предсовмина Тихонову.

Случайно узнав о подарке, Андропов дал задание спецам из оперативно-технического управления хорошенько его обследовать. Подозрения подтвердились: во встроенных в прикроватные тумбочки электронных часах, радиоприемниках, магнитофонах, термометрах и барометрах были обнаружены более дюжины микрофонов оригинальной конструкции! Батарейки, от которых работала вся «мебельная» бытовая радиоэлектроника, одновременно служили источниками питания и для микрофонов. Съём информации можно было производить, находясь в машине на удалении до 500 метров от места, где находились мебельные гарнитуры. Для этого не нужны были специальные средства, достаточно было настроить автомобильный приемник на соответствующую волну.

Тогда Андропов ограничился проведением профилактической беседы с Тихоновым, более того, пошел ему навстречу: учитывая его слезные мольбы, ничего не сказал Генсеку о микрофонах. И вот теперь в качестве благодарности получил публичную выволочку! Ну что ж, Николай Александрович, сегодня ваша взяла. Посмотрим, что день грядущий вам готовит!

— Все ясно, товарищи! — решительно произнес Генсек. — Каждый пусть занимается порученным ему делом: руководство Внешторга — своим, КГБ — своим... А вообще, Юрий Владимирович, ты нам на рассмотрение сырой материал представил... Доработай — обсудим! Костя, — поворот головы в сторону Черненко, — кто следующий на повестке?..

Глава 18

ТАЙНА ЧЕРНОГО ПЕСКА

Радостно возбужденный Маслов вернулся на Лубянку с явки — Самурай опять не подвел! Теперь можно и ответить Председателю на его подначку, пусть убедится сам, что японец — действительно кладезь оперативно значимой информации!

Едва генерал переступил порог своего кабинета, как раздалась малиновая трель аппарата прямой связи с Председателем. На собственном опыте генерал убедился, что такие совпадения происходят, лишь когда звонящий очень часто набирает твой номер.

— Где ты ходишь?! — раздалось в трубке. — Зайди ко мне!

Несмотря на командный тон, в голосе шефа Маслову слышалась некоторая растерянность.

Войдя в кабинет, генерал по знаку Андропова сел в кресло напротив и поразился необычно удрученному выражению его лица. Несколько минут сидели молча. Андропов — опустив глаза. Маслов — всматриваясь в него, пытался понять, что происходит: «Что ж там на Политбюро могло такого случиться? На вас же, Юрий Владимирович, лица нет!»

И тут по какому-то совершенно необъяснимому импульсивному движению души — генерал неожиданно для самого себя сказал:

— Юрий Владимирович, интуиция вас не подвела: тайна похищения японцами камчатского песка раскрыта! Самурай в подробностях изложил механизм этой аферы! Руководство Внешторга — у вас в кармане... Оно не только главный подписант договора с «Икебуко» об аренде песчаной косы, но и локомотив, протащивший идею японцев на заседание Политбюро... Агентом представлена информация, раскрывающая механизм разграбления природных богатств Камчатки японской государственной фирмой «Икебуко»! И все это благодаря рдениям нашего Предсовмина — вслед за его распоряжением японцы с минимальными затратами, открытым способом у нас под носом ведут добычу редкоземельных металлов, золота и платины...

Все это Маслов выпалил залпом. И вдруг увидел выражение лица Андропова. Тот смотрел на собеседника каким-то настороженным змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал. Пауза затягивалась. Наконец Андропов расщепил губы и хриплым от внутреннего напряжения голосом спросил:

- Доказательства изложены письменно?
— Да, Юрий Владимирович! — с энтузиазмом ответил Маслов и проворно вынул из папки лист бумаги.

Агентурное сообщение

Выполняя Ваше задание по выяснению скрытых аспектов деятельности государственного предприятия «Икебуко», источник во время служебной командировки в Токио встретился и имел беседу со своим одноклассником Иту Ритсу, который в настоящее время является членом наблюдательного совета указанного предприятия.

Следует отметить, что, несмотря на длительный перерыв в наших отношениях и разницу в занимаемом положении в обществе и материальном достатке, Иту Ритсу сохранил к источнику дружеские чувства, вел себя искренне, о чем могут свидетельствовать представленные им сведения о деятельности «Икебуко» на советском рынке.

Во время беседы, проходившей в ресторане «Сие-хиро», Иту Ритсу на мой недоуменный вопрос: зачем его фирме понадобилось соорудить порт на Камчатском полуострове, со смехом пояснил, что взятая в аренду территория является предметом, но отнюдь не целью заключения контракта. А строительство там портовых сооружений — это блеф, который играет роль своего рода маскировки в получении доступа к так называемому черному песку. Далее он рассказал следующее.

Дело в том, что действующий вулкан Майон, расположенный неподалеку от острова Катандуанес (Филиппины), регулярно выбрасывает в прибрежные воды Филиппинского моря вулканический пепел, который по дну Идзу-Бонинского и Японского желоба тихоокеанским течением выносится только на побережье Камчатки, конкретно — в район поселка Озерновский.

Таким образом, прибрежная полоса усыпана вулканическим пеплом, прозванным специалистами черным песком. Он буквально перенасыщен редкоземельными элементами, такими как: скандий, иттрий, лантан и лантаниды. Кроме того, в черном песке высоко содержание золота и платины.

Скандийсодержащие ферриты — это элементы памяти всех компьютеров, а сплавы скандия — перспективные конструкционные материалы в авиации и электротехнике.

Иттрий используется в качестве легирующей добавки для повышения электропроводности радиодеталей.

Лантан и лантаниды используются в электронике, лазерной и оптической технике.

Прибрежная зона в поселке Озерновском — это единственное место на земном шаре, где открытым способом можно добывать перечисленные редкоземельные металлы.

«Русские буквально топчут сапогами бриллианты! — заявил Ритсу. — Похоже, они им не нужны, вот мы и нашли им применение!»

Необходимо отметить, что администрация «Пке-буко» в целях конспирации нанимает обслуживающий персонал траулеров только на один рейс. Никто из них не должен быть профессиональным моряком или членом профсоюза. Все они, как правило, выходцы из Вьетнама, Лаоса или Индонезии, готовые за гроши исполнить любую работу.

По завершении погрузочно-разгрузочных работ поденщиков партиями по пять человек под присмотром вооруженных охранников препровождают в кают-компанию, где им вручают по пять долларов и кормят. При этом насильно заставляют выпить по стакану рисовой водки, в которую подмешиваются наркотики, вызывающие временную парамнезию — нарушение памяти. Делается это для того, чтобы по списанию на берег ни один из рабочих не мог вспомнить, чем он занимался на судне.

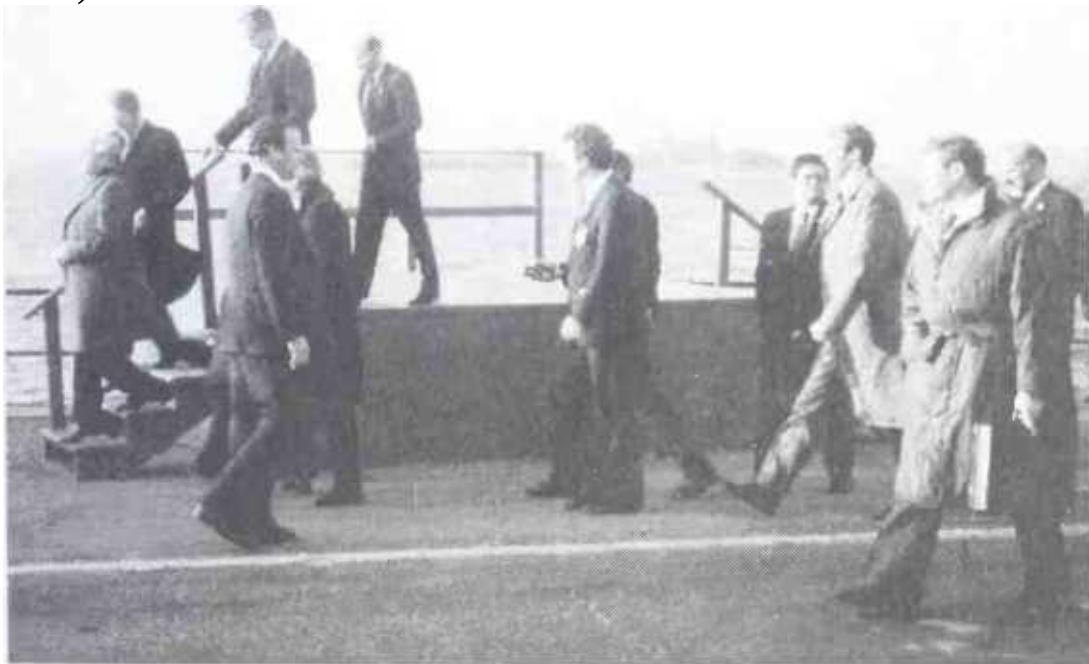
По словам Иту Ритсу за один рейс караваном зафрахтованных траулеров в Японию доставляется до 10 тысяч тонн черного песка.

В дальнейшем выплавленные металлы «Икебуко» продает на внутреннем и международном рынках фирмам, производящим радиоэлектронное, лазерное и оптическое оборудование, которое экспортируется во все страны мира, в том числе и СССР. Производство редкоземельных металлов из черного песка является основной статьей дохода предприятия моего одноклассника. В этой связи он посетовал, что чиновники Внешторга, зная об этом, постоянно требуют огромного количества дорогостоящих подарков для себя и своих родственников, однако все возрастающие аппетиты оправдывают тем, что им якобы надо давать взятки «на самом верху».

Счета за ужин в ресторане и за поездки на такси по городу прилагаю.

Председатель КГБ СССР В.М.Чебриков и один из героев книги заместитель командира группы «Альфа» Владимир Зайцев. (На фотографии в кимоно).

Встреча на Мальте в 1989 году. На снимке: крайний слева с дипломатом В.Зайцев, а также Михаил Горбачев, Рональд Рейган и Джордж

Буш.

Задержание с поличным во время тайниковой операции кадровой сотрудницы ЦРУ Марты Петерсон, действовавшей под прикрытием вице-консула посольства США в Москве.

Петерсон при проведении операций часто переодевала одежду. Войдя в кинотеатр в длинном белом платье, она вышла в черном брючном костюме. Но и это ей не помогло...

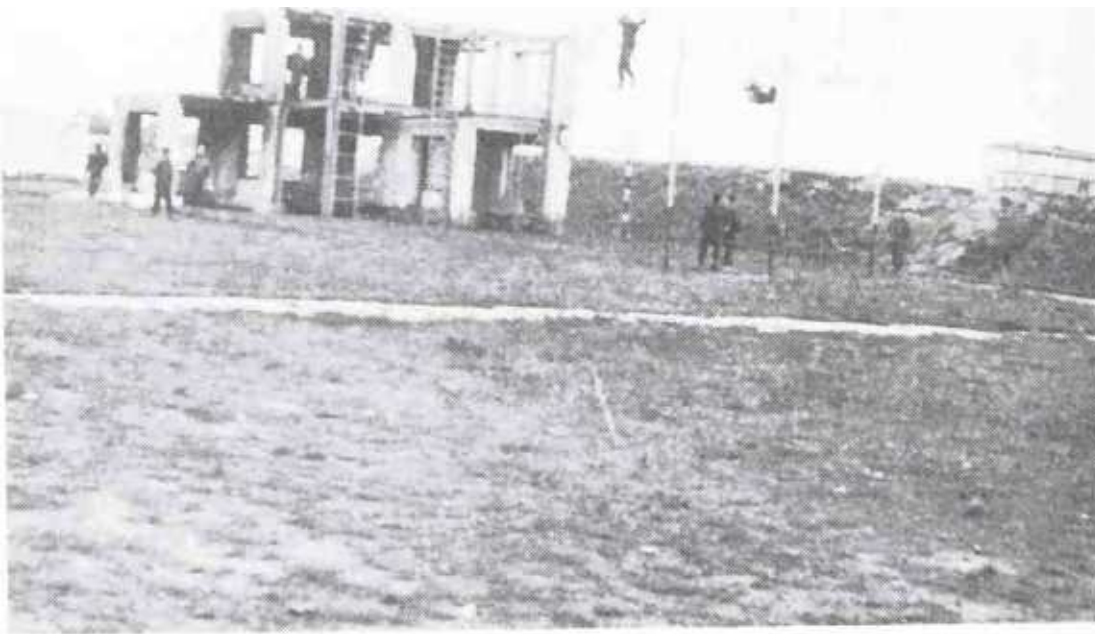

Один из самых высокопоставленных «кротов» — генерал ГРУ Поляков в Лефортово. (На снимке в наручниках).

Бойцы антитеррористической группы «Альфа» оттачивают свое мастерство.

Они всегда готовы к обезвреживанию террористов и агентов иностранных спецслужб.

Самурай

Когда Андропов, закончив читать, поднял голову, Маслов увидел в его глазах огонь восторга от предвкушения мести. Это был сигнал, и Маслов откликнулся на него, как пожарный конь, скачущий на звук сигнального колокола:

— Юрий Владимирович, у меня складывается впечатление, что если какой-то иностранный предприниматель захочет разбогатеть, то ему надо всего лишь обратиться за заключением контракта в наше Министерство внешней торговли... А нам, контрразведчикам, как прибывшим на место автокатастрофы врачам, остается лишь констатировать смерть... Кого? Донора в лице Советского Союза... Кроме соцлагеря и революционных партий Латинской Америки и Африки, мы, оказывается, подкармливаем еще и Японию... Но не деньгами — драгоценным песком! Какое дьявольски изощренное воображение надо иметь, чтобы до такого додуматься! Нет, вы только представьте, сколько десятков тысяч тонн песка украдено у нас «Икебукой» за время работы на песчаной косе! И ведь песочек-то не просто черный — *бриллиантовый*! Ничего себе плодотворное сотрудничество!

— Почему украдено? Предприятие оплачивает аренду в валюте... — вкрадчиво подлил масла в огонь Председатель.

— Да в том-то все и дело, Юрий Владимирович, что платят японцы лишь за аренду площадки, а стоимость похищаемого песка в арендную плату не входит. Получается, скорлупа — дороже самого яйца!! Вы только представьте: за наем территории они платят копейки, а ценнейшая руда достается им даром! Доведись им закупать ее по мировым ценам, они бы вылетели в трубу! Не удивлюсь, если Внешторг затем закупает у «Икебуко» или у другой фирмы оптику и электронику, где составляющие детали изготовлены из тех самых редкоземельных металлов, что выплавлены из нашего *черного песка!*...

— Так это не вина японцев, а заслуга... Плюс преступное разгильдяйство головотяпов из Внешторга...

— На поверку выходит, Юрий Владимирович, что ребята из «Икебуко» нашу географию и залежи полезных ископаемых изучили лучше, чем чинуши из Министерства внешней торговли... Проблема, в конце концов, не в этом... Что мы будем делать с «Икебукой»? — Маслов с усилием потер тыльной стороной ладони лоб.

— Чтобы тебя, Леонид Иосифович, хоть как-то успокоить, расскажу об одном историческом курьезе... Однажды Лазарь Моисеевич Каганович, будучи членом Военного совета, выступал на слете бойцов-отличников Калининского фронта. Шел сорок третий год, и всех интересовал один вопрос: когда же союзники откроют второй фронт? На это Каганович ответил так: «Открытие второго фронта целиком зависит от одного человека — от Черчилля... Если бы Черчилль был членом ВКП(б), мы с товарищем Сталиным вызвали бы его в Кремль и сказали: или открывай второй фронт, или клади партбилет на стол!.. А так, ну что мы можем сделать?..»

Усвоил? Но достать японцев все-таки есть возможность... и не только их, но и распиндзев из Внешторга! Я ведь не зря тебе байку о партбилете рассказал... Его кое-кто из руководителей Министерства внешней торговли положит-таки на стол, не поможет даже то, что он является членом ЦК КПСС! Я об этом позабочусь лично...

Андропов, чтобы унять волнение, полез в тумбочку за кувшином, резко поднялся и, расплескивая воду, стал поливать цветы. Успокоившись, уже по-деловому неторопливо стал диктовать Маслову пункты плана оперативных мероприятий. В заключение сказал:

— Леонид Иосифович, срочно запроси токийскую резидентуру — пусть представят данные о японском экспорте радиоэлектроники, компьютеров и оптики за последний год... Думаю, что со времени заключения «песчаного договора» с Внешторгом продажа Японией

перечисленных товаров на мировом рынке стала одной из самых доходных статей ее бюджета, ведь «Икебуко» — наполовину государственное предприятие...

Ну что ж! Вопрос о сдаче в аренду Внешторгом части нашей территории мы и рассмотрим на ближайшем заседании Политбюро... Председательствовать на нем буду я! Генсек, похоже, надолго занемог... Все, за работу! Ты же, Леонид Иосифович, знаешь мой принцип: сочетать пессимизм знания с оптимизмом действий... Не важно, насколько я неудовлетворен нынешней ситуацией, надо делать работу!..

Часть II

МАЛЬВИНИНЫ ЛАБИРИНТЫ

Глава 1

МАНЬЯК В ДАМСКИХ ТУАЛЕТАХ

Париж — это золотой фейерверк неги, бесконечное великолепие были, переносщей тебя в сказку. Или наоборот. Импозантное окружение и безукоризненный сервис. Лоснящийся комфорт и изысканная кухня. Культура утонченного наслаждения и вдохновляющая атмосфера ненавязчивой роскоши. И это при том, что ни у кого из окружающих тебя парижан не перехватывает дыхание в груди, никто не пялит на это великолепие глаза, будто все доступно и привычно, как зубная щетка поутру...

С первой тысячью франков и с гомиком Жаном, как это и было оговорено в Москве, Мальвина рассталась сразу же по прибытии во Францию. Расплатилась она со своим притворным мужем, продав привезенные с собой фотоаппараты «Зенит», часы «Полет» и черную икру. Хотя выручить за все это удалось гораздо меньше, чем она предполагала. Зато расходы превзошли все заранее сделанные расчеты. Чего стоили только плата за комнату и питание в пансионе, где она остановилась, чтобы осмотреться и подыскать какую-нибудь работу и постоянное жилье!

Через неделю после приезда в Париж Мальвина сделала для себя вывод, что этот город — место, где всякому требованию есть свое удовлетворение.

То, что в Москве ей казалось прихотью избранных, в Париже оказалось на поверку заурядным явлением, которое может себе позволить любой прохожий с улицы. Были бы деньги.

Впрочем, положила руку на сердце, Мальвина могла сказать себе, что нечто подобное в ее жизни уже было в Москве, в обществе богатых и щедрых любовников, на содержании которых она находилась.

Разница лишь в том, что в Париже она находилась на содержании у самой себя. А если учесть, что в этом городе, средоточии соблазнов, деньги имеют обыкновение быстро улечиваться, то... В общем, очень скоро Мальвина поняла, что без работы и без связей ей придется — о, ужас! — выйти на панель. С чем боролась, на то и напоролась. Мысль о панели она яростно отвергала, активно ища других возможностей для старта в новой, парижской жизни.

И случай представился. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Несчастье ли? Не было ли это расчетливым умыслом

искушенных охотников за «скальпами» таких эмигранток, как она? Но поначалу Мальвине это в голову не приходило...

* * *

Знакомство с Парижем она начала с посещения значных мест, о которых ей было известно из газет и телепередач. Открытие! Оказалось, что ночные кабаре «Мулен Руж» и «Лидо», стриптиз, устрицы во льду и шампанское в серебряных ведерках — не выдумки подрядных советских щелкоперов, а явь, и какая!

Черт побери, живем-то один раз! Так почему бы не пообедать в ресторане «Максим» на рю Руайаль? Промашка! Туда пускают лишь по предварительной записи, даже богатею не по карману, поэтому меню никогда не вывешивается в витрине. Ну что ж, придется отправиться на Сен-Жермен де Пре. А может, в бельгийский ресторан «У Леона», что на шикарных Елисейских полях? Там те же закуски для миллионеров и тающий во рту лобстер, под него подают дивное холодное старое шабли, которое даже глотать не надо, ибо оно само испаряется во рту. И все это при трепетном сиянии свечей в окружении дряхлых парижских аристократок, из которых песок уже сыплется, а кожа на руках болтается, как обвисшие перчатки, но зато они сплошь унизаны кольцами с бриллиантами, а вокруг ходит кругами вкрадчивый метрдотель, готовый удовлетворить самый экстравагантный их каприз...

За соседним столом сидел светский хлыщ, этакий стареющий повеса явно итальянского происхождения, и бросал на Мальвину откровенно плотоядные взгляды. Когда она решила выйти в дамскую комнату, он преградил ей дорогу и почтительно попросил разделить ее одиночество — пригласил скрасить томно-скучную атмосферу «У Леона» посещением гремевшей на весь Париж дискотеки под названием «Fuck party» (Трахальная вечеря), нашедшей приют в огромном выставочном зале. Предупредил, что туда попасть непросто — слишком много желающих, но у него есть два пригласительных билета, так что проблем не возникнет.

Через десять минут Мальвина и Винсент дель Веккьи — так звали итальянца, как он сам не без гордости подчеркнул, княжеских кровей, — на такси подъехали к выставочному залу.

Боже праведный! Таких очередей Мальвина не видела даже в Москве. У входа стояли как минимум тысяч пять жаждавших зрелищ парижан и гостей столицы, но... не роптали, а молчаливо переминались с ноги на

ногу, дожидаясь своей очереди попасть в вертеп. То, что это было заведение именно такого толка, Мальвина поняла, едва перешагнув порог.

При входе в зал с десятков совершенно голых двухметрового роста негров-атлетов с деревянными кольцами в носу и огромными серебряными подносами в руках подавали гостям бокалы с пенящимся шампанским. То есть продвигаться дальше ты мог, лишь осушив бокал. Это было первое условие. Далее надо было раздеться, оставшись только в башмаках. При себе можно было оставить лишь сумку (для женщин) и бумажник (для мужчин). Видеокамеры, фотоаппараты, как и презервативы, — не в счет.

Мальвина, выпив шампанское, поняла, что туда что-то подмешано: в голове зашумело, она сразу повеселела, ее охватило чувство беспечности, граничащее с безрассудством. Вскоре она утратила всякий контроль над собой и всем вокруг происходящим...

В гигантском полутемном зале было прохладно, в воздухе витал запах возбужденных гениталиев обоих полов и неуловимый аромат неудовлетворенной похоти. Ярко освещенным было одно место — сцена, где в ослепительной игре света и музыки, сладко бьющей по сердцу, в ритмах танца нежились голые ядреные девицы с великолепными формами, все как одна крашенные блондинки. Рядом с ними с грацией огромных рептилий извивались обнаженные, отлично сложенные негры, заставляя ускоренно биться сердца присутствующих в зале старых дам. Вся эта феерия буйной показной страсти щедро вторгалась в сознание приглашенных, преследуя одну цель — раскрепостить, довести до экстаза, дать вылиться сполна всем низменным порокам, скованным рамками условностей быта.

Гости — сборище эротоманов с широко раскрытыми глазами и трепещущими ноздрями, — подстегнутые выпитым у входа шампанским, наконец нашедшие место для удовлетворения своих сексуальных перверсий, согревались горячительными напитками с экзотическими названиями «Бальзам из снежной лягушки» и «Эликсир для сына барона», разумеется, в них также были подмешаны легкие, будоражащие воображение наркотики.

С восторгом питекантропов присутствующие пытались подражать движениям штатных танцоров на сцене, терлись голыми телами друг о друга, а потом парами или целыми группами удалялись в темные комнаты, оставляя за порогом все условности.

Мальвина заметила, что половину посетителей составляли люди в возрасте от 30 до 40 лет, вторую половину — малолетки до 17 лет и пенсионеры; некоторым из них можно было смело дать все 80...

В зале было расставлено множество столов, на которых красовались живописно разложенные искусственные мужские члены и вагины из резины и пластика. Пожалуйста, можешь взять себе на память или для практических занятий. Их стоимость все равно входила в цену билета. Некоторые любопытствующие посетители тут же у столов примеряли на себя эти аксессуары анонимного секса.

Ведущий «подогревал» гостей призывами «не стесняться и чувствовать себя как дома!». Впрочем, не на тех напал — застенчивости среди посетителей «Fuck party» Мальвина не наблюдала.

Вдруг в толпе ведущий заметил голливудскую звезду, неотразимого бисексуала Микки Рурка.

— Микки! — что есть мочи заорал шоумен в микрофон. — Кого ты выберешь для утех сегодня, мальчика или девочку?!

— У меня сейчас сезон мастурбации! — криво улыбнулся кумир из Голливуда и скрылся в толпе.

После того как Винсент после третьего совокупления наконец насытил свою плоть, они с Мальвиной двинулись на экскурсию по залу. В толпе обнаженных див итальянец то и дело останавливался, чтобы поприветствовать очередную звезду порнокино. При этом он каждый раз извиняющимся тоном шептал на ухо своей спутнице точную дату вступления в половой контакт с той или иной жрицей публичного секса, ее имя, достоинства и недостатки, выявленные им в постели. На десятой девице Мальвина не выдержала, смахнула со своего плеча его руку и попыталась раствориться в толпе. Не тут-то было! Винсент больно схватил ее за левую ягодицу и снова поволок в комнату для соитий...

Толпа резвилась у стенда с резиновыми куклами: там проводился конкурс танца. Сплясав хоть брэйк, хоть гопак, победитель-эротоман получал в качестве приза резинового партнера или партнершу — согласно своей сексуальной ориентации.

Для тех, кто испытывал стеснительность или прибыл без дружка или подружки, были оборудованы не имевшие дверей отсеки «анонимного секса». Из них неслись характерные сладострастные мужские и женские стоны. Нетрудно было догадаться, что посетители онанировали там со звероподобным усердием. Все отсеки были снабжены нехитрыми приспособлениями: стул, порнофильм и дырочки в стенах, чтобы наблюдать за поведением расположившихся в соседних комнатах таких же энтузиастов жанра.

Теперь, проходя мимо кабинок, Мальвина вспомнила анекдот, рассказанный ей в Москве негром Полем.

Объявление в публичном доме: «Половой акт — 50 франков; наблюдение за половым актом — 75 франков; наблюдение за наблюдающим половой акт — 100 франков».

Воистину, не анекдот, а сама жизнь!

Перед началом конкурса на самый длинный детородный член и на самую крупную вагину в зале возникло некоторое замешательство. Мужчины и женщины приободряли своих знакомых: «Ну, иди, Жан, — у тебя же целых 25 сантиметров!» Или: «Дорогая, ну что стесняться, ты посмотри на приз — «Вольво-740», он наверняка твой, у тебя же не губы — две огромные рыбины, между ними можно кролика спрятать!»

Победителем, некоронованным авторитетом, стал мужчина, который, затолкав головку своего эрегированного двадцатисемисантиметрового члена в бокал, буквально взорвал его... Женщины визжали от восторга. От желающих сфотографироваться с секс-гигантом не было отбоя.

Вторая машина досталась какой-то невзрачной коротышке с огромной задницей, болтающейся где-то в районе колен. Когда она взобралась на гинекологическое кресло и разверзла свое лоно, всем стало ясно, что там можно спрятать арбуз.

Чтобы окончательно сразить собравшихся и доказать, что приз ей достался не зря, вислозадая девица вынула из сумочки горсть грецких орехов, засунула их себе в вагину, резко свела ноги и... через секунду из ее чрева посыпалась скорлупа и зерна разможенных орехов. Триумф! Публика забилась в конвульсиях восторга.

— Не дай бог попасть туда по неосторожности мужскому члену — она его в мочалку превратит! Интересно, кто ее партнеры? Наверно, ишаки или орангутаны! — не удержался от комментария Винсент.

Пенсионеры отдавали предпочтение классике, собираясь возле импровизированных театральных подмостков, где один половой акт сменялся другим. Актеры изгалялись как могли. Особо усердствовали партнерши. Оно и понятно: не у всякого самца может возникнуть эрекция при таком скопище свистящих и улюлюкающих свидетелей-зрителей. Большинство присутствующих снимали исполняемое актерами действие на видеокамеры — дома будет что вспомнить! Один зритель-пенсионер так разгорячился, что ударил костылем по голове молодого человека с камерой: тот имел несчастье заслонить от него интимное место актрисы...

Сластолюбцы же имели возможность «поужинать любовью», причем в прямом смысле этого слова. На десерт их ожидало творчество известного в определенных кругах чешского кондитера-эмигранта Карела Семецкого. В предложенном им меню значилось 130 видов пирожных (эрегированные

члены) и тортов (вагины с сопутствующими атрибутами: клитором, большими и малыми срамными губами). К концу вечера оказалось, что все пирожные (члены) съедены, в то время как торты (вагины) остались почти нетронутыми.

«Женщины явно преобладают в зале», — сделала вывод Мальвина.

Неожиданно музыка стихла, и все ангажированные танцоры замерли и повернулись лицом ко входу. Винсент шепнул Мальвине, чтобы она приготовилась увидеть нечто необычное.

Поддерживаемый двумя гориллоподобными телохранителями в зал вполз какой-то плюгавый старикашка. Черные очки на огромном носу, палочка в руках и неуверенная поступь выдавали в нем слепого.

Не раздеваясь и отказавшись от дежурного бокала шампанского, он прошаркал в центр зала и остановился, то и дело поворачивая свою змеиную головку влево-вправо и жадно втягивая в себя воздух. При этом он шевелил ноздрями так, будто это были крылья летучей мыши.

— Это владелец почти всех нефтяных скважин Бахрейна, чокнутый мультимиллиардер Абдурахман Крашоги, — шептал на ухо Мальвине Винсент. — Ему сейчас около девяноста лет. Слепнув и став импотентом, он рехнулся и возбуждается только с помощью органов обоняния. Секс для него теперь существует только в одном виде — в восприятии запаха немытой вагины... Трудно сказать, достигает ли он таким образом оргазма, но то, что, вдыхая животворные ароматы женского естества, он еще жив — это очевидно. Видишь, как он бодр. А повадки! Да он — просто охотник, вынюхивающий добычу. Сейчас выберет себе самую «ароматную» подружку и, если его телохранители сумеют договориться с ней или ее партнером о цене, уединится с нею в специально отведенной для него комнате, чтоб нанюхаться вдоволь. Токсикоман, да и только... Вот там-то, в его персональной комнате, двери — будь здоров, танком не взломать!..

Раньше он большую часть времени проводил в женских общественных уборных. Он посетил все дамские туалеты Парижа, и однажды разразился грандиозный скандал. Власти города пытались привлечь его к уголовной ответственности то ли за нарушение общественного порядка, то ли за оскорбление общественной морали и нравственности, сейчас уж и не вспомню. Куда там! Его адвокаты легко доказали, что он попадал не туда... сослепу! Ну, перепутал дедушка мужской галльон с женским, подумаешь! Правда, после этого он, чтобы проникнуть в женскую уборную, стал переодеваться женщиной, но его все равно узнавали. И опять скандал. В конце концов ему пришлось заплатить огромный штраф...

Через некоторое время, когда в Париже упразднили уличные

общественные туалеты, заменив их на одноместные металлические будочки, для Крашоги настали черные времена. Он было переключился на туалетные комнаты в аэропортах и на вокзалах. Увы! Запахи оказались не теми, пробой ниже!

Не знаю, кто уж ему присоветовал отправиться в Россию, но, по слухам, он пережил там вторую свою молодость, буквально обретая второе дыхание! Пробыв в Москве всю зиму, он помолодел лет на двадцать.

Москвички, в отличие от парижанок, оказались терпимее и сострадательнее к слепому старику, якобы по недоразумению попадавшему в предназначенные не для него отхожие места.

Каждый раз, войдя в женский туалет и остановившись в центре зала, Абдурахман простаивал там минут сорок, упиваясь импортным амбре. И, надо сказать, никто из посетительниц ничего против не имел. Ну зашел дедушка погреться, ну и что? Ну перепутал туалеты, но ни к кому же не пристаёт! А по большому счету, так никому до него и дела не было. Ведь долго там никто не задерживается, пять минут, и — на выход! Таким образом, каждые пять минут происходила постоянная, так сказать, ротация участниц его нюхательного секс-акта. Да и кому из посетительниц могло прийти в голову, что всех их Крашоги рассматривал как своих партнерш! До этого еще додуматься надо...

Кончилось, однако, все трагически. Похоже, русская контрразведка приняла араба за связника какой-то спецслужбы. Ну, ты понимаешь, традиционная русская подозрительность ко всем иностранцам. Тем более, к таким богатеям, как Крашоги. А может, «топтунам» просто надоело это туалетное шоу, как знать...

Вообще-то я разделяю чувства, которые испытывали ребята из КГБ, следившие за ним. Ну, представь: входит в московскую уборную иностранец, о котором известно, что он, не торгуясь, может купить с потрохами такую страну, как Лихтенштейн, останавливается в центре зала и с видимым наслаждением начинает вдыхать специфические запахи. Нис кем не пытается войти в контакт, ни с кем не заговаривает, ничем не интересуется. А что, если у него там запланирована явка с русской агентессой и он дожидается ее появления?!

Короче, не имея правовой базы, чтобы привлечь извращенца к административной или к уголовной ответственности, московские власти попросту натравили на него русских проституток... Те наподдали ему так, что сломали нос, лишив основного орудия бесконтактного секса, а заодно и последнего удовольствия в жизни...

Полгода он лечился в одной швейцарской клинике. Вылечился! Теперь

вот опять обрел боевую форму, а тут как раз открылась эта дискотека...

— Винсент, ты так спокойно рассказываешь об этом! — воскликнула Мальвина. — Но это же настоящий клинический случай! Твой Абдурахман — психбольной, у него же сексуальные отклонения на одорологической почве... Он — что-то вроде некрофила! Я не могу больше здесь находиться... А если он подойдет сюда, чтобы обнюхать меня, как это делает кобель с сукой, да, не дай бог, я ему понравлюсь, что тогда?! Я же этого не потерплю, я прибью этого маньяка на месте! Уходим немедленно отсюда! Я сыта по горло всей этой мерзостью!!»

Мальвина решительно направилась к выходу...

* * *

Чтобы как-то успокоить и задобрить красавицу спутницу, Винсент пригласил ее поужинать в ресторан старинного отеля «Ла Бристоль», где он, с его слов, остановился.

У входа в гостиницу их встретил расшитый золотом портье и проводил через весь зал, украшенный позолоченной лепниной и увешанный гобеленами, передав с рук на руки царственного вида дежурному метрдотелю. Здесь так же, как в ресторане «У Леона» царила вдохновляющая атмосфера ненавязчивой роскоши и изысканных удовольствий, доступных только избранным. Винсент сделал заказ и откинулся на спинку кресла.

Мальвина, чтобы предвосхитить его расспросы, первой ринулась в атаку, но итальянец изящно парировал ее выпады, скупое отвечая на град обрушившихся вопросов. Ограничился замечанием, что в Париже бывает наездами, так как владеет здесь сетью магазинов, а вообще постоянно проживает в Милане.

Вслушиваясь в речь дель Веккьи, в его уверенные интонации и отточенные фразы, Мальвина поймала себя на мысли, что имеет дело с человеком, чьи железные руки скрыты бархатными перчатками.

«Он только внешне — плюшевый медвежонок. Челюсти у него железные... Но, вместе с тем, мужик он очень приятный и... сверхсексуальный!» — подытожила она.

Настала очередь Винсента задавать вопросы. Прежде всего он поинтересовался, как Мальвина оказалась в Париже. При этом невзначай заметил, что, хотя она блестяще говорит по-французски, у нее проскальзывает славянский акцент.

— Ты — русская? — глядя спутнице в зрачки, спросил итальянец.

— Мой отец — выходец из Ирана, — не моргнув глазом, попыталась уклониться от уточнений Мальвина. Черт возьми, не затем же она штудировала в МГУ французский и оформила притворный брак с гомиком Жаном, чтобы первому же парижскому знакомому признаться, как и почему она бежала из ненавистной ей совдепии!

— А мама? — не унимался Винсент.

— Мама — полька! — твердо сказала Мальвина.

— А значит, я не ошибся, у тебя все-таки есть славянские корни! А чем ты здесь занимаешься?

— Подыскиваю работу... Может быть, ты мне что-то предложишь?

— Сразу могу сказать, что фотомodelью устроить тебя не смогу, хотя данные у тебя для этого есть... Я делаю бизнес на другом поприще, а вообще, какого рода работа тебя интересует?

— Я с удовольствием стала бы преподавать в каком-нибудь частном лицее...

— Преподавать что?

— Языки... Ну, русский, французский, английский... — Мальвина не заметила своей оплошности.

— Стоп-стоп, девочка! Только сейчас ты убеждала меня, что твой отец — иранец, а мать — полька... А откуда же тогда русский язык? — Винсент торжествующе смотрел на собеседницу.

Мальвина грустным взглядом обвела великолепие зала. Уходить ох как не хотелось. Придется выкладывать все начистоту. «Впрочем, я ничего не теряю, рассказав ему свою историю, — подумала она, — может быть, этот старый повеса — тот самый золотой ключик, с помощью которого мне откроются какие-то парижские двери?..»

— Дорогой Винсент! — начала она с пафосом. — Четыре половых акта, которые мы совершили с тобой там на дискотеке, конечно, еще не повод для знакомства, но сейчас мне захотелось быть искренней до конца и закрепить знакомство с тобой... Только давай сначала выпьем, а потом я расскажу тебе все-все!..

— Ну что ж, если тебе нужен допинг, выпьем... Хотя, должен тебя предупредить, если ты собираешься рассказывать мне какие-то душещипательные истории с трагедийным концом, то я — трезвомыслящий человек, твердо стоящий на земле и верящий только в свои силы... И благотворительность не является моей характерной чертой, напротив... Итак, я слушаю!

Произнеся это, итальянец подал знак подошедшему официанту

наполнить до краев бокал Мальвины багряным бургундским...

— И на что же ты сейчас существуешь? — был первый вопрос Винсента, когда Мальвина закончила свой монолог.

— На заранее сэкономленные средства! — с вызовом ответила девушка, которая уже полностью взяла себя в руки. Кроме того, рассказывая о себе, она заметила, что собеседника мало интересует ее история, и уж тем более — подробности бытия в «совке» и особенности ее психологии.

— Да-да, конечно! — обрадовался услышанной фразе иностранец. — Если не ошибаюсь, ваш Генеральный секретарь, господин Брежнев, недавно обогатил международный политический лексикон, заявив: *«Экономика должна быть экономной»*. На Западе это восприняли так, будто «шоколад должен быть шоколадным», а «творог — творожным»! И все-таки, Мальвина, как долго ты сможешь прожить в Париже на сэкономленные тобой средства!

«Не знаю!» — едва не крикнула Мальвина.

— Хорошо, — с расстановкой произнес итальянец, откладывая в сторону салфетку, — вот моя визитная карточка. Если ничего подходящего для себя не найдешь — позвони! — И, уже вставая из-за стола: — Ужин мною оплачен, можешь посидеть здесь в свое удовольствие... Претензий к тебе со стороны администрации не будет, хотя они и не приветствуют нахождение в зале одиноких красивых женщин... Традиция, знаешь ли... Боюсь, что мне пора... Извини — дела!

Глава 2

КОНЕЦ ПАРИЖСКИХ КАНИКУЛ

Впервые Мальвина ощутила, что так хорошо начавшиеся золотые парижские каникулы, наполненные иллюзорной роскошью и беспечностью, подошли к концу, когда однажды, рассматривая витрины, она двигалась к магазину «La Chope de Vosques». Через аркаду с улицы Сан-Антуан ее догнали два патлатых парня на мотороллере. Проход был узкий, и Мальвине невольно пришлось прижаться к стене, чтобы не быть раздавленной лихими наездниками. Сидевший сзади парень «а-ля Ален Делон» крепко схватил ремень ее сумки, после чего мотороллер рванул, вздыбив всех загнанных в свои цилиндры лошадей. Падая, незадачливая путешественница увидела приближающуюся к лицу брусчатку мостовой, руки ее инстинктивно разжались, чтобы встретить каменное покрытие, а сумка скрылась за ближайшим углом со скоростью ветра...

Слава богу, у Мальвины хватило здравого смысла, потеряв равновесие, не удерживать сумку. В противном случае через десяток метров езды на животе со скоростью не менее сорока километров в час ей все равно пришлось бы расстаться со своей ношей. Но с какими последствиями! Душевная травма была бы наверняка дополнена еще и физическими увечьями, и кто знает, не пришлось бы их купировать в хирургическом отделении какой-либо больницы?! А это уже не только потеря сумки, это — еще и оплата непредвиденной медицинской помощи!

«Поделом тебе, раззява! — выругала она себя. — Тоже мне, варежку разинула! Или тебя не предупреждали, что, услышав сзади рокот мотора, надо посторониться, а сумку прижать к груди?!»

Наудачу в сумочке было совсем немного денег — большие суммы Мальвина опасалась тогда иметь при себе, пряча свои сбережения в комнате пансионата в электророзетке (этому научил ее брат, большой дока по части электричества).

Вообще, начиная с инцидента на улице Сан-Антуан, с Мальвиной почти ежедневно стали происходить прямо-таки паранормальные явления.

В следующий раз Мальвина подверглась посягательству парижских злоумышленников в метро.

Был дождливый день, и она вышла из дому в брючном костюме, имея при себе не наплечную, а ручную сумочку, в которой могли поместиться только билеты на метро. Деньги и заграничный паспорт она рассовала по

внутренним карманам пиджака.

Сев на станции Сен-Сюльпис в последний вагон, она заметила, что сразу вслед за ней вошли двое коротко стриженных черноголовых юношей в подозрительно черных для сезона, до пят пальто. Они вдруг оказались впереди нее, заблокировав выход (не толкать же их грубо в спины — галантность в Париже превыше всего!), какую-то долю секунды посуетились рядом и выскочили прямо перед закрывающейся дверью.

«Идиоты, — подумала тогда Мальвина, — не могли раньше определить, куда им ехать!»

— Мадемуазель, — неожиданно обратился к ней рядом стоявший пожилой симпатяга с бородкой, — проверьте, все ли у вас на месте во внутренних карманах. Это — профессиональные карманники, поверьте моему опыту. Кроме них, на этой линии работает еще молодая крашеная блондинка с бюстом шестого размера. Знайте, если она подойдет к вам и с обворожительной улыбкой, неся всякую чепуху, начнет тереться о вас грудью — держитесь за кошелек! Да и вообще помните: никто не сможет украсть у вас деньги, пока вы о них думаете. Вору очень важно отвлечь внимание намеченной им жертвы хотя бы на пару секунд.

Имейте в виду, если в кафе ваш сосед пролил на вашу юбку кетчуп, то сделал он это скорее всего не по неосторожности, а намеренно. Он начнет извиняться и порываться почистить вашу одежду. Заодно перед ним открывается масса возможностей «почистить» карманы вашего пиджака или даже вашу сумочку! — разъяснил борода с видом знатока.

Мальвина тут же ощупала туго набитые внутренние карманы пиджака. Так и есть! Бумажник, лежавший в левом кармане, исчез, но паспорт в правом, слава богу, остался нетронутым. И на том спасибо!

Со временем Мальвина убедилась в правоте наставлений бесплатного оракула из метрополитена, как и в том, что все приемы карманников предусмотреть невозможно — настолько они искусны и изобретательны в своем ремесле.

...В следующий раз к ней на Плас де ла Конкорд приблизился импозантный седовласый старец и попросил разменять мелочью сто франков. Ну кто же откажет нищенствующему французскому аристократу? Мальвина с готовностью распахнула сумочку, но в самый последний момент, боковым зрением, заметила стартующий в ее направлении мотороллер с двумя седоками... Заторможенные клетки мозга сработали, и она хряснула кошельком по вальяжной морде подставного великосветского хлыща...

Сначала все эти внешне безобидные и даже в чем-то элегантные

попытка лишить ее накоплений казались Мальвине простым совпадением. Подумаешь, муть со дна Парижа, разве не может быть такого в Москве?! Но в тот момент, когда ее ограбили на довольно крупную сумму, а ей показалось, что поблизости мелькнуло лицо Винсента, Мальвина призадумалась — совпадение ли все происходящее? Какую роль во всем этом играет итальянец, если, конечно, она не обозналась и это был именно он? Тот ли он, за кого себя выдает? Уж не содержатель ли он какого-нибудь воровского притона? А что! Ведь читала же она в советской прессе, что существуют в Италии, в Англии, да и во Франции тоже целые школы по подготовке воров-карманников и уличных грабителей! А вдруг да Винсент как раз и является директором-распорядителем такого учебного центра?!

«Надо немедленно позвонить ему, вдруг этот номер на визитке — «липа» и никакого Винсента дель Веккьи, итальянца княжеских кровей, в природе не существует?! Какая же я дуреха, почему раньше не додумалась до этого?!»

Милый голос секретарши ответил, что господин дель Веккьи находится в Милане и прибудет в Париж через неделю.

«Значит, я действительно обозналась... Там был не дель Веккьи, он в Милане... Что ж, надо обязательно повидаться с ним, когда он вернется...»

Это несколько успокоило Мальвину, но, как оказалось, только до следующего инцидента...

...В конце месяца хозяйка пансионата, где проживала Мальвина, сославшись на недомогание, попросила ее оплатить счета в банке. Не только ее личные счета, но и задолженность других жильцов. Почему бы не уважить хозяйку? Рабская совдеповская натура Мальвины требовала исполнения какого-нибудь акта альтруизма. Угодливость обернулась невосполнимыми финансовыми потерями...

Наученная горьким опытом транспортировки денег в наплечной сумке Мальвина облачилась в свой строгий темно-серый в полосу брючный костюм и, набив внутренние карманы пиджака купюрами и квитанциями, отправилась по указанному адресу. Не успела она пройти и десятка шагов, как откуда-то сверху на нее упало сырое яйцо. Чертовщина, да и только — испортить выходной костюм! В одно мгновение сбросив с себя пиджак, чтобы очистить его от незасохшего еще желтка, Мальвина услышала ставший таким знакомым рокот мотороллера. В следующую секунду пиджак со всеми деньгами и квитанциями отбыл в неизвестном направлении...

Хочешь не хочешь, пришлось забираться в электророзетку. Денег там оказалось меньше, чем она предполагала, она выгребла все, оставив

пятьсот франков для оплаты пансиона, и решила прогуляться.

Чтобы хоть как-то компенсировать моральные издержки от свалившихся на нее атак уличных грабителей, Мальвина прибегла к испытанному способу обрести душевное равновесие — посетить пару парижских супермаркетов. Созерцание красивых вещей, призывно разложенных на полках, было для нее своеобразным сеансом гипноза.

«Съесть не смогу, потому что я на диете (на безденежье!), но хоть вдоволь посмотрю меню!»

Долго не раздумывая, она отправилась в «Галери Лафайет». Выбор товаров там очень приличный, а цены ниже, чем в других супермаркетах. Вдруг да что-нибудь приглянется! Надо же себя порадовать хоть какой-то безделушкой после всех этих передраг! Кроме того, импозантное окружение и безукоризненный сервис должны были бальзамом пролиться на ее израненную душу...

Два часа Мальвина бродила по магазину, поднималась на самый верхний этаж и вновь спускалась на первый, но так ничего и не подобрала для души. Впрочем, для души-то было много чего, но вот для кармана... Наконец забрела в секцию французской косметики и парфюмерии. Царство духов! Море дурманящих благовоний! Остановилась было на «Талисмане» от Баленсиага, но, подержав коробок в руках, вновь поставила его на полку — дорого!

Понюхала мужской одеколон «Жюль» — почему бы не сделать подарок Костику? Тем более что лучшие парфюмеры Кристиана Диора разрабатывали его аж восемь лет! Подержала в руках коробку. Приценилась. 280 франков — с ума сойти! Нет-нет, прочь отсюда! Поспешно сунула упаковку на полку и решительным шагом направилась к выходу. Проходя металлическую «подкову» контроля на выходе из супермаркета, услышала зуммер тревоги и в тот же миг была схвачена за руку охранником.

— Прошу прощения, мадемуазель, но вы забыли расплатиться!

— Как? Я ничего не выбрала, мне не за что платить!

— Прошу прощения, мадемуазель, датчик сработал на вашу сумку...

Попрошу показать ее содержимое!

— Да, но я ничего не брала...

— И тем не менее, мадемуазель...

Без тени сомнения, полагая, что произошел какой-то сбой у контрольной «подковы», Мальвина с готовностью рванула молнию сумки. О, ужас! На самом видном месте, сверху, лежали упаковки «Талисмана» и «Жюля»...

Откуда-то появившийся еще один охранник ловко выдернул из-за спины наручники и, невзирая на протесты Мальвины, защелкнул «браслеты» на ее запястьях...

От «Галери Лафайет» до спецслужб — один шаг

Полицейский фургон, куда погрузили «воровку», мчался, не соблюдая никаких правил. Все это время сидевший напротив Мальвины ажан (полицейский) держал ее руку в своей, как если бы проверял пульс.

— Вы — врач? — спросила девушка.

— Нет, мадемуазель, но так положено по инструкции. Вдруг да вам станет плохо...

— Куда уж хуже! — в ярости бросила в лицо полицейскому Мальвина. — Негодяи! Подложили мне в сумку флаконы, а теперь... Куда, кстати, вы меня везете?

— В управление полиции...

Машина пересекла Русский мост (подарок парижанам, сделанный Александром III), пронеслась мимо выставочного зала д'Орсе и остановилась у здания управления полиции на набережной Орфевр. О том, что за заведение там находится, Мальвина знала из романов Сименона.

«Да, встретился бы мне сейчас комиссар Мэгре — не было бы никаких проблем... Жаль, что он лишь плод воображения великого писателя, а в действительности... А в действительности на моих запястьях — наручники и эти лицемерки-продавщицы и дубиноголовые охранники из «Лафайет»! Стоп! А не могло ли быть так, что эти продавщицы сами похищают духи, а потом, чтобы покрыть недостачу, перекалывают вину на таких вот растяп, как я?.. Как знать... И надо же, как ловко они меня загнали в клетку — в полицейский фургон, даже опомниться не успела! И главное — никакие объяснения, никакие доводы не действуют... Украла, и все тут! А как быстро полицейская машина появилась! Будто за углом меня дожидалась. Ну ничего! Сейчас я им задам!..»

Все, однако, произошло не так, как предполагала Мальвина. Ее провели в комнату для допросов и усадили лицом к окну, выходящему на набережную Сены. Перед окном стоял стол, за которым сидел следователь. Лица его Мальвина видеть не могла, так как прямо в глаза ей бил нестерпимо яркий солнечный свет.

В считанные секунды у нее сняли отпечатки пальцев и сличили с теми, что были оставлены ею на двух злосчастных упаковках «Талисмана» и

«Жюля». Полное совпадение. Впрочем, иначе и быть не могло.

Поначалу Мальвина пыталась доказать, что у нее, как у законопослушной гражданки Франции, отсутствуют всякие мотивы и намерения украсть что-либо. В качестве последнего аргумента она сослалась на сумму, присутствовавшую в ее кошельке. Ее сполна хватило бы, чтоб приобрести 5–7 флаконов духов. Бесплезно! Допрашивавший ее следователь бесстрастным голосом методично задавал вопросы и, не поднимая головы, заполнял протокол.

И вновь Мальвине, как тогда в ресторане в компании Винсента, пришлось поведать свою сагу. С той лишь разницей, что итальянцу она могла выборочно сообщать детали своей биографии, теперь же, когда все делалось под протокол, выбирать не приходилось. По окончании допроса, длившегося не менее двух часов, в комнату вошел тот самый ажан, что сопровождал ее в фургоне, и положил перед следователем несколько листов бумаги.

— Что это?

— Это — протоколы допросов продавщиц, которые видели, как были похищены духи, и их заявления!

Следователь поднял голову и посмотрел Мальвине в глаза:

— Ну что ж, можно сказать, я закончил свою миссию в рекордно короткий срок... У вас, я полагаю, он будет несколько длиннее... Но это уже компетенция суда... Мои искренние сожаления, мадемуазель, но факты — упрямая вещь... Вхожу в ваше положение, но помочь ничем не могу... Прискорбно, что вы свою новую жизнь в свободном мире начинаете с тюремной камеры... Еще раз мои искренние соболезнования! Суд состоится дня через два-три, а пока вы будете нашей гостьей: вам придется провести некоторое время в камере предварительного заключения... Мне очень жаль, мадемуазель, но таков закон... Полагаю, вы не успели еще обзавестись адвокатом... Он будет предоставлен вам французским правосудием, да-да, не сомневайтесь! Впрочем, вы, быть может, хотите обратиться за помощью к советскому консулу, пожалуйста!

Следователь протянул руку к телефонному аппарату.

— Нет-нет! — вскричала Мальвина, вскочив со стула. — Я — гражданка Франции и не имею никакого отношения к советскому консулу! Дайте мне французского адвоката! Я требую справедливости!

Через секунду Мальвина билась в непритворной истерике. Тут же бесшумно приоткрылась дверь, и вошел врач в белом халате. Молча поднес к носу Мальвины флакон нашатырного спирта. Когда это не помогло, он так же безмолвно оголил ей руку и сделал укол. Через пару минут она

затихла и попросила воды. Допрашивавший ее следователь подал стакан и попросил пересесть в кресло у стены:

— Там вам будет удобнее, мадемуазель!

В очередной раз извинившись, вышел из кабинета...

Мальвина, сжимая обеими руками мокрый от слез платок, уставилась на какую-то трещину в паркете. Интуитивно она почувствовала присутствие в кабинете еще одного человека. О, боги! Это был... дель Веккьи! Он стоял в проеме двери и выжидательно смотрел на нее.

Девушка, подчиняясь какому-то неосознанному порыву, вскочила и бросилась ему на грудь, но тут же отпрянула и занесла руку для пощечины...

— Ну-ну, глупышка, вот этого-то как раз не надо! Ты уже и без того по уши в дерьме. Ты хочешь, чтобы тебе инкриминировали еще и сопротивление стражу порядка, и воспрепятствование отправлению правосудия? Мне понятны твои переживания... Поверь, скоро они будут позади, если...

Винсент замолк и пронзительным взглядом психиатра посмотрел на собеседницу.

— Ты, ты — негодяй, Винсент, или как там тебя зовут! Ты — лгун. Ты — насильник! Ты воспользовался моей неискренности, чтобы вовлечь меня в какие-то свои грязные игры! Я знаю, что все это подстроил ты, ты, ты!! Но за что?! Что плохого я тебе сделала?! Ну почему ты такой злой?!

Мальвину понесло. Сказывалось напряжение последних часов. А может, и дней. Разумеется, одного укола транквилизатора было недостаточно, чтобы приглушить все предшествовавшие переживания и вернуть ей природный оптимизм. Дель Веккьи это прекрасно понимал, поэтому спокойно уселся на место следователя, всем своим видом демонстрируя полную бесстрашность и непоколебимую готовность выслушать любые обвинения в свой адрес.

Наконец, уловив в словах девушки вместо оскорблений откровенные стенания, он подошел к шкафу, вынул бутылку коньяка, наполнил доверху фужер и подал его Мальвине. Она тут же осушила его и попросила сигарету.

— Послушай, красавица! Заметь, я произношу это слово не в порядке дежурного комплимента, я попросту констатирую факт... Ты действительно красива! Так вот. Все то, что ты успела мне наговорить, — ошибочно... Да-да, ошибочно! Потому что ты видишь возникшие вокруг тебя проблемы через призму своей неустроенной жизни... Не спорю, она, твоя жизнь, дается тебе нелегко, и честь тебе и хвала, что у тебя хватает

сил, чтобы справляться с нею... Более того, ею управлять! Но об этом — позже...

Ты вляпалась в историю, сценаристом и режиссером которой был не дель Веккьи, твой искренний поклонник, нет же! Мы знаем тех, кто подложил тебе одеколон и духи... Подложил, чтобы при выходе из «Галереи» у тебя их выкупить... Да-да, ты не ослышалась — выкупить, шантажируя тебя! Если бы не сработала сигнализация и ты спокойно миновала контроль, они, настоящие воры, встретили бы тебя у выхода и предложили бы сделку: ты возвращаешь им флаконы, а они платят тебе треть их реальной стоимости... за риск. За риск, которому они тебя подвергли! Затем приобретенные у тебя духи появились бы в каком-нибудь маленьком бутике, но, конечно, уже по реальной цене или, наоборот, заниженной... Ну, а не согласишься ты на сделку, они бы попросту силой отобрали у тебя товар, в худшем случае, подняли бы шум, навели на тебя охрану магазина, которой бы ничего не стоило доказать, что ты — воровка, ведь на упаковке твои отпечатки пальцев... Ясна схема? Нечисти в Париже хватает, уж мне ли об этом не знать! Как видишь, дель Веккьи здесь ни при чем... Более того, он готов выступить в роли твоего ангела-спасителя!..

— Так ты — полицейский? Ну, а как же расценивать твои слова о сети магазинов в Париже и о жилище в Милане?! Значит, ты мне все наврал! И не говори, что это не так!!

— Ну что ж, придется тебя просветить и в этой области... Я — не полицейский, я — контрразведчик. Не скрою, с тех пор как мы с тобой посетили дискотеку «Fuck party», я имею на тебя виды... Может быть, это мое откровение поможет тебе понять, почему я сейчас пытаюсь вмешаться и предотвратить судебную ошибку... А она неминуемо произойдет, поверь моему опыту! Группа жуликов, которые сначала подложили тебе духи в сумку и использовали тебя в качестве вьючного мула, а затем поджидали у выхода из «Лафайет», они ведь не задержаны... И вряд ли будут... Но зато задержана ты! Чувствуешь разницу?... А бездушной судебной машине, этой душедробилке под названием французское правосудие, нет никакой разницы, кого стереть в порошок. Ты попала — сотрут тебя... Попадись те, кто тебя подставил, — твоя участь досталась бы им... А в выигрыше остается только наше хваленое правосудие, оно занесло бы себе в актив еще одну поимку и наказание злоумышленника... Ясно, девочка?

— Ну, а почему, Винсент, ты мною так заинтересовался, что хочешь даже вызволить меня из беды? — Рассудочность Мальвины брала свое.

— Вот это, милая, уже разговор по существу... Признаться, я рад... Рад, что ты не обманула моих надежд... Впрочем, и за себя рад тоже,

потому что не ошибся в тебе! Ну что? Будем говорить как взрослые люди, которые, кстати, имеют взаимную симпатию и заинтересованность друг в друге, или оставим все как есть? Предпочтешь последнее — пеняй на себя, ни один адвокат не сможет вытащить тебя из дерьма, в которое ты вляпалась, Мальвина...

От внимания девушки не ускользнуло, что итальянец впервые за время их знакомства назвал ее по имени. Да и кто другой здесь, в Париже, когда-либо называл ее по имени?! Она вдруг испытала к итальянцу необъяснимую нежность. Она вновь вскочила со стула и прильнула к его груди.

— Винсент! Неужели ты не понял, что я влюбилась в тебя еще там, на дискотеке?! Ты слепой, что ли?! Что бы ты ни предложил мне, я на все соглашусь, зная, что об этом просишь ты! Говори, предлагай, приказывай — я в твоём распоряжении...

Дель Веккьи, внешне сохраняя абсолютное спокойствие, ласково, но твердо отстранил от себя прильнувшую к нему всем корпусом женщину и усадил на стул.

— Красивая умная женщина — это в наше время профессия, — начал он издали. — Да-да, это в полной мере относится к тебе. Ты умна, сексапильна, решительна, предприимчива. Тебя не пугают трудности, связанные с обустройством на новом месте. Я не ошибаюсь, оценивая твои жизненные приоритеты, — выгода для тебя важнее морали. Ведь для того чтобы покончить раз и навсегда со своей прежней жизнью, сжечь мосты, ты пошла даже на заключение фиктивного брака с гомосексуалистом... Ты готова резко изменить сложившийся уклад, однако приходишь к этому не спонтанно, но после основательного анализа и оценки всех «за» и «против». Это свидетельствует о твоём аналитическом уме — что уже большое достоинство для любого, работающего в контрразведке или на нее... У тебя есть еще одно неопределимое качество, которое чрезвычайно важно в нашей деятельности — свежее любопытство к людям... Не только к мужчинам! Твоя любовь к ним мне уже известна...

— Этот вывод ты сделал после того, что было между нами там, на дискотеке?

— Не только. Я делаю этот вывод на основании данных, полученных из других источников... Хотя к этому мы вернемся позже... Ты — в меру чувствительна и сентиментальна и очень рассудочна, не так ли? В общем, все перечисленные мной качества дают мне уверенность, что со временем под моим руководством ты сумеешь постигнуть искусство разведчицы...

— Разведчицы?! Ты не ошибся, Винсент?

— Нисколько! Думаю, что для начала, чтобы заработать, так сказать, стартовый капитал для последующего обустройства здесь, в Париже, тебе просто необходимо немного поработать на нашу разведку...

— Но я же не умею даже стрелять!

Дель Веккьи искренне рассмеялся:

— Друг мой, у тебя пещерные представления о работе разведчика! Никто не собирается заставлять тебя поражать цели из огнестрельного оружия, убивать людей, выпрыгивать из самолета с парашютом над ночным лесом или высаживаться в предрассветной мгле с подводной лодки где-нибудь в районе Мурманска или Владивостока... Это все в прошлом... Истории, рассказанные непосвященному читателю дилетантами от литературы в дешевых детективах. Впрочем, нет! И сегодня в небольших дозах это допустимо, но для этого существуют другие люди — военный спецназ... Мне, как аналитику, инициатору, подготавливающему, как говорят шахматисты, неожиданные этюды, нужны люди с твоим интеллектом и твоей внешностью... Теперь тебе ясно, что требуется сегодня от разведчика вообще и от тебя лично?

— Но ты же только что сказал, что ты — контрразведчик, при чем же здесь разведка и я?

— Ты — наблюдательна, Мальвина! Похвально! Но в данном случае, в принятии тобой моего предложения, это принципиального значения не имеет. Подумаешь, разведка, контрразведка... Так ли это важно для тебя? Если уж ты хочешь конкретного определения, считай, что я предлагаю тебе помочь мне поработать на наши спецслужбы.

— Нет, погоди! — вскричала Мальвина. — Если ты хочешь предложить мне быть разведчицей там, в «совке», то знай, я этого не сделаю ни за какие коврижки, уж лучше парижская тюрьма!

— Неужели я до сих пор выгляжу извергом в твоих глазах, Мальвина? Никто не собирается возвращать тебя туда навсегда или надолго! Ты только подумай: я ведь таким образом лишу себя общения с тобой... Общения, которым, как бы это ни казалось тебе странным, я очень дорожу!.. Мы вместе с тобой можем и здесь неплохо сработать... А к себе на родину ты будешь изредка выезжать в качестве туристки или в составе какой-нибудь делегации, наконец по приглашению своей мамы... И всего лишь на каких-нибудь пару-тройку дней и только для того, чтобы повидаться с человеком, которого я тебе определю или мы выберем вместе. Заметь, при этом ты будешь располагать всей силой защиты в лице и со стороны огромной машины французского правосудия — ведь ты же гражданка Франции!.. Но произойдет это не завтра, а лишь после соответствующей подготовки,

которой я и займусь. Возможно, не только я, но и другие специалисты. Имей в виду — никакого риска для тебя! Мы очень дорожим нашими помощниками, поверь. Ставить их под удар — не в наших правилах...

Ладно, что-то я увлекся и разоткровенничался... Ты, наверное, заметила, что я избыточно с тобой откровенен? Знай, того же я всегда буду требовать и от тебя... Надеюсь, ты не против такой взаимности?.. Итак, у тебя в Союзе наверняка остались связи — друзья, знакомые, родственники, которые могут представлять бесспорный интерес для моей спецслужбы. Покопайся в памяти, вспомни, кто из них имеет доступ к конфиденциальной информации?»

— К секретам?

— Ну да, к секретам.

— Там, где я раньше жила и где сейчас проживает моя мама, то есть в Майкопе, там секреты буквально нагромождены друг на друга. Там же ядерные ракеты в лесу! Да неужели вы об этом не знаете?! Быть того не может!

— Выходит, местные жители настолько осведомлены, что только об этом и говорят?

— Нет, почему же! Некоторые, недавно приехавшие в Майкоп, о ракетах вообще ничего не знают. А старожилы, те даже знают где, в каком лесу они расположены... Пожалуй, они скорее знают, в каком направлении от Майкопа расположены ракеты, а не точное место... Но это всегда можно уточнить — туда же каждое утро из Майкопа отправляется специальный автобус с офицерами и прапорщиками, обслуживающими эти ракеты...

— И где же расположен этот район дислокации ракет?

— К югу от Майкопа, ближе к горам, в начале Большого Кавказского хребта... Если ты знаком с географией, Винсент...

— Оставь свои подначки, Мальвина, дело много серьезнее, чем может показаться на первый взгляд... Ладно, к ракетам мы еще вернемся позже, когда я устрою тебе встречу со специалистом в этой области, а как насчет конкретных людей, располагающих конфиденциальной информацией... Не важно, из Майкопа они или нет... Ты лично знаешь таких или хотя бы можешь кого-нибудь назвать?

— Пожалуйста — тесть моего брата. Он — начальник управления Генштаба, которое ведает продажей оружия арабским странам...

— Ну вот видишь, я нисколько в тебе не ошибся... Наверняка, подумав, ты еще кого-то или что-то вспомнишь... Но это мы отложим на потом, не возражаешь? Сейчас надо восстановить силы. Ты не против, если мы съездим поужинать на Монмартр? Там есть прелестные кафешки, в

начале века их посещала вся парижская богема, но эти заведения популярны и поныне!

— А как же?..

— Следователь? Он подождет, как, впрочем, и французское правосудие в целом... До поры. Пока мы будем работать вместе... Но заранее должен предупредить: для того чтобы сделать из тебя полноценного помощника, потребуются месяцы... И твои редкие краткосрочные поездки в СССР... Ничего, втянешься! Решайся, и Франция, западная цивилизация станут твоей судьбой... Мы ведь не только будем работать вместе, но и наслаждаться жизнью... Идет?

Кстати, мы больше не будем здесь встречаться. Где и когда — я заранее буду информировать тебя по телефону... Условности при выходе на связь мы оговорим во время ужина... Да, вот еще что! Временно поработаешь в одном бутике, принадлежащем твоему московскому другу, водителю военного атташе Франции, Полю Мламбо-Нгука. Да, он — африканец, но вполне цивилизованный... Формально ты будешь выполнять там обязанности ученицы продавца... Сразу должен тебе сказать, дело придется иметь с мумиями... разных животных. Не как твой оператор, а как истинный почитатель твоей красоты, твоего шарма и сексуальности, прошу тебя ничему там не удивляться... Смотри на все проще и знай, что люди, там работающие, делают свой бизнес. Поверь, так трудно в деловом мире найти свою нишу... Поль — нашел!

Имей в виду, что работа у Поля, это — не общение с, как ты изволила выразиться, «одорологическим маньяком» Абдурахманом Крашоги, хотя и у Поля экзотики хватает... Тебе придется интенсивно общаться с живыми людьми, твоими бывшими соотечественниками... Магазины сувениров, которыми владеет Поль, часто посещают русские туристы. Тебе придется знакомиться с ними, выяснять их статус и кредитоспособность — известно ведь, что туристам из СССР при выезде за границу разрешают менять ограниченное количество денег, вот тебе и нужно будет узнавать, кто из них имеет избыточное количество валюты...

— А что это тебе даст, наличие избыточного количества валюты у какого-нибудь Иванова, Петрова, Сидорова?

— Очень много! Ну, во-первых, я буду знать, кто из них склонен к проведению незаконных операций. Ведь откуда у советского туриста могут появиться дополнительные франки? Значит, он привез во Францию что-то на продажу, фотоаппараты, часы, икру и так далее... Склонность к проведению операций по купле-продаже, вернее, игнорирование советских законов-запретов на проведение таковых свидетельствует о том, что этот

некто — человек алчный и рисковый... А если он еще и научный сотрудник какого-то интересующего нас закрытого НИИ или предприятия, то вот уже есть повод пообщаться с ним, поговорить по душам, ясно? Но все это будут делать другие люди, мои коллеги, после того как от тебя поступит сигнал. Ты же в это время будешь в тени...

— Значит, твои коллеги будут его шантажировать, давить на то, что он незаконно провез с собой что-то на продажу?

— Ну зачем же так грубо? Шантаж — это от безысходности, от слабости, наконец... Зачастую сам турист ищет возможность вступить с нами в контакт... Вот ты ему и поможешь! Работа — не бей лежачего. Зато стабильная зарплата, что немаловажно при нашей инфляции...

— Поль — это тот тип, который выдавал себя за помощника военного атташе Франции в Москве? И он тоже имеет отношение к тебе, то есть я хотела сказать, к твоей спецслужбе?

— Именно! Но обо всем по порядку, деточка, и ты... от меня этого не слышала... Твоя работа у Поля — это временная остановка. Со временем я что-нибудь подберу для тебя получше... Если ты уж так хочешь передавать французским ребятишкам свои знания русского и английского... О французском языке, как ты понимаешь, сейчас и речи быть не может, а вот что касается других языков — это вполне реально... Но, посмотрим! Есть на примете один лицей для детей обеспеченных родителей...

* * *

Через некоторое время встречи Чери — так теперь значилась Мальвина Вишня в файлах УОТ (французская контрразведывательная служба) — с ее оператором, подполковником дель Веккьи, приобрели регулярный, а для Мальвины даже рутинный характер по причине его безудержных сексуальных домогательств. Сексуальными упражнениями он неизменно заканчивал свои специфические инструктажи.

Конспиративные встречи подполковник проводил, как правило, в дешевых парижских гостиницах, хозяева которых, не требуя никаких документов, удостоверяющих личность, за умеренную плату охотно предоставляли свободные номера всем парочкам, желающим «оттянуться». Независимо от их пола, лишь бы платили наличными. Поэтому появление в гостиницах дель Веккьи в сопровождении Мальвины-Чери всеми невольными свидетелями оценивалось однозначно: стареющий светский повеса решил вкусить от молодого аппетитного плода. Что ж — такова

жизнь!

Но однажды, едва подполковник устроился с Мальвиной на скрипящей кровати времен Людовика XV, чтобы перейти от теории к практическим занятиям (так он называл сексуальную часть конспиративных явок со своей агентессой), в номер ворвались четыре человека. Двое из них были в полицейских мундирах.

— Полиция нравов! Предъявите документы!

Дель Веккьи, даже не потрудившись оторвать губы от груди агентессы-любовницы, прогундосил:

— Пусть старший из вас возьмет в левом внутреннем кармане пиджака мой жетон. Да побыстрее! Мне некогда, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей!

Взглянув на удостоверение и промямлив: «Извините за вторжение, господин полковник, служба, понимаете ли...» — пришельцы ретировались.

— Вот видишь, Мальвина, — с пафосом произнес подполковник, когда дверь за полицейскими закрылась, — что значит для легавых моя спецслужба... Они так переорали, что даже в звании меня повысили: вмиг возвели в полковники... Уважают, значит. Нет, скорее боятся! Я это к чему говорю? Чтобы ты, голубушка, знала, какая сила стоит за твоей спиной... Сила, которая тебя в обиду не даст!

— А мне дадут когда-нибудь такой жетон, как у тебя? — проворковала Мальвина.

— Тебе он ни к чему, пока рядом есть я, моя дорогая! Впрочем, шанс стать если не подполковником, то хотя бы капитаном, у тебя есть... Плох тот агент, который не стремится стать кадровым офицером спецслужбы... Так что, все зависит от тебя, милая моя. Рвение, рвение и еще раз — рвение!

— В постели? — съязвила Мальвина.

— И в ней тоже! — лукаво ответил Винсент.

По прошествии года, когда подполковник почувствовал, что его «привлеченка» вполне созрела для выполнения задания не только УОТФ (Управление охраны территории Франции), но и ГУНБФ (Главное управление национальной безопасности Франции), Мальвина-Чери была передана на личную связь ее московскому знакомому, которого она знала как шофера французского военного атташе и своего незадачливого ухажера, — гиганту-негру Полю. Кроме прочего, Мальвина работала у него в магазине!

Однако после знакомства с господином капитаном Полем Пумзиле

Мламбо-Нгука, выступавшим уже в качестве кадрового сотрудника французской спецслужбы, она работу в его магазине не оставила, продолжая числиться там помощницей продавца, но требований к ней, как к продавщице, явно поуменьшилось. Для себя она сделала вывод, что испытательный срок, которому все это время подвергали ее секретные службы, закончился и ей предстоят более серьезные дела. И была права...

Поль начал с того, что, сославшись на задание начальства, приказал Мальвине истребовать у ее матушки, проживавшей в Майкопе, официальное письменное приглашение для посещения родного города. Так она приступила к выполнению первого задания своего нового чернокожего оператора...

Спецслужбы Франции, стран НАТО и прежде всего США очень интересовались расположенным в Майкопе особо режимным объектом стратегического назначения.

В среде советских военных специалистов он был известен как стартовая площадка оперативно-тактических ракет с атомными боеголовками, нацеленными на Турцию. И хотя для населения Майкопа и прилегающих к нему сел и деревень не являлось секретом, что в лесу, в двадцати километрах от города, «есть нечто секретное и ракетное», тем не менее западные спецслужбы не могли доверять просто слухам, они должны были знать наверняка, действительно ли в Майкопском районе находится нечто такое, что Советы могут противопоставить потенциальной атаке с юга — из Турции, где также размещались оперативно-тактические ракеты НАТО для поражения целей в южном регионе СССР.

Коль скоро вся Адыгейская автономия и ее столица Майкоп были зоной, категорически закрытой для посещения иностранцев, то выбор, естественно, пал на Чери, уроженку и в прошлом жительницу Майкопа, которая, приехав навестить свою мать, могла там беспрепятственно передвигаться, а в беседах со своими бывшими одноклассниками и друзьями сумела бы выяснить какие-то подробности о строго секретной части.

Впрочем, по возвращении Чери из Майкопа, Поль, дель Веккьи и их начальство пришли к заключению, что коэффициент полезного действия новоиспеченной агентессы в части добывания секретов военного характера через своих майкопских знакомых практически равен нулю.

Руководство ГУНБФ по согласованию с присутствовавшими в его штате наблюдателями из ЦРУ решили полностью переключить Чери на изучение русских туристов, посещающих Париж, но главное — на работу со своим братом Костей, то есть на получение через него секретных

сведений о поставках советского вооружения в арабские страны. Документы тот похищал из служебного портфеля своего тестя. Генштабист считал, что «все разговоры о шпионах — досужий вымысел КГБ!» — и поэтому постоянно притаскивал бумаги к себе на дом.

Одновременно штаб НАТО предпринял другие меры по выяснению присутствия в майкопском районе ракетной части стратегического назначения и уровня ее боевой готовности. Туда была направлена опытная разведчица Рута, завербованная в Канаде в среде украинских эмигрантов и прошедшая специальную подготовку в США.

Ярко выраженная славянская внешность, украинский выговор (а Майкоп и Майкопский район населяли в основном украинцы), владение несколькими профессиями (машинопись, стенография, зубоврачебное дело), эффектная внешность, наконец, должны были, по мнению ее операторов, способствовать успешному выполнению поставленного ей задания по изучению характера и назначения особо режимного стратегического объекта.

Глава 3

ЖАКЕТЫ ИЗ ФРАНЦИИ, НО НЕ ОТ КАРДЕНА

Шифротелеграмма 19/49-82 от 14.06.82 года

Секретно

Майкоп

Начальнику горотдела КГБ полковнику ГОРЕМЫКЕ

С 16 по 20 июня в вашем городе ожидается пребывание заместителя главы французской военной миссии генерал-майора Жака ПАРРО и подполковника Жака КОККЕРЕЛЯ. Оба дипломата, установленные разведчики, действующие с легальных позиций военной резидентуры посольства Франции в Москве, располагают избыточным объемом аудио- и видеоаппаратуры для проведения визуальной разведки. Предполагаемая цель поездки — проникновение на территорию обслуживаемого вами особорежимного военного объекта (ракетной части стратегического назначения).

С учетом длительности заявленного пребывания разведчиков в Майкопе прошу обратить также особое внимание на возможное осуществление ими агентурных акций.

Ввиду предстоящих политических акций на высшем государственном уровне — совместного советско-французского космического полета, а также ввиду того, что Ж.ПАРРО и Ж. КОККЕРЕЛЬ в достаточной мере осведомлены о методах работы советской контрразведки, предлагаю:

а) оперативные мероприятия реализовывать строго конспиративно, привлекая наиболее опытных сотрудников;

б) принять исчерпывающие меры по воспрепятствованию проведения иностранцами враждебной нашему государству деятельности на территории вашей компетенции.

О ходе мероприятий и всех изменениях в оперативной обстановке докладывать незамедлительно».

Москва

Начальник Службы КГБ

генерал — майор МАСЛОВ

контактный телефон №-00000

Горемыка дважды перечитал телеграмму.

«А французы, однако, прыткие ребята, палец в рот не клади — чуть наметилось потепление в верхних слоях политической атмосферы — они

скок и заявочку в МИД СССР на посещение закрытого для иностранцев района...»

Резко развернувшись на каблуках, он взял трубку телефона внутренней связи:

— Дежурный, подполковника Козаченко — ко мне!

Терпи Козаченко — атаманом будешь!

Выслушав дежурного, Олег Козаченко взял рабочую тетрадь, неторопливо закрыл сейф и, раскурив сигарету, в раздумье направился к шефу.

Вызов застал Олега за подготовкой тезисов к совещанию по итогам полугодия. Перед его глазами все еще стоял секретный доклад Председателя КГБ Андропова, который Козаченко взял за основу, чтобы, не дай бог, не отступить от магистральной линии, обозначенной Политбюро и его боевым отрядом — Комитетом госбезопасности — в деле разоблачения происков противника.

«Действительно, — подумал Козаченко, оглядывая просторный коридор с множеством кабинетов — у каждого оперработника отдельный, — предпринятое в последнее время Андроповым «наращивание мышц» боевого авангарда партии, Комитета госбезопасности, не обошло стороной и захолустный Майкоп: штаты оперативных сотрудников многократно увеличены, и поэтому во внутреннем двореке к основному зданию горотдела прирастили двухэтажный особнячок.

А как вырос агентурный аппарат! Только за последние пять месяцев он увеличился на тридцать негласных помощников, и это, как считает краевое начальство, еще не предел. Уж не к войне ли мы готовимся? Впрочем, тайная война, которую ведет КГБ на скрытых фронтах, никогда не затихала. Более того, она разгорается с новой силой каждый год.

Согласно докладу Андропова, только с 1977 по 1981 год внешней контрразведкой предотвращено более 400 провалов кадровых офицеров ПГУ (внешняя разведка Союза) и их агентов. За это же время разоблачено более двухсот подстав противником своей агентуры нашим органам госбезопасности. А разведывательная экспансия противника внутри страны! В 1980–1981 годах разведчики США, Великобритании, Канады, ФРГ, Франции, Италии, Турции и Японии, действовавшие с позиций военных атташатов своих посольств в Москве, предприняли 570 поездок по

СССР. Из них — 157 американцы, 115 — англичане, 106 — французы, 72 — немцы, 59 — разведчики Японии. Впечатляет!

Активность иностранных разведсообществ сравнима разве что с напористостью и наглостью, с которой действовали разведчики фашистской Германии накануне нападения на СССР в 1941 году...

— Н-да, это все там, где-то очень далеко, — Козаченко с сожалением покрутил головой, — здесь же, в нашем захолустье, остается лишь одно — дожидаться пенсии, как это делает наш шеф, Анатолий Дмитриевич Горемыка. Впрочем, а чего от него требовать? Ему уже за пятьдесят. С него взятки гладки, у него все есть — выслуга, квартира, машина, дача, но самое главное — полная апатия и равнодушие к исполнению своих служебных обязанностей. Он даже не скрывает, что давно испытывает отвращение к оперативной деятельности. У него одно на уме: лишь бы день до вечера и никаких ЧП в коллективе оперработников. В этом наш начальник уподобился главврачу сельской больницы, для которого наиважнейшим условием в работе является удержать в коллективе пациентов среднюю температуру. И пусть у кого-то жар, а кто-то уже остывает в морге — не важно. Главное — чтобы средняя температура по больнице была 36,6!..

Но если тебе всего лишь тридцать пять, и ты — молодой подполковник, а у тебя еще и три иностранных языка в активе, плюс неутоленное служебное честолюбие, тогда как? Успокоиться, брать пример с Горемыки? Копаться по субботам и воскресеньям на даче? Да будь он проклят — этот заповедник благополучия! Нет уж, увольте — это не по мне! Давно себе сказал: надо бежать отсюда, да вот ходу рапортам не дают! Сбежал на два года в Афган, ну и что? Опять сюда же и вернули, сказали: «на усиление». А чего усиливать?.. Таких, как Горемыка, не усилишь, не переделаешь...

Н-да, значит, меня в Афгане не заметили. Или я не сумел себя проявить... А что бы ты хотел, Козаченко? Выехать за рубеж по линии Первого главка (внешняя разведка Союза), попасть в окопы «холодной войны»? А почему бы и нет!.. Во всех твоих бедах, Козаченко, ты вини только себя... Да, черт возьми, будь ты хоть семи пядей во лбу, но если нет оперативной удачливости или мохнатой лапы, которая домкратом поднимет тебя наверх, то так и будешь плесневеть в этом Майкопсранске! Ладно, чего уж там, хватит себе душу травить, не будем развивать сюжет...

Зачем же я понадобился шефу? Он же знает, что я — неприкасаем, работаю над отчетом, а это для него — святое! Ему ж на пенсию надо обязательно с орденом уйти, поэтому и освобождает меня за месяц до совещания у краевого руководства от всей текучки, чтоб я ему «конфетку»

— добротный доклад — на блюдечке с голубой каемочкой преподнес...

Сам по себе вызов к начальнику нейтрален, — продолжал рассуждать Козаченко, — но форма, форма! Почему через дежурного? Лично не мог пригласить? Такое происходит только в нескольких случаях.

Во-первых, у шефа кто-то из центрального аппарата, и чтобы продемонстрировать ему соблюдение традиций субординации в вверенном Горемыке подразделении, а заодно пустить прибывшему пыль в глаза, подчиненный вызывается через дежурного. Во-вторых, шеф не в духе. В-третьих, вызов через дежурного можно рассматривать как необходимые декорации к предстоящей ключевой мизансцене, в которой Горемыка намерен выступить режиссером-постановщиком. Таким образом он подчеркивает, кто здесь главный. И, наконец, шеф вызывает через дежурного проштрафившегося сотрудника, чтобы последний осознал величину дистанции между собой и им, начальником.

При этой мысли Козаченко криво усмехнулся.

Проштрафиться... Ребята в контрразведке, особенно не нюхавшие пороха, горят либо на выпивке, либо на бабах. Но после Афгана Олег смотрел на эти прегрешения как на детские шалости. После всего пережитого на войне, осознания близости жизни и смерти, становишься мудрее и терпимее к человеческим слабостям. Да и слабости ли это? Просто — жизнь! А потуги активистов из партбюро причесать весь коллектив на один манер — прямой пробор (без выпивки и баб!) — это ханжество и очковтирательство.

— Привет, старик! — Шедший навстречу секретарь партбюро Срывкин протягивал руку. Слащавая улыбочка «чего изволите» пологого из трактира, а в глазах холодный расчет. — Опять к начальству? А меня не приняли. Предпочли тебя, орденосца...

— А шел бы ты... будущий Герой Советского Союза... Посмертно! — в тон Срывкину ответил Козаченко и обошел его сбоку, зная, что тот не преминет задержать его. Чтобы досадить шефу — раз. Чтобы слегка подставить вызванного — два. Не велика пакость, но в этом — весь Срывкин.

— Завтра партсобрание по итогам полугодия, не забудь, старик, зайти выступление согласовать! — раздалось за спиной Олега.

«Меры длины и веса в жизни разных людей неповторимы. Срывкины меряют жизнь количеством вынесенных выговоров по партийной линии и числом подставленных подножек, от которых люди в кровь разбивают лица на оперативных совещаниях и партсобраниях. А уж если представляется возможность убрать с дороги соперника, так это — Праздник Победы для

них. Да такие, как говаривал классик советской литературы, «не останутся, чтобы придушить тебя в темном коридоре. Мало того, еще и пуговицы с твоего мундира изловчатся срезать для продажи».

Наш Срывкин — человек, имеющий одноразовую репутацию на все случаи жизни. Прямо-таки «тефлоновый» мальчик — ну ничего к нему не прилипает. Но ведь что удивительно! Все сотрудники горотдела без исключения видят двуличие Срывкина. И ничего поделаться не могут. Или не хотят, или боятся. Еще бы! Его тесть — «шишка», второй секретарь Майкопского горкома партии.

При всем том у нашего персонажа речь малограмотная, манеры жуткие — может в любую минуту почесать в самом неожиданном месте, особой заботой и любовью пользуется причинное место. Беспреданно цыкает гнилым зубом, всегда лезет посмотреть через плечо пишущего или читающего. Встревает в любой разговор, перебивая говорящих и только что не расталкивая их руками. По телефону обычно орет, орать и материться вообще любит.

Однажды, когда Срывкин в присутствии коллег особо витиевато поливал кого-то непечатной лексикой по телефону, в дежурку вошел Козаченко. Спросил:

— Кому это он такие дифирамбы поет?

— Да вот, жену свою на путь истинный наставляет... — тихо сказал кто-то из присутствовавших оперработников.

Но... Срывкин мгновенно тишаёт и вьюном вьётся в ногах любого начальства. Он — ас латентного подхалимажа. Постоянно нацелен на то, чтобы кого-нибудь подсадить или заложить начальству. После чего обязательно последует проработка приговоренного к закланию оперработника на партбюро или на партсобрании. Недаром у Срывкина кличка в коллективе: Тихобздуй...

Олег поморщился, вспомнив, как месяц назад сам чуть было не стал фигурантом персонального дела.

...В воскресный день, предупредив дежурного по отделу о выходе из дома (неукоснительное правило, которому должны следовать все оперработники!), Козаченко отправился с женой за покупками.

Нина, красавица на восьмом месяце беременности, — живот вперед, он — рядом. У входа в продовольственный магазин расстались. Жена осталась на улице: гастрономические запахи вызывали у нее тошноту — обычное явление для женщины на сносях. Козаченко ринулся внутрь. Вдруг крик Нины. Выбежав из магазина, Олег увидел, как трое кавказцев затаскивают ее в «жигуль». Реакция Козаченко была мгновенной.

Несколько приемов рукопашного боя — и двое насильников улеглись на тротуаре. Третий бежал сломя голову, бросив машину и подельников.

Вернувшись домой, Олег вызвал «Скорую» для Нины, затем сообщил дежурному об инциденте. Дежурил Срывкин.

— Молодец, старик, ты — рыцарь. Только так и надо отвечать этим кавказским «носорогам», а то они совсем распоясались!

Каково же было изумление Олега, когда он, придя на следующее утро на службу, обнаружил на доске объявлений призыв к коллективу коммунистов-чекистов рассмотреть персональное дело подполковника Козаченко по факту пьяного хулиганства в общественном месте и нанесения телесных повреждений благопристойным гражданам, одернувшем дебошира.

Как выяснилось потом, Срывкин в воскресенье зря времени не терял, и после звонка Олега развил бурную деятельность: получил выписку из журнала регистрации травматологического пункта о тяжести травм «носорогов»; пригласил в отдел родственников потерпевших, которые якобы были свидетелями тирании, и получил от них заявления на распоясавшегося кагэбэшника. Тогда же, в воскресенье, согласовал вопрос с начальником горотдела Горемыкой о проведении партийного расследования по факту хулиганских действий Олега. В итоге — объявление о слушании персонального дела, начертанное собственной рукой Срывкина.

— Старик, — заискивающе увещевал Олега Срывкин, — ты сошлись на контузию головы в Афгане... Ну, там головокружение, неконтролируемый гнев. Кто это проверит? Тебя это спасет, смягчит наказание... А мы, мы же не чужие — пойдем! Вызовем тебя на партбюро, для проформы вынесем выговор. Подумаешь, наказание для орденоносца! Через месяц снимем... А то ведь родственники пострадавших заявление не только нам — в прокуратуру подали, уголовное дело против тебя корячится...

Козаченко сразу раскусил заботу Срывкина и последствия предлагаемого им самоочернения: контузия головы, утрата самоконтроля. Да с таким диагнозом и генерала не оставят при погонах!

На удачу Олега свидетелем происшествия у магазина оказался прежний начальник горотдела. В понедельник, опираясь на палочку, притащился он в контору. Непокойно было на сердце у пенсионера контрразведки. Но не оттуда ждал он наезда, ждал от «пострадавших», которые, защищаясь, должны были первыми нанести удар...

Философски улыбнулся он, узнав, кто инициировал шум вокруг

инцидента. Запомнились тогда Олегу его слова:

«Сынок, ты должен знать, что партийные органы в нашей системе — суть политический сыск в Комитете госбезопасности. Партийные секретари в наших органах давно из воспитателей превратились в карателей. Да и кого в контрразведке воспитывать в духе преданности Родине и партии? Это ли не абсурд! Воспитывать контрразведчиков! А на кого же тогда опирается Родина и партия?! С другой стороны — кто у нас секретари партбюро? Те же контрразведчики, но либо они профессионально несостоятельны, либо — карьеристы. Ты уж прости его, Срывкина. Будь к нему снисходителен. И работай, работай не покладая рук. А на суету Срывкина — плюнь. Завидует он тебе. Дорогу себе расчищает. Ты для него — соперник, вот и пытается он тебя скомпрометировать. Но ты на сердце зла не держи — оно ослепляет. Прощай, но не забывай! На будущее знай, от кого можешь ждать подвоха. Пройдет время, и будет он тебе руку на плечо класть, не стряхивай ее, не бери себе душу. Таким, как Срывкин, хоть ссы в глаза, он все скажет — божья роса...»

...Переступив порог начальственного кабинета, Козаченко обнаружил Горемыку в привычной для того позе предпенсионера: руки сложены на столе, как у примерного октябренька-первоклашки. Рядом только телефон ВЧ на случай, если позвонит краевое или центральное начальство. Никаких бумаг, никаких дел! Тишь да благодать... Ну и начальничка бог, нет — кадры нам послали! Нет, Горемыка не он — мы, его подчиненные, горемыки...

— Вызывали, Анатолий Дмитриевич?

— Присаживайтесь... — Горемыка замялся, вспоминая имя-отчество вошедшего.

— Олег Юрьевич... — подсказал Козаченко.

— Да-да, вот тут телеграмма, Олег Юрьевич, — Горемыка пошарил взглядом по столу. — А! Я ее в сейф убрал, сейчас...

Полковник начал рыться в карманах, ища ключ.

— Ты вот что, — не дожидаясь, когда Олег дочитает телеграмму, произнес полковник, — мне через час план представь. И побольше в нем совместных с «особняками» (сотрудниками особого отдела военной контрразведки) мероприятий!

«Перестраховывается старичок, — догадался Олег, — не верит в собственные силы. Часть, она меньше целого. В случае неудачи — ответственность пополам, а в случае успеха отчитываться будем мы. Нам же прислали шифротелеграмму. Нет, с таким настроением нельзя приступать к делу».

- Но в телеграмме об «особняках» ни слова, да мы и сами с усами...
- Решать мне, — взвизгнул Горемыка, — делай, как приказано!
- Слушаюсь...

Сделав уточняющие звонки в Москву, Козаченко привычно отстучал на машинке развернутый план оперативных мероприятий по достойной встрече супостата, предусмотрев едва ли не появление летающих тарелок в небе Майкопа во время пребывания французских военных разведчиков. Лучше перебдеть. Пусть и на бумаге. Хотя жизнь, вернее, французы предложат разыграть свой вариант этой партии. У них «белые» — первыми ходить им. Можно, конечно, навязать свою игру, но об этом в ориентировке Центра ни слова.

БЕЗ ЖАКЕТОВ БЛИЖЕ К ДЕЛУ

Шифротелеграмма 519 от 19.6.82 г.

Секретно

Москва

Начальнику Службы КГБ СССР генерал-майору Маслову

С 16 по 19 июня 1982 года в Майкопе находились заместитель военного атташе Франции в Москве генерал-майор Жак ПАРРО и подполковник Жак КОККЕРЕЛЬ (разработке присвоено кодовое наименование «Жакеты»). Иностранцы имели при себе избыточное количество спецаппаратуры для проведения визуальной разведки, а также спецэкипировку для дистанционного съема информации о характере работы особо режимного военного объекта (частоты импульсов, интенсивности и величины тепло- и радиоизлучения и т. п.). В целях противодействия разведустремлениям военных дипломатов оперсоставом Майкопского горотдела совместно с военными контрразведчиками реализован план оперативных мероприятий «Заслон», утвержденный управлением «Ф» Центра. Согласно плану стратегический объект на время пребывания иностранцев в городе был переведен в режим «молчание», что полностью исключало получение разведчиками данных о характере работы объекта с помощью технических средств в случае их появления в непосредственной близости с охраняемой территорией.

16–18 июня в процессе реализации комплекса оперативных мероприятий зафиксировано проведение военными дипломатами визуальной разведки промышленных предприятий, объектов жизнеобеспечения города (электростанции, водоканала, хлебокомбината и

ЛЭП), при этом иностранцы, отказавшись от предложенного им по линии «Интуриста» автомобиля, открыто передвигались пешком по городу и окрестностям.

Несмотря на предпринятые нами меры по зашифровке установленного за иностранцами наружного наблюдения, «Жакеты» слежку за собой выявили, но попыток отрыва не предпринимали. Наоборот, проявляли повышенную нервозность, когда им казалось, что они «наружкой» потеряны: нарочито замедляли шаг, пытались демонстративно привлечь к себе внимание. Успокаивались и продолжали действовать в наработанном режиме лишь при приближении «опекунов».

18 июня в 17.30 (время московское) на пересечении двух основных транспортных магистралей города (4 троллейбусных и 4 автобусных маршрута), при стечении значительного людского массива ввиду окончания рабочей смены на двух крупных предприятиях и закрытия городского рынка, «Жакеты» оторвались от наблюдения.

Экстренно принятыми мерами иностранцы в 18.15 были обнаружены вблизи расположения особо режимного военного объекта. Выставленные на дальних подступах к объекту посты из проинструктированных нами офицеров и прапорщиков в военной форме воспрепятствовали продвижению разведчиков по периметру охраняемой территории. В 18.35 иностранцы вернулись на автомобиле в гостиницу. В роли водителя, якобы занимающегося частным извозом, выступал сотрудник службы наружного наблюдения прапорщик Солодухин, который отметил наличие у разведчиков разнообразной технической экипировки. Магнитофонная запись беседы иностранцев, состоявшейся в машине на французском языке, прилагается.

Проникнувшись доверием к Солодухину, иностранцы предложили оперработнику за дополнительную плату отвезти их на следующий день, 19 июня, в аэропорт.

Нами с помощью компьютерных программ просчитан маршрут и проведен анализ передвижения военных дипломатов по городу. Особое внимание уделено месту и обстоятельствам их отрыва от наружного наблюдения. Данные исследований свидетельствуют:

1. Перемещения иностранцев по Майкопу были не хаотичны, но строго спланированы и поступательны, как если бы иностранцы заблаговременно досконально изучили план города. В этой связи необходимо отметить, что разведчики топографических карт и схемы города при себе не имели.

2. Осмотр места отрыва «Жакетов» от наружного наблюдения и

расчеты с использованием компьютерных программ позволяют сделать вывод, что оптимальным местом ухода от слежки может быть только сквозной проход между зданиями облпрокуратуры и средней школы № 4. Именно им и воспользовались французы. Согласно схеме маршрутов движения разведчиков по городу, составленной с использованием данных службы наружного наблюдения, «Жакеты» в этом месте ранее не появлялись.

Таким образом, есть основание предположить, что место исчезновения выбрано разведчиками не случайно, а было известно им заблаговременно. Тот факт, что дипломаты избегали появляться рядом с указанной лазейкой до момента отрыва, можно расценить как зашифровку ими своей осведомленности и намерений.

Ухищрения, к которым прибегли военные дипломаты, как и последующий прорыв «Жакетов» к стратегической воинской части, подтверждают факт, что она является объектом первоочередных разведустремлений западных спецслужб.

Отложив шифроблокнот и ручку, Козаченко надолго задумался. Его не оставляло чувство какой-то незавершенности, чего-то недодуманного. Тени догадок блуждали в лотемках подсознания, не в силах выбраться и обрести четкий контур законченной мысли. Сказывалось напряжение последних дней, бессонные ночи. Крылья оперативного воображения конвульсивно подергивались. Взлет фантазии откладывался.

Нет, не отрыв иностранных разведчиков от наружного наблюдения заботил Олега — на это есть начальство, пусть оно и «горемыкается». Главной цели французы все равно не достигли, да и не могли достичь. Такая махина работала против этих двух... Хотя они и профессионалы, и класса высочайшего, но... время гениальных одиночек ушло безвозвратно!

Лоуренс Аравийский, Абель, Мата Хари, Николай Кузнецов — все они, конечно, герои своего времени, но невозвратимого прошлого. Сейчас побеждает идейно сплоченный коллектив интеллектуалов, располагающих современными техническими средствами... Стоп! Не спутником ли было зафиксировано расположение в окрестностях Майкопа стратегического объекта? Вряд ли. График пролетов американских спутников-шпионов над Северным Кавказом, он же на жаргоне оперсостава — «расписание электричек» — у шефа на столе, все секретные объекты на это время переводятся в режим молчания, замирают. И хотя приезжали не американцы — французы, но информация между их разведывательными сообществами циркулирует бесперебойно... И все-таки не спутник здесь поработал, а что-то другое... А почему «что-то»? Почему не «кто-то»?!

Птица воображения лениво взмахнула одним крылом. Пока одним.

«А что, если допустить, что в Майкопе затаился «крот» — агент французской разведки? — От этой мысли Олег даже заулыбался. — И по ночам этот самый «крот», путаясь в паутине чердака и обливаясь холодным потом от страха угодить в застенки КГБ, отстукивает на ключе точка-тире-точка?!»

Вспомнилась песня из далекого детства о коричневой пуговице, найденной в пыли бдительным пионером. Вспомнились рассказы о майоре Пронине и лозунг: «Сколько враг ни плутует — а НКВД не минует!»

Птица воображения взмахнула и вторым крылом. Тень догадки обрела контур сначала мысли, а затем и убеждения. Олег понял, почему военный атташат Франции запросил целых пять дней для пребывания в Майкопе своих дипломатов.

Визуальную разведку промышленных и других объектов жизнеобеспечения города иностранцы завершили за два дня. При этом демонстрировали лояльность, более того, напрашивались на опеку со стороны службы наружного наблюдения. А с собой привезли сюрприз. И вручили его нам на третий день. Так уж карта легла... А могли ведь и на четвертый, и даже на пятый. Удалось бы уйти от «хвоста» на третий день — все, можно сматывать удочки. Недаром они отбыли в Москву не 20-го, как планировали, а 19 июня! Не удалось бы на третий — попробовали бы на четвертый. И так далее. Пять дней разведчики испрашивали на пребывание в Майкопе, чтобы иметь время для маневра! Интересно, а если бы не получилось со сквозным проходом между зданиями облпрокуратуры и школы № 4, тогда что? Был ли в резерве еще какой-нибудь «сквозной проход»? Наверняка!

Некто, очень хорошо знающий сплетение закоулков Майкопа, основательно подготовил противника. Уж слишком ловко ЖАКЕТЫ ориентировались в лабиринте дореволюционных построек, ни разу не побывав там накануне...

Добраться бы до этого «Некто»!..

«Нашел!» — вслух произнес Олег и, взяв ручку, дописал в шифроблокноте:

...В настоящее время нами через областной ОВИР предпринимаются меры по установлению жителей Майкопа, поддерживающих контакты на деловой, дружеской или родственной основе с гражданами Франции, а также выезжавших туда (или прибывавших оттуда) в долгосрочные командировки по официальному или частному каналам.

19 июня с. г. военные дипломаты вылетели в Москву рейсом 1147.

*Начальник Майкопского горотдела КГБ
полковник ГОРЕМЫКА*

Глава 4

И ВНОВЬ СПЕЦСЛУЖБА ПОЗВАЛА В ДОРОГУ...

Мальвина проснулась до рассвета. Смутное чувство тревоги, возникшее сразу после ночного разговора с братом, обрело к утру конкретную форму протеста, а в ушах продолжал стоять его голос:

«Я больше не могу, мне все здесь опостылело».

Скорее не набор слов, а голос Константина, усиленный международными ретрансляторами и от этого преувеличенно безысходный, поразил Мальвину более всего. Перед глазами встал маленький, избалованный мальчик-херувимчик. Огромные, во все лицо, голубые глаза, аккуратно уложенные каштановые волосы, синий бант у подбородка на белоснежной сорочке, коротенькие штанишки на бретельках. «Такие дети были только у царей», — сказала однажды чистенькая старушка в троллейбусе, когда Мальвина вела младшего брата на прогулку в городской парк.

Давно, ох, как давно это было! Вечность? Да и нет. Просто это было в другом мире, в другой жизни. Там, где и сейчас продолжает жить Костя. Да, мне понятно твое настроение, Котенька! Но от настроения до устойчивого намерения — огромная дистанция. Потерпи, братик, потерпи. Мне ведь до поры тоже неумоготу было смотреть на строителей коммунизма, среди которых тебе сейчас приходится жить. Прилюдно сквернословящие, вечно пьяные, жующие на бегу пирожки, лузгающие семечки в троллейбусе, они и у меня вызывали изжогу и отвращение.

У каждого в жизни выпадает определяющий кон. Один. Сумел ты им воспользоваться — пьешь шампанское в Париже. Не сумел — преешь в «совке»...

Как говаривал классик мировой литературы: «Один раз в жизни фортуна стучится в дверь каждого человека. Но во многих случаях человек в это время сидит, потягивая пиво, в соседнем кабаке и не слышит ее стука».

А ведь этот человек, сидящий в кабаке, теряет — ни много ни мало — шанс увидеть свет в окошке засранного туалета и выбраться из него. Я сумела выбраться из этого отхожего места под названием «совок»! А шампанское... Да, я уже в Париже, но на шампанское надо еще

заработать...»

От этой мысли у Мальвины задергалось левое веко. Она приподнялась на локте, взглянула на себя в зеркало, пытаясь унять непослушную мышцу:

«С каждым днем во всех отношениях мне становится все лучше и лучше!» — с этими словами Мальвина сделала над собой усилие и улыбнулась своему отражению в зеркале. Конвульсивное подергивание века прекратилось.

«Да, великое дело — аутотренинг». — На память пришел оператор и по совместительству любовник, Винсент, не устававший повторять во время конспиративных встреч: «Самодисциплина. Самообман. Самозащита». Жаль, конечно, что он передал меня Полю... От этого африканца глубокомысленных, философских или, наоборот, чисто прикладных жизненных истин не дождешься... Негры, они и есть — негры...

Костя, пожалуй, и представления не имеет, что это такое. Ему все давалось легко, походя. Его опекали, ему потакали, им восхищались. Восхищались его внешностью, его способностями. За что бы он ни брался — все у него спорилось. В пять лет от роду стрелял из духового ружья лучше, чем завсегдатаи тира, в двенадцать играл наравне с заматеревшими в карточных баталиях преферансистами. В семнадцать — золотая медаль по окончании школы, поступление в престижный МГУ на физмат. Мальчик из дремучей провинции, попав в столицу, делал не по возрасту верные шаги. С моей помощью легко овладел дочерью генерала и женился. Конечно, мы тоже не без царя в голове, да и внешне кое-кому можем фору дать...»

Мальвина тряхнула копной черных волос и искренне залюбовалась своим отражением в зеркале.

«Вот что дает смесь славянских кровей с персидской...»

Мальвина никогда не знала своего отца, но от матери слышала, что он выходец из Ирана.

«Но чтобы процветать в Париже, эффектной внешности еще недостаточно. На какие унижения надо было решиться, какие круги ада пройти, чтобы оказаться здесь! Фу! У меня до сих пор стоит в носу запах пота тех негров, с которыми поневоле пришлось ложиться в постель там, в Москве. Но что оставалось делать? Цель оправдывает средства! Хотя, негры неграм — рознь! Вон мой нынешний оператор, Поль, бывший водитель военного атташе Франции в Москве, ишь, тоже оказался в команде Винсента, а он совсем не похож на африканских аборигенов, выходцев из тростниковых лачуг... Хотя эта африканская ограниченность

присутствует и в нем, но тем не менее он — ни много ни мало — капитан Главного управления национальной безопасности Франции. Величина! Валентине бы с ним задружить в свое время, небось сейчас бы не билась как рыба об лед, чтоб выехать из «совка»... Ну, бог ей судья, влюбчива уж больно. То Видов, то этот сифилитик... Как бишь его зовут? А! Христос... Ну, да ладно! Всяк живет, как может. Хорошо еще, что ей попалась такая наставница, как я. Не кто иной, а я выдала ее замуж за кандидата в покойники. Мой протеже, академик, помер, квартиру ей оставил, теперь уж пусть сама крутится! Жаль, конечно, что встретиться с ней не довелось, когда я приезжала в Союз... Ни в первый, ни во второй раз. Помнится, в последний мой приезд она в кожвендиспансере лечилась, а то бы я кое-что ей подсказала. Хотя, у меня в тот приезд и своих проблем хватало...»

Взгляд упал на портрет мужа на стене. Рисунок, сделанный уличным художником-моменталистом с Монмартра.

«Вадим... Вот еще один счастливец, как говорит Костя. Но разве Вадим просто счастливец? Нет, нет и еще раз нет! Человек, который сам себя сделал. Только такой и мог оказаться рядом со мной... Удивительно, как распоряжается судьба! Мы с Вадимом — психологические близнецы, проделавшие, нет, пробившие себе дорогу в Париж, вдруг встретились на Монмартре. Да только из-за этого стоило уехать из «совка». Хотя в постели Вадим — ничтожество, но для этого есть Поль или Винсент, наконец! А в остальном Вадим меня вполне устраивает...

Стоп! Хватит философствовать, пора приводить себя в порядок. День предстоит не из легких. Послезавтра — Москва. А надо ведь еще пройти последний инструктаж у Поля... Как он мне уже надоел, неумный оператор-сексозавр! Эти встречи в гостиницах, где проститутки практикуют, совсем не для меня, преподавателя лица. А о других местах он и слышать не хочет. Похоже, у него с Винсентом — одна школа и одна выучка...

Конечно, ему в гостиницах удобнее: полчаса на инструктаж, два — на «практическое усвоение теоретического материала». Это он сексуальные упражнения так называет...

Вообще-то поначалу все было нормально и даже очень ничего, хотя и не без сексуальных излишеств, но куда ж от них денешься! Нет, все-таки трудно общаться с такими сексуальными фуриями, как Поль. Трудно представить, что он делает с остальными своими четверья женами-африканками... И делает ли вообще что-нибудь — у него же есть такая партнерша, как я! Ведь каждая явка с ним превращается в секс-оргию! Может быть, у него и нет этих четырех жен-африканок? Как знать... Хотя

кто бы мог предполагать, что он может быть таким нежным любовником?! Но нужен ли мне Поль как любовник? Как оператор — да! Работа с ним дает значительное поступление в наш с Вадимом семейный бюджет... Ну, а в остальном?.. А в остальном — лучше бы остался моим оператором Винсент... Все-таки белый... К тому же, если он не врет, — отпрыск итальянского княжеского рода... Ну, да выбирать не приходится! Поль, так пусть будет чернозадый Поль, лишь бы деньги платил!.. Интересно, а его начальство знает о моих с ним неформальных, постельных отношениях? Или постель тоже входит в программу поддержания и закрепления установившихся между оператором и агентессой отношений?

А если бы на связи у Поля был «голубой», тогда как? Тоже два часа «практических занятий по усвоению теоретического материала»? Интересно, кто кого бы трахал? Нет-нет, с Полем это исключено... Он — активный сексуальный партнер, ориентированный только на женщин! В этом я доверяю собственному опыту общения с мужчинами... Да, кроме того, говорят, что гомосексуализм в африканской среде вообще неприемлем. Не прижился, и все тут!

Да ну их, всех этих черножопых, вот еще забот себе нашла!..

Винсент в самом начале моих с ним специфических отношений как-то проговорился, что у них в контрразведке для общения с агентами-гомосексуалистами имеются специальные оперработники... Фу, какая мерзость!

Как же они, эти, с позволения сказать, оперработники после таких явок с «голубыми», которые на их профессиональном языке называются «спецконтингентом», ложатся в постель со своими женами?! Получается, что у них и жены — «спецконтингент»?!

Ладно, к черту — это их проблемы! Скорее бы уж Поль передал меня на связь, как и обещал, какому-то разведчику — то ли англичанину, то ли американцу. Может, все решится во время сегодняшней явки? Хорошо бы!.. Так, довольно! Пора готовиться к отъезду и — на выход!..»

Опять задержалось веко, думы о событиях, ожидающих ее в Москве, мокрой тряпкой легли на сердце.

Суздальский момент истины

Шифротелеграмма 01/12-82 от 23.06. 82 года

Секретно

Майкоп

Начальнику горотдела КГБ полковнику Горемыке

С 16 по 23 июня 1982 года в Суздале на семинаре русского языка находилась группа студентов частного лицея Сен-Филипп из Франции в количестве 17 человек, прибывшая в СССР по линии культурного обмена. Изучением иностранцев, проводившимся о официальных и нейтральных позиций, установлено, что они в целом негативно относятся к советской действительности, к миролюбивой политике КПСС и советского правительства. Неоднократно в ходе занятий задавали провокационные вопросы о цели присутствия ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан; пытались втянуть советских преподавателей в дискуссию о правах наших граждан, в том числе и в вопросах выезда за рубеж; о положении советских евреев; навязывали преподавателям подарки в виде книг Солженицына и других отщепенцев, выдворенных из СССР.

Информация, добытая агентурой и доверенными лицами, свидетельствует о том, что инспиратором нездоровых настроений студентов-иностранцев являлась руководитель группы Мальвина Савари, 1949 года рождения, гражданка Франции.

Савари скрывала глубокое знание русского языка и советского быта. В процессе негласного наблюдения за Савари установлено, что она осведомлена о методах работы советской контрразведки. Иностранка владеет навыками ухода от наружного наблюдения. Искусно изменяет внешность. Неоднократно прибегала к ухищрениям с целью выявления слухового контроля и негласного досмотра помещений, занимаемых студентами-иностранцами.

20 июня Савари с соблюдением правил конспирации покинула группу французских студентов и попыталась оторваться от наружного наблюдения. Принятыми мерами иностранка была обнаружена на междугородной телефонной станции. Разведчиком наружного наблюдения зафиксирован набор ею кода города Майкопа и первая фраза: «Здравствуй, мама».

В дальнейшем, чтобы не расшифровать проводимое мероприятие, наблюдение за иностранкой в помещении телефонной станции не велось.

Сделать фотографии Савари во время ее пребывания в Суздале не представилось возможным.

Краткий портрет объекта: рост 164–167 см, нормального телосложения. Лицо овальное. Лоб высокий. Нос прямой. Волосы черные. Глаза синие. На вид 30–32 года. Походка спортивная, легкая. Мимика и жестикуляция развиты.

По нашим наблюдениям: Внешне эффектна. Одевается со вкусом, изысканно. Целеустремленна. Поставленных целей достигает. Быстро ориентируется в незнакомой и сложной обстановке. Техникой самоконтроля владеет. Находчива. Умеет подчинить окружающих своей воле. При необходимости может быть обворожительной. Умеет войти в доверие. Аргументации убедительны и логичны. К мужскому полу, алкоголю и табаку демонстративно выказывает безразличие. Из слабостей отмечена страсть к дорогим ювелирным украшениям. Наличие указанных предметов, их количество, по нашему мнению, неадекватны жалованью преподавателя лица.

23 июня в 7 час. 30 мин. иностранцы вместе с преподавателем русского языка группы Кочаровой И.Л. убыли на автобусе из Суздаля в Шереметьево-2, откуда рейсом «Эр-Франс» в 17 час. 40 мин. вылетели в Париж.

По маршруту следования в аэропорт иностранцев сопровождала бригада наружного наблюдения УКГБ по Владимирской области.

В районе Курского вокзала в Москве в 11 час. 40 мин. Савари покинула автобус и, воспользовавшись подземным переходом, достигла привокзальной площади, где ушла от наблюдения на автомашине «Волга». Установить принадлежность а/м не представилось возможным, т. к. госномера были тщательно загрязнены.

В аэропорт Шереметьево-2 Савари прибыла на автомашине с дипломатическими номерами посольства Франции в Москве.

Таможенным досмотром подозрительных предметов и материалов в носильных вещах Савари и иностранных студентов не обнаружено.

Об изложенных фактах нами информирован Центр.

Сообщаем для возможного оперативного использования и установления предполагаемых родственных связей (матери) Савари в Майкопе».

*Начальник Суздальского горотдела КГБ
полковник САНИН*

Вчитываясь в шифровку, Козаченко похвалил себя за то, что не взял тайм-аут, не расслабился после отъезда из Майкопа военных дипломатов, а сразу же, до поступления телеграммы из Суздаля, побывал в областном ОВИРе. И не только там. Теперь в папке для доклада у него лежал рапорт о добытой информации.

— Ну что, будем маму этой француженки Савари искать? — спросил Горемыка, когда Олег поднял голову. — Хотя зачем она нам? — Шеф хитро прищурился. — «Жакеты» уже в Москве, Савари голову морочит

«наружке» тоже не в Майкопе — в Суздале и в Москве, да и где она сейчас? В Париже, поди, уже шампиньоны жрет... А у нас своих дел по горло... Партсобрание по итогам полугодия надо провести, отложили ведь его из-за этих «Жакетов», чтоб им неладно было! Спортивное ориентирование организовать... Кроме того...

Горемыка еще долго загибал бы пальцы, но Козаченко прервал его, категорично подав через стол рапорт из папки.

— Ну, ты, как обычно, бежишь впереди паровоза, — прочитав заголовок документа, разочарованно произнес Горемыка. — Ладно, я почитаю. Свободен!

Как спеют вишни

Начальнику Майкопского горотдела

УКГБ по Краснодарскому краю полковнику Горемыке А. Д.

РАПОРТ

о результатах изучения М. Савари (урожденная Вишня) и ее близких связей

20 июня с. г. мною, старшим оперуполномоченным Майкопского горотдела УКГБ по Краснодарскому краю подполковником Козаченко О.Ю., в целях выявления лиц, возможно способствовавших проведению разведокций военными дипломатами из Франции Ж.Парро и Ж. Коккерелем (в дальнейшем «Жакеты») — изъяты в майкопском ОВИРе анкеты жителей города, имеющих родственные и иные связи во Франции, а также выезжавших туда в длительные служебные командировки.

В результате изучения указанных документов я пришел к выводу, что бывшая жительница г. Майкоп Савари (урожденная Вишня) Мальвина Кямаловна, 1949 года рождения, русская, образование высшее, несудимая, в рядах КПСС не состояла, окончившая французское отделение факультета романогерманской филологии МГУ в 1978 году, является наиболее реальной кандидатурой для проведения проверки и изучения в нашем плане.

Из официальных документов следует, что Савари-Вишня в 1979 году, выйдя замуж на гражданина Франции Жана Савари, выехала на постоянное жительство в Париж, где проживает в настоящее время. Работает преподавателем русского языка в частном лицее Сен-Филипп.

Из овировских документов (анкеты на въезд в СССР) следует, что Савари-Вишня дважды, с перерывом в год (т. е. последний раз — за год до

прибытия «Жакетов» в Майкоп), посетила наш город по приглашению матери — Пиндосенко (в девичестве — Вишня) Клавдии Игнатьевны, 1927 года рождения, украинки, уроженки г. Ставрополь, беспартийной, несудимой, образование неполное среднее, пенсионерки, проживающей в г. Майкоп по ул. Карла Маркса, 2.

С 20 мая по 2 июня текущего года Пиндосенко К. И. находилась во Франции по приглашению своей дочери.

Пиндосенко К. И. имеет сына от второго брака — Вишня Константина Петровича, 1954 года рождения, русского, образование высшее техническое (окончил МГУ в 1976 году), член КПСС, несудимый, работающий в Госплане СССР заведующим сектором, проживает в г. Москва, ул. Студенческая, 7, кв. 53, женат, имеет дочь Валентину, 3 года.

В целях составления психологического портрета Савари-Вишня мною проведены беседы с директором школы № 4 Юрченковой В. И., бывшим классным руководителем объекта, и одноклассниками изучаемой: Дубининым Н. И., Пороховщиковым И. М., Хамраевой Л. В. и Чернецкой Е. В.

Опрошенные сходятся во мнении, что Савари-Вишня является целеустремленной личностью — сначала два года подряд поступала во ВГИК, а затем, чтобы овладеть французским и английским языками, перевелась в МГУ. Умеет добиваться поставленных целей, несмотря на трудности объективного и субъективного порядка.

Обучаясь в старших классах, неоднократно высказывала недовольство своим происхождением (отец Мальвины Вишня — курд по национальности) и социальным положением. Из высказываний Вишни окружающие пришли к заключению, что она в течение 1965–1966 гг. регулярно прослушивала передачи радиостанций «Голос Америки», «Свободная Европа», «Немецкая волна» и др., которые способствовали формированию у нее негативного отношения к советской действительности. Демонстративно отказывалась принимать участие в комсомольских мероприятиях: собраниях, субботниках и т. д., подчеркивая свое несогласие «с нарушением прав личности» в тоталитарном государстве, коим, по ее словам, является СССР.

В 1965–1966 гг., когда Вишня обучалась в 10 классе, партийная и комсомольская организации школы дважды пытались рассмотреть ее персональное дело.

Поводом являлись посещения ею майкопской православной церкви в ночь на Пасху, а также инцидент с классным журналом, в похищении которого обвинили почему-то Мальвину Вишня.

Формально за журнал отвечала она, так как была дежурной. Но какой резон круглой отличнице похищать журнал?! Абсурд полный, но виновный найден не был, и поэтому остановились на дежурной по классу. Надо было, конечно, поискать среди «среднячков», колебавшихся между «3» и «4», которым и выгодно было исчезновение журнала — установи потом, что тебе выставят: «3» или «4» в конце четверти. Не стали искать. Зачем? Под рукой такая «девочка для битья». К посещению церкви да присовокупить кражу журнала — очень большое искушение!

Оба раза «заслушивания» были сорваны Вишней, заявившей, что персональные дела являются попытками активистов-двоечников, проникших в комсомольское бюро школы, свести с нею счеты и отомстить за достижения в учебе. Действительно, Вишня с первого по десятый класс училась только на «отлично».

В результате отрицательного к ней отношения завуча школы Хрупайло Г. И. ей по дисциплине «производственное обучение» была выставлена оценка «удовлетворительно», что автоматически исключало Вишню из числа претендентов на золотую медаль.

В школе устойчиво циркулировали слухи, что Хрупайло Г. И. добивался физической близости с Мальвиной Вишня, а потерпев фиаско, он расправился с объектом возжелания административными мерами.

Все опрошенные единодушны в высказываниях о проявленной к Вишне несправедливости. Унижение, испытанное Мальвиной, по мнению опрошенных, превратилось в отрицание всего, что связано с г. Майкоп. Возможно, что и ее поступление во ВГИК, а затем в МГУ является своеобразным протестом против проявленной к ней несправедливости — она ведь при своих способностях и накопленных знаниях могла спокойно пройти по конкурсу в вузы Майкопа и Краснодара.

В связи с изложенным, обращаю ваше внимание на тот факт, что после окончания школы Вишня сохранила дружеское расположение только к Пороховщикову И. М. и Хамраевой Л. В. Сами опрошенные этот факт объясняют тем, что Пороховщиков Л. М. в своем развитии не уступает Мальвине-Вишня, значительно превосходя окружающих, а отец Хамраевой, также курд по национальности, как и отец Савари-Вишня.

21 июня с. г. мною с целью определения возможности привлечь к изучению Савари-Вишня проведена беседа с Пороховщиковым П. М. Интерес к «П» шифровался ознакомлением с членами туристской группы, выезжающей во Францию с 6 по 13 июля с. г. В состав указанной группы входит и Пороховщиков П. М., подавший документы в облсовпроф для загранпоездки.

В беседе со мной Пороховщиков П.М. инициативно сообщил, что у него во Франции проживает бывшая одноклассница Савари-Вишня. Сообщил уже известные анкетные данные иностранки. Пояснил, что Мальвина Вишня после окончания МГУ предпринимала настойчивые попытки выйти замуж за иностранца, чтобы выехать на постоянное жительство за рубеж. В 1978 году ее познакомили с поваром французского посольства в Москве, гражданином Франции Жаном Савари. Со слов Пороховщикова П. М., Мальвине Вишня было известно, что иностранец — гомосексуалист, но ради выезда за границу она готова была проигнорировать его сексуальную ориентацию.

В 1981 году она повторно вышла замуж за невозвращенца Вадима Поляковского, переводчика французского языка, работавшего в Женеве в советской миссии в ЮНЕСКО. В настоящее время Савари проживает в Париже с мужем. Детей не имеет. Носит фамилию первого мужа — так, по ее словам, престижней.

Из рассказов брата Мальвины, Константина Вишня, Пороховщикоу известно, что она первое время после переезда в Париж не работала, существовала на средства, вырученные от проведения операций с валютой и советской фото- киноаппаратурой.

Схема: В Москве Константин Вишня приобретает фотоаппараты «Зенит-Е». С советскими туристами, выезжающими во Францию, передает их сестре. В магазинах безналичного расчета Мальвина меняет аппараты на 40–50 плащей «болонья» или 30–40 мотков мохера, которые затем партиями через туристов переправляет для реализации в СССР брату. На вырученные деньги вновь и вновь закупается советская аппаратура, пользующаяся повышенным спросом за рубежом...

Со слов Пороховщикова, в результате этих операций Савари приобрела и обставила мебелью свою трехкомнатную квартиру в Париже. А ее брат Константин Вишня приобрел а/м «Жигули».

Пороховщиков сообщил, что иностранка всегда присылает ему поздравительные открытки к праздникам. В прошлом и позапрошлом годах, посещая Майкоп, Савари-Вишня приглашала П. и Хамраеву Л. к себе в гости, показывала фотографии, где она изображена в Швейцарских Альпах и в Великобритании. Особенно запомнилась Пороховщикоу П. М. фотография, сделанная на пароме под английским флагом во время пересечения иностранкой Ла-Манша. Фото запомнилось П. в связи с несвойственной Вишня растерянностью. На вопрос Пороховщикова П. М., «кто проводил съемку», Мальвина вначале замялась, потом нашлась и ответила: «один знакомый». Сказано это было скороговоркой, в явном

смущении. После этого Савари быстро смешала фотографии, убрала в сумку и перевела разговор на тему о своей работе в лицее для детей богатых родителей.

Со слов П., он также знаком с младшим братом иностранки, Константином Вишня, с которым, несмотря на разницу в возрасте, ему довелось служить в одно время на атомной подводной лодке. Со слов источника, Вишня является высококлассным специалистом по атомным двигателям.

Пороховщиков П. М., рассказывая о Константине, сообщил, что последний, поступая на работу в Госплан СССР, по совету своего тестя генерал-майора ВС СССР, начальника управления Генштаба, ведающего вопросами поставок советского вооружения в развивающиеся страны, скрыл факт проживания своей сестры во Франции.

Характеризуя Константина Вишня, П. отметил его незаурядные способности, «умение из всего делать деньги» и его страсть к наживе. Кроме того, источник отмечает безграничное влияние Савари на своего младшего брата. Со слов последнего, «Мальвина для меня всегда была и остается маяком во всем!»

Искренность Пороховщикова П. М. внушает уверенность в успехе его дальнейшего использования в изучении Савари и ее брата.

Предварительным изучением Пороховщикова П. М. по местам работы и жительства установлено, что он настроен патриотично, член КПСС, член парткома, ведущий инженер майкопского НИИ «Лесмеханизация». Преимущества социалистической системы считает неоспоримыми. Вместе с тем отдает себе отчет и искренне переживает на словах упущения отдельных партийных и хозяйственных руководителей в проведении генеральной линии КПСС в жизнь.

И. — хороший семьянин. Чтобы пополнить семейный бюджет, подрабатывает консультантом в техникуме лесной промышленности. К жене и детям привязан. Партийной и социальной принадлежностью дорожит.

Выводы по рапорту: В целях определения возможности использования Пороховщикова П. М. в изучении Мальвины Савари и ее брата Константина Вишня, а также для подтверждения сложившегося мнения о его надежности и способности по своим психофизическим и физиологическим данным принести конкретную помощь органам государственной безопасности, подвергнуть П. проверке на зарубежных тестах «ММРІ» и «РТІ». Для этого Пороховщикова П. М., как офицера запаса ВС СССР, вызвать на медкомиссию в облвоенкомат. Для

тестирования П. привлечь нашего агента Коган, психоневролога облздравоотдела, не раскрывая перед последним истинные цели предстоящей проверки.

Отработать Пороховщикову П.М. отдельное задание на период его пребывания во Франции и встреч с Савари. Задание прилагается.

Поставить на контроль возможный въезд Савари в СССР для последующего проведения активных оперативных мероприятий по фиксированию и разоблачению, возможно, проводимой ею враждебной нашему государству деятельности.

Заключение: Обращает на себя внимание тот факт, что «Жакеты», не пользуясь картами-схемами г. Майкоп, свободно ориентировались на местности. Особенно в месте отрыва от наружного наблюдения, когда они воспользовались проходом между зданиями облпрокуратуры и средней школы № 4.

В этой школе ранее обучалась Мальвина Савари-Вишня.

Ст. оп/уп. Майкопского горотдела

УКГБ по Краснодарскому краю

подполковник КОЗАЧЕНКО О. Ю.

Глава 5

ДАЕШЬ МОСКВУ!

Через день Горемыка вызвал к себе Козаченко.

— Красиво у тебя здесь в рапорте все расписано, Олег Юрьевич... Прямо-таки не рапорт — диссертация по психологии... По психологии отступницы! Но, при всем при том, знаешь, не резон нам на нее время тратить. Где она сейчас? В Париже! Вот пусть голова у Первого главка (внешняя разведка Союза) и болит, а у нас своих дел хватает...

— Простите, товарищ полковник, я не могу с вами согласиться! После выезда на постоянное жительство во Францию она дважды через свою мать добивалась посещения Майкопа по частному каналу и приезжала-таки! Но, как видно, целец, поставленных ее работодателями, не достигала. Поэтому вслед за ее первым посещением в наших краях появилась Страница...

— Тоже мне, вспомнила бабушка девичий вечер... Дело оперативной разработки «Страница» давно уже в архив сдано...

— Так потому и сдано, что не стали искать, работать по делу, как положено... Сдали в архив — и с плеч долой!

— Но-но, Олег Юрьевич, ты не заносись, слова-то подбирай! Что значит, «с плеч долой»? Я что? Меньше твоего заинтересован в положительном балансе, в результативности нашего коллектива?! Ты уж совсем зарепортовался, начальника своего ни во что не ставишь!

— Никак нет, товарищ полковник! — прервал шефа Олег. — Просто я считаю, что приезд в Майкоп «Жакетов» имеет прямую связь и со «Страницей», и с Савари... Если собрать воедино все эти три, на первый взгляд, разрозненных факта: два посещения Савари Майкопа, появление у нас «Страницы» и, наконец, визит «Жакетов», то получается довольно интересная картина, свидетельствующая...

— О чем же свидетельствует твоя интересная картина? — с усмешкой перебил Горемыка распалившегося Олега.

— Ну, во-первых, о том, что обслуживаемая нами режимная часть продолжает быть объектом первоочередных разведустремлений противника...

— Ну, это — общие слова... А во-вторых? — Горемыка намеренно перебивал подчиненного, чтобы тот потерял нить мысли.

— Во-вторых, есть все основания подозревать Савари в принадлежности к агентуре противника. Полагаю, что именно после ее

наводки, здесь, в районе расположения режимной части, сначала появилась «Страница», а когда мы, вернее, «особняки» ее вспугнули, через некоторое время сюда прибыли «Жакеты»... Противнику уже ничего не оставалось делать, как идти напролом... Надо же ему наконец убедиться, дислоцируются здесь стратегические объекты или нет... Но!

Козаченко намеренно повысил голос, заметив, что шеф вновь собирается его перебить.

— Но Савари для меня, Анатолий Дмитриевич, не самоцель, отнюдь! Поймите же это! Обратите внимание: у нее есть брат, а он не просто родственник, он еще и секретноноситель, заведующий сектором Госплана — величина, и немалая!

Да, согласен, она уехала во Францию, как выражаетесь вы, «жрать свои шампиньоны», но брат-то остался! Пусть даже она отошла от игры, мало ли, может быть, так решили ее операторы, но где гарантии, что она не пыталась или уже не привлекла к сотрудничеству своего брата? Вы можете дать такую гарантию?!

— Ну, Олег Юрьевич, это уже шантаж! Не много ли ты на себя берешь?! После Афгана ты совсем неуправляем стал... Уж не мания ли подозрительности у тебя после тех разведопераций и боевых действий развивается? Знаешь, сейчас много говорят об «афганском синдроме», может, стоит тебе проконсультироваться с врачами-специалистами, а?

— Нет, Анатолий Дмитриевич, — как можно спокойнее ответил Олег, хотя внутри у него кипело, — со мной все в порядке... Не понимаю одного: почему вы игнорируете очевидные факты... И не даете хода перспективной оперативной разработке?! В конце концов, всю ответственность за продолжение разработки Савари я могу взять лично на себя... И вы уже ничем не рискуете... На мой взгляд, целесообразно взять в оперативную проверку и братца Савари — Константина Вишню... Разумеется, по согласованию с Москвой... Формально мы и сами можем разрабатывать его — ведь именно на территории нашей ответственности проживает его мать, да и он, думаю, здесь нередко бывает, так что у нас есть все основания заняться им, Анатолий Дмитриевич...

Олег намеренно намекнул на возможность проведения мероприятий по Савари и ее брату после согласования с Центром. Это должно было, по замыслу Козаченко, успокоить шефа, так как, перекладывая свои заботы на плечи вышестоящего начальства, Горемыка снимает с себя всякую ответственность.

— А что? Это мысль... — промямлил Горемыка, когда наконец до него дошло, что он ничем не рискует. — Звони в Москву! Найди, кто там у них

занимается «Жакетами», выскажи им наши предложения... Нет! Лучше сделай это письменно! И за моей подписью отошлем... Все, свободен!

Искать долго не пришлось — в телеграмме был точно указан инициатор разработки «Жакетов» — генерал-майор Маслов. На него-то и вышел Козаченко еще до составления справки о «Страннице» и о других, на его взгляд, оперативно значимых обстоятельствах...

* * *

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор... Здесь — подполковник Козаченко из Майкопа...

— Слушаю вас, подполковник...

— Товарищ генерал-майор, я звоню по поводу работавших у нас французских военных дипломатов, «Жакетов»... Вы нашу шифровку получили?

— Получил... Неважно вы по «Жакетам» сработали... Как же так? Дали оторваться от «наружки», разрешили побывать в окрестностях особо режимного объекта... Наконец, предоставили им возможность воочию убедиться, что таковой существует... Я же вас в своей шифровке предупреждал, зачем они к вам направляются! Тот факт, что на территорию объекта они все-таки не проникли, в заслугу себе можете не ставить... Им главное было удостовериться, есть ли в Майкопе особо охраняемый объект или нет его вовсе... Своей цели они достигли... А вы? Вы — нет! Плохо, товарищ подполковник, из рук вон плохо! Ну, да я еще выскажу свои соображения вашему начальнику... Вот уж поистине Горемыка... Я не ошибся, правильно назвал его фамилию?

— Так точно, товарищ генерал-майор...

— Вы, подполковник, собственно, по какому поводу звоните?.. Если узнать мое мнение о качестве проведенных вами мероприятий, то вы его уже слышали. У вас что-то еще?

— Так точно, товарищ генерал-майор! Дело в том, что мне удалось проследить связь между бывшей жительницей Майкопа Мальвиной Вишня, ныне гражданкой Франции по фамилии Савари, с появлением в нашем городе некой медсестры, проходившей по делу оперативной разработки «Странница», и, наконец, прибытием к нам «Жакетов»... Странница разрабатывалась майкопскими особым отделом военной контрразведки по подозрению в принадлежности к нелегальной закордонной разведке, но в результате допущенной особистами

сплошности ей удалось исчезнуть...

— Слушайте, подполковник, вы только что вылили на меня такой ушат занятой информации, что мне в пору искать полотенца, а не дослушивать вас до конца... О том, чего добились «Жакеты» на территории вашей компетенции, я знаю из вашей шифротелеграммы, о проделках Савари меня поставили в известность суздальские чекисты, а вот о Странице слышу впервые... Где, в каком состоянии дело оперативной разработки на эту нелегалку?

— В архиве, товарищ генерал-майор...

— То есть как в архиве?! Что, лучше употребить ее не представилось возможным или лучшего не сумели придумать... Ах, «особняки», «особняки»... И даже полсловом не обмолвились, никаких данных в Центр не подали о том, что на вашей территории замечено присутствие разведчицы-нелегала! Н-да... За такое самоуправство не то что погоны — головы снимать надо!.. Ну что ж, подполковник, давайте не будем терять время на телефонные переговоры... Выписывайте себе командировку и прилетайте в Москву! Я сейчас же перезвоню вашему Горемыке, чтобы вы уже завтра были у меня... С вашими соображениями о связи Савари со Страницей и «Жакетами»... Да! Вы не в курсе, где находится дело оперативной разработки «Страница», в Краснодарском управлении КГБ или в архиве Северо-Кавказского военного округа?

— Не могу знать, товарищ генерал-майор...

— Ладно, это — непринципиально, найдем... Да! Вот еще что... Выписывая командировку, вы срок убытия из Москвы не проставляйте... У меня сейчас половина оперативного состава в отпусках, так что еще один мыслящий подполковник, хоть он и из Майкопа, мне совсем не помешает... Ну, скажем, на месячишко...

— Спасибо за доверие, товарищ генерал-майор!

— Завтра жду! До свидания...

«Черт возьми, — с завистью подумал Козаченко, положив трубку, — как все-таки у них в Центре просто: «Выписывайте себе командировку в Москву, но срок убытия из Москвы не проставляйте. Мне понадобится мыслящий подполковник на месячишко».

Вот что такое оперативная целесообразность! А мы здесь? А мы здесь, попросту говоря, горемы каемся!»

Глава 6

РАБОТОДАТЕЛИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ — ПРОДАВЦЫ ОСТАЮТСЯ

Откинувшись на заднем сиденье и восстановив дыхание, Мальвина коротко сказала:

— В посольство!

Как только Константин влился в поток автомашин на Садовом кольце, Мальвина принялась поучать брата:

— Хватит плакаться мне по телефону! Это что за детство?! «Надоело все! Опостылело все!» — передразнила она брата. — Успокой себя тем, что большинству окружающих тебя — еще хуже. Аутотренинг — великое дело. Научись радоваться мелочам. Сходил «по-большому», похвали себя — какой я молодец — и это мне удалось!

Толкнул тебя больно какой-нибудь грубиян в толпе — не бросайся на него с упреками, тем более, с кулаками — тебе же дороже обойдется. Заставь себя с восхищением сказать ему вслед: «Какой большой и сильный дядя!» — и иди прочь.

Постарайся перевернуть все наоборот, шиворот-навыворот. Не забывай, что счастье — как утверждают американские психологи — чувство, возникающее в нас при виде бед и невзгод других. Нелишне тебе иногда взглянуть на ваших клошаров, чтобы понять, что ты живешь много лучше. Как вы их называете, бонзы?

— Бомжи...

— А как это расшифровывается?

— Без определенного места жительства...

— Господи, вы, как и американцы, — любители всяких аббревиатур...

Помню, в мои школьные годы было модное слово «чувак». Аббревиатура.

Расшифровывается: «человек, уважающий американскую культуру». Или этот... «бич» — бывший интеллигентный человек... Или ваши эти «КПСС». «КГБ»... «оперуполномоченный» — опер упал намоченный... Только что в подземном переходе я не без труда, оттого и запыхалась, ушла от одного такого опер упал намоченного... И остался он с б-а-альшим носом. Вот и понесет его своему «замначу» или «начзаму», — все более распалаясь, Мальвина выстраивала синонимические ряды.

В Суздале другой такой «намоченный» на телефонной станции под

пьяного «косил». Шатался, спотыкался о двери всех телефонных кабин, пока до моей не добрался. Все ждал, когда я стану номер набирать... А я, возьми, и мамочкин номер набери. Ну не твой же набирать, когда «топтун» в затылок дышит... Отвалил удовлетворенный... Насосалась пиявка... Докладывать побежал, чтобы не забыть номер кода... Думал, что на девочку набрел... Вроде я в жизни ничего слаще морковки не ела! Да от него мышинной мочой, а не алкоголем, за версту несло... Тоже мне — «мышка-норушка»!

Никак не давала покоя Мальвине наша «наружка».

— Ты опять машину тестя взял? — не унималась Мальвина. — Сколько раз повторять? Бери машину у кого-нибудь из своих друзей...

— Муля, — Костя непроизвольно стал притормаживать, — я ведь могу быть шофером тестя. Ну, подумаешь, приехал он на Курский вокзал подзаработать. А тут вдруг ты...

— Без «вдруг»! Завтра, то есть в субботу, позвонит на аппарат тестя мужчина, скажет: «Костя, я привез вам привет от Мальвины».

— Завтра и послезавтра я на даче...

— Дурачок, так ведь неспроста выбрана суббота. Потому, что твои на даче... придумаешь что-нибудь... Диссертация, например... Ну, ты же у меня умница, фантазер ты мой любимый! Он лично тебя желает увидеть... Передавать ему ничего не нужно. Не пытайся зарабатывать в одиночку, без меня, — продешевишь! С собой есть что-нибудь интересное?

Костя утвердительно кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

— Давай!

Засунув катушку с фотопленкой в бюстгалтер, Мальвина щелкнула замком сумочки.

— Здесь — 10 тысяч. Остальные — на твоем счете в «Креди Лион». Банковское разрешение Внешторга на имя твоей жены... Нечего тебе по «Березкам» шататься... Береженого бог бережет... Может же твой тесть сделать своей дочери подарок в СКВ...

— Господи, опять аббревиатура! — вскричала Мальвина, заведев на здании надпись «ДОСААФ». — Знаешь, как расшифровывается? «Дом отдыха старперов армии, авиации и флота»! Учись, учись, пока я жива...

— Первый раз слышу, — заулыбался Костя, — надо тестя просветить, ему скоро на пенсию...

Мальвина насторожилась.

— И сколько еще наша дойная коровка собирается нам молочко давать?

— Говорит, что все надоело, пора уходить... Все равно, мол, он свое

выслужил, генерал-лейтенантом ему не стать... Как я его понимаю, Муля! У меня у самого сейчас период застоя... Рамки заведующего сектором Госплана ох как узки! Они — что наручники, что вериги... Я сейчас прихожу на работу и часами сижу, глядя в потолок... Раздумываю...

— Да-да, милый мой, сидишь и грезишь наяву о роскошной вилле на Багамах, о яхте, о темнокожих слугах, о неисчерпаемом счете в банке... Так?! Да на это еще заработать надо! Послушай, а что, если тебе вернуться в Морской Регистр? Ты ведь сам говоришь: тесть на пенсию собирается... И на чем, вернее, на ком же тогда мы будем деньги делать, Костя?

— Я уже думал об этом...

— Да не думать надо — действовать!

— Не надо на меня кричать, сестрица... Я уже кое-что предпринял. В Морской Регистр возвращаться я не намерен — есть другие задумки...

— Например?

— Например, Арктический и Антарктический НИИ Госкомгидромета...

Да, это понижение по сравнению с Госпланом и даже Регистром, к тому же придется перебраться из Москвы в Ленинград. Но там есть и свои преимущества: заграникомандировки, и в большом количестве. Я уже наведывался туда, оставил анкету, договорился о приеме на работу. Знаешь, я наводил справки — там дефицит в профессионалах моего профиля, такие специалисты, как я — по атомным двигателям, — там нужны всегда, меня готовы взять хоть завтра... Те, кто обычно рвется туда, на поверку зачастую оказываются невыездными, у остальных нет желания месяцами скитаться по морям и океанам... Но у меня перед всеми преимущество.

Во-первых, моя работа в Госплане — лучшая рекомендация и характеристика для трудоустройства на другом месте.

Во-вторых, я не отказываюсь на целые полгода, а то и на все девять месяцев уходить в море... Квартиры мне в Ленинграде, правда, сразу не обещали. Это значит, что придется на субботу и воскресенье возвращаться к семье в Москву. Вот это-то и мешает мне принять окончательное решение, ты же знаешь, как я привязан к Оксане и к дочери... А, в общем, сестрица, как ты видишь, базу я уже подготовил. Одного моего слова согласия достаточно, чтобы перейти из Госплана в Госкомгидромет...

Кстати, мне даже не придется отработать положенный месяц при подаче заявления об увольнении из Госплана, я там в кадрах всех подарками задобрил. Да я обо всем этом уже в прошлый твой приезд рассказывал, вспомни!

— Помню, но что-то я не совсем тебя понимаю. Ты что, насовсем

собираешься перебраться в Питер, нет ведь? Ты и в Москве-то временно: ты же Парижем, Лондоном, Нью-Йорком бредишь... Так в чем же дело?! Немедленно уходи в свой НИИ, тем более что твой тесть на пенсию засобирался!

— А как насчет оплаты? Перейти-то я перейду, но это ведь не значит, что я с первого же дня буду иметь допуск к интересующей тебя, то есть твоих работодателей, информации...

Кстати, я в них уже запутался, то инструктор Винсент, то английский дипломат Эндрю, то парижанин африканского происхождения, какой-то оператор Поль... Кстати, я так и не понял: ты продолжаешь работать у него в магазине или уже ушла оттуда? Теперь вот еще кто-то должен позвонить! Я с твоей помощью, Муля, по рукам пошел!

— Милый мой, тебе лучше забыть их имена! И какая разница, какой они национальности... Свободно конвертируемая валюта, она — интернациональна! Завтра, то есть в субботу, тебе позвонит американец, но это тебя не должно нисколько волновать, главное — они платят хорошие деньги!

— Они хорошо платят сейчас, потому что сведения, к которым имеет доступ мой тесть, — о поставках советской военной техники в страны Ближнего Востока, — в газете «Правда» не публикуются... А как они будут платить, когда я перейду в Госкомгидромет? Кстати, десять «штук», что ты мне передала, в баксах или опять в франках?

— Во франках...

Заметив разочарование Кости, Мальвина усмехнулась:

— Не капризничай, милый мой... Другие люди — большие — за тебя обо всем уже подумали... Ну посуди сам, каково мне из Франции доллары везти?! Укажи я в таможенной декларации «баксы», у ваших же таможенников возникнут вопросы: «А почему из Франции — не франки, а доллары?» О конспирации надо заботиться...

Костя по-своему объяснил старания сестры. 10 тысяч франков — это всего около двух тысяч долларов. Не звучит. А цифра «10 тысяч» впечатление производит!

«Бьешь на внешний эффект, сестрица. Интересно, в каких «единицах» ты комиссионные получаешь? Рискует Костик, а снимаешь пенки ты, и еще небось больше меня имеешь!»

Попетляв еще немного в тихих переулках Замоскворечья и убедившись, что «хвоста» нет, Константин остановил машину во дворе дома дореволюционной постройки. Вышел и тщательно протер номерные знаки машины, намеренно испачканные грязью. Сел в машину, не

поворачиваясь лицом к сестре, молча закурил.

Щелкнул замок сумки. В зеркальце заднего видения Костя заметил в руках Мальвины начатую упаковку таблеток, утопленных в фольгу. Тренированным движением она выдавила пару таблеток, привычно сунула их в рот.

«Я — то на тазепаме сижу, то на реланиуме. Сестрица — черт-те на чем... Ну и семейка, шпионы-наркоманы! Начали с экскурсов в лингвистику, с аббревиатур, заканчиваем транквилизаторами!»

— Что это у тебя? — не поворачивая головы, спросил Костя.

— Да так... Устала... Нервы... Допинг постоянный требуется... В общем так, Костя! Я теперь не скоро смогу приехать, и так уж здесь примелькалась, поэтому и встретимся мы нескоро... Тот, кто позвонит от моего имени, будет только наблюдать тебя — решение примут другие... Но выполнять то, что он тебе скажет, надо беспрекословно... За ним — очень серьезные люди! Все то, что было до этого — всего лишь разминка, настоящая работа начнется только теперь, поэтому не откладывай свой переход в Госкомгидромет... Годика два поработаешь и — адью! Встретимся во Франции, если к тому моменту, конечно, ты не передумаешь, американцы — они великие соблазнительи...

Ты сам знаешь, что с твоим интеллектом и моими связями в Европе тебе здесь делать нечего! Оксану с дочерью потом вызовешь... Хельсинкское соглашение подписано, и ваши руководители-марзматики из ЦК, которые свой рабочий день начинают с реанимационной палаты, препятствовать воссоединению семьи не станут. Они на вселенский скандал на уровне ООН пойти не решатся... Но! Есть одно «но», Костик... Деньги... Твой интеллект и мои связи обратить в реальный капитал мы сможем не раньше, чем годика через два, поэтому надо сейчас поднапрячься, чтобы тебе на Запад приехать не с пустыми руками... Да только ли о тебе речь! А твоя жена и дочь?! Они чем будут там питаться? Святым духом?! Уж не думаешь ли, что ты и твоя Оксана, лишь только пересечете границу, как тут же вам предложат высокооплачиваемую работу?! Не бывает такого на Западе, там тебя никто с распростертыми объятиями не ждет! Поэтому мой тебе совет: сожми в кулак всю свою волю, смирись, не обращай ни на что внимания... И работай, работай на тех людей, которые, как я тебе сказала, передадут от меня привет...

Кстати, хоть у тебя в «Лион Креди» около пятидесяти тысяч франков, ты не думай, что этих денег тебе в Париже надолго хватит... А если ты еще вызволишь отсюда свою семью, деньги фьють, испарятся в одночасье! Ты знаешь, сколько мы тратим с Вадимом в месяц? Ужас представить: около

семи тысяч франков... и постоянно в долгах. А мы ведь с ним не относимся к низкооплачиваемым категориям... И, надо сказать, отнюдь не роскошествуем... Живем очень скромно. Так что думай! Бежать из «совка» сейчас — это самоубийство. Через два года — да, можно!..

Да, вот еще что! Я никогда не говорила тебе о такой подробности: деньги, которые тебе идут в «Лион Креди» за материалы твоего тестя, они ведь не могут быть выданы тебе по первому требованию... Они идут на счет твоего пенсионного фонда... То есть будут выплачиваться тебе не завтра, а по прошествии какого-то времени... Ты уж извини, здесь я тебя подвела, не сумела толкового юриста нанять...

Она помолчала.

— В общем так, милый мой, я умываю руки. — Мальвина уже полностью овладела своими эмоциями и разговаривала с Константином на правах старшей сестры. — Мне уже за тридцать, и я выхожу из игры... У меня последний шанс стать матерью и иметь полнокровную семью...

— С Вадимом? — коротко спросил Костя.

— Ну что вы все время норовите влезть своими немытыми ногами в мою личную жизнь! — Тяжело вздохнув, Мальвина закатила глаза. — Кроме Вадима, что? Никого нет?! На нем свет клином сошелся?!

Я сегодня уже вправе распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению, я теперь не в частной лавочке, магазине африканских сувениров работаю, а в лицее для детей обеспеченных родителей... Все остальное, мое отношение с мужчинами тебя не касается! С кем хочу, с тем и заведу семью и детей... А Вадим твой — полный сексуальный банкрот, так и знай! Все! Отвези меня в посольство и... до свидания!

Вновь щелкнул замок сумочки. Константин не узнавал сестру: «Начала с проработки, не плачься, мол, ей по телефону, а теперь сама близка к истерике. Таблетки опять достала. За 20 минут — второй прием. Может, и меня это ждет?»

Константин резко мотнул головой, отгоняя наваждение. Крутанул баранку вправо и, включив фары, направил машину на отведенную для троллейбусов часть дорожного полотна, по сути — против движения.

— А это — опять уроки тестя? — Мальвина оценила маневр.

— Ну да! Он за рюмкой и не такое рассказывает... Как он в молодости со своего «хвоста» американскую «наружку» сбрасывал...

— Ну он у тебя — не только рассказчик. Кормилец! — Мальвина погладила себя по груди, где лежала фотокассета. — Вот перестанет домой рабочие документы таскать, на что жить-то будем... Словом, встретишься в субботу с американцем — и немедленно переходи в НИИ...

— Приехали! — Костя резко затормозил.

— И последнее, брат... Я тебе уже об этом говорила, да чего уж там... Молитва, как говорится, от повторения не портится... Помни всегда и опасайся появления в твоей квартире или в квартире тестя людей под видом электромонтеров, водопроводчиков, газовиков и так далее. Знай, это — ребята из КГБ...

— Ты же помнишь сестра, что я по твоему настоянию затеял ремонт в своей квартире и под этим предлогом переселился к тестю. Последний раз мастера были около месяца назад... Ремонт неизвестно еще сколько времени продлится... Но я времени зря не теряю: работаю над тестем, вернее, над его портфелем... Лишь бы он не надумал до моего устройства в Госкомгидромет уйти на пенсию!

— И еще, Костик. — Мальвина вложила максимум нежности в интонации, которыми это было произнесено: — Береги пса, своего Лорда. Выгуливай только сам. На маршруте движения будь внимателен, чтобы он чего-нибудь не съел. Меняй места, поляны, где ты спускаешь Лорда с поводка. Его появления могут ждать и подбросить кусок отравленного мяса. Как только с Лордом случится самое плохое, что может с нами случиться, будь уверен — завтра в твоей квартире будет КГБ... А там... Квартиру «нафаршируют» так, что под видеокамерой и в туалет ходить, и Оксану любить будешь... Работать не сможешь... А с пустыми карманами мы нигде и никому не нужны!..

Мальвина взглянула на часы и вдруг встрепенулась:

— Слушай! Совсем забыла! Я ж свою подругу, которую, можно сказать, с руки выкормила, уже почти три года не видела... Как же это у меня из головы вылетело! У, черт!..

— О ком это ты еще вспомнила?

— О ком, о ком... О Валентине! Ты ж ее знаешь. Учился с ней в параллельном классе в Майкопе, а здесь, в Москве, бывал у нее в гостях... Ну, вспомни, высотка на площади Восстания!..

— А, это та красавица, у которой роман с Олегом Видовым был... Ну как же, помню! Борзых ее фамилия, если не ошибаюсь... Она, по-моему, потом с неграми якшалась...

— Все-то ты знаешь, Костик... Давай к ней зарулим на полчаса... Вдруг да застанем дома, а то я в каждый свой приезд так занята, что уж совсем девка меня забыла... И не звонит что-то последнее время. А ведь как мы с ней привязаны были друг к другу... Нет, между мужчинами такой дружбы не бывает... А уж сколько я ей добра сделала — жуть! Посмотреть бы сейчас на нее, на мою воспитанницу... Как годы летят, боже мой!

Поехали, Костик, время у меня еще есть. Быстро туда! Может, хоть душ у нее приму, а то я вся в мыле... А от нее отвезешь меня в посольство.

* * *

Мальвина и Валентина целовались беспрестанно, не в силах оторваться друг от друга. Как вдруг Мальвина, резко отстранившись от подруги и пристально глядя ей в глаза, спросила:

— Ну и как? Венерический диспансер пошел на пользу? Ты уже совершенно здорова?

— Ты в эту байку продолжаешь верить? — парировала Валентина, проинструктированная генералом Масловым. — Тогда по телефону ты мне сказала, что тебе об этом сообщил Поль. Значит, ты веришь ему, а не мне, своей лучшей подруге?! А вместе с тем я сразу после твоего отъезда отвадила его от своего дома, узнав, что он — сутенер и зарабатывает на мне деньги, подставляя меня своим дружкам-баклажанам! А ведь обещал, негодяй, подобрать мне жениха на выезд за границу. И что? Где они, женихи-то?! Может, он сам и распустил этот слух о моей болезни, потому что я отвадила его?!

Мальвина смотрела на свою бывшую подругу в полном недоумении. С одной стороны, она не могла не верить своему оператору Полю... Но с другой... Валентина говорила так страстно, так искренне... Черт их разберет, этих ненасытных сексолюбов, что Валентину, что Поля... Может, действительно они чего-то не поделили меж собой?!

— В общем, надоели мне эти сплетни о кожновенерическом диспансере... Никакого КВД не было, так и знай! Кстати, Поль-то сам где сейчас? — подытожила свой страстный монолог Валентина, памятуя вопросы, которые должна задать Мальвине при общении с ней, не важно, будет ли оно очным или заочным.

— Да ничего, процветает... В своем магазине экзотических сувениров, — несколько растерявшись от натиска Валентины, произнесла Мальвина.

Воспользовавшись растерянностью Мальвины, Валентина не стала сбавлять темп атаки:

— Ну и как ты объяснишь, что ты, моя лучшая подруга, и вдруг не смогла заехать ко мне ни в первый раз, ни во второй свой приезд в Союз?! Нет, Муля! У меня в голове это не укладывается, я отказываюсь это понимать и извинений не приму, так и знай! Это что у тебя за срочные дела

в «совке»?! Ты — посол Франции, что ли? Или Киссинджер?! Нет, нет и нет! Не прощу!

— А откуда тебе известно, что я дважды была в Союзе, — недоверчиво спросила Мальвина.

— От того же Поля, — произнесла как бы между прочим Валентина и извлекла из буфета бутылку коньяка.

При виде своего любимого коньяка «Remy Martin» Мальвина забыла обо всех упреках в свой адрес.

— Ты посмотри на нее, неплохо устроилась — французским коньяком гостей угощает! — вскричала Мальвина, пытаясь переключить внимание подруги на что-нибудь другое, ибо ей действительно нечего было ответить на претензии Валентины. — Да мне такой коньяк и не снится! Боже мой, я будто бы уже в Париже!.. Валюша, родненькая, ты уж извини меня, но мы заскочили всего на минутку... Я через три часа улетаю в Париж... Нет-нет, ты меня должна простить! Слушай, нельзя ли у тебя душ принять?

— Ты всегда была более чем практичная особа, Мальвина... И я тебе в этом всегда завидовала... Душ! Теперь я понимаю, почему ты ко мне в этот раз заехала! Что? Московская жара подействовала? Уж совсем невтерпеж?! В душ она, видите ли, захотела... Не пущу, так и знай! Не пущу, пока не выпьем за встречу!

И началось...

Мальвина с трудом помнила, как принимала душ, как покинула дом подруги, как и с кем общалась во французском посольстве, как проходила паспортный и таможенный контроль, как садилась в самолет...

Очнулась она в постели своей парижской квартиры только к полудню следующего дня. Обеспокоенный ее неменяемым состоянием, муж Вадим перед уходом на работу, оставил для нее на прикроватной тумбочке баночку «Спрайта» и две таблетки аспирина. Умилившись такой трогательной заботой, Мальвина послала к черту лекарства и заботу и прибегла к годами испытанному средству. Основательно опохмелившись, забралась в ванну. Вдруг ей сделалось плохо.

«Пленка! Где пленка, полученная от Кости?! Я же прекрасно помню, что, сидя в машине у Костика, засунула кассету в лифчик! А теперь я ее что-то не вижу... Куда она могла деваться?! Стоп! Я же у Валентины принимала душ! Да-да, теперь все вспомнила! Я положила кассету на полку меж флакончиков, баночек-скляночек и потом забыла ее оттуда взять! Проклятье! Что же делать?! Звонить Валентине, сказать, чтобы она не пыталась вскрывать кассету? Да она этого и сама не сделает, к чему ей? Да и найдет ли она ее, я кассету там так хорошо спрятала... Наверное, потому

и забыла взять... Так! Надо немедленно звонить Косте, пусть он срочно заберет пленку у Валентины... Ну и растяпа же я! Может, к Винсенту обратиться по старой дружбе? А что я ему скажу? Что забыла фотопленку с секретными материалами в ванной у своей подруги?! Идиотизм! Тем более что он сказал, что я теперь через Поля буду общаться с американцами, а не с ним... Что же делать? С Винсентом в постели за час все можно решить, хоть он меня и передал на связь своей «правой руке» — Полю! А может, обратиться к Полю? Он же теперь — мой оператор? Нет! Этого делать нельзя ни в коем случае! Не было кассеты — и все тут! Тем более что деньги выплачены американцами не за нее, а за предыдущую... А эта кассета выплывет потом, подумаешь! Костик заберет ее у Валентины и передаст со временем американцам, он же теперь с ними будет в контакте. Все, решено! Ни Винсенту, ни Полю, ни тем более американцам ничего говорить нельзя!.. Костик... Уж если кто и будет вне себя, так это мой Костик! Он же так рассчитывал на хорошее вознаграждение!.. Ну ничего, тем быстрее устроится в свой Госкомгидромет...

Стоп-стоп! У него же сегодня встреча с американцем... Вот и выход! Ну, конечно же, надо сейчас же звонить Косте. Он съездит к Валентине, заберет пленку, а потом передаст ее американцу, вот и вся недолга!

Мальвина, забыв о полотенце, выпрыгнула из ванны и бросилась к телефону... Поздно — Костя отсутствовал. Посомневавшись секунду, Мальвина набрала номер телефона Валентины. Тоже тишина.

До брата Мальвина дозвонилась уже после того, как он вернулся со встречи с Густавом. Выслушав сестру, он в сердцах послал ее в общероссийском направлении и стал названивать Валентине, но встретиться с нею ему удалось лишь через два дня, после того, как та успела пообщаться со своим оператором генералом Масловым...

Глава 7

ВИЗИТЕРЫ, ИНФОРМАЦИЮ ПРИНОСЯЩИЕ

— Ну что я могу сказать, Валентина Николаевна... — Маслов повертел в руках кассету с фотопленкой. — Могу лишь в очередной раз констатировать, что я не ошибся в вас... Рука ваша, надо отдать должное, — легкая. Ведь такой величины рыба в наши с вами, Валентина Николаевна, сети еще не заплывала...

Да, вот он труд контрразведчика! Сидишь у проруби и ждешь, клюнет, не клюнет... А что, какая рыбешка клюнет, и не знаешь... И вдруг на тебе — целая акула! Словом, и так, и так — труд у нас с вами неблагодарный, но благородный!.. Подвела вас ваша бывшая подруга, ох, как подвела! На пленке отсняты совершенно секретные документы, касающиеся поставок нашего вооружения в Ирак... На нашу удачу Мальвина оставила ее именно в вашей квартире...

Что ж, такие казусы бывали и со шпионами самого высокого полета. Вон кардинал от разведки, легенда и гордость Великобритании, Лоуренс Аравийский, однажды в электричке оставил свою рукопись-мемуары. Он над ней работал в течение нескольких лет и всюду таскал за собой. И тогда же, чтобы не терять времени, решил поработать над материалами в дороге. Заработался так, что чуть было не пропустил свою станцию. Заторопился при выходе и... Так и не нашли! Пришлось ему все восстанавливать по памяти. Н-да...

— Я почему так откровенен с вами? — сосредоточенно вращая на столе кассету, произнес Маслов. — Заметьте, я — не лирик, я — заматеревший контрразведчик! А откровенен потому, что, не зная вы результатов своих усилий, своего труда и цели своего взаимодействия со мной и с органами безопасности в целом, вам скоро бы надоели все эти задания, которые дает генерал Маслов... И не надо меня разубеждать, что это не так!.. В общем, мне не до проповедей... Лучше давайте вместе подумаем о том, от кого Мальвина могла получить эту пленку? У вас есть какие-либо соображения на этот счет?

Маслов вынул из папки шифротелеграмму из Суздаля.

— Судя по имеющимся в моем распоряжении документам, да и исходя из содержания фотопленки, трудно предположить, что она подхватила ее где-то на периферии... Помнится, вы рассказывали, что Савари до отъезда в Париж располагала обширным кругом знакомств в Москве. Как по-

вашему, с кем она может продолжать поддерживать отношения во время своих наездов в Союз? Меня особо интересуют люди из числа ее знакомых, которые имеют доступ к секретной информации военного характера...

— Трудно сказать что-либо определенное о ее знакомых, Леонид Иосифович! Мальвина всегда была очень сдержанна даже со мной и никогда о них не распространялась... Вы же помните, как случайно я узнала о замужестве и о ее отъезде во Францию?.. Одно могу сказать с полной уверенностью: знакомых у нее тьма и на всякий жизненный случай она обязательно кого-то имеет про запас... Так, во всяком случае, было всегда, пока мы с ней дружили. Смотришь, вроде никого нет, а случись что — и нате вам, появляется именно тот, кто нужен... Как это, например, было с моим замужеством, с покойным мужем-академиком. Ведь я до конфликта с женой Видова и не подозревала, что у Мальвины могут быть в заглазнике такие именитые знакомые из научных кругов! Ан, видите, в нужный момент она этого, пропахшего нафталином и разными лечебными мазями, жениха откуда-то извлекла... Нет-нет, поймите меня правильно! Я говорю об этом без зависти, злобы и безо ВСЯКОГО преклонения перед ней... Не подвернись тогда этот доходяга-академик, я бы сама нашла достойного жениха...

Кроме того, я совершенно трезво оцениваю то доброе, что для меня сделала Мальвина. Доброе — значит бескорыстное. Но Мальвина не из тех, кто делает добро просто так, по велению души, отнюдь! Я вам большее скажу: если это будет ей выгодно, то она может стать даже бескорыстной! Она все делает с умыслом, с выгодой для себя. В этом я имела возможность убедиться еще тогда, когда познакомилась с нею в Майкопе... Так что никаких иллюзий на ее счет я не питаю... Да и дружбы-то, как таковой, между нами, Леонид Иосифович, никогда не было. Так, взаимовыгодное сотрудничество, не более...

Леонид Иосифович, вы затронули такие струны моей души, что я увлеклась! Наверное, я вам столько всего о Мальвине наговорила, потому что мы с нею давно не общались, вот на меня и нахлынуло... Извините! А что касается вашего вопроса, с кем она сейчас может поддерживать отношения, то с уверенностью могу назвать только одно имя: Константин Вишня, младший и горячо ею любимый брат!..

— Так-так, интересно... А что вы можете сказать о нем?

— Вы знаете, Леонид Иосифович, я, живя в Майкопе, училась с ним в параллельном классе. Мальчик он очень способный, умный и... внешне очень красивый. Хотя деляга еще тот! Деляга и комбинатор. Уж он-то, завидев свою выгоду, даже лицемерить не потрудится и прикрывать

свой интерес какими-то красивыми словами не станет! Продаст и перепродает все и вся... Когда мы учились в школе, он активно занимался фарцовкой. Каждое воскресенье выезжал из Майкопа в Новороссийск скупать шмотки у иностранных моряков. Потом их своим же одноклассникам перепродавал втридорога... Валютой баловался. Но уже здесь, в Москве, я заметила, что-то в нем переменялось. Думаю, это произошло не без Мальвинино влияния. Он, надо сказать, всегда очень прислушивался к ее мнению. Можно даже сказать, находился у нее под пятой. Мать для него была ничто, а вот Мальвина!.. Ее он слушался беспрекословно.

Мы вновь встретились с Костей с помощью Мальвины, ну, когда я переселилась в эту квартиру в высотке... Он учился тогда в МГУ вместе с Мальвиной... Она — на филологическом факультете, а он... То ли на математическом, то ли на физическом, не помню... Ну был он тогда у меня в гостях пару раз в сопровождении Мальвины... А так наедине я с ним никогда не общалась... Это все Мальвина! Она боялась, как бы я его, этого херувимчика, не дай господь, не совратила! Хотя знала она, что он за херувимчик! Вся школа, да что школа — весь Майкоп знал о том, что он фарцует, что у него всегда можно приобрести валюту... Ну, да бог ему судья... Обидно мне было за то, что она меня к нему на пушечный выстрел не подпускала! Вроде как он — святой, а я — исчадие зла, падшая и развратная женщина... Кроме того, у него тогда начался роман с какой-то москвичкой... Женить его Мальвина задумала...

Вспомнила! Невеста Кости была из семьи какого-то высокопоставленного или перспективного, сейчас уж и не припомню, как его называла Мальвина, военнотружущего... То ли полковника, то ли генерала...

Мальвина меня так от своего брата прятала, что даже на свадьбу не пригласила... Обидно, конечно, но я, может быть, и не пошла бы... У меня тогда своих романов и увлечений было столько! До Кости ли мне тогда было, тем более я знала, что он за фрукт...

— А тот полковник или генерал, он и до сих пор жив-здоров, служит или уже на пенсии?

— Леонид Иосифович, но ведь я ничего этого не знаю... С отъездом Мальвины в Париж я о ней только и знала с ее слов, и лишь когда она мне писала или звонила... Потом почему-то перестала... А там у меня всякие передраги начались... Так и стали мы друг от друга потихоньку отдаляться... Не заскочи она ко мне в этот раз, я бы по-прежнему думала, что она продолжает работать у Поля в магазине... Помните, вы тогда,

несколько месяцев назад, просили ей позвонить. Ей или Полю в магазин... Тогда не удалось связаться ни с нею, ни с Полем... Вы сказали, что он убыл на родину...

А о Косте, ну что я могу сейчас знать? Практически ничего... Я даже не знаю, живет ли он в Москве или... Тем более где работает...

— В общем так, Валентина Николаевна! Если к вам нагрянет за пленкой Костя, отдадите ему вот эту кассету. Можете не беспокоиться, мой оперативно-технический отдел постарался и оставил все, как было. Убрал только секреты! — Маслов раскатисто рассмеялся. — Кассету отдадите, но не сразу. Сначала разыграйте удивление, как это вдруг какая-то кассета могла к вам попасть?! Спросите, где она, по его мнению, должна быть, да кто ее у вас мог оставить... В общем, разыграйте полное недоумение. Для него все это будет выглядеть вполне естественно. Это же ваша квартира, вы — хозяйка. И вдруг какая-то фотопленка! Еще раз подробненько расспросите, что за кассета, как выглядит, да как она могла у вас оказаться, да и вообще вы недавно уборку делали и посторонних вещей в квартире не находили... Ясно? Если позвонит Мальвина — то же самое!

Словом, прокачайте их основательно! Имейте в виду, кто раньше из этой родственной парочки проявит заинтересованность в пленке — тому она и принадлежит или же — тому она и нужнее!.. Впрочем, может случиться, что атаки на вас будут предприняты с двух сторон — и Костей, и Мальвиной. Обоим отвечать одно и то же: «Не знаю, не встречала, если надо — поищу». Заодно спросите, а где искать-то? И отдадите кассету только после якобы тщательно предпринятых поисков. Договорились?

Да, вот еще что... Вы ни в коем случае не должны внешне изменить своего отношения ни к Косте, ни к Мальвине. Ни в коем случае! Скажу больше, кто-то из них двоих шпион, не исключено также, что работают оба в одной упряжке... Тогда они вдвоем — наши с вами противники. Которые однажды могут вас крупно подставить... Не будь у вас меня, разумеется... Но это — так, уже из области лирики... Запомните, ваша осведомленность об их истинном статусе на ваших отношениях не должна сказаться! Ибо вы подведете не только меня, но и себя тоже... Держите меня в курсе самых мельчайших деталей. Все ясно? Ну, тогда два поручения.

Первое. Если позвонит Мальвина, сошлитесь на краткость ее пребывания у вас в гостях и постарайтесь поговорить с нею по душам. Разговорите ее! И между прочим, нахваливая ее братца, ну, там, какой взрослый, какой красивый, мол, весь в сестру, постарайтесь выяснить, где он работает или чем сейчас занимается... Ваш интерес оправдан и естествен: вы же — земляки, да и учились с ним в одном классе... Без

всякой навязчивости, но с упреком в голосе, скажите: «А Костя тоже хорош. Ну, хоть позвонил бы когда-нибудь, что ли! А то, мол, живем в одном городе, а друг с другом почему-то не общаемся. Не так уж много майкопчан в Москве, да еще и одноклассников, чтобы ими так бездумно разбрасываться». Словом, побольше сожаления, грусти и лирики в голосе... У вас это получится, я уверен, вы ведь во ВГИКе учились...

Второе. Если позвонит, а затем приедет за кассетой Костя, то же самое скажите ему. Опять же постарайтесь узнать, чем он сейчас занимается. Это можно сделать под предлогом поиска работы для себя... Если он не будет расположен вести беседу или же будет торопиться, не задерживайте. Обменяйтесь телефонами, попросите хоть изредка звонить. Вы — сама доброжелательность, гостеприимная и ненавязчивая хозяйка. Идет?

И, наконец, самое главное. Вот вам переговорное устройство. Вы у нас заядлая курильщица, поэтому мои ребята закамуфлировали рацию под зажигалку. Как только Костя покинет квартиру, щелкните зажигалкой, поднесите к губам и передайте моим ребятам, как он выглядит, в чем одет, есть ли при нем какие-то вещи, ну, плащ, сумка, какого они цвета. Ясно? Не бойтесь, огня не будет — кремня в зажигалке нет. Раздастся только шипение, как если бы оттуда шел газ... Его там, кстати, тоже нет... Заодно спросите у того, кто вам ответит, принята ли ваша информация. Чтобы услышать ответ, щелкните зажигалкой еще раз. Вот и вся премудрость!

Умолчал генерал лишь об одном. О том, что с этого дня домашний телефон Валентины будет находиться под круглосуточным контролем, то есть на «прослушке». Зачем обременять «ласточку» лишними заботами? Вдруг еще подумает, что ей не доверяют...

* * *

Не успел Маслов перешагнуть порог собственного кабинета, вернувшись с экстренной встречи с Распутиной, как дежурный доложил, что в приемной его дожидается некто подполковник Козаченко, прибывший из Майкопа.

— Пусть поднимается ко мне...

— Здравия желаю, това... — начал было Козаченко, войдя в начальственный кабинет. Маслов остановил его:

— Мы — коллеги, так что давайте без званий, а по имени-отчеству. Не возражаете?

— Никак нет, Леонид Иосифович! — заулыбался Козаченко.

— Ну что ж, для начала неплохо... Подчиненный знает больше, чем его вышестоящее начальство... Успел, значит, подагентурить дежурного, узнал, как меня зовут. Ну, а вас?

— Олег Юрьевич...

— Присаживайтесь, Олег Юрьевич, разговор, похоже, будет долгий... Я только что со встречи с агентессой, она долгое время ходила в подругах у нашей общей знакомой Мальвины Савари-Вишня... Шпионажем, доложу я вам, занялась Савари, перебравшись во Францию. Кто ее операторы, из французского ли Главного управления национальной безопасности, или из другой епархии, еще предстоит выяснить. Но сегодня сомнений в том, что она связана и работает на какую-то иностранную спецслужбу, у меня лично нет! Не останется их и у вас, когда вы посмотрите вот это! — С этими словами Маслов вынул из сейфа конверт и веером рассыпал на столе перед Козаченко фотографии.

— Это — фотоснимки технических характеристик образцов нашего оружия, которое мы поставляем в Ирак... Фотопленку Савари получила от своего контакта здесь, в Союзе, и везла ее своим хозяевам... Но забыла ее в квартире моей «ласточки»... Подробности ее забывчивости я пока опущу, они принципиального значения не имеют. Мы сейчас с вами попытаемся установить, кто передал ей пленку, думаю, это нам с вами по плечу... Как считаете, Олег Юрьевич? — И, не дожидаясь ответа, генерал продолжил. — Есть основания подозревать, что пленку она получила от своего брата...

— От Константина Вишни? — не удержался Козаченко.

Маслов всем корпусом откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на Олега.

— Какова прыть! Надо же... Не ожидал, не ожидал... Оказывается, не все горемыки там, у вас в Майкопе. Неплохо, совсем неплохо! А что вам еще о нем известно?

— Известно, что тесть Вишни, генерал-майор, начальник управления Генштаба МО СССР, которое ведает поставками советского вооружения в арабские страны...

— Так-так... Кто источник, насколько надежна эта информация?

— Источник — житель Майкопа, некто Пороховщиков... Одно время он с Константином Вишней даже состоял в приятельских отношениях, так как, несмотря на разницу в возрасте, они вместе проходили срочную службу в ВМФ, ходили на одной атомной подлодке. В настоящее время Пороховщиков эпизодически поддерживает отношения с Вишней, вхож в его семью и семью его матери, проживающей в Майкопе... Я установил с

Пороховщиковым доверительные отношения после того, как, во-первых, выяснил, что он в свое время учился в одном классе с Мальвиной Савари, а во-вторых, потому что он со 2 по 8 июля в составе тургруппы должен находиться во Франции...

— А почему вы разыскивали одноклассников Савари?

— Начну с самого начала, Леонид Иосифович. Меня очень насторожил способ ухода «Жакетов» от «наружки»... Я заподозрил, что перед приездом в Майкоп военные дипломаты прошли основательный инструктаж и были досконально осведомлены о «мертвых зонах» в черте города, где можно оторваться от «хвоста». Я предположил, что некто из числа жителей Майкопа, выезжавших во Францию, заранее помог военным разведчикам разобраться в хитросплетениях города... Через областной ОВИР я вышел на Савари-Вишню, далее — на Пороховщикова... Дело техники, не более того...

Кстати, я захватил с собой копию справки по результатам изучения Мальвины Савари, в то время она еще значилась под фамилией Вишня... А также ее майкопских связей, в том числе брата, Константина...

— Послушайте, Олег Юрьевич! — воскликнул Маслов, которому Козаченко, этот стройный, высокий, русоволосый витязь из захолустья, все более внушал симпатию, — у вас что, все там такие ушлые в Майкопе? Кроме вашего горемыки и «особняков», которые следы своих промахов спешат упрятать в архивы? Кстати, позже вы мне расскажете о деле оперативной разработки «Страница». Мне оно почему-то не дает покоя...

Олег, не зная, как ответить на откровенную похвалу, смутился и лишь пожал плечами. В это время раздался зуммер рации — аппарата связи с разведчиками наружного наблюдения. Генерал щелкнул тумблером:

— Первый слушает!

— Первый! Говорит Седьмой. У нас тут конфуз приключился... Распутина, видимо, разволновалась и не смогла вовремя совладать с зажигалкой... Короче, когда она вышла на связь, было уже поздно — объект успел не только выйти из подъезда, но и скрыться... Скорее всего он воспользовался личным автотранспортом, потому что мы сразу же сделали несколько кругов, уделяя особое внимание автобусным и троллейбусным остановкам... Граждан, чья внешность соответствует полученному нами описанию, там обнаружено не было... Словом, осечка вышла... Распутина чуть не плачет, мы уж ее успокоили, как смогли...

— А теперь ты меня успокаиваешь, Седьмой? Сам вижу, что осечка! На сегодня всем отбой! — прорычал в рацию генерал, но, подняв взгляд на Козаченко, будто что-то вспомнил и уже спокойно добавил:

— Отставить, Седьмой! Выйди на связь минут через двадцать — есть некоторые соображения... Все, конец связи!.. И чего это я вдруг разволновался?! — Маслов выжидательно посмотрел на Олега. — У нас же теперь есть подполковник Козаченко, а у него — палочка-выручалочка по фамилии Пороховников... — Маслов лукаво подмигнул Олегу.

— Пороховщиков, Леонид Иосифович...

— Ну да, конечно, Пороховщиков!.. Олег Юрьевич, а ты можешь с ним немедленно, прямо от меня, связаться по телефону, чтобы узнать у него адрес Константина Вишни?

— Без проблем! Но...

Олег в нерешительности посмотрел на Маслова.

— Может, есть смысл разыскать в Генштабе Костина тестя, да поговорить с ним... Если надо, то и предупредить о том, чем занимается его зятек... Генерал он или кто? Начальник управления Генштаба — это ж какая величина и какая ответственность! Должен же он знать, в конце концов, что за змею пригрел в своей семье...

Маслов, кивая в такт словам Козаченко, молча слушал. Вклинился в рассуждения Олега при первой же паузе:

— А ты, Олег Юрьевич — прости, что перешел на ты — не допускаешь такого расклада, что Костя всего лишь подпасок, передаточное звено, связник, а главное действующее лицо — его тесть, генерал, начальник управления, работает на иностранную разведку, а?! И документация, которую он ему из Генштаба приволок, переснята по его личному заданию для передачи за кордон? Можем мы рассматривать в качестве рабочей такую версию или ты против?!..

Мы уже, кстати, имели один такой печальный опыт с генерал-лейтенантом Главного разведывательного управления, господином Поляковым... Не слышал о таком? А, ну-да, конечно! Ориентировка о его измене была распространена только в Центральном аппарате КГБ, и только среди начальствующего состава... Впрочем, скоро обзор по факту этого предательства будет доведен до всего оперативного состава КГБ... А ты пока послушай, а потом мне о СТРАНИЦЕ расскажешь...

Глава 8

РЕКОРДНЫЙ ЗАБЕГ «КРОТА»

— Что бы там тебе в последующем не довелось услышать о причинах и мотивах, из-за которых Поляков стал изменником, знай одно: побудительным мотивом, толкнувшим генерал-лейтенанта Главного разведывательного управления Генштаба МО СССР Дмитрия Федоровича Полякова в объятия американских вербовщиков из ЦРУ, была месть. Месть за погибшего младенца-сына. Причины же, с его слов, лежали много глубже, и представляли они собой отрицание политики, проводимой Хрущевым, и якобы возмущение поведением этим горе-деятелем идеалов сталинских времен...

...Осенью 1961 года, когда Поляков прибыл на работу в нью-йоркскую резидентуру ГРУ, в Соединенных Штатах свирепствовала эпидемия гриппа. Его полугодовалый сын простудился, получил осложнение на сердце, спасти его могла только срочная операция. Поляков попросил руководство резидентуры оказать материальную помощь, чтобы прооперировать сына в нью-йоркской клинике, но ГРУ ответило отказом, и младенец умер.

Этим не преминули воспользоваться «охотники за скальпами» из ЦРУ, буквально на следующий день сделавшие озверевшему от горя и отчаяния разведчику предложение о сотрудничестве. Поляков принял его безоговорочно.

Восемнадцать лет Топхэт (оперативная кличка, присвоенная американцами Полякову) таскал «каштаны из огня» для Соединенных Штатов. Американцы считали Полякова одним из своих самых продуктивных шпионов. В недрах ЦРУ для анализа материалов, поступавших от него, даже было создано специальное подразделение, едва успевавшее их обрабатывать. Советский Союз понес ущерб в десятки миллионов долларов.

Во время войны во Вьетнаме Поляков предоставил США информацию, имевшую стратегическое значение, о численности, структуре и возможностях северо-вьетнамских войск. В начале 70-х он сообщил своим заокеанским хозяевам, что Китай находится на грани прекращения военно-экономического сотрудничества с Советским Союзом. Эти сведения помогли Соединенным Штатам «прорубить окно» в Китай. Президент США Никсон и его помощник по безопасности Киссинджер тут же вылетели туда с государственным визитом.

Топхэт передал ЦРУ более 100 засекреченных выпусков журнала «Военная мысль», в которых излагались стратегия, тактика и планы нашего верховного командования. Он поставил американцам тысячи страниц документов, в которых были даны технические характеристики нашего самого секретного оружия.

Работая в резидентурах ГРУ в Бирме, Индии, в Центральном аппарате Генштаба, в Военно-дипломатической академии Советской Армии, «крот» раскрыл своим американским хозяевам принадлежность к внешней и военной разведке около 1500 советских офицеров и около двухсот агентов из числа иностранных граждан.

За эти годы Поляков помог ЦРУ разоблачить семь наших «котов», сотрудников спецслужб Великобритании и США, работавших в пользу СССР. И до сих пор американцы особо гордятся так называемым «британским делом». Несмотря на то, что оно было закрыто в конце 60-х, в США вот уже почти 20 лет спустя не смолкают разговоры о том, как красиво оно тогда было проведено. Поляков передал ЦРУ копии, сделанные нашим британским «кротом» с фотографий, которые тот, в свою очередь, переснял с секретных документов, описывающих системы управляемых ракет, состоявших на вооружении армии США. Изучив снимки Топхэта, в ЦРУ проследили путь этих документов и выяснили, на каком этапе они попали в руки нашего агента. ЦРУ вышло на отдел управляемых ракет британского министерства авиации. Там и работал наш человек — Фрэнк Боссарт. Его арестовали и приговорили к 21 году тюремного заключения.

Уже будучи на пенсии, Поляков в 70-х годах помог американской контрразведке, ФБР, раскрыть 19 наших разведчиков-нелегалов, заброшенных в США на оседание под видом иммигрантов и уже сумевших устроиться на работу в американские госучреждения. Этому способствовала не дьявольская всепроникаемость Полякова, а косность, черт побери, нашей советской партийно-бюрократической системы!..

При этих словах Маслов, неожиданно для Козаченко, грохнул кулаком по столу. Сделав глоток чаю из стоявшего на тумбочке стакана и уже внешне успокоившись, продолжил:

— Выйдя в 1981 году в отставку, Поляков продолжал работать в Главном разведывательном управлении освобожденным секретарем парткома. Убывшие в длительные заграничные командировки разведчики-нелегалы оставались на партийном учете по прежнему месту работы, то есть косвенно были подотчетны предателю. Ну, там, учетные карточки, партвзносы, вопросы отсутствия на партсобраниях и тому подобное. Так что вычислить их как нелегалов для изменника, имевшего к тому же опыт

разведывательной работы, труда не составляло. Остальное — дело техники: сигнал своим работодателям в Штаты, и наши парни, на подготовку которых были затрачены многие годы и мешки денег, попросту «сгорели»...

Этот псевдоотставной генерал был задержан бойцами «Альфы» на тихой улочке, когда он в парадном мундире при всех регалиях направлялся в Военно-дипломатическую академию, чтобы произнести напутственное слово очередным выпускникам, будущим военным разведчикам.

Какой фарс! Нет, не фарс — трагедия. Ведь через некоторое время досье на всех этих выпускников Топхэт передал бы в США своим хозяевам. И участь цвета нашего офицерства была бы решена в ЦРУ или ФБР... Вот тебе, Олег Юрьевич, и роль личности в истории! А мы тут пыжимся, о классовый борьбе рассуждаем, конспекты составляем для семинаров по марксистско-ленинской теории, а оказывается, все так просто... Завелся один предатель, и судьбы не то что сотен людей — судьбу огромной ядерной державы решает единолично... Н-да, чудны дела твои, господи...

— Вот так-то, Олег Юрьевич! — подытожил свой рассказ Маслов. — А ты предлагаешь поговорить с Костиным тестем, предупредить его. Мол, генерал, начальник управления. Ответственность, величина! Нет, милый мой, чужая семья — потемки. Не только для посторонних глаз. Думается, даже для самих членов этой самой конкретной семьи. Возвращаясь вновь к Полякову-Топхэту, должен тебе сказать, что два его старших сына также служили в ГРУ, были разведчиками... Хотя в ходе следствия данных, прямо или косвенно указывавших на то, что они имели отношение или содействовали своему отцу на его преступной стезе, выявлено не было...

— Что вы этим, Леонид Иосифович, хотите сказать?

— А то, что все равно после разоблачения их отца им пришлось уволиться из органов... Ты можешь представить себя на месте любого из их начальников? Я — нет! Да и какое может быть доверие к сыновьям Иуды?!

Кстати, бывший американский разведчик Пит Эрли в одной своей публикации утверждал, что Топхэт, уже будучи задержанным, потребовал доставить его на прием к Председателю КГБ СССР, которому якобы в беседе с глазу на глаз поставил условие: он чистосердечно рассказывает о своих «деяниях», а Комитет не преследует его семью.

Возьму на себя смелость утверждать, что версия Эрли — не более чем трогательная святочная сказка, а попросту — ерунда и досужий вымысел, ибо изменнику путь заказан везде, кроме, разумеется, следственного изолятора в Лефортове и расстрельной камеры...

Да и сам ультиматум Полякова смахивает на торг, что совершенно исключено между профессионалами. Спецслужбы торгуются, выручая лишь своих кадровых сотрудников. Предателей никто никогда не выручал и не пытается выручить. Дорога им одна — в тюрьму или на эшафот...

Примечательно, что на одном из допросов Топхэта сотрудники Следственного управления КГБ СССР Александр Духанин и Юрий Колесников поинтересовались, не жалко ли ему преданных им нелегалов, которых он сначала готовил на специальных курсах, а затем продал разведслужбам США? Знаешь, что он им ответил?

«В этом заключалась моя работа. Позвольте еще чашечку кофе?»

— Представь, Олег Юрьевич, какой обескураживающий цинизм... Но это он для нас выглядит таковым... Для людей, не растерявших веру в идеалы... Пусть даже они, эти идеалы, изначально ошибочны... Ладно, заканчиваю, ибо — это уже тема целой философской диссертации, не будем ее развивать. Я тебе в заключение, Олег Юрьевич, вот что хотел сказать. Казус генерала Полякова в истории отечественных спецслужб беспрецедентен во всех отношениях. Топхэт не только поставил своеобразный рекорд по длительности работы в пользу противника и по объему переданной им секретной информации. Его рекорд еще и в другом — все это время ему удавалось не попасть в поле зрения контрразведчиков, а это уже не просто минус нам, а нечто большее...

Глава 9

СТРАННИЦА

Маслов сложил руки на столе и углубился в размышления.

Олег, воспользовавшись паузой, попытался вывести генерала из его, как ему показалось, удрученного состояния:

— В сравнении с Топхэтом майкопская «Страница» — просто героиня, — бодро начал он. — Знаете, Леонид Иосифович, обучаясь на курсах руководящего состава КГБ СССР, я...

— Ты и их успел окончить? — встрепенулся Маслов.

— Да, было дело... Так вот в качестве курсовой работы я разрабатывал тему предательства на всех уровнях нашей системы органов госбезопасности. Выслушав вас, понял, что тогда мне не хватало такого красноречивого примера, как казус генерала Полякова... Но, в общем, речь сейчас о другом, вернее, о другой — о «Странице»...

Я почему начал с того, что она в сравнении с Поляковым — героиня. Потому что — и я в этом твердо убежден — самый жестокий и беспощадный враг не вызывает в нашем сознании того чувства омерзения, которое вызывает предатель, будь он генералом, министром или главой государства... А почему? Да потому, что откровенный враг не паразитирует на нашем доверии, как это происходит с предателями.

Одно из самых жестоких испытаний, которому нас подвергает жизнь и судьба — это испытание разочарованием. Даже физическая утрата, смерть близких не вызывает такого стресса, как обман, коварный, подлый обман со стороны человека, которому мы привыкли доверять. Именно привыкли, то есть не ждем от него подвоха... Ну, да ладно, оставим эту тему, ибо, как вы успели справедливо заметить, Леонид Иосифович, это — тема для целой философской диссертации. Словом — ближе к «Странице»!

Я проанализировал хронологию появления, приездов Савари в Майкоп после ее убытия на постоянное жительство во Францию и вот к какому интересному выводу пришел. Сопоставляя ее приезд в Майкоп по гостевой визе в 1980 году и появление через полгода в майкопском районе «Страницы» в облике зубного врача, я пришел к выводу, что два этих события связаны между собой. Более того, они просто не могут не иметь взаимосвязи.

Исходил я из хрестоматийной для всех наших контрразведчиков истины, что Главное управление национальной безопасности Франции, так

же как и все остальные контрразведывательные органы стран главного противника: США, Англии, Японии и т. д., не могут пройти мимо такой фигуры, как Савари. Известно же, что в этих странах все выходцы из Советского Союза, уезжающие на постоянное жительство на Запад, подвергаются дотошному и многократному опросу, вплоть до проверки на детекторе лжи. Уверен, что изнурительным опросам подвергалась и Савари. Хотя бы по одной простой причине — она бывшая жительница города, категорически закрытого для посещения иностранцев. Сам по себе этот факт уже должен был сфокусировать на ней внимание спецслужб Франции. Вы согласны со мной, Леонид Иосифович?

— Вполне... Ты — на правильном пути... Продолжай!

— Основательно поработав с Савари-Вишней и получив от нее все, что только она могла в силу своей осведомленности выдать французам об особо режимном объекте, — площадке стратегических ракет, дислоцирующихся вблизи Майкопа, — они решили направить туда своего хорошо подготовленного разведчика. Думаю, что такое решение французы принимали не в одиночку. Скорее всего это была даже не их инициатива...

— Чья же?

— Полагаю, что за «Страницей» стояли даже не французы, вернее, не только французы, но прежде всего американцы...

— Так, теорию я уже выслушал, теперь давай, Олег Юрьевич, перейдем к фактической стороне дела...

— А факты, Леонид Иосифович, они до примитива просты... Как и должно быть у настоящих профессионалов. Это ведь не только в искусстве — «все гениальное — просто». В механике, в кибернетике, в разведке мы наблюдаем тот же принцип, ту же тенденцию: «Чем проще — тем надежнее, тем гениальнее»...

Короче, где-то через полгода после посещения Савари своей матушки в Майкопе, в поселке Красногвардейском, что на пол пути от города до особо режимного объекта, появляется яркая, красивая молодая женщина. Но не просто женщина — зубной врач. Можете себе представить, в каком дефиците специалисты этого профиля в богом и властью забытых заповедниках типа Майкопа и его окрестностей!

Местный исполком немедленно предоставляет ей помещение под зубокабинет, ведь страждущих — пруд пруди. Сначала «Страница» в медицинской помощи не отказывает никому, но постепенно ее клиентов из числа гражданских лиц вытесняют военнослужащие — молодые офицеры, бывшие курсанты училищ ракетных войск, которые по распределению или по разнарядке попали в майкопский регион для

прохождения службы на особо режимном объекте...

Дальше — больше. «Странница» полностью переключается на обслуживание указанного контингента. Единственным исключением являются представители местной власти и сотрудники милиции. Все! Недолго музыка играла. Опять все гражданские лица вновь выстраиваются в очереди в поликлиниках Майкопа, ибо попасть к красавице-доктору просто невозможно...

Через некоторое время в «Странницу» влюбляется красавец лейтенант, замкомандира ракетного дивизиона Василий Комаров. Ну, дело молодое, вы ж понимаете. Жениться даже задумал, предложение сделал. Несмотря на то, что она по документам на девять лет старше. Она вроде тоже не против, но... Ни окончательного «да», ни бесповоротного «нет» не высказывает. Показалось ему, что она вроде как забавляется с ним или проверяет прочность его чувств. Кроме того, были у него подозрения, что она трудится на двух фронтах одновременно: принимает и его, и в то же время не отказывает некому чину из майкопского городского УВД. Однажды Вася даже встретился нос к носу с этим чином, когда тот глубокой ночью в изрядном подпитии покидал гостеприимное жилище зубного врача...

Было выяснение отношений, чуть было не кончившееся рукоприкладством, но милиционер был при оружии и пригрозил пристрелить горе-жениха, если тот не утихомирит свою ревность. Свое же появление среди ночи у аппетитной врачихи он объяснил просто: допрашивая задержанного злоумышленника, он якобы настолько вошел в раж, что схватил стул и замахнулся им на задержанного, но нечаянно угодил стулом самому себе в челюсть. Пришлось срочно обращаться за медицинской помощью, благо «Странница» служивым не отказывала ни днем, ни ночью...

На том и разошлись, хотя объяснения мента Васю до конца не убедили...

Между тем отношения «Странницы» с лейтенантом развивались где-то уже около трех месяцев, после чего она ему и говорит:

«Знаешь, Васенька, влюбилась я в тебя и готова с радостью принять твое предложение, но посмотри ты на нас с тобой — голь мы перекатная. Ну, поженимся, ну детишки пойдут, а жить-то на что?! Надо ведь какую-то материальную базу сначала создать...»

«Ну, о какой базе ты говоришь? — отвечает ей Вася. — Мне вон скоро звание старшего лейтенанта должны присвоить, жалование повысят, а если что — мои родители нам помогут!»

«Нет! — отвечает красавица-невеста. — Не привыкла я на чужую

подать рассчитывать. Привыкла только на собственные силы полагаться... А тут вот, кстати, мне местные цыгане предлагают приобрести целую партию золотых ювелирных изделий, которые я потом могу с прибылью для нас реализовать, изготовив из них золотые коронки. Только вот доверия у меня к этим цыганам нет. Наверняка ведь обманут, вместо золота латунь либо сплав какой подсунут. Ты бы мне, милый, принес с работы немного кислоты, которой ракеты заправляются. А я с ее помощью золотишко, что мне цыгане сватают, и проверила бы...»

«Так это мы в одночасье спроворим... Сколько кислоты той надо-то?»

«А сколько не жалко, хоть поллитровку, хоть банку трехлитровую, все возьму... Поди, не последний раз золото предлагают. Что ж мне каждый раз кому-то в ноги кланяться, у кого-то кислоту выпрашивать? Ты уж постарайся всего один разок, чтоб больше забот не было. И заживем на славу. Денег будет у нас — тьма!»

«Хорошо, завтра утром, после дежурства, доставлю требуемое количество, тем более что я сегодня вечером в наряд заступаю, вот и отолью сколько надо нам для счастья!»

«Странница», как потом выяснилось, была женщиной неумной сексуальной энергии, поэтому, спровадив Васю на выполнение задания, тут же позвонила своему чину из майкопского УВД. Тот с радостью откликнулся на приглашение, пообещав прибыть по окончании смены. Но задержался.

Мрачным он вошел в пропахший лекарствами ковчег «Странницы», где в одном помещении — и зубоврачебный кабинет, и кухня, и спальня с гостиной располагались. С порога объявил своей пассии, что ее жениху, Васе пришел амбец, поскольку его контрразведчики из особого отдела майкопского гарнизона «замели» — взяли с поличным, когда он из совершенно секретного и потому категорически неприкасаемого резервуара отцеживал в трехлитровую банку окислитель для запуска ракет стратегического назначения.

«Все, казалось бы, знаю и видел, — ковыряя в зубах и сытно отрывивая, произнес милицейский чин после того, как «Странница» накормила его ужином, — но чтобы ракетное топливо вместо водки употреблять — встречаю впервые... Это пойло выпьешь, так не только что где-нибудь в Токио приземлишься — на том свете окажешься! И чего это его, дурня, твоего жениха Васю, повело на окислитель? А может, водка его уже не берет, вот и решил он попробовать чего-нибудь позабористее... Ты уж к нему присмотришь — алкоголик он, не иначе...»

«А откуда вам известно, что Вася окислитель употребляет?» —

невзначай спросила «Страница».

«А кому ж, как не мне, про это знать? — удивился мент. — «Особисты» своей камерой предварительного заключения обзавестись еще не успели, или денег у них на это нет, или некогда этим заниматься, вот и доставили твоего Васю ко мне в околоток... Работают там с ним сейчас два майора из военной контрразведки... Только крепкий он орешек — на все вопросы отвечает одно: хотел попробовать, правду ли люди говорят, что ракетное топливо крепче водки... Короче, не сознается, что работал по заданию вражеской разведки... А «особисты» как раз на это и дают... Но ничего, те майоры — ребята крепкие, к утру расколют твоего Васю, помяни мои слова...»

— Я вам, Леонид Иосифович, вот что скажу. «Страница» те слова не то что помянула, она их восприняла как руководство к действию. Лаской обволокла ментовского начальника, напоила, не забыв снотворное в водку подмешать, уложила у себя спать, чего, кстати, раньше никогда не делала, а наутро ее и след простыл... И поныне ищут, фотографии показывают всем вновь приходящим в органы новоиспеченным операм, да толку-то... Давно уж нет ее в Союзе! Только вот кому это докажешь?!

— Олег Юрьевич, прости, что перебиваю твое живописание, хотя, думаю, один вопрос задать обязан... Почему ты все время повторяешь «Страница», «Страница»?.. У нее что? Анкетные данные отсутствовали?

— Да в том-то все и дело, Леонид Иосифович, что все те анкетные данные, которые она приобретала по пути следования к своей цели, к майкопскому особо режимному объекту, на поверку оказались «липой», принадлежали другим людям...

— То есть?

— Но это — уже отдельная песня... Дело Майкопский горотдел КГБ у «особняков» забрал в свое производство, и начали мы искать, откуда же к нам пожаловала эта красавица зубной врач... Сразу скажу — дошли мы только до Херсона, там следы ее теряются...

В общем, так. В Майкопский район, в поселок Красногвардейский, она прибыла из города Николаева, имея на руках паспорт на имя Василенко Оксаны Гавриловны. Проверили ее по Николаеву. Оказалось, что паспорт с указанными анкетными данными был выписан и принадлежал скоропостижно скончавшейся от ураганного рака легких медсестре областной больницы...

«Страница» и покойная внешне были отдаленно схожи, так что объекту даже переклеивать фотографию в паспорте не пришлось... Но как паспорт оказался в руках злоумышленницы? Вот в чем вопрос!

— То есть — не злоумышленницы, а шпионки-нелегалки, выражаясь нашим языком! — нетерпеливо отреагировал Маслов.

— Не могу с вами согласиться, товарищ генерал-майор... Не шпионки на тот момент, а все-таки злоумышленницы, ведь никто к уголовной ответственности ее не привлекал, и судима она не была, так что я не вправе назвать ее шпионкой... Хотя по существу я с вами согласен!

— Ну продолжай, ортодокс!

— Выяснилась интереснейшая подробность. Незадолго до кончины Василенко в городской ЗАГС Николаева на должность делопроизводителя устроилась некто Порохня Лилия Григорьевна.

Поиски продолжили. И вы знаете, открылись такие заоблачные перспективы, что позволяют мне без вынесения судебного вердикта по поводу этой Василенко-Порохня согласиться с вашим определением: мы встретились с живым разведчиком-нелегалом в женском облике. Я подчеркиваю — в женском, ибо, когда говорят о разведчиках-нелегалах, по традиции имеют в виду почему-то мужчин... Ан нет!

— Так-так, не отвлекайся, Олег Юрьевич! Как паспорт Василенко попал к Порохне Лилии Григорьевне?

— Да очень просто... В круг служебных обязанностей Лилии Порохня входило составление актов и уничтожение паспортов умерших людей, вот она и присмотрела себе паспорт Василенко... Тем более, что «Страница» имела среднее медицинское образование, владела навыками зубо врачевания, поэтому вполне могла сойти за покойную... Сразу вся схема стала ясна, понятно стало, что дальше искать — только время терять, но тем не менее...

Словом, судя по всему, готовили ее там, откуда она к нам пожаловала, основательно...

По мнению лиц, бывших пациентов «Страницы», опрошенных в поселке Красногвардейском, работу свою она делала «на высшем уровне», то есть придраться было не к чему. Рекламаций, во всяком случае, не было ни от кого!

— Ну, а объективные данные, свидетельствующие о том, что она, эта «Василенко-Порохня», агент-нелегал, были все-таки получены?

— Пожалуй, основным доказательством ее принадлежности к спецслужбам противника явились три обстоятельства.

Первое. Она послала добыть строго засекреченный окислитель своего жениха Васю. Окислитель, который, как вы помните, в то время весьма интересовал спецслужбы главного противника. Ведь по его химическому составу специалистам легко было определить класс ракет, им

заправляемых: оперативно-тактического или стратегического они назначения...

Второе. Ее знание английского языка...

— Это что-то новое! — заерзал в кресле Маслов.

— Да-да, накануне ее прибытия в город Николаев она, оказывается, некоторое время преподавала английский язык в одной сельской школе в селе Цапотеньки Николаевской области... Ну вы ж понимаете, кто пойдет в такую глушь, в тьму-таракань, преподавать, заметьте, не математику, не украинский, а английский язык!

Очевидно, что после заброски в Союз ей надо было пройти минимальную натурализацию... Пообвыкнуться, вжиться в среду, присмотреться, чтобы спокойнее выдавать себя за уроженку Украины. Украинский язык она знала блестяще, как, впрочем, и русский... Кроме того, ей же надо было обзавестись настоящими документами, сменив те, что были изготовлены в штаб-квартире ЦРУ, свидетельство о рождении, паспорт, трудовую книжку... Ну, и характеристики получить с мест работы, без них-то куда податься в нашей стране!

Кстати, выяснилось, что в Лэнгли, как это ни покажется странным, не умеют фабриковать комсомольские билеты — во всех анкетах Страница аккуратно указывала, что в рядах ВЛКСМ не состояла... А может, просто осторожничали, ведь комсомольские билеты — документы строгой отчетности, мало ли, устроят проверку, когда и где вступала, кто рекомендовал и так далее... В общем, комсомольского билета у нашего объекта не было...

— Если верна твоя версия, значит, ее подвербовали в украинской диаспоре Канады или США, в среде бывших выходцев с Западной Украины... Ну, а Вася?

— Вася — он и есть третье обстоятельство, указывающее, что его люба — агент иностранной разведки...

Когда майоры-особисты не добились от него признаний, на которые они рассчитывали, и вынуждены были его отпустить, он первым делом рванул к «Странице»... Разумеется, за ним следили... Без нашей помощи, неумело, но следили...

Уразумев в конце концов (кстати, и не без помощи вопросов, которые ему задавали военные контрразведчики), что его невеста «сделала ноги» и он с нею больше никогда не увидится, он сам пришел в особый отдел военной контрразведки майкопского гарнизона и обо всем рассказал...

Больше всего Василия Комарова возмутил тот факт, что «Страница» за все время их знакомства наотрез отказывалась познакомить его со

своими родителями, даже фотографий их не имела... Знать бы ему, что это — наипервейшие признаки, по которым мы вычисляем разведчиков-нелегалов, заброшенных к нам в Союз... Вот и вся, собственно, история, товарищ генерал-майор...

— Но это же вопиющий случай! — второй раз за время общения с Козаченко Маслов позволил себе грохнуть по столу кулаком. — Надо было объявить «Страницу» во всесоюзный розыск, разослать ориентировки по всем органам, наконец, поставить в известность Центр!.. А вы что сделали? Сдали дело в архив! Да этих горе-разработчиков из Особого отдела КГБ судить мало! Мы тут во Втором главке на мелком сите просеиваем каждого лилипута-иностранца, а вы, оказывается, роскошествуете! Вам уже и акула — не рыба! Черт его знает, что творится в контрразведке!

— Вы знаете, Леонид Иосифович, начальство «особняков», да и руководство управления КГБ по Краснодарскому краю в лице генерала Даниленко скорее всего поняли сразу, что «Страница» — разведчик-нелегал и, будучи разоблаченной, она должна сразу исчезнуть — быть вывезенной своими хозяевами из СССР. Поэтому зачем лишний шум и ажиотаж? Зачем рассылать ориентировки, коль скоро все равно уже некого искать? Поезд ведь ушел!

Кроме того, думается, что свои оперативные огрехи и неудачи никому не хочется выставлять напоказ... Потому-то дело оперативной разработки «Страница» тихо и благополучно закончило свой недолгий век в архиве...

А вы бы, кстати, что сделали на месте генерала Даниленко и его коллег из военной контрразведки? Раструбили бы на весь Союз о своей некомпетентности и неспособности взять нелегала? Да такого, простите за откровенность, в нашей системе не бывает! А уж тем более у начальника управления КГБ СССР по Краснодарскому краю генерал-майора Даниленко Григория Ивановича...

Уж кому-кому, а мне доподлинно известно, как он печется о своем имидже и своем служебном росте...

В Краснодаре проживают родители жены Горбачева Михаила Сергеевича, нынешнего первого секретаря Ставропольского обкома... С тех пор, как его стал привечать Юрий Владимирович Андропов, у Даниленко больших забот, чем опека родителей жены Горбачева, просто не существует!

Из подчиненных в оперативном плане территорий генералу Даниленко, из Сочи, Туапсе, из Белореченска, семье Титаренко постоянно неиссякаемой рекой круглый год поставляются свежие помидоры, огурцы, клубника... даже петрушка и укроп. Стоит родителям Раисы Максимовны

отправиться куда-нибудь в поездку, генерал Даниленко тут же формирует оперативную группу для их сопровождения-охраны, будто они — члены Политбюро! Но деньги на командировочные для этой опергруппы он берет, разумеется, не из собственного кармана — из государственного...

Надо сказать, что при всем при том, он еще и жмот, каких поискать! Однажды узнав, что я, старший опер Козаченко, за владение тремя иностранными языками, получаю такую же надбавку к жалованью, как и он за один немецкий, дал указание устроить мне экзамены с пристрастием, чтобы, значит, выяснить, не задарма ли мне деньги выплачиваются! Какая мелочность, Леонид Иосифович, для начальника управления... Вам, возможно, в это трудно поверить, но это — так!..

Я, будь моя воля, немедленно проверил бы его знание немецкого языка... Здесь, в Москве. У неподкупных преподавателей Высшей школы КГБ, где я сдаю экзамены... Ведь то, что он был начальником особого отдела в одном из многочисленных советских гарнизонов в ГДР и может после пребывания там сказать «Гутен морген!» или «Гутен таг!» не означает, что он в должной мере владеет немецким...

Но сие — невозможно. Он, видите ли, в силу своей занятости по службе вынужден вызывать экзаменатора в Краснодар из Москвы... После чего следуют многочисленные взятки. Если вы думаете, что они, взятки, даются деньгами или борзыми щенками, то ошибаетесь, они даются... книгами! Коробками книг! Ведь что сейчас в дефиците? Правильно, кроме прочего, книги. Вот прямо у трапа самолета экзаменатору и вручаются коробки с книгами... в качестве аванса. Остальное — потом...

Особо приближенные к Даниленко лица так объясняют экзаменатору генеральскую заботу:

«Вы, Мариванна, потом разберетесь, что в них, в коробках... Боже упаси вас думать, что это нечто из ряда вон выходящее! Просто Краснодарское книжное издательство перевыполнило план, а излишки не находят реализации на местном рынке, ну забитый у нас народ, в земле привык ковыряться, чтоб на рынке заработать, поэтому ничего не читает — отсюда и излишки...»

А в «излишках» приехавший экзаменатор вдруг обнаруживает то, что в Москве на черном рынке стоит бешеных денег: Пикуль, Юлиан Семенов, сборники иностранных детективов...

Кстати, увлекшись заботой о семье родственников жены Горбачева, генерал Даниленко даже работу над своими книгами забросил...

— Что это у него за свои книги? Он что — вторым Цвигуном захотел стать?

— Да, пописывает что-то там Даниленко... То ли воспоминания, то ли мемуары пишет... Хотя для оперсостава управления секретом не является, что книги ему пишет председатель Краснодарского отделения Союза писателей РСФСР Анатолий Знаменский...

Даниленко с ним расплачивается по-своему. Будучи не только начальником Краснодарского управления КГБ, но и членом бюро Краснодарского крайкома партии, он много что может... В его руках сосредоточена огромная власть...

Например, в знак благодарности за написание ему книг на псевдочекистскую тематику, а по существу — личной биографии, он может тому же «литературному негру», коим для него является Анатолий Знаменский, который-то фактически и пишет книги, выделить участок под дачу, снабдить его стройматериалами по государственным расценкам, наконец, содействовать в обход решения Краснодарского отделения Союза писателей внеочередной публикации собрания сочинений того же Знаменского... В общем, Даниленко многое может!..

Кроме того, публикация произведений под фамилией Даниленко дает гарантированный доход издательству «Советская Кубань»...

— Почему? — увлекшись темой, спросил Маслов.

— А просто, Леонид Иосифович! Книжки-то Даниленко расходятся моментально, независимо от их художественной ценности... Тут простая арифметика. Считайте сами... В Краснодарском управлении более 500 офицеров-агентуристов, у каждого из которых на связи не менее 20 агентов. У каждого агента — не менее 10–20 своих друзей-приятелей, ну мы же сами учим своих агентов расширять круг знакомых! Вот и получается, что первая книга Даниленко, «Бои местного значения», выпущенная издательством «Советская Кубань» тиражом в 100 тысяч экземпляров, разошлась в один день!

— Что-то уж слишком быстро! — Маслов недоверчиво покрутил головой. — У нас в Москве только Агата Кристи так быстро может исчезнуть с прилавков...

— Да нет же, Леонид Иосифович, в жизни все много проще. Сначала всем офицерам-агентуристам Краснодарского управления было вменено в обязанность разрекламировать книгу генерала Даниленко через своих агентов. Каждый оперработник порекомендовал каждому своему агенту приобрести книгу Даниленко.

Какой же агент откажется, ведь рекомендует не человек с улицы — а оператор!

Кроме того, Даниленко играл на тщеславии каждого агента. Как

рассуждает секретный агент Краснодарского управления? Просто:

«Я работаю на Краснодарское управление. Коль скоро мой оператор еще не успел разродиться книгой, то возьму книгу его шефа. Ведь по большому счету, шеф моего оператора — мой шеф... В память о годах сотрудничества надо взять его книгу!»

— И вы знаете, Леонид Иосифович, еще как брали!

На этом и был построен расчет генерала Даниленко.

Более того, через агентуру Краснодарского края были организованы хвалебные отзывы об этом псевдопроизведении, которые затем в письменном виде были направлены в издательство!

— А для чего потребовалось использовать агентуру в личных целях? — сурово спросил Маслов.

— Думаю, Леонид Иосифович, ларчик просто открывается: это делалось, чтобы увеличить тираж издания и получить за него дополнительные деньги... Потом генерал Даниленко разродился целым собранием сочинений... Ну, не он, понятное дело — Анатолий Знаменский, но тем не менее деньги они о-очень неплохие на пару поимели!

— Да, убедил ты меня, Козаченко! Я сейчас вот о чем думаю... Наверное, не уйди из жизни Цвигун, ваш краснодарский писатель генерал Даниленко вряд ли пустился бы в эту авантюру с написанием книг...

— Почему? — коротко спросил Козаченко.

— Да потому, что сгорел бы твой генерал Даниленко, как мотылек... При Цвигуне издание книг на чекистскую тематику являлось только его прерогативой, он был полновластный и монопольный хозяин этого рынка...

Н-да, черт-те что творится на местах...

Вот не попади ты в Москву в командировку, так и осталось бы все втуне... Нет, надо немедленно в Краснодар посылать инспекционную группу из управления кадров КГБ... Есть там один толковый генерал-майор... Неподкупный! Вартанов его фамилия, не слышал, Олег Юрьевич?

Увидев, что Маслов потянулся к телефону внутренней связи, Козаченко быстро сказал:

— Извините, Леонид Иосифович за откровенность, но Вартанов ничего там, в Краснодаре, не сделает...

— Почему такой пессимизм?

— Да лишь потому, что начальник управления кадров КГБ СССР, генерал-лейтенант Толкунов — лучший друг генерала Даниленко... Они подружились, когда Толкунов был еще начальником управления КГБ по Ставропольскому краю...

— Ну, мы еще посмотрим... У меня, в конце концов, прямой выход на

Юрия Владимировича! — Маслов вновь потянулся к телефону.

Во время короткого разговора Маслова с Толкуновым Олег просто сгорал от стыда. Ну надо же! Выплеснувшееся откровение может обернуться санкциями по отношению к его прямому начальнику, генералу Даниленко. Да черт с ним, с Даниленко! Олегу просто не хотелось быть в роли стукача...

— Извините, товарищ генерал-майор, — произнес Козаченко, когда Маслов положил трубку. — Знаете, Леонид Иосифович, я почувствовал, что меня занесло немного «не в ту степь»... Поймите, накипело, не сдержался... Если уж начистоту, то есть в вас нечто располагающее к откровенности, а впрочем, не знаю... Словом, извините за искренность!

— Вот за искренность никогда не следует просить прощения, Олег Юрьевич! Расплачиваться — да! Хоть на костре инквизиции... Но просить покаяния — никогда!.. Такие вот правдолюбцы по жизни, как ты, сначала ищут истину, а потом — работу... Это — известная истина...

Но ты тем дороже мне этим, правдолюб! Нужны мне в моей Службе такие вот парни, как ты... Потому, что я сам такой же... Правдолюб! Конечно, при всем том я знаю, кому, в какой мере и форме сказать правду...

Может, забрать тебя из майкопского захолустья?.. Иностранскими языками ты владеешь, это — первое условие при принятии на работу в мою Службу... Голова у тебя варит, и неплохо... Афган небось успел пройти, не так ли? Раз так, значит, еще и смел и надежен... Ну что тебе там делать, Козаченко, в твоём Майкопе? Или, может, дача, любовница держат, а?.. — Маслов лукаво взглянул на собеседника. — Попав в центральный аппарат — пообломаешься... Если, конечно, генерала Маслова будешь считать своим духовником... Знаешь, как говаривал один известный французский дипломат? К тебе это, кстати, тоже относится: «Высокие посты быстро научают высокий ум». Так что притрешься, не сомневаюсь...

Маслов полистал какие-то бумаги на столе.

— Должность бы тебе здесь подобрать, соответствующую твоему уму и знаниям... Ну, да ладно, к этому разговору у нас еще будет время вернуться!.. Поработаешь пока по Савари и ее московским связям, а там посмотрим... А вообще, подполковник! — будто вдруг опомнившись, повысил голос Маслов. — Вы зачем мне это все рассказывали? Про Даниленко, про книги, про клубнику для родителей Горбачевой? Для того чтобы ввести меня в курс оперативной обстановки, существующей в Краснодарском крае? Да я ее и без ваших комментариев отлично представляю... Как, впрочем, и в других регионах... Там — то же самое! Местничество, хозяйственное обрастание, амбиции удельных князьков —

начальников управлений — приобрели сегодня просто немыслимые размахи...

Чего стоит только пример начальника Кировского управления КГБ генерала Мохрачева... Это ж уму непостижимо!

Начальник управления связался с мафией по производству детского белья и пеленок! А все потому, что, видите ли, у него родилась внучка и он хотел ей сделать подарок. Взял он по дешевке двадцать комплектов пеленок, а директор под его заказ списал двадцать тысяч! Представляешь! Ну что ж, пришлось провести расследование, разумеется, келейное. Факты подтвердились. Но не снимать же генерала из-за его страсти к дармовым подгузникам, заслуги-то у него тоже какие-никакие были...

Впрочем, они у него наблюдались не столько на оперативном поприще на посту начальника управления, сколько на спортивной площадке, когда он в молодости входил в состав сборной команды волейболистов Российской Федерации — так и подбирали кадры в начальствующий состав КГБ СССР. Так что сила его была, в буквальном смысле слова, только в руках, но никак не в голове... Ну, тут ему как раз срок подошел на пенсию уходить. Отправили!

Маслов вдруг вспомнил свои недавние беседы с глазу на глаз с Андроповым, где в роли исповедующегося выступал не он, а Юрий Владимирович, Председатель...

— Ну и раззадорил ты меня, Олег Юрьевич, своими рассказами о «Странице». Впрочем, расскажу тебе еще один впечатляющий эпизод, как от нас, из Союза, американцы вывозят людей, в которых заинтересованы...

Считай, что «Страница» твоя навеяла мне воспоминания. Разговор длинный, располагайся поудобнее... Отставить! Олег Юрьевич, а звонок Пороховщикову?! А то мы все про бывших шпионов, да про бывших, а настоящие, они вроде подождут. Ни черта они ждать не будут! Короче, звони в Майкоп, и сразу сориентируем «наружку», а то ребята, поди, уже заждались. Давай в темпе, а то я уже настроился рассказать тебе об уникальном случае бегства за границу целой семьи изменника...

Глава 10

БЕЖАТЬ — ТАК ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

— Летом 1980 года в дежурных частях милиции Москвы и области появилась фотография — в розыск были объявлены Виктор и Ольга Шеймовы, а также их пятилетняя дочь Леночка, — начал неторопливо Маслов. — Чтобы стимулировать поиск пропавших, через нашу агентуру был распространен слух, будто глава семьи — очень ответственный работник центрального аппарата КГБ СССР. По факту исчезновения Шеймовых Следственным управлением КГБ было возбуждено уголовное дело... Да ты, Олег Юрьевич, сам наверняка комплект их фотографий в кармане носил...

— Нет, Леонид Иосифович, я в это время за душманами под Кабулом гонялся...

— А, ну тогда тебе вдвойне должно быть интересно послушать эту историю!

На самом деле все происходило так. 28 декабря того же года работники милиции 5-го отделения (Таганско-Краснопресненская линия) отдела по охране метрополитена ГУВД Мосгорисполкома на станции «Ждановская» задержали, а потом убили заместителя начальника секретариата КГБ СССР майора Афанасьева.

14 января 1981 года Прокуратурой СССР и сотрудниками Второго Главного управления КГБ СССР была реализована операция по задержанию и аресту подозреваемых, которые вскоре во всем признались. Вслед за этим нами была выдвинута версия о причастности обвиняемых к исчезновению семьи Шеймовых.

Тем временем милиционеры давали показания о многочисленных преступлениях, которые они совершили, с трудом припоминая детали содеянного. На одном из допросов заговорили и об убийстве какой-то семьи. Так, в рамках уголовного дела (Убийство на «Ждановской») стала проверяться версия об убийстве Шеймовых. Установить истину можно было, только обнаружив трупы. В распоряжение московской прокуратуры для поиска возможного места их захоронения в лесном массиве был выделен полк солдат, буривших скважины глубиной до полутора метров на расстоянии 2–3 метра друг от друга.

Несмотря на предпринятые усилия, версия об убийстве Шеймовых так и не нашла подтверждения...

Я лично знакомился с уголовным и личным делом майора Шеймова, поэтому причины его перерождения и измены знаю не понаслышке...

...В 1969 году Виктор Шеймов закончил училище имени Баумана и попал на работу в закрытый НИИ Министерства обороны, где занимался разработкой систем наводки ракет с космических спутников. Там к нему присмотрелись сотрудники КГБ и решили, что по всем параметрам он подходит для работы на более высоком уровне.

В 1971 году его взяли в суперсекретное Восьмое Главное управление КГБ, обеспечивающее функционирование и безопасность всей шифровальной связи Советского Союза, а также отвечающее за правительственные коммуникации внутри СССР и за рубежом.

Шеймов специализировался на защите шифровальной связи, в его обязанности входило обслуживание советских посольств и резидентур за границей: там, как известно, местные спецслужбы выбивались из сил, чтобы насовать «жучков» в советские представительства и, если повезет, проникнуть в сердце посольства — шифровальное помещение.

Работа в Восьмом главке высокооплачиваемая, престижная, не связанная с грязными вербовками, проведением обысков или просиживанием в засадах. Разумеется, туда тянулись талантливые научно-технические кадры, которых фильтровали, проверяя до четырнадцатого колена и собирая отзывы от друзей и недругов.

По прошествии периода адаптации сотрудники попадали в атмосферу важной для Родины работы, их щедро поощряли орденами за успехи, создавали условия для защиты кандидатских и докторских диссертаций, многие становились даже лауреатами Государственных премий.

Жизнь шифровальщиков тяжела не только из-за кропотливого изнурительного труда — давит секретность, особенно за границей, где они находятся под особым присмотром службы безопасности и следуют четким правилам поведения. Ведь чужие шифры — клад для любой разведки. Если перед спецслужбой стоит дилемма, кого вербовать: министра или шифровальщика, она предпочтет последнего. Министры приходят и уходят, а секреты криптографии остаются неизменными годами. Кроме того, шифровальщик может обеспечить доступ ко многим секретным коммуникациям и предоставить возможность преспокойно знакомиться со всеми перехваченными телеграммами.

Шеймов дослужился до должности начальника отдела, курирующего шифровальную связь наших посольств, выбился в заместители секретаря партийной организации. Несмотря на это, его постоянно угнетало чувство неудовлетворенности. Чувство, переходящее в отрицание всего

«совкового». Впоследствии в своих мемуарах Шеймов довольно подробно расскажет о причинах и мотивах своего бегства: тут и встречи с московскими диссидентами, и лицемерие начальства и вождей, и неудовлетворенность всем образом жизни, и желание не просто возмущаться строем, как многие, на кухне, а участвовать в его разгроме в глобальном масштабе, и пессимистический взгляд на будущее страны.

Как жить дальше? Приспосабливаться, делать свое дело, ожидая, что все переменится само собой? Попроситься в отставку и распрощаться с КГБ? Открыто выступить против режима, как Сахаров? Создать подпольную антикоммунистическую организацию? Покончить жизнь самоубийством?

Зная из первых рук возможности КГБ и трезво оценивая свои силы, прагматик Шеймов выбрал самый рациональный, хотя и весьма рискованный во всех отношениях вариант: бежать на Запад, причем с женой и маленькой дочкой. Материальная сторона дела его несколько не заботила: он знал, что и его семья, и даже его внуки будут обеспечены до конца дней своих тем, что он сможет продать своим новым хозяевам.

Вопрос был в том, как бежать?

За границу, даже в Болгарию, всей семьей не выпускали. Оставалось только одно: связаться с сильной разведкой, лучше с ЦРУ, заинтересовать ее и убедить организовать его вывоз. По телефону договориться о встрече? Исключено. Тут же заметут! Написать письмо? Перехватят и арестуют. Остается одно: войти в личный контакт с американцами! И судьба предоставляет ему такой шанс во время его второй служебной командировки в Польшу. Там он и предпринял бросок в американское посольство, где был принят с распростертыми объятиями. По возвращении в Москву Шеймов дважды встречался со связником, чтобы оговорить условия побега.

Во время второй встречи связник сообщил, что руководство ЦРУ и администрация президента США санкционировали организацию побега. От Шеймова требовалось лишь передать фотографии для документов и сообщить полные антропологические данные, свои и членов семьи, то есть жены и дочери. Точный рост, объем груди, вес, размер одежды и обуви. Заодно связник поинтересовался, как подопечный и его домочадцы переносят морскую качку. После этого вопроса Шеймову стало ясно, что за границу их будут нелегально транспортировать морским путем. Он тут же спросил об этом американца. Однако связник, не подтвердив, но и не опровергнув догадок, потребовал одного: ждать сигнала...

Вопрос, как будет реализован побег, Шеймова особо не заботил —

пусть голова болит у американцев. Единственное, о чем он предупредил связника, что вылет из Шереметьева-2 по фальшивым заграничным паспортам чреват провалом всего предприятия — в аэропорту могли оказаться сотрудники КГБ, знавшие его в лицо.

Американец обещал придумать нечто из ряда вон выходящее.

Со своей стороны Шеймов и его жена, которая к тому времени уже была посвящена в планы мужа, стали активно готовиться к побегу. Ольга сразу же достала некоторые вещи с антресолей, чтобы не делать этого накануне побега: антресоли должны остаться пыльными.

Хотелось захватить и семейные альбомы, и вещи, любимые с детства, но Шеймов был непреклонен: ничто не должно указывать на подготовку к отъезду. Семейные фото перефотографировали...

Хитроумному Шеймову пришла в голову мысль представить исчезновение как несчастный случай, гибель всей семьи: это исключило бы преследования их родителей со стороны КГБ и, главное, не вынудило бы начальство сразу же предпринять решительные меры по замене или модификации всего того, что было ему известно.

Но родители, как быть с ними? Они же умрут от горя, узнав об исчезновении и о смерти горячо любимого сына, невестки и внучки! Но в планы их посвящать нельзя: отец — правоверный коммунист, он ничего не поймет, а мать... Жалко мать. Тогда в день своего рождения Виктор заехал к родителям и как бы между прочим сказал:

«Мама, не верь, если услышишь, что я погиб. Не верь, пока не увидишь мой труп». Мать очень удивилась, но спрашивать ни о чем не решилась — такая уж работа у сына. Абсолютно секретная...

...Операцию решено было проводить в пятницу (на работе не хватятся до понедельника). Чтобы сбить с толку возможных преследователей и запутать следы, Ольгой были приобретены билеты на поезд Москва — Ужгород, а Виктор предупредил начальство, что уезжает на дачу к приятелю в Подмосковье, где нет телефона.

Постарались и американцы, кадровые офицеры спецслужб США, действовавшие в Москве.

Для того чтобы растащить силы нашей «наружки», а также в целях создания отвлекающего маневра все сотрудники американской резидентуры, действовавшей под прикрытием посольства США в Москве, получили приказ кружить по городу до 23 часов, имитируя выход на встречу со своей агентурой.

...В пятницу в 22 час. 30 мин. из Внукова стартовал военно-транспортный самолет НАТО, накануне прибывший в Москву забрать из

американского посольства отработавшую свой ресурс радиоаппаратуру. На место второго пилота сел заgrimированный и переодетый в военную форму Виктор Шеймов. Жену и дочь доставили к самолету в контейнерах...

— Вот так-то, Олег Юрьевич! Пример Шеймова, кроме прочего, свидетельствует еще о том, как вольготно чувствуют себя американцы здесь, в Москве, да и вообще в Союзе... Разбаловали мы их, это точно!..

Глава 11

СОРВАЛСЯ КАРАСЬ — ПОЙМАЕШЬ ЩУКУ!

...Через пару дней сыщики установили, что по месту прописки и жительства Вешний — так закодировали Константина Вишню разведчики «наружки» — не появляется, так как там ведутся ремонтные работы.

Выяснить через соседей, где он проживает с семьей в настоящее время, не представилось возможным: дом новой постройки, только что заселен, никто из соседей ни с кем не успел еще познакомиться. Когда наконец стало известно, что объект с семьей временно перебрался к тестю, Константин уже уволился из Госплана СССР и полностью закончил оформление документов для длительной заграничной командировки на научно-исследовательском судне Госкомгидромета «Профессор Визе». Длань КГБ СССР в лице генерала Маслова достигла его, лишь когда корабль отчалил от причала Рио-де-Жанейро...

Таким образом, Вешний на некоторое время выпал из поля зрения Службы генерала Маслова.

Усилия, и немалые, по установлению местонахождения беглеца предпринимались, но и с его тестем, и с его женой Маслов, по известным соображениям, общаться категорически отказался. Хотя наблюдения с адреса, где проживали родственники объекта, как и контроль за их телефонными разговорами не отменил.

Помощь пришла с неожиданной стороны, от выехавшего в Париж в составе тургруппы Пороховщикова...

* * *

Открыв дверь кабинета, который на время командировки был ему выделен по указанию Маслова, Козаченко увидел кота Тимофея, лежащего на его рабочем столе. С готовностью, но не теряя важности и достоинства, кот спустился на стул. Приветственно мяукнул.

Олег вспомнил, что, уходя на встречу с Пороховщиковым, оставил окно, выходящее во внутренний двор, открытым.

Тимофей был ангорский, поэтому пушисто-палевый. Одинаково ухоженный и красивый, он был безмерно привередлив: презрительно отвергал приносимые ему оперативниками колбасу и сосиски: «Странные

какие-то эти люди. Ничего вкуснее колбасы и не знают!» Да, Тимофей, время такое — лучшая рыба — это колбаса! Снисхождения и гордой терпимости кота удостаивался лишь тот из сотрудников, кто приносил ему кусочек сырого парного мяса.

Шатаясь ночами где-то по своим кошачьим заморочкам, отсыпаться кот неизменно приходил на Лубянку. Особым расположением Тимофея пользовался почему-то кабинет Олега.

Олег развернул полученные от Пороховщикова листы «Отчета о поездке во Францию» — так озаглавил их автор. На стол выпали какие-то схемы.

— Ах, да! Павел говорил что-то там о реле, установленных в гостиницах Парижа. Экономят, мол, электроэнергию... Входишь — свет включается, прошел по коридору — автоматически гаснет. Удобно, рационально... О металлических решетках для стока воды на дорожном полотне сообщил. Мол, весьма оригинальной конструкции... Значительная экономия металла при изготовлении... Повышенная прочность... Можно, мол, в порядке эксперимента изготовить их и у нас в Союзе...

Олег, вспомнив эти доводы Пороховщикова, горько улыбнулся: в стране экономический хаос, а какой-то по-хорошему одержимый инженер выходит со своими предложениями о реле и решетках!

— В горящем доме занавесок не меняют! С реле да с решеток надо ли сейчас в Союзе начинать?! — Козаченко с досадой отодвинул схемы на край стола. — Эх, Паша, Паша! Тесты ты прошел. Да и без них было ясно, что мужик ты умный и надежный. Но в наших делах — профан... Стоп! Но ведь разве не на это мы и делали расчет?!

Вишня-Савари — фрукт подпорченный, искушенный, поэтому простофиля у нее не вызовет подозрений. Совсем наоборот. Потому-то и посылали к ней в гости не профессионала, владеющего искусством выведывания нужной информации — да поди еще его найди, чтобы с самой школьной скамьи был знаком с объектом, — а именно Пороховщикова!

Козаченко глубоко задумался, положив голову на руки.

Тимофей тотчас потерся о ногу Олега пушистым боком. Удивительное создание — этот кот. Чем хуже у тебя настроение — тем он нежнее становится... Тянет его прямо на отрицательные флюиды. Всю твою боль готов принять на себя!

Олег поднял голову. Взгляд уперся в фразу из отчета, исполненную твердой рукой волевого человека:

«Я передал Мальвине фотографии ее племянницы, дочери Кости, которые получил от его матери во время свидания с нею в Майкопе перед

вылетом в Париж. Муж Мальвины, Вадим, достал семейный альбом, чтобы положить туда привезенные мной фото. Я попросил показать мне альбом. Снимки, на которых Мальвина была изображена во время посещения ею Англии и которые она мне показывала в 80-м году, там отсутствовали... Хотя снимки с видами Швейцарских Альп были на месте...»

Олег отбросил отчет в сторону.

— Что это? Отсутствие английских фото — это что-то связанное с проявлением ревности Вадима? Но и Савари и Поляковский — не шестнадцатилетние романтики. Они — прагматики. До Парижа прошли Крым-Рим. Это — во-первых... Во-вторых, фото в Англии были сделаны уже во время их супружества, значит, Поляковский знал об их существовании. В третьих, снимки, сделанные в Швейцарских Альпах, ведь на месте! И те, и другие фото делались, как говорила сама Савари, с разницей в два месяца. В Альпах она была «на отдыхе», а в Англии — «в командировке». Так-так... Не в этом ли разгадка? Альпийские фото — нейтральны, а английские привязаны к чему-то или к кому-то, кого Савари хотела бы скрыть. Скажем, замести английский след. А показала их тогда в 1980 году в Майкопе по недоумию или из тщеславия. Смотрите, мол, одноклассники, где я только ни побывала: и в Альпах, и в Англии. А потом некто взял да и одернул нашу Савари-Вишню: нечего, мол, светить свои связи с Англией!

Внешне логично, но насколько соответствует реальности? Олег раскурил сигарету, ближе придвинул к себе отчет Пороховщикова и углубился в чтение.

«К моему высказыванию о предстоящем открытии мне допуска к секретным материалам Савари отнеслась внешне равнодушно, спросив: «А что такое допуск?» Когда я начал объяснять, она перебила меня, предложив выпить кофе. За кофе я вновь вернулся к уже начатой теме, сказав, что, возможно, последний раз выезжаю в турпоездку в капиталистическую страну, в частности, в гости к ней. Пояснил, что, занимаясь секретной тематикой, в дальнейшем буду ограничен в перемещениях по границам, как и в выборе знакомых.

Савари вновь перебила меня, всем своим видом показывая, что предлагаемая мною тема несколько ее не интересует.

«У нас другие проблемы, — сказала она, — в какие акции вложить деньги... Какие колготки приобрести, матовые или телесного цвета, какой галстук выбрать Вадиму...»

Козаченко вновь отбросил отчет. Раскурил погасшую сигарету. «Олег, ну а что бы ты хотел? — мысленно задал он себе вопрос. — Чтобы Савари

сразу клюнула на живца в лице Пороховщикова? Ну, отработали мы ему задание высветить свой предстоящий доступ к секретам, но это же еще не значит, что она схватит его в свои объятия с криком: «Паша, вот тебе позывной «Карамболь», вот — чек на 10 тысяч франков, вот — фотоаппарат, яд, пистолет, надувной матрац, чтоб добраться до подводной лодки, ожидающей на рейде в Батумском порту, чтобы взять тебя на борт в случае провала. Действуй, переснимай секретные документы, шпионь!»

Отсутствие результата — тоже результат. Не хочет Савари сразу глотать живца — предложения Пороховщикова, — может, тем веселее она, эта рыбина!.. Или те, кто стоят за нею. Отсутствие английских фотографий — тоже отображение действительности... Посмотрим... Подождем... Хотя ждать-то уже времени не осталось!»

Ага! Вот и самое главное:

«Я выразил недоумение, — писал Пороховщикова, — что не сумел встретиться в Москве ни с Костей, ни с его женой Оксаной. На что Мальвина коротко ответила, что Оксана сейчас отдыхает в Майкопе у свекрови, а Костя бороздит просторы Мирового океана. На мое недоумение, как это Костя решился отбыть в турпоездку без любимой жены, Мальвина ответила: «Да просто решил отвлечься немного, заодно и денюжат срубить толику!»

Я тут же поинтересовался, как же это Костю так просто отпустили из Госплана. На что Мальвина ответила: «А это уже его проблемы... У него своя жизнь, у нас с Вадимом — своя! Вот скоро мы вас с Константином на крестины к себе пригласим...»

Вслед за этим супруги сразу пригласили меня поужинать. Я, чтобы не вызвать подозрений у супругов своими расспросами, не стал настаивать и выяснять, где же все-таки находится Костя и что это за крестины, на которые меня хотят пригласить, а сама Мальвина к этой теме больше возвращаться не пожелала...

Вадим в беседе участия не принимал, наблюдая нас с Савари со стороны, но, когда мы остались с ним на некоторое время наедине, он без всякого перехода вдруг спросил меня: «Слушай, Павел, тебе случайно не знаком один бывший приятель моей жены по имени Поль? Он два года служил шофером у военного атташе Франции в Москве. Он — негр, выходец из бывшей французской колонии, Центральноафриканской Республики, Мальвина после переезда в Париж работала некоторое время в его магазине африканских сувениров... Ты не знаешь случайно такого?»

Я ответил отрицательно и тут же поинтересовался, а в чем, собственно, проблемы?

На что Вадим с нескрываемой досадой ответил мне, что ребенок, которого ждет Мальвина и на чьи крестины она собирается пригласить меня и Костю, не может быть от него, так как о себе он давно знает, что страдает бесплодием, и, по его твердому убеждению, отцом ребенка может быть только Поль, бывший работодатель Мальвины, лавочник, у которого она служила до получения места в лицее Сен-Филипп.

По словам Вадима, он подозревает, что его жена давно уже тайно встречается с Полем. Все его попытки выяснить причины этих встреч наталкиваются якобы на возмущение Мальвины, которая обвиняет Вадима в патологической ревности. Добавил, что если Мальвина-таки решится рожать, то он будет вынужден расстаться с нею.

Появившаяся Мальвина не дала мне дослушать до конца откровения Вадима...»

Пороховщиков

Зазвонил телефон прямой связи с Масловым.

— Слушаю, товарищ генерал-майор! Да, иду...

Маслов встретил Козаченко, расхаживая по ворсистому ковру, устилавшему весь кабинет.

— По глазам вижу — есть новости... Почему не заходишь, не звонишь?

— Да вот, Леонид Иосифович, я только что вернулся со встречи с Пороховщиковым, заканчивал знакомиться с его отчетом о поездке... Интересна, как вы и предполагали, к получению нами придуманного его допуска к секретным работам и документации особой важности Савари не проявила, но... Удача! Обмолвилась о месте пребывания брата!

— И где же он?

— Болтается где-то по морям-океанам...

— Вот-те раз! — вскричал Маслов. — Как же это ему удалось?! Из завсектором Госплана — в мореходы! Так. — Генерал глянул на настенный календарь: — Сегодня у нас 14 июля... Немедленно разошли во все инстанции, направляющие специалистов в заграничные морские командировки, срочные запросы. Срок исполнения — три дня! Уж не бежать ли он собрался, как считаешь?

— Всякое может быть, но, учитывая его привязанность к Оксане, жене, и ребенку, это маловероятно... Полагаю, он понимает, что в нашей власти взять их под плотную опеку, даже под домашний арест, и никуда их не

выпустить, так что он никуда не денется! Скорее всего Вешний продолжает зарабатывать деньги на прежнем поприще, на шпионаже... или, во всяком случае, пытается это делать...

— Думаю, что в море он вышел, если, конечно, его сестрица не блефует и он действительно болтается где-то по морям-океанам, с пустыми руками! — генерал удовлетворенно потер руки. — И вот почему. По моему распоряжению тестя Вешнего, генерал-майора Ивановского, отправили в отпуск, заодно сделали негласную инвентаризацию в его сейфе на предмет выяснения, к каким секретным документам он имел касательство в последнее время. Так вот! Фотопленка, удачно попавшая к нам в руки, — полная копия тех документов, с которыми работал в последние два месяца Ивановский... Неизвестно одно: отдавал ли он документы особой важности своему зятю добровольно или, проявив преступную беспечность, брал их на дом, чтобы, значит, там с ними поработать, а Вешний этим пользовался и переснимал их...

Если это так, то брат-сестра работают в тандеме, не ставя в известность, разумеется, Ивановского и используя его преступно-халатное отношение к работе с секретными документами... Это еще предстоит выяснить... Но главное сейчас для нас — Вешний и его местопребывание... Ты мне его из-под земли, то есть, если он бороздит Мировой океан, из-под воды достань! Срок, как я уже сказал, — три дня!

Заметив, что Козаченко собирается что-то сказать, Маслов уже примирительно спросил:

— Что-то еще?

— Да не дают мне покоя исчезнувшие из альбома Савари фотографии, где она изображена в Англии... Не пытается ли она таким образом по чьему-то совету скрыть свою связь с англичанами?

— А что за фотографии?

Козаченко в двух словах объяснил суть своей озабоченности.

— Вот я и думаю, Леонид Иосифович, не хочет ли она замести английский след? Может, она все-таки с англичанами связь поддерживает, на них работает?

Маслов в задумчивости прошелся по кабинету, затем с расстановкой произнес:

— По большому счету, на нынешнем этапе с кем она связана и на кого работает, для нас принципиального значения не имеет... Главное, она — враг и работает против нас! С другой стороны, почему ты не допускаешь, что именно по указанию французских спецслужб она спрятала английские фотографии?..

Ты недооцениваешь изворотливость французов. Ведь теоретически может быть и так: чтобы бросить тень на англичан, заодно отведя подозрения от себя, от своей связи с Савари, именно французы дали ей, своему агенту, указание убрать или даже уничтожить снимки, сделанные в Англии... Или я не прав? Почему ты не допускаешь, что Савари получила такое указание именно от французов?..

— С точки зрения прикладной логики и глубины суждений — все в порядке, товарищ генерал-майор...

— Ты вот что, Козаченко! Лесть мне тут не нужна. Я цену себе знаю... И не потому, что меня кто-то пытался купить и предлагал за меня какие-то деньги, нет! Просто, давай сохраним добрый товарищеский диалог... Только в ходе беспристрастного обсуждения, столкновения разных точек зрения можно выявить истину, а лесть будет постоянно мешать выяснению истины, в конце концов, нашему диалогу, понял? Я вот почему сказал, что ты недооцениваешь французов... И я тебе это, кстати, докажу, как дважды два — четыре!

Глава 12

ПОСОЛ ФРАНЦИИ — «АГЕНТ ВЛИЯНИЯ»

Сделав круг по кабинету и хлебнув чаю из стакана на тумбочке, Маслов остановился напротив Козаченко и тоном университетского лектора начал просвещать подчиненного:

— Твое заблуждение зиждется на том, что наша разведка во Франции не имела таких скандальных провалов, как в Англии с Кимом Филби или как в ФРГ с Гюнтером Гийомом, личным советником канцлера Вилли Брандта да плюс еще — казначеем его партии!

Да, действительно, с общемировой точки зрения, шум вокруг провала какой-нибудь спецслужбы свидетельствует о глубине ее проникновения в святая святых какой-либо страны, о ее осведомленности в каких-то секретах. Но это — только для непосвященных! Должен тебя предостеречь от всеобщей, может быть, даже обывательской точки зрения: Франция никогда не была для нас объектом второстепенных разведывательных устремлений... Даже думать так — наивно! Франция, пятая держава мира, и вдруг — на втором плане наших геополитических и разведывательных интересов?! Да никогда так не могло и не может быть!

Чтобы рассеять твои сомнения на этот счет, приведу лишь один пример...

Не кто иной, как наша контрразведка, в начале 60-х годов с успехом использовала стремление генерала де Голля во время его «второго пришествия во власть» к независимости от западных держав, прежде всего, от Англии. Мы использовали эту потребность президента к независимости настолько эффективно, что возвели между ним и НАТО стену отчуждения и в конце концов ослабили Атлантический альянс...

— Контрразведка? Не разведка ли, Леонид Иосифович?

— Ты забыл, Козаченко, что мы с тобой — контрразведчики! Именно Вторым главком КГБ СССР (контрразведка Союза), под непосредственным руководством и личным участии его начальника, одного из самых изошренных крючкотворцев всех контрразведок мира, которого мне довелось лично знать, генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова, был завербован посол Франции в Москве мсье Морис Дежан...

— Что, так прямо и завербован?!

— Олег Юрьевич, ты же не новичок в наших делах! Конечно, подписку о секретном сотрудничестве у посла не отбирали, как вы это

делаете в своих провинциальных территориальных органах у законопослушных граждан.

Явок, в классическом понятии этого слова, то есть где-нибудь на конспиративных квартирах, с ним не проводилось. Денег в конвертах он за свои услуги не получал... Но! Тем не менее, нашим агентом он являлся!

Сейчас таких негласных помощников в среде профессионалов принято называть «агентами влияния»... И он, надо сказать, влиял-таки. И еще как!

Например, на принятие де Голлем решений по многим внешнеполитическим вопросам, прежде всего, по вопросам участия Франции в НАТО...

Не без советов Дежана де Голль вывел свою страну из Атлантического альянса, зафиксировав присутствие Франции лишь в роли наблюдателя. Морис Дежан, между прочим, был ближайшим другом и соратником де Голля по движению Сопротивления... Смена внешнеполитического курса деголлевской Франции по отношению к ее партнерам по НАТО была нашей огромной победой, большой вклад в которую сделал Дежан...

Да ладно, чего уж там... Я, было дело, сам участвовал в вербовочной разработке посла... Даже книгу потом о нем хотел написать... Хороший был мужик! Хоть и поймали мы его на подставной «ласточке», но тем не менее...

— Что?! Посла Франции вот так просто на «ласточке» и прихватили?

— Козаченко, не разочаровывай меня... Кому, как не тебе, агентуристу с огромным стажем, не знать такого простейшего способа вербовки... Я, между прочим, более полугода назад повторил этот двадцатилетней давности трюк с дипломатом из одной недружественной нам страны. Ничего, работает... И очень даже неплохо!

— А из какой он страны, этот ваш дипломат, Леонид Иосифович?

— Не скажу! Вот станешь моим штатным сотрудником, тогда и узнаешь... Так вернемся к Дежану!

Ты ж понимаешь, пятидесятилетний элегантный мужчина, для которого далеко не безразличен эффект, производимый им на красивых славянских женщин, и его попытки посягнуть на их очарование, не мог не стать нашей мишенью...

Кто-то ведь всегда старается сильнее! Мы старались сильнее... Возились, правда, долго с ним, года два или три, но в итоге — ордена всем участникам, и твоему покорному слуге в том числе... Красной Звезды!

— Леонид Иосифович, да я за захват главаря душманской группировки из десяти человек получил тот же орден, а тут — целый посол великой державы!

— Милый мой, ценности в нашем государстве девальвировались... Посмотри на нашего Генсека... Он за что получает Звезды Героя Советского Союза? За годы, прожитые под капельницей?..

А ты помнишь, сколько времени мы потратили на изучение и обсуждение на занятиях по марксистско-ленинской подготовке его нетленного произведения «Малая Земля» в конце 70-х годов, за которое он, кстати, получил Ленинскую премию в сто тысяч рублей?!

Об остальном я, с твоего позволения, умолчу...

Маслов решительно подошел к сейфу и вытащил газету «Монд» от 14 января 1982 года.

— Ты же ведь владеешь французским, Козаченко? Читай! Вот здесь, где отчеркнуто...

«В декабре 1955 года Морис Дежан был назначен послом в Москве. Занимая это пост в течение восьми лет, Дежан был избран в начале 1964 года дуайеном (старейшиной) дипломатического корпуса в Москве и, по выражению генерала де Голля, достойно и с честью представлял интересы Франции. Честь и хвала усопшему...»

— Вот такие люди работали на нас, Олег Юрьевич... Да разве только Дежан!

Чтобы вовлечь его в нашу орбиту, пришлось воспользоваться услугами десятков наших негласных помощников... Самыми именитыми из них были Михаил Жаров, Сергей Мартинсон, известный писатель со своей женой... Фаину Раневскую лишь не удалось привлечь к сотрудничеству, а жаль... Это — отдельная история, расскажу тебе ее как-нибудь позже. Если, конечно, будет интересно...

Так что не заблуждайся! Мы в своей работе Францию никогда со счетов не сбрасывали, как, впрочем, и она нас... Тем более сейчас, в начале восьмидесятых, когда наметилось явное сближение французских спецслужб с американцами, в частности, с ЦРУ...

Могу тебе доложить, что после заключения «контракта» между французской разведкой и ЦРУ в контрразведывательные подразделения КГБ СССР стало поступать все больше материалов о вербовочной активности французских спецслужб, направленной против наших граждан. И что самое интересное, их основным тактическим, я бы сказал, отличительным приемом стало постепенное вовлечение объектов их вербовочных разработок — наших граждан — в сотрудничество исключительно на материальной основе, что до этого себе позволяли только американцы. Причем делается это весьма изобретательно.

Например, были выявлены случаи вербовок, при которых французы

сначала использовали интерес и симпатии наших граждан к Франции, к ее истории и культуре. В одном случае при вербовке одного нашего высокопоставленного олуха французские спецслужбы даже сумели сыграть на устойчивых экономических связях между царской Россией и постнаполеоновской Францией...

Именно так был завербован бывший сотрудник В/О «Союзхимэкспорт» некто Рюмин, согласившийся передавать секретную коммерческую информацию французскому разведчику, работавшему в Москве под прикрытием старшего менеджера одной парижской коммерческой фирмы... А он, этот Рюмин, между прочим, был нашим секретным агентом... Отступник!

Пришлось столкнуться мне и с фактами привлечения к выполнению разведывательных заданий французских граждан, причем, заметь, гражданок, вступивших или готовящихся вступить в брак с нашими славянскими молодцами! А уж то, что французские разведчики привлекают к выполнению заданий своего начальства собственных жен, так это — тьфу, заурядный факт!

Хрестоматийным примером стал случай, когда жена французского разведчика, лжедипломата Франсуа Феррана, Мадлен Ферран регулярно выходила на связь с агентом своего мужа, неким Васильевым, приезжая на личном авто на смотровую площадку на Ленинских горах якобы для занятий физзарядкой. Иногда это происходило у входа на Черемушкинский рынок. Но в обоих случаях госпожа Мадлен неизменно оставляла приоткрытым окно правой задней двери автомобиля. Туда Васильев бросал свои шпионские донесения...

По мнению руководства французской разведки, Мадлен, домохозяйка, мать пятерых детей, ну уж никак не могла вызвать подозрений у нашей контрразведки и находиться под нашим наблюдением. Ошибочка вышла, господа хорошие! Засекли мы и Мадлен, и Васильева. Более того, взяли их с поличным...

Васильев, кстати, как и Рюмин, тоже являвшийся агентом органов КГБ, французами считался особо ценным осведомителем. Используя свое служебное положение, он снабдил спецслужбы противника копиями заданий и списками по нелегальной закупке западных технологий с целью их применения в наших оборонных отраслях промышленности. Все эти задания он получил ранее от НТР — нашей научно-технической разведки Первого главка (внешняя разведка СССР).

В информации от Васильева весьма нуждалось ЦРУ, к тому времени закончившее планирование экономической и технологической войн против

нас. Полученные от французов данные немедленно использовались американцами через КОКОМ (Координационный комитет по контролю за экспортом стратегических товаров в социалистические страны) в целях организации экономической блокады СССР.

КОКОМ, в который входят все страны НАТО, является важнейшим инструментом ЦРУ в экономической сфере. Например, статья 6 устава КОКОМа позволяет президенту Соединенных Штатов приостанавливать экспорт не только из Америки, но также и других стран «всяких товаров, технологий и любой информации, подлежащих юрисдикции США или экспортируемых через лиц, подлежащих юрисдикции США».

Поэтому, дорогой Олег Юрьевич, Васильев своими действиями нанес колоссальный ущерб нам и нашим государственным интересам... А что касается того, как мы его вычислили, то это было скорее делом техники, нежели кропотливой агентурной или аналитической работы — ведь списки запрещенных КОКОМом технологий весьма регулярно попадают в руки нашей контрразведки.

Поэтому не обнаружить явное совпадение наименований, за которыми охотилась наша научнотехническая разведка, и запретом КОКОМа мог лишь слепой...

Обрати внимание, Олег Юрьевич, на одну характерную деталь — лицемерие американцев по отношению к своим союзникам, в данном случае — к французам. Штатники по сути «подсунули» нам очень ценного французского агента, Васильева. Что им было до его безопасности, когда они диктовали КОКОМу списки технологий, запрещенных к экспорту в нашу страну! Они ведь прекрасно отдавали себе отчет, что для нас, контрразведчиков, не составит труда вычислить по этим спискам шпиона, что и произошло в итоге...

Кроме того, мне по роду деятельности известны факты, свидетельствующие, что московская резидентура французской разведки, действующая с посольских позиций, имеет на связи информаторов из числа дипломатов некоторых развивающихся франкоязычных стран, попросту говоря, бывших французских колоний...

— Леонид Иосифович, простите за дерзость, но вы сказали «А», не сказав «Б»...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Возвращаясь к началу нашей беседы, хотелось, чтобы вы рассказали, как французам стало известно, что Морис Дежан наш особо ценный источник, что он работал на нас?

— Рассказывать обо всем просто нет времени, потом возьмешь у меня

обзор о проведенной операции, познакомишься... А осведомленность французов, и не только их, но англичан и американцев, объясняется просто: предательство!

Да-да, хрестоматийный, я бы даже сказал, библейский случай... Посла, Мориса Дежана, нашего «агента влияния», англичанам «сдал» некто Коротков Юрий Васильевич — агент органов КГБ с более чем пятнадцатилетним стажем негласной работы, один из основных действующих лиц в вербовочной разработке Дежана...

Коротков происходил из творческой семьи, мать — актриса, отец — художник. Несмотря на эти внешние атрибуты среды обитания, он, можно сказать, всегда пребывал в другом мире — в подлинной связи с органами госбезопасности.

После того, как его отец в 1936 году удачно исполнил портрет... Лаврентия Павловича Берия, который был оценен самим Сталиным, среди знакомых семьи Коротковых стали преобладать партийные деятели сначала Грузии, а затем и Москвы, когда семья перебралась сюда, и, конечно, ответственные работники НКВД...

А Берия в благодарность за исполненный портрет всю жизнь покровительствовал автору и его семье... Так что Юра Коротков не мучился выбором: быть или не быть агентом органов госбезопасности, когда ему сделали предложение, судьба его уже была предрешена...

Для него в этом не было чего-то противоестественного, ведь он всех руководителей НКВД-МГБ называл даже не по имени-отчеству, они все были для него родственниками, братьями «дяди Лаврентия»...

Со временем он, разумеется, узнал, какие преимущества дает негласная связь с всемогущими тогда органами госбезопасности, и, надо сказать, умело ею пользовался...

Драматург и сценарист по образованию, Коротков был не так талантлив на этой ниве, как его собратья по перу. Но у него на руках имелась козырная карта высшего порядка — он был нашим агентом. Не в силах справиться с конкурентом, скрестив с ним перья вместо шпаг в открытом поединке — в литературной дуэли, он убирал его с помощью одного-двух агентурных донесений, в которых сообщал о приверженности этого конкурента-соперника к «космополитизму» и еще черт знает к каким «измам»...

Так он, кстати, поступил с Борисом Пастернаком, первым узнав и сообщив нам, что роман «Доктор Живаго» готовится к публикации и выходу на русском языке за рубежом... Его связь и дружба с Пастернаком помогли ему сблизиться со многими иностранными дипломатами, в кругу

которых он был очень хорошо принят — друг Пастернака, как-никак, ты ж понимаешь!

...Высокий худощавый мужчина с темно-русыми волосами, выразительными чертами лица и томно-загадочными бархатными глазами, Коротков производил неизгладимое впечатление на окружающих. Он мог свободно вести беседы как на русском, так и на английском языке на самые разные темы, дискутировать по самым различным вопросам, будь то социалистический реализм или сексуальные излишества королей Франции династии Бурбонов...

А коль скоро его последней средой обитания были семьи иностранных дипломатов, то в первую очередь он свое очарование распространил на их жен... Мы не преминули этим воспользоваться, и вот тебе результат: скольких из них он сделал нашими секретными источниками — жуть! Он пользовался таким большим успехом у жен иностранных дипломатов, что иногда не успевал... им пользоваться! Был он, ну, прямо-таки нарасхват!

Справедливости ради скажу, что сведения, поступавшие от этих сексуально озабоченных иностранок, матрон-сладкоежек, котировались невысоко, но тогда ведь вся страна гналась за валом продукции...

В последующем его использовали в качестве вербовщика красивых молодых актрис столичных театров. Их планировалось использовать в работе по иностранцам.

Ему выдали карт-бланш, и он уверенно, но ни в коем случае не ссылаясь на нас, обещал им (и предоставлял-таки!) лучшие роли, деньги и запретные для обыкновенного сотрудящегося развлечения: посещение дорогих ресторанов, иностранных выставок, даже посольских приемов...

Когда такая избранница Короткова, по нашему — «ласточка», — созревала до выполнения задания, ее временно поселяли в «ласточкино гнездо» — двухкомнатную квартиру.

В одной комнате «ласточка» совращала интересующий нас объект — иностранца, в другой орудовали технари, снимая действие на кинофото пленку...

Когда я впервые столкнулся с Коротковым и понаблюдал вблизи за ним, у меня возникло подозрение, что он не столько драматург и сценарист, сколько отменный актер по жизни. Нет-нет, он не рожден для сцены, а природой создан, чтобы быть актером именно в жизни!

Кроме того, у меня зародилось сомнение, а мужик ли он в прямом смысле этого слова... Тогда термина «голубой» еще не знали и не употребляли его... Жизнь во всех ее проявлениях была проще...

Говорили просто: «педераст»... Ну, ты помнишь, как это выражение

любил употреблять к месту и не к месту Никита Сергеевич...

Так вот, пообщавшись с Юрой Коротковым, я почувствовал, что в нем есть что-то от жеманной барышни из великосветских русских салонов XIX века... Не знаю, чем это чувство было вызвано и чем его объяснить! Ведь никакого общения с педер... тьфу, с «голубыми», у меня до этого ни в оперативном, ни тем более в личном плане не было! И все-таки некую бисексуальность я в Короткове почувствовал... И ты знаешь, интуиция меня не подвела!

Когда анализировали причины перехода Короткова в стан противника, а он перебежал к англичанам, тогда наткнулись на очень забавную историю. Дело в том, что одновременно с вербовочной разработкой Дежана мы взялись склонить на свою сторону французского военно-воздушного атташе полковника Луи Гибо... Посол — послом, но Грибанов, проконсультировавшись с Хрущевым, решил, что нам не помешают и военные секреты, тем более что Франция тогда еще входила в блок НАТО...

Взялись за военно-воздушного атташе. Через какое-то время узнаем, что этот полковник имеет слабость к установлению интимных отношений с мальчиками. Вот те на! Для нас тогда это было в диковинку... Но что ж, если партия и родные органы велели, значит, надо привлекать к сотрудничеству и извращенцев...

Это я так думал в то время, что они — извращенцы. Простудировав массу специальной литературы, я понял, что они, как левши, — обижены природой и по-другому не могут... Короче, обсуждаем вопрос о военно-воздушном атташе на расширенном заседании «Оперативного хурала» в номере «люкс» гостиницы «Метрополь». Кроме Грибанова и нас, желторотиков-лейтенантов, присутствует... Коротков. В этом для нас тогда уже ничего удивительного не было, потому что этот агент экстра-класса пользовался личным благорасположением Грибанова, да и других высших руководителей КГБ.

Мы его, Короткова, меж собой иначе как «майором» и не называли...

И что ты думаешь! Коротков, этот неотразимый сердцеед, не знавший поражений на ниве совращения жен иностранных дипломатов, вдруг на роль соблазнителя и партнера французского атташе, предлагает... себя! Может, кто-то из присутствующих и удивился, но только не я... Цепь в моем мозгу замкнулась. Все встало на свои места. Я понял, что мужчины, а не женщины — это его подлинная, но тайная страсть...

Летом 1961 года Коротков соблазнил-таки военно-воздушного атташе, вступив с ним в интимный контакт, но поторопился, сразу потребовав

выдачи военных секретов.

Полковник Гибо вернулся со свидания, попрощался со своей женой и... пустил себе пулю в лоб прямо в своем служебном кабинете посольства.

Самоубийство французского военно-воздушного атташе вызвало панику во Втором главке. Все боялись, как бы он не оставил записки, объяснявшей, в какую ловушку он попал.

Как только стало известно, что эти опасения напрасны, руководство КГБ вздохнуло с облегчением и приказало своей агентуре распуścić слух в среде иностранного дипкорпуса в Москве, что полковник Гибо решился на такой шаг, находясь в состоянии нервной депрессии...

Надо сказать, что, по моим наблюдениям, в состоянии нервной депрессии, близкой к самоубийству, находился не кто иной, как Коротков, который, как выяснится позже из его откровений, изложенных в книге, вышедшей в Англии, был попросту влюблен в военного атташе...

...Когда были подвергнуты анализу и разбирательству на самом высоком уровне причины и мотивы ухода к противнику Короткова, я в качестве своей не то чтобы рабочей гипотезы — убеждения! — высказал мнение, что Коротков был бисексуалом, с одинаковым удовольствием соблазнявшим и обладавшим не только женщинами, но и понравившимися ему мужчинами... Свои теоретические выкладки я попытался проиллюстрировать случаем с военно-воздушным атташе Франции.

Мою версию, нет — доказательства, оценили и... вlepили мне строгача по партийной линии — почему раньше молчал?! Нашли козла отпущения...

...2 сентября 1963 года Коротков вместе с другими писателями и художниками прибыл в Лондон в составе специализированной идеологической группы. Он оторвался от группы и через семь часов уже давал показания сначала в Скотланд-Ярде, а затем в кабинетах Секрет интеллидженс сервис.

Надо сказать, что там он вызвал шок, сравнимый разве только с нашим! Ведь все, о чем он повествовал, — сенсация! Для англичан. Для нас — голая правда. Но сенсация для нас состояла в том, что наш трижды проверенный агент мало того, что уходит на Запад — сообщает секретные сведения противнику!

Я могу с полной уверенностью сказать, что секретный агент органов госбезопасности СССР Юрий Коротков — это первый отступник с Лубянки, ушедший к противнику!.. До и после были и были еще и агенты, и кадровые офицеры-перебежчики, но он — первый из орудий такого калибра! Он знал все и вся!

...В то самое время, когда Коротков передавал известные ему подробности секретов вербовочной разработки Дежана, мы через свою агентуру в окружении де Голля стремились убедить его, что англичане и американцы плетут интриги за его спиной, пытаясь вернуть Францию в лоно НАТО, и что речь идет о заговоре лично против него, потому что англо-американцы хотят связать его имя с не стоящим выеденного яйца случаем, представляя его как международный скандал...

В конце концов нам это удалось. Франция при де Голле так и не вернулась в Атлантический альянс, Дежан не подвергся никаким санкциям, просто был отправлен в отставку, став... президентом Франко-советского общества по промышленному сотрудничеству, продолжая регулярно наведываться в Советский Союз для встреч... с Лорой!

...Сомнения в правдивости рассказа Короткова заставили англичан продержать его около года в лондонской тюрьме. Для него это был абсолютный психологический нокаут. В конце концов они его выпустили, но потребовали полного сохранения молчания. Американцы решили по-другому. Как только англичане выпустили Короткова из тюрьмы, они тут же пригласили его к себе, пожаловали ему гражданство Соединенных Штатов, предоставили возможность опубликовать книгу «Казус Дежана», но... поезд уже ушел! Случаем с вербовкой посла уже никто не интересовался...

Поняв, что своими разоблачениями роли КГБ в вопросах формирования международной политики он никого не сумеет заинтересовать и привлечь на свою сторону, Коротков полностью отдался своей истинной страсти, которую глубоко скрывал от своих наставников из КГБ, — гомосексуализму. Когда возраст взял свое и он никого уже не мог соблазнить, Коротков занялся писательской работой, полностью переключившись на рассуждения о смерти и потребности в божестве.

...Генерал-лейтенант госбезопасности Олег Михайлович Грибанов, этот кровавый душитель Будапештского восстания 1956 года, прозванный коллегами за свою решительность и бескомпромиссность «маленьким Бонапартом», сгинул в недрах Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, несмотря на то, что в системе властных координат КГБ он занимал одно из первых мест...

О нем известно лишь одно: он так и не получил звание генерал-полковника госбезопасности, к которому так стремился. Ведь его кумир и наставник — Виктор Абакумов в свое время обещал ему, что на пенсию он будет отправлен как минимум генерал-полковником...

Собственно говоря, разогнали и других больших начальников, а я,

видишь, выжил...

После всех катаклизмов, даже ядерных, выживают только тараканы... Вот я и есть таракан... с погонами генерал-майора! Понял, с кем ты имеешь дело, Козаченко?

Олег долго смотрел на шефа, то ли мысленно переваривая услышанные откровения, то ли не зная, как на них отреагировать. Наконец произнес первое, что пришло в голову:

— Так вы, Леонид Иосифович, значит, тоже владеете французским языком?

— Скажем так, владел... Я, собственно, поэтому и был привлечен к участию в вербовочной разработке французского посла, что генералу Грибанову, инициатору операции, в общении с Дежаном иногда требовался переводчик. Я тогда еще, будучи младшим опером, свободно говорил по-французски. Потом я его, правда, забыл... Вернее, переключился полностью на английский — жизнь, американцы и ЦРУ заставили...

— А что, Грибанов напрямую общался с Дежаном? Под какой же «крышей» он выступал?

— Конечно, напрямую! В том-то все и дело, что, попав в затруднительное положение, посол должен был по расчетам Грибанова обратиться именно к нему, так как он по легенде занимал должность советника Председателя Совета Министров СССР. Так все и произошло...

В один прекрасный день Грибанов решил, что платонический роман, развивавшийся уже несколько месяцев между Морисом Дежаном и Кронберг-Соболевской, пора дополнить чисто плотскими сексуальными отношениями. Это произошло сразу же после отъезда госпожи Дежан из Союза на отдых в Швейцарские Альпы. Посол остался в одиночестве.

В Москву срочно вызвали одного татарина по имени Миша, он в тридцатые годы работал по тюрьмам НКВД палачом, расстреливал «врагов народа», и еще одного бывшего уголовника, который, по моим прикидкам, использовался подручными Лаврентия Павловича в качестве профессионального убийцы-ликвидатора. Ему предстояло сыграть роль мужа Лоры, который якобы неожиданно вернулся домой из командировки.

Этим двум типам, Мише и ликвидатору, ну и, само собой, Лоре предстояло сыграть главные роли в спектакле по ломке воли французского посла.

Квартира, где должен был состояться спектакль, что называется, «под завязочку» была нафарширована спецтехникой — аудио- и кинофотоаппаратурой. Вокруг — специальные посты наблюдения из сотрудников КГБ в штатском и переодетых в милицейскую форму.

В день проведения акции Грибанов собрал всю группу в одном из номеров «люкс» гостиницы «Метрополь». Расположившись за богато уставленным разносолами столом, мы, то есть я, ликвидатор, Миша, Соболевская и еще пара оперов из группы поддержки, неотрывно глядя на Грибанова, внимали каждому им выпущенному междометию...

У меня так до сих пор в ушах стоят его слова:

«Я хочу, чтобы вы его сломили, — обращаясь к Мише и ликвидатору, с пафосом произнес он. — Сделайте так, чтобы Дежан по-настоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но, боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас сгною в лагерях!»

...Все происходило на третьем этаже жилого дома № 2, что на Ананьевской улице.

Псевдомуж и Миша, выступавший в роли его приятеля, извлекли голых Дежана и Лору из постели и начали с остервенением лупить француза. Строго следуя полученным напутствиям Грибанова, били не по лицу — в область сердца, печени и почек. В пылу потасовки досталось и Лоре, которая без устали кричала: «Прекратите! Вы убьете его! Это же посол Франции! Что вы делаете!»

Со своей стороны псевдомуж кричал, что подаст на совратителя своей жены — то есть на посла — в суд.

Дежану в конечном счете все-таки удалось выскользнуть из квартиры (это было предусмотрено сценарием Грибанова) и в сопровождении своего шофера добраться до посольства...

В тот же вечер Морис Дежан должен был встретиться с Грибановым, который, как ты помнишь, выступал в роли советника Председателя Совмина СССР, чтобы обсудить с ним ряд межгосударственных проблем. До них дело так и не дошло, потому что весь вечер Грибанов и Дежан обсуждали личные проблемы последнего, который, ничего не скрывая, рассказал о своих злоключениях и попросил помощи.

Вот тут-то начальник Второго Главного управления КГБ при Совете Министров СССР генерал-лейтенант Олег Михайлович Грибанов и посадил посла на крючок!

Тайна, в которую были посвящены Дежан и Грибанов, привела к установлению особых отношений между ними. Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным генералу: ведь «муж» Лоры в конце концов согласился забрать свое заявление.

Именно с этого момента мы начали рассматривать француза как нашего «агента влияния». Грибанов старался больше не напоминать Дежану о той кошмарной ситуации, в которую бедняге довелось угодить...

А посол по всем вопросам стал консультироваться с Грибановым. Ты ж, Козаченко, не забывай, что для француза Олег Михайлович был советником Предсовмина СССР!

Поэтому для него было вполне нормальным обсуждать со своим русским другом вопросы международной политики Франции касательно ее отношений с СССР и членами НАТО. И по всем этим проблемам посол давал исчерпывающие ответы, дополняя их собственным мнением и прогнозами. Иногда даже предостерегал нас от каких-то неверных, на его взгляд, шагов...

Кроме того, в непринужденных беседах с Грибановым Дежан делился своим мнениями о поступках и качествах других западных дипломатов, с которыми он поддерживал отношения в Москве, пересказывал свои с ними беседы, сообщал об их планах в отношении Советского Союза...

Словом, интересующая нас информация от посла пошла непрерывным потоком!..

В свою очередь Грибанов через Дежана доводил до де Голля то, что было выгодно нам, что отвечало позиции нашего правительства на международной арене...

Н-да, большие дела делались в свое время...

Маслов быстрее заходил по кабинету. Будто спохватившись, без всякого перехода продолжил:

— Надо сказать, я был не единственным, кто в той компании, обложившей посла, владел его родным языком...

Что уж говорить о знаменитостях всесоюзного масштаба, вившихся вокруг посла и его жены, их там была тьма-тьмуца!

Но в массе все же вокруг Дежана вертелся народец, игравший роль листьев, окаймлявших изысканный букет. Держались они тихо, так как в званиях были со мной одинаковых — лейтенантских, и поэтому говорили, словно шуршали, и смеялись в кулачок над шутками главных актеров действия — генерала Грибанова, писателя и его жены и той же Ларисы (Лоры) Кронберг-Соколовской, заштатной актриски какого-то прогоревшего театра, которая сыграла в своей жизни главную, а в жизни посла Франции — роковую роль...

Она исполнила ее с блеском, за что была награждена Грибановым роскошными швейцарскими часами, полностью выполненными из золота и бриллиантов!

— Неужели, Леонид Иосифович, все перечисленные вами лица были нашими негласными помощниками?

— А ты еще сомневаешься? Партия считала, что цвет нашей нации

должен работать на КГБ... И еще как работали!

Глава 13

НЕПОСТИЖИМАЯ РАНЕВСКАЯ

— Леонид Иосифович! — Козаченко в волнении заерзал в кресле. — Коль скоро наша лирическая пауза затянулась, может, вы заодно уж расскажете и об упомянутой вами Фаине Раневской... Ну, о том, как она ловко отклонила сделанное ей генерал-лейтенантом Грибановым предложение сотрудничать с органами госбезопасности во время вербовочной разработки Дежана?..

Маслов взглянул на часы.

— Ну что ж, пятнадцать минут у нас еще есть... Слушай!

Во-первых, не Грибанов лично делал ей это предложение, ибо в противном случае она никогда бы не нашла сил отказаться...

Олег Михайлович при всем своем маленьком росте обладал недюжинной гипнотической силой и великолепным даром убеждения, неспроста подчиненные называли его «маленьким Бонапартом»... Кроме того, он собеседника видел как на рентгене — насквозь.

Так что, сделай он лично предложение Фаине Георгиевне вступить в тайный Орден секретных осведомителей, вряд ли бы она нашла в себе силы отказать ему, а так... Не только отказала, но и выгоду от игры с сотрудником органов гэбэ поимела...

На мой взгляд, Раневская и Богословский по своему психологическому складу — близнецы. Оба предрасположены к созданию водевильных ситуаций и розыгрышей. С одним отличием.

Если розыгрыши Богословского можно рассматривать как самоцель, ибо все они были бескорыстны — он с них материальных выгод не имел, а убытки розыгрываемого — не в счет, то розыгрыши, которые устраивала Фаина Георгиевна, я бы даже не розыгрышами — трюками назвал. Потому что все они были направлены на получение каких-то материальных благ и улучшение своих жизненных условий... Впрочем, в этом нет ничего противоестественного... Борьба за выживание. А Раневской, как никому из ее коллег, приходилось-таки драться, чтобы выжить... И на сцене, и в быту.

В общем, на встречу с Раневской Грибанов послал некоего лейтенанта Коршунова, который одновременно был для генерала и порученцем, и своего рода духовником... Уж и не знаю, что в нем Олег Михайлович такого нашел... Ну да, ладно, дело прошлое...

Что из этого вышло, ты сейчас услышишь, я вот только один короткий

звонок сделаю Председателю. — Маслов вновь посмотрел на часы.

— Может, мне выйти, Леонид Иосифович? — Козаченко приподнялся в кресле.

— Сиди-сиди, ничего секретного... от тебя я говорить не буду! Снадобье одно Юрию Владимировичу привезли мои бойцы из Швейцарии... А у него как раз время приема лекарства... Надо напомнить шефу... Так что, сиди и жди!

Положив трубку телефона прямой связи с Андроповым, Маслов легко выпростал свое грузное тело из кресла и заходил своей пружинистой походкой по кабинету.

— Да, так вот... Послал, значит, Грибанов этого лейтенанта, младшего опера Коршунова на беседу с Раневской. Предполагалось, что это будет вербовка в лоб...

Предполагал, как выяснилось, Грибанов, а располагала Раневская! Словом, обвела она вокруг пальца этого Коршунова, как мальчишку!

У него, как оказалось впоследствии, за душой всего лишь начальное образование и двухлетнее производственное обучение на токаря на заводе «Красный Октябрь», а мы из-за нищеты своей — нехватки высокоэрудированных кадров выпустили его на рафинированную интеллигентку, народную артистку СССР.

А Раневская проявила себя не только гениальной сценической артисткой, но и величайшей актрисой по жизни... В общем, бестия, а не баба!

Начал Коршунов вербовочную беседу, как тогда было принято, издалика.

И о классовой борьбе на международной арене, и о происках иноразведок на территории СССР поведал Раневской. Процитировал пару абзацев из новой, хрущевской, Программы КПСС, особо давил на то, что нынешнее поколение советских людей должно будет жить при коммунизме, да вот только проклятые наймиты империализма в лице секретных служб иностранных держав пытаются подставить подножку нашему народу, семимильными шагами движущемуся к светлому будущему всего человечества — к коммунизму. Невзначай напомнил также и о долге каждого советского гражданина, независимо от его профессиональной принадлежности, оказывать посильную помощь органам государственной безопасности в их самоотверженном труде по защите завоеваний социализма...

Словом, подал Коршунов себя в наихудшем свете — выступил в роли лектора сельского клуба, а не вербовщика великой актрисы. И, надо

сказать, Раневская его сразу раскусила и сразу догадалась, к чему клонит ее визави, но виду не подала.

Ведь стукачество в артистической среде всегда, даже при царях, было очень распространенным явлением, о нем не таясь говорили все представители богемы, оно было притчей во языцех.

А уж в Театре имени Моссовета, да вокруг Фаины Георгиевны... Там вообще агент на агенте сидел и агентом погонял! Ей ли было не знать, что все ее коллеги-артисты уже давно завербованы-перезавербованы... Так что это Коршунов считал, что он ведет игру с закрытыми картами, имея старшие козыри на руках, — для нее все его потуги были секретом Полишинеля...

Полагаю, что, вслушиваясь в страстный монолог Коршунова, она прикидывала, как ей элегантней и артистичней уйти от предложения, которое, конечно же, должно последовать в заключение пламенной речи этого опера-недоучки.

Для начала она провела небольшую разведку боем. Спросила: «Молодой человек, а где вы были раньше, когда я еще не успела разменять седьмой десяток?»

«Что вы, Фаина Георгиевна! — вскричал переполошившийся Коршунов, которому показалось, что пароход уходит от причала прямо на его глазах. — Вам больше тридцати никто не дает, поверьте... Вы — просто девочка по сравнению с другими артистками вашего театра!»

Ну ты ж представляешь, Олег Юрьевич, как можно такую глупость в глаза бабушке сказать...

Назвать девочкой знаменитую актрису — это ж верх бестактности!

А Фаина — ничего. Девочка я для вас, ну что ж, значит, девочка, так тому и быть... Женщине, в конце концов, столько лет, на сколько она выглядит...

Закуривает она очередную «беломорину», хитро прищуривается и при этом так спокойно говорит:

«Мне с вами, молодой человек, все понятно... Как, впрочем, и со мной тоже... Сразу, без лишних слов, заявляю: я давно ждала этого момента, когда органы оценят меня по достоинству и предложат сотрудничать! Я лично давно к этому готова, разоблачать происки ненавистных мне империалистических выползней... Можно сказать, что это — мечта, преследующая меня с детства. Но... Есть одно маленькое «но»!

Во-первых, я живу в коммунальной квартире, а во-вторых, что важнее, я громко разговариваю во сне...

Вот и давайте, коллега, а по-другому я вас, молодой человек, и не

мыслю, с тех пор как мы встретились. Да, вы — мой коллега! Так вот, давайте вместе, по-чеккистски, поразмыслим.

Представьте, вы даете мне секретное задание, и я, будучи человеком обязательным и ответственным, денно и нощно обдумываю, как лучше его выполнить, а мыслительные процессы, как вы, конечно, знаете из психологии, в голове интеллектуалов происходят непрерывно — и днем и ночью... и вдруг! И вдруг ночью, во сне, я начинаю сама с собой обсуждать способы выполнения вашего задания...

Называть фамилии, имена и клички объектов, явки, пароли, время встреч и прочее...

А вокруг меня соседи, которые неотступно за мной следят вот уже на протяжении многих лет.

Они же у меня под дверью круглосуточно, как сторожевые псы, лежат, чтобы услышать, о чем и с кем это Раневская там по телефону говорит!..

И что? Я, вместо того чтобы принести свою помощь на алтарь органов госбезопасности, предаю вас! Я пробалтываюсь, потому что громко говорю во сне... Нет-нет, я просто кричу обо всем, что у меня в голове...

Я говорю вам о своих недостатках заранее и честно... Ведь между нами, коллегами, не должно быть недомолвок, как вы считаете? Вы поймите меня правильно. Я хочу, чтобы наше с вами будущее сотрудничество развивалось на принципах взаимного доверия и искренности, или я ошибаюсь? Если я ошибаюсь — поправьте меня, уберегите меня от совершения в будущем роковой ошибки! Но что делать, если мои родители, будь они прокляты, передали мне такой порок — громко разговаривать во сне? Я уже обращалась к врачам, к светилам медицины — все пустое, ничего поделать не могут... Никакие снотворные и транквилизаторы не помогают... Может быть, у вас, товарищ Коршман, извините, товарищ Коршунов... имеются какие-то спецпрепараты, чтобы не выбалтывать секреты во сне?..

Страстный и сценически искренний монолог Раневской произвел на Коршунова неизгладимое впечатление, с явки он ушел подавленный и напроочь разбитый железными аргументами кандидатки на вербовку.

Доложив о состоявшейся вербовочной беседе Грибанову, он в заключение доклада сказал:

«Она согласна работать на нас, я это нутром чувствую, Олег Михайлович! Но... Есть объективные сложности, выражающиеся в особенностях ее ночной физиологии. Надо что-то делать... Да и потом... Как-то несолидно получается... Негоже все-таки нашей прославленной народной артистке занимать комнату в коммунальной квартире... Полагаю,

что ради того, чтобы привлечь Раневскую к секретному сотрудничеству и эффективно ее использовать в наших интересах, надо бы ей выделить отдельную квартиру... У меня — все!»

«Что ж, подумаем», — ответил неопределенно Грибанов, но через месяц Раневская праздновала новоселье в высотке на Котельнической набережной...

И тогда Коршунов вновь пошел на приступ, стал названивать в Театр Моссовета, где работала Раневская, чтобы, значит, встретиться с нею и формально узаконить состоявшуюся вербовку отбором подписки о добровольном сотрудничестве, неразглашении и т. д. Ну, в общем, сделать все, как положено...

Однако каждый раз выяснялось, что Фаина Георгиевна пока не может с ним встретиться либо по причине своей занятости, либо по состоянию здоровья: то она готовится к премьере, то у нее сплин, то насморк.

Когда же, наконец, в телефонной трубке он услышал ее воркующий голос, очень доверительно сообщивший ему, как коллеге и товарищу по борьбе, что у нее начались какие-то «критические дни» и поэтому она просит вновь перенести свидание, он расвирепел и в сердцах бросил ей, что послезавтра приедет к ней домой, в новую отдельную квартиру для окончательного расчета...

Не знал молодой капитан с начальным школьным образованием, с кем столкнула его судьба и какой прожженной бестией оказалась обхаживаемая им «кандидат на вербовку»...

На следующий день после разговора Коршунова с Раневской, рано утром, в приемной КГБ при Совете Министров СССР появился какой-то мужчина с испитой рожой и неопределенного возраста — от пятнадцати до восьмидесяти пяти лет — и попросил принять от него заявление. Настаивал, чтобы оно было обязательно зарегистрировано, потому как дело чрезвычайной государственной важности...

Заявление через час уже лежало на столе у Грибанова, потому что именно ему и было адресовано...

Не буду, Олег Юрьевич, напрягать память и цитировать этот пасквиль, скажу лишь одно: это было коллективное заявление жильцов высотки на Котельнической набережной, где уже месяц проживала Раневская...

В своем коллективном обращении квартиросъемщики (всего десять подписей), проживавшие над квартирой Раневской, дружно уведомляли органы госбезопасности, что прямо под ними проживает некая дама, артистка (фамилия Раневской в заявлении не указывалась), которая ночи напролет громко разговаривает сама с собой о происках

империалистических разведок и о том, что она с ними, с этими ненавистными разведками, сделает, какую кузькину мать она им покажет, как только ее примут в органы госбезопасности внештатным сотрудником...

Через час Грибанов вызвал к себе Коршунова, отдал заявление, ограничившись коротким замечанием: «На Фаине поставь крест, ищи кого-нибудь другого... Молчащего во сне! Все! Свободен!»

По прошествии некоторого времени нам от агентуры, окружавшей Раневскую в Театре имени Моссовета, конечно, стали известны подробности создания пресловутого «коллективного заявления».

Артистка за две бутылки водки соблазнила на эту акцию сантехника из жэка, того самого заявителя с испитым лицом.

Но... поезд уже ушел, и квартира осталась за Раневской!

Фаина Георгиевна, приглашая коллег (среди них было немало агентов КГБ, которые по ней и работали, что для нее секретом не являлось) на чашку чая в свою новую квартиру на Котельнической набережной, еще долго вспоминала свое общение с Коршуновым и, как бы оправдывая свой дьявольски изощренный трюк с «коллективным заявлением», любила повторять:

«Девочки, вы должны меня понять. Я отказала ГЭБэ лишь по одной причине. Дать много органам госбезопасности я не могу, а мало мне не позволяет совесть, — проклятое воспитание!»

Часть III
ОДИССЕЯ КОНСТАНТИНА ВИШНИ

Глава 1

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ...

В субботу Костя, обложившись накопившимися за неделю неразрезанными газетами и журналами, устроился в кресле у телефона и стал ждать.

Ближе к полудню раздался звонок.

«Костя! — сказал незнакомый мужской голос с легким американским акцентом. — Я привез вам привет от вашей сестры Мальвины. Что, если нам прогуляться на Патриарших прудах? Я буду ждать вас у памятника дедушке Крылову в 17 часов...

Ваша внешность мне известна, а меня вы легко узнаете по длинной незажженной сигаре в правой руке. Таких в Москве не продают, поэтому ошибка исключена... До встречи!»

— Насколько мне известно, вы — не новичок в вопросах конспирации и добывании конфиденциальной информации. — Незнакомец сразу взял быка за рога. — Поэтому я остановлюсь на главном. Мы всегда очень высоко ценили вашу помощь в предоставлении интересующих нас сведений, и надеюсь, вы не были ущемлены в вопросе материальной компенсации, не так ли?

Заметив легкую скептическую улыбку собеседника, иностранец быстро спросил:

— У вас есть претензии? Если да, то я прибыл еще и для того, чтобы уладить и эти вопросы...

Костя уже улыбался во весь рот. Вспомнилась сестрица с ее пояснениями о количестве вручаемых ему дензнаков и выборе валюты.

— Простите, вы не представились, и я не знаю, как к вам обращаться...

— Зовите меня Густав... Имя редкое, поэтому сразу запоминается... Так вот, возвращаясь к вопросу оплаты... Вы с чем-то не согласны?

— Видите ли, я полагаю, что в таких вопросах удобнее работать напрямую, без посредников, да и риска меньше...

— Что ж, весьма разумно, я полностью солидарен с вашей логикой. В дальнейшем мы будем общаться с вами напрямую... Тем более что нам понадобится не любая информация, к которой вы будете иметь доступ, а строго дифференцированная... В этой связи я хотел бы знать, когда можно реально ожидать вашего зачисления в штат выбранного вами НИИ Арктики

и Антарктики Госкомгидромета?

— Зачисление — это вопрос будущей недели, а вот что касается моих выездов за рубеж в составе научного коллектива, то вы же понимаете, я там человек новый, меня всегда могут попридержать в резерве... Ну, хотя бы для того, чтобы присмотреться, оценить, на что я способен... Полагаю, что в наших общих интересах обеспечить мне быстрейший выезд в экспедицию... Единственный путь для ускорения процесса моей «натурализации» в коллективе — это дать кому-нибудь из руководства Госкомгидромета взятку, и тогда все проблемы с выездом будут решены положительно и моментально!

— Вы знаете, мы думали над этим... И пришли к заключению, что здесь главным является не вопрос размера вознаграждения для того человека, который будет содействовать вашему выезду... Деньгами, как вы успели убедиться, мы располагаем...

Дело в другом. В вашей безопасности. Не возникнут ли у руководства Госкомгидромета подозрения по отношению к вам после подкупа вами какого-то должностного лица, чтобы иметь возможность выезжать в заграничные поездки?

— Во всех организациях, посылающих советских специалистов за границу, все построено на взятках. Вопрос только в размере — то есть в том, сколько надо заплатить при выезде в ту или иную страну... А в том, что взятки даются и берутся повсеместно, можете не сомневаться... Это мне известно и от моего тестя, начальника управления Генштаба Министерства обороны СССР, и от моих коллег по работе в Госплане...

Все — и дающие, и берущие, знают: какого бы размера ни была взятка, запрошенная должностным лицом, от которого зависит твой выезд за пределы «совка», она окупится одной поездкой, одним выездом за рубеж, уж поверьте знающему человеку...

Так что, я ничем не рискую, давая кому-нибудь из кадровиков Госкомгидромета на лапу... Подозрений это ни у кого не вызовет. Наоборот, если я не буду пробивать себе дорогу за границу тараном, рублем, я буду выглядеть белой вороной, меня могут заподозрить в принадлежности к органам КГБ, а вот таких в Госкомгидромете боятся пуще огня, да и не только там. Поэтому меня будут держать в черном теле, то есть сделают невыездным до скончания века... Да и вообще, зачем идут на работу в НИИ Арктики и Антарктики? Чтобы часто выезжать за рубеж и на пять лет раньше уйти на пенсию... Там работают в основном практики, а не романтики...

— Хорошо, Константин, я не могу не согласиться с вашими доводами,

вы умеете говорить убедительно! И все же когда реально вы можете оказаться за рубежом?

— Думаю, что если вы готовы субсидировать меня в плане дополнительных расходов, сопряженных с подкупом должностных лиц, то гарантированно — через одну-две недели! Необходимые прививки я уже сделал... И против оспы, и против малярии с желтой лихорадкой. Так что — дело за вами!

— Идет! Здесь, в сигаре, вы найдете 5 тысяч долларов, инструкции о способах связи как здесь, в Москве, так и в Ленинграде. Насколько мне известно, ваша новая работа сопряжена с переездом в северную столицу, не так ли?

Кроме того, в сигаре находится вопросник, на который вам необходимо дать детальные ответы, и открытка... Адрес там уже стоит. Вам останется лишь вписать, что ваша бабушка отправляется в туристическую поездку туда-то.

Пусть вас не удивляет, что адрес, по которому пойдет открытка, — не заграничный. Мы и впредь, пользуясь почтовым каналом, будем прибегать только к внутрисоюзным адресам... Музеи, библиотеки, дома отдыха и санатории — самые надежные адресаты... По прибытии в порт назначения я вас встречу... Итак, удачи, и храни вас бог!

Стремительным шагом, ни разу не оглянувшись, иностранец исчез в толпе пенсионеров, гуляющих вдоль пруда...

Первый взнос

5 июля 1982 года. Вместе с группой моряков Вишня сошел по трапу научно-исследовательского судна «Профессор Визе» на пирс гамбургского порта. Еще на палубе он заметил долговязую фигуру Густава с огромной сигарой в руках.

«Значит, — решил для себя с улыбкой Константин, — опять наше дело табак! Интересно, во сколько они оценят мною добытые сведения. Да, черт возьми, я смог ответить только на десятую часть поставленных ими вопросов, но зато какой сюрприз я им привез, они же просто обомлеют!»

Густав размеренным шагом следовал впереди группы советских моряков и научных сотрудников, а, улучив момент, подал Константину знак, стараясь привлечь его внимание.

Группа тем временем вошла в супермаркет и начала увлеченно выбирать заказанные столичным начальством товары — это святое и

делается в первую очередь, пока не растрачены деньги, так что оторваться от «купцов» проблем не составляет.

Приблизившись к отставшему от группы Вишне, Густав концом сигары указал направление движения.

В баре быстро переложил себе во внутренний карман пиджака принятую в одно касание от попутчика коробочку с двумя фотопленками, но сигару передавать не спешил. Спросил, на все ли вопросы удалось ответить.

Константин выдержал театральную паузу и наигранно лениво ответил, что к указанной в вопроснике тематике он пока отношения не имеет. Но... Константин вновь сделал многозначительную паузу.

— Здесь, — сказал он и молча указал на карман собеседника, у которого от напряжения лоб стал покрываться испариной, — здесь находится нечто такое, что вас безусловно потрясет... Дорогой Густав, в знак симпатии к вам и к вашей готовности работать со мной без посредников, кто бы они ни были, даже моя сестра, я решил сделать вам небольшой подарок... В коробочке находятся две фотопленки. На первой — характеристики советского вооружения, поставляемого в Ирак. На второй — сведения, в которых нуждается всякая космическая и морская держава...

Там — обобщенная информация за последние пять лет гидрометеорологических исследований по российскому сектору Арктики...

Вишня заметил, как округлились глаза Густава, и он инстинктивно коснулся рукой кармана, где лежала коробочка. Такая реакция могла последовать только от человека, который имеет далеко не поверхностное представление о ценности доставленных Константином сведений, не говоря уж о том, с каким трудом и с какими затратами они добываются.

«Да он, оказывается, не просто связник, он — «профи», специалист высокого класса, если сразу понял, о чем идет речь! Ишь ты, даже вопросник сразу вылетел у него из головы! Надо быть с ним поосторожней. Такими вот сюрпризами, не дай бог, раньше времени доведу его до инфаркта... Или избалую прежде времени...»

— Константин, — взяв себя наконец в руки, прошептал Густав, — если правда то, о чем я только что услышал, то боюсь, нам мало выкурить одну трубку мира. — Густав указал на сигару в своей правой руке. — Здесь всего лишь пять тысяч долларов, а обобщенные сведения... Ну, да вы сами понимаете, они стоят много больше... Я остаюсь вашим должником... Вместе с тем для вашей безопасности прошу вас взять вот эти приспособления... Вам ничего не стоит ими овладеть, а используя их, вы

гарантированно недостижимы для возможных соглашенияев...

— Что это?

— Это фотоаппаратура и блоки для аккумуляции отснятых кадров, а материалы в виде фотографических микроточек вы можете накапливать вот здесь. — С этими словами американец подал Константину фотоаппарат, закамуфлированный под зажигалку «Ronson», и набор пуговиц, из тех, что крепятся на плащах или куртках.

— Снимки могут быть отпечатаны на основе любой из этих пуговиц, вместимость этого аккумулятора до тысячи кадров. Прочитав инструкцию, вы без труда овладеете всеми премудростями... Желаю удачи!

Кстати, в какой следующий порт прибывает «Профессор Визе»?

— В Рио-де-Жанейро... И не просите меня ответить на вопросы, которые вы мне вручили прошлый раз... Я к таким материалам пока допуска не имею, так что — до встречи в Рио! Только не светитесь на причале... Я выйду за пределы порта, ждите меня в автомашине... В Рио весь наш экипаж будет болеть за «Спартак» и с судна сразу отправится на стадион «Маракана»... Я никогда не был болельщиком, только преферансистом, так что, надеюсь, вы подберете мне место по вкусу... и по моим возможностям... До встречи!

Костя игриво подмигнул так и не пришедшему в себя Густаву и ловко принял протянутую ему сигару со словами:

— Хотя у меня еще и не кончился полученный от вас аванс... Что ж, да не оскудеет рука дающего, а остальное — в Рио! Пока!

«Ничего, — подумал Константин, направляясь к своему кораблю, — пусть привыкают... Он и его хозяева... Пусть сразу усвоят, что не на мальчика напали...

Играть — так уж играть по-крупному... С первого же захода надо заявить о себе как о равноправном партнере, как об источнике информации, с которым они обязаны считаться... Наше дело добыть — ваше оплатить добытое... А то ишь! Он мне в сигаре подаяние протягивает... пять тысяч «баксов» и хочет этим ограничиться...

Да за результаты каждого года гидрометеорологических исследований американская НАСА, уж не говоря о ВМС США, должны мне по десять тысяч долларов!.. Стоп! Отдадут ли? Не поступят ли так, как французы с «Лион Креди»? Черт бы побрал эти западные демократии!.. Ладно, демократии никуда не денутся, а в Рио мы с Густавом рассчитаемся по полной программе, так ведь, мой новый оператор? Ты ж наверняка не будешь меня обманывать по мелочам, как это делала моя сестрица-скареда!..»

Вернувшись на судно, что было им заранее запланировано — якобы забыл взять деньги, — Константин первым делом выпотрошил сигару, спрятал полученные инструкции в электророзетку, служившую тайником. Затем взвесил на ладони пачку денежных купюр, пересчитал их. Вспомнил, что в ювелирном отделе супермаркета видел золотой браслет. Кажется, он стоил 1550 марок. Вот это будет первый подарок Оксане! Так он и сделал.

На его беду потом этот браслет будет фигурировать на следствии в качестве вещественного доказательства... Но — это потом! А пока надо жить сегодняшним днем!

Азартный игрок

В Рио — праздник. Наш «Спартак» встречается с национальной гордостью бразильцев футбольной командой «Фламенго».

Город буквально сошел с ума. От постоянного грохота барабанов, пестроты платьев и рубашек самой немыслимой расцветки, тысяч людей,двигающихся к стадиону и самозабвенно танцующих самбу, у Константина с непривычки закружилась голова.

Ритм барабанов настойчивый, неотвязный, кажется, что от него никуда не деться и не спрятаться. Он проникает во все поры организма, вводит в транс. Но через несколько минут к нему привыкаешь настолько, что перестаешь обращать внимание.

«Это удача, — подумал Вишня, как только «Профессор Визе» ошвартовался в порту, — что наше прибытие совпало с футбольным матчем. При огромном стечении туристов в праздничной суете на улицах Рио легко будет оторваться от опостылевших коллег, да и местным спецслужбам не до иностранцев, в которых они сплошь видят шпионов. Рассказывал же тесть, каково здесь отношение к бледнолицым. А мы с Густавом и есть шпионы...

Вон, кажется, и он! Ба, да он не один... Наверняка приволок кого-то из начальства, чтобы показать меня, своего сверхценного источника...»

В том, что он стал таковым после передачи сводных данных гидрометеорологических наблюдений, Вишня не сомневался.

Густав призывно махнул рукой, и машина двинулась в направлении Константина. Через секунду он с разочарованием понял, что американец нанял такси.

«Возможно, местные правила американцы знают лучше, им виднее, такси так такси!» — успокоил себя Константин, плюхнувшись на заднее

сиденье.

Выбрались на загородное шоссе. По обе его стороны сплошной стеной высились мотели.

Густав сразу оживился, повернулся лицом к Константину и стал объяснять, что если в других странах мотель — просто гостиница для автотуристов, то в Бразилии у них иное основное предназначение.

Здесь мотели — это общеизвестные алтари любви, узаконенные публичные дома. Случается, что бразилец занимается любовью в одном номере мотеля, в то время как его жена предается утехам со своим дружкой — в соседнем.

Однако, как уверял Густав, не было случая, чтобы муж и жена когда-либо встретились в мотеле. Во избежание таких встреч там разработана целая система «безопасности».

По тому, как заблестели глаза рассказчика, Константин понял, что Густав большой охотник до этих мест и развлечений такого рода.

— Еще одна достопримечательность города, — продолжал американец, — это «бары свиданий». — Мы сейчас заедем в одно такое заведение, — взглянув на часы, сказал Густав. — Их обычно посещают люди в годах, вдовы и вдовцы, отцы приличных семейств и их жены. Бывает в таких барах и молодежь... Словом, завсегдатаями таких баров являются люди, которые по каким-то причинам не хотят содержать постоянных любовников или пользоваться услугами проституток, но имеют страстное желание заняться любовью прямо сейчас. Ну что делать, если приспичило!

Войдя в бар, Константин и Густав в числе других страждущих заняли столик, другие посетители предпочли усесться за стойкой.

Заказали по стаканчику спиртного (лучше, если это будет дорогой напиток, тогда и бармен окажет вам помощь в выборе партнера или партнерши), и начали, как и другие посетители, вертеть головами, делая вид, что присматриваются и прицениваются к окружающей публике, выбирая подходящую партнершу на пару часов, а то и на весь вечер.

— В таких местах, — продолжал Костин экскурсовод, — безо всякого стеснения можно предлагать свои услуги, не скрывать своих физических данных и возможностей: объем детородного члена, способы и позы, которые вам больше по душе, наконец, количество актов... Вон, вон, смотрите, Константин, симпатичная дама в годах подсаживается к молодому человеку... Да он ей в сыновья годится! Вот уже выходят... Значит, все в порядке! Сейчас они поедут в мотель, один из тех, что мы уже с вами видели... А вы сами, Константин, не хотели бы попробовать этих

экзотических плодов, когда-то еще доведется побывать в Рио?..

— Нет, дорогой Густав! Я люблю только свою жену, Оксану... И даже в ее отсутствие хочу только ее, простите, но это так...

— Въезд в мотель построже, чем в Ватикан, — продолжил свой устный экскурс по значным местам Рио Костин наставник, не обращая внимания на реплику своего подопечного о его привязанности к своей жене. — Миновав первые ворота, вы въезжаете в глухой крытый коридор и останавливаетесь у вторых закрытых ворот напротив маленького окошка администратора. Первые ворота в это время наглухо закрываются. Из расположенного со стороны водителя окошечка высовывается рука с жетоном, на котором указан номер бокса-гаража. Окошечко так мало, что вы не видите администратора, а он, в свою очередь, не видит вас, а уж тем более лица вашей спутницы или спутника.

После того как вы получили жетон, открываются вторые ворота, и вы въезжаете в длинный двор, с обеих сторон которого расположены боксы-гаражи, каждый под своим номером. Тут же сзади вас ворота автоматически закрываются. Найдя свой бокс, вы въезжаете в него, выбираетесь из машины и собственными руками закрываете железные ворота гаража.

Все! С этой минуты вы в полной безопасности, как у себя дома и даже надежнее.

Вместе с подружкой (или другом) вы поднимаетесь на второй этаж и попадаете в просторную комнату-спальню с зеркальными потолками и полами и роскошной постелью. Впрочем, стены тоже сплошь состоят из зеркальных стекол. В вашем распоряжении ванна, туалет и даже маленький бассейн. Если вы проголодались, вам достаточно поднять трубку внутреннего телефона, сделать заказ, и через десять минут вас по этому же телефону пригласят в столовую, где будет накрыт стол на двоих.

Покидая мотель, вы вновь останавливаетесь у ворот, но уже на противоположном конце двора, передаете свой жетон, получаете взамен счет, расплачиваетесь, ворота открываются, и вы выезжаете на улицу. Все! Круг замкнулся. Вы сделали свое дело при гарантированной анонимности: вас никто не видел, также как и вы не видели никого! Чистая работа.

Все мотели работают под одним девизом: «Делайте вашу любовь, господа, а мы побеспокоимся, чтобы об этом никто не узнал!» Я не утомил вас, Константин?

— Нет, отчего же, продолжайте, все очень интересно... Таковую свободу нравов, пожалуй, больше нигде и не сыщешь!

— Вы правы. Даже на улице, я уж не говорю о пляжах, вы можете

подойти к любой женщине, девушке ли и без обиняков сказать ей, что очарованы ее попой. Где-нибудь в другом месте вы рискуете схлопотать за такую бестактность по физиономии, но только не в Рио. Здесь ваши слова расценят как комплимент, и вам обязательно скажут: «Спасибо, сеньор!» И все это вполне естественно, даже без намека на продолжение или развитие знакомства... Боюсь, что мы уже заболтались и нам пора!

Густав взглянул на часы и поднялся из-за стола. Константин молча последовал за инструктором.

Когда они вышли из бара на улицу, было уже совсем темно. Густав свернул за угол и буквально растворился в чернильной темноте переулка. Огни большой улицы остались позади.

Константин ступал очень осторожно, чтобы обо что-то не споткнуться, прислушиваясь к шагам впереди идущего иностранца. Вдруг ему показалось, что он с хрустом разгребает ногами вороха листьев. Было такое впечатление, будто он бредет по весеннему подмосковному лесу, а под ногами пружинят слежавшиеся за зиму кипы опавших листьев.

«Что за чертовщина! — подумал Костя. — Вокруг ни одного дерева, откуда же здесь столько листьев? — Он чиркнул зажигалкой. — Бог мой! — Его башмаки утопали в ворохах использованных презервативов. Толщина покрова — не менее 10–15 сантиметров...

— Не удивляйтесь, дружище, — подал голос Густав, — ненасытные кариоки, выйдя из бара и усевшись в машину, сразу приступают к любовному акту... А презервативы выбрасывают в окно... Судя по тому, сколько их здесь накопилось, можно с уверенностью сказать, что дворники не убрали здесь пару дней...

— Пару?! — вскричал Костя.

— Не более, — тоном знатока заметил Густав, — если бы не убрали неделю, здесь на танке не проехать бы...

— А куда, кстати, мы направляемся?

— В конце переулка нас ждет мой шеф. Он и отвезет нас в казино... Вы ведь прошлый раз что-то там говорили о картах... Преферанс я вам не обещаю — игра в здешних краях редкая, но покер, баккара, «blackjack» — гарантирую...

— Ну, тогда уж лучше рулетка... — задумчиво произнес Вишня.

— Тоже неплохая идея! — одобрительно откликнулся американец. — Тем более, что деньги у вас есть... Теперь есть!

За рулем «Мерседеса» их поджидал Шеф.

Шпионаж накладывает отпечаток не только на внешний облик людей, активно им занимающихся, но даже и на их личность. Рожа становится

непроницаемой, как у бегемота, глаза бегают, ищут опасность. В походке, как и в речи, появляется вкрадчивость и обтекаемость, как у обмылка...

Тот, с кем предстояло познакомиться Вишне, полностью соответствовал этому описанию...

По-русски Шеф не говорил, а может, просто притворился, поэтому Константину представился случай блеснуть своим беглым английским с оксфордским произношением, обрушив на нового знакомого слова приветствия.

Это было благосклонно им воспринято. В знак одобрения тот что-то буркнул невнятное и неторопливо выпростал свое грузное тело с переднего сиденья, всем своим видом показывая, кто должен выступить в роли шофера.

Густав беззвучно занял место у руля. Поехали.

Константин ожидал, что сейчас на него обрушится шквал похвал, вопросов, советов или предостережений. Ничего подобного! Ехали в полном безмолвии.

Единственная фраза, которой Шеф удостоил агента, были слова: «Значит, вы у нас азартный молодой человек?»

Константин всегда с легкостью настраивался на волну настроения собеседника. Поняв, что этот флегма-Шеф терпеть не может людей, которые мельтешат и рассыпаются бисером по любому поводу, Вишня в тон вопроса односложно ответил:

— Да, немножко...

Эта фраза, как оказалось, раззадорила толстяка.

— Шпионаж — это азарт, не так ли? — оживился он.

— Это — азартное и прибыльное ремесло! — не остался в долгу Костя.

— И до каких пор вы готовы делать ставки?

— Простите, вы имеете в виду сегодняшний вечер или?..

— Или...

— Ставки я готов делать до тех пор, пока мне будет гарантирована безопасность и... я буду в выигрыше! — почти с вызовом ответил Константин.

— У нас нет больших забот, чем ваша безопасность!

...Войдя в казино, Константин мысленно сделал себе установку: «Энергия. Целеустремленность. Бесстрастность. Решительность и уверенность во всем» — и направился к ближайшему автомату.

Оказалось, что это был самый дорогой игровой автомат — пять долларов ставка. Густав, как мальчик на побегушках, метнулся к кассе и

вернулся с кучей жетонов.

Через пять минут Вишня понял, что автомат никудышный. Играл он осторожно, бросая по одному жетону, разумеется, прибыль была ничтожная. Он понял, что надо удвоить ставку, но опять ничего не вышло, так как бездушный металлический робот готов был выплачивать деньги лишь в том случае, когда Константин делал мизерные ставки. А при больших он с отвратительным скрипом вообще отказывался что-либо выдавать. Этот ящик явно был поставлен здесь, чтобы издеваться над игроками!

Это тем более выглядело странным, ибо противоречило всем канонам азартных игр: новичкам всегда везет...

— Не заняться ли нам рулеткой? — вкрадчиво подсказал Густав. Костя от неожиданности едва не сполз со стула. Увлечшись игрой, он совсем забыл о присутствии сопровождающих.

— А где Шеф? — в свою очередь спросил он.

— Шеф в баре, его эти забавы не интересуют...

— Тогда идем к рулетке!

Чтобы немного отойти от общения с выведшим его из равновесия железным монстром — игральным автоматом, Костя прогулялся по залам и наконец уселся за один из самых дешевых столов. Ставки — 2,5 доллара. Тут же за его спиной, как бессменный часовой, вырос Густав.

Через пятнадцать минут игры Константин забыл о той установке, которую сделал себе при входе в казино. Благоразумие уступило место страсти, азарт выигрыша застилал глаза. Пока чужого выигрыша. Одна дама при нем за какие-то десять минут уже успела обогатиться на 12 тысяч долларов! Черт возьми, Густав что-то там сказал, что теперь у меня, в моем резерве, есть деньги! Интересно, во сколько они оценили переданные мной сведения? Нет, надо ломать игру. Прочь мелкие ставки!

На вращающемся круге вдруг блеснула шестерка. Костя бросил взгляд на таблицу — никто на шестерку не поставил. Еще один мимолетный взгляд на круг, и опять блеснула шестерка. Да сколько же их там?! В то же мгновение к его уху наклонился Густав:

— Константин, шестерка — это ваш шанс, быстрее!

В ту же секунду раздался голос крупье:

— Ставки сделаны. Ставок больше нет!

В последний момент Густав успел бросить десять жетонов на шестерку.

— Шесть, черные! — объявил крупье и поставил на Костины жетоны серебряную рюмочку. Выигрыш! Для Кости это было полной

неожиданностью. Общение с автоматом, прежние мелкие ставки заставили уже свыкнуться с мыслью, что отсюда придется уйти не солоно хлебавши, и вдруг!

Выигрыш ошаршил. Еще бы! Десять жетонов — это почти тысяча долларов. Неплохо. Оцепенение прошло. Появился боевой задор.

За это время была произведена выплата, Густав сделал новые ставки, и колесо вновь запустили. И опять выскочила шестерка! Костя пришел в себя, когда Густав набивал его карманы после второй выплаты, приговаривая:

— Константин, возьмите себя в руки, на вас же лица нет! Все! Мы уходим... Вашего выигрыша вполне хватит, чтобы оправдать перед коллегами с «Профессора Визе» все покупки, которые вы завтра сделаете... А сейчас мы уходим!

— Ни в коем случае! Нельзя же прерывать игру на самом интересном месте?!

Решив действовать по наитию свыше, Константин спросил у Густава, какую сумму из причитающихся ему денег тот готов выделить ему на игру.

В тот же момент Вишня услышал за спиной покашливание. Это был Шеф. Глаза навывкате, из которых, казалось, струится виски. А что еще может пить янки, находясь в Бразилии, ну, не тростниковую же водку — кашасу?!

Шеф решительно кивнул головой в сторону выхода. Косте и без слов стало ясно, кто здесь хозяин...

В машине состоялся короткий, но предельно жесткий разговор.

— Молодой человек, вы, познакомившись с нами и заключив с нами устный контракт, никогда не должны терять головы и чувства меры... Это — во-первых. Во-вторых, не обольщайтесь насчет переданной вами в Гамбурге информации. Она хотя и заслуживает определенного внимания, но стоит не так дорого, как оценили ее вы, да к тому же потребуется время, чтобы ее перепроверить. А пока специалисты считают, что она тянет не более чем на три...

— На три тысячи долларов? — быстро спросил Костя.

— Нет, на тройку по десятибалльной шкале оценок в школе... Поэтому я предлагаю вам не блуждать в свободном поиске, а строго придерживаться наших вопросников. Четкие ответы на наши вопросы — гарантия ваших высоких заработков! А нет товара — нет денег, — прохрипел Шеф. — Мне вас рекомендовали как сложившегося профессионала, я же вижу перед собой ученика начальных классов... Впрочем, предоставляю вам еще одну попытку заработать. Вот тут анкета.

Ответьте на вопросы. Постарайтесь к завтрашнему утру ответить на все сразу. С вами будет работать мой коллега, молодой парень. У него тоже будет к вам несколько технических вопросов. Он вас найдет сам. А я с вами встречу в Монтевидео...

— А Густав? — не выдержал Костя. — Мне бы не хотелось лишнего паблисити!

— Ну, этот вопрос мы берем на себя, вам не о чем беспокоиться... Я же вас предупреждал, что ваша безопасность — у нас на первом месте... Как и ваша производительность труда! — Шеф хохотнул своей шутке и бросил на сиденье Константина какую-то трубку...

Вернувшись на судно, Вишня увидел, что переданная ему вещь представляла собой картонную тонкую трубу, открытую с обеих сторон. Внутри была бумага. Он долго не мог эту бумагу вытащить. Пришлось обрезать трубку по уровень бумаги.

Это был перечень технических вопросов на английском языке. Требуемые данные были ему в основном известны.

«Черт бы побрал этих педантов американцев! — Костя в сердцах ударил кулаком по стенке кубрика. — Французы были куда как демократичнее... А теперь, что я вижу? Штатникам нужны все новые и новые данные о советских военных кораблях, двигателях для атомных подводных лодок, оборонных предприятиях, о тех, кто там работает... Где ж мне все это взять, я не господь бог?!

Черт бы побрал тебя, Мальвина, никудышной свахой ты оказалась, сестрица! Где же тот золотой дождь, что должен был на меня пролиться в связи с моей передачей на связь серьезным людям... Серьезные — это те, кто хорошо платит! А я что вижу и слышу? Ни условий контракта, ни банка, куда будут помещены мои деньги! Даже не названа цифра их вознаграждения за сводные данные гидрометеорологических исследований!..

А я для них, этих серьезных людей, оказывается, всего лишь «ученик начальных классов»! Вопиющая наглость! Зачем же я переходил из Госплана в Госкомгидромет? Чтобы ждать, когда американцы мне швырнут подаяние? Ну, Мальвина, погоди! А может, плюнуть на все и прямо отсюда рвануть в Париж или даже в Нью-Йорк?.. Нет! Это уже — слабость, — сказал сам себе Константин, — надо еще выждать немного, а там будет видно...»

Всю ночь он аккуратно заполнял вопросник и лишь к утру забрался под одеяло и долго ворочался, прежде чем забылся беспокойным сном. Не давал покоя один и тот же вопрос: «Интересно, как среагируют на мои

ответы американцы... Ведь я и половины не знаю из того, что их интересует. Давно уже этими делами не занимался. Лишь по памяти кое-что удалось восстановить про новые подлодки, но янки требуют точных данных. Восемьдесят вопросов, и в каждом еще по два, по три подвопроса, а где взять ответы? Ну, ничего, что-нибудь придумаю. Пусть попробуют проверить».

Утром Вишня вновь сошел на берег. У старинного особняка на авениде Атлантика услышал вопрос по-английски: «Дорогой друг... Вы ответили на нашу анкету?»

Перед ним стоял молодой лысеющий блондин высокого роста с синей пластиковой сумкой в руке.

Константин неторопливо повернул голову влево-вправо и передал ему бумаги. Тот достал из кармана какой-то листок, сверил его с почерком Константина и, поблагодарив, быстро сунул ему такую же картонную трубку, что передали ему днем раньше, и тут же ушел, бросив на прощание:

— До встречи в Монтевидео!

Вопрос: «А деньги?» застрял у Кости в горле...

В трубочке был новый вопросник. Еще обширнее. И записка: «Дорогой друг! Своим согласием работать вместе с нами вы строите для своей семьи лучшее будущее в цивилизованном мире! Благослави и сохрани вас бог!»

Помимо вопросника в трубочке, полученной от Лысого, был конверт с пятьюстами долларами — не густо! — и еще три любопытные бумажки.

Во-первых, описание способов конспиративной связи в Ленинграде и в Москве — адреса, телефоны, условные метки, с помощью которых можно экстренно выйти на Густава в случае, если Константин неожиданно раньше времени окажется в СССР. В случае же, если ему не скоро удастся вновь выехать за рубеж по каналу Госкомгидромета, ему предлагалось не возвращаться в Госплан, а устроиться на работу на какое-либо оборонное предприятие.

«Полный абсурд! — подумал Константин. — Я, бывший чиновник престижной синекуры — Госплана, — должен пойти устроиться на работу простым инженером в почтовый ящик! Да оттуда я уже никогда не попаду за границу! Они что? Не знают этого, или им просто наплевать на мое будущее?! Вам, господа хорошие, нужны сведения, а я хочу с деньгами прибыть на постоянное жительство за границу... Как же нам с вами найти общий знаменатель?.. Ладно, что-нибудь придумаю...»

Во-вторых, ему сообщали, что отныне он для ЦРУ не просто Вишня, а агент по кличке Даниэль. И именно так и надо ему впредь подписывать все

свои донесения.

В тексте была приписка: адреса и телефоны непременно выучить наизусть, а бумажки, на которых все это написано, опустить в стакан с водой, и они в ней растворятся.

И, наконец, на третьем листке был начертан график, когда ему предписывалось включать радиоприемник, чтобы прослушивать дополнительные инструкции. Там же были указаны частоты и условные фразы...

Повеяло чем-то очень знакомым... А, ну да, конечно, все это он уже видел в советских фильмах о шпионах, когда учился в школе! Воистину жизнь движется по спирали...

* * *

До Монтевидео Костя не добрался. Утром был объявлен общий сбор, и капитан судна заявил, что три члена экипажа поражены какой-то неизвестной тропической болезнью. Они сейчас находятся в лазарете, а всем остальным категорически предписывается пройти экспресс-медосмотр.

Научные сотрудники начали было роптать, доказывая, что все прививки ими сделаны, но капитан был непреклонен:

— Не хватало мне еще перед пенсией заразу какую-нибудь в Союз завезти и угодить из-за вас за решетку! Шляетесь, понимаешь, где ни попадя, по разным бардакам, вот и подцепили какую-то экзотику... Короче! Приказываю всем под роспись у судового врача пройти немедленно медосмотр!

Выход в город до окончания медицинского освидетельствования отменяю! Вопросы?!

Вопросов не было. Никому не хотелось рисковать своим здоровьем. Каждый задавался одним и тем же вопросом: «А вдруг и впрямь какая-то новая зараза в этих широтах завелась? Господи, и как здесь, в этом климате, в этом смертоносном рассаднике, удастся выживать аборигенам?!»

Кроме того, никто не желал попасть в «черные списки» заместителя капитана по режиму. Ишь, как этот гэбэшный прихвостень сверлил всех глазищами, будто все мы уже как минимум проказу подхватили и на борт ее приволокли!

Костю в числе еще двух неудачников судовой врач счел носителем вируса той самой «экзотики», о которой громогласно распространялся

капитан.

Всех троих быстренько высадили на берег и отвезли в аэропорт, где первым же рейсом они были отправлены в Союз.

А вся история с «экзотическим вирусом» была придумана подполковником Козаченко, как только он выяснил, где находится объект Вешний, подозреваемый в шпионаже в пользу иностранных спецслужб.

Чтобы не вызвать беспокойств у возможных связников Вешнего, которые предположительно могли искать с ним встреч на маршруте движения «Профессора Визе», а также чтобы объяснить его отсутствие, перед каждым заходом в последующий порт на судне вывешивался флаг-предупреждение, означавший, что среди экипажа имеются пораженные инфекцией люди. В довершение ко всему судно теперь парковалось на дальнем рейде и выходы членов команды на берег были сокращены до минимума — только рабочие камбуза и судовой врач, которые сходили на берег для закупки продуктов и объяснений с местными властями. А что делать? Ведь инфекция на корабле!

Не учел Козаченко одного: изобретательности своего подопечного, объекта оперативной разработки «Вешний».

Выслушав вердикт судового врача, из которого следовало, что у него выявлены все признаки наличия в организме того самого «экзотического вируса», и узнав, что все личные вещи подлежат сожжению здесь же, на корабле, Костя прибег к способу прятать у себя на теле деньги и инструкции, которому его обучил Густав. Засунув бумаги в стеклянную пробирку из-под валидола, он затолкал ее себе в прямую кишку...

Жаль было только золотого браслета, купленного в подарок Оксане, который пришлось оставить на борту «Профессора Визе» — на этом настоял врач.

Правда, расписку о сохранности и возвращении браслета после прохождения карантина этот эскулап и помощник капитана по режиму написали. Да что браслет? Дело наживное, побыстрее бы от этого вируса избавиться, черт бы его побрал!

В Москве, в инфекционном отделении Боткинской больницы, куда были доставлены «зараженные», их изолировали друг от друга, разместив по разным палатам и категорически запретив общаться с окружением. После чего начали их обследовать и наблюдать. А уж если быть до конца точным, то под наблюдением находился лишь один «пациент» — Вешний.

Два дня Константин осматривался и изучал режим работы медперсонала инфекционного отделения. За это время у него взяли все возможные пробы на предмет выявления того самого «экзотического

вируса»: кровь из пальца и из вены, мочу, кал. Даже соскобы верхних слоев эпителия на голове и других частях тела. И ласково, но безапелляционно порекомендовали ждать результатов анализов.

На третий день, прогуливаясь по тенистому больничному двору-парку и заметив, что обслуживающий персонал не обращает на него никакого внимания, Костя перемахнул через забор, поймал такси и, как был в больничной пижаме, так и заявился на квартиру тестя.

Радости Оксаны не было предела, но Константину было не до сантиментов. Надо было срочно поставить в известность своих работодателей о том, что он попал в непредвиденный переплет — угодил в больницу. Отослав жену расплатиться с таксистом, Костя бросился к телефону.

Женский приятный голос с легким иностранным (прибалтийским?) акцентом коротко поинтересовался, где он сейчас находится. Узнав, что он в Москве, в больнице, голос пожелал ему скорейшего выздоровления и порекомендовал через день заглянуть в «садик», где для него будет оставлена посылка.

Через час Константин, спрятав в палате захваченные из дому джинсы и майку, как ни в чем не бывало опять разгуливал по больничному двору...

Глава 2

КАПКАН ДЛЯ РЕЗИДЕНТА

КОМУ НЕ СПИТСЯ В НОЧЬ ГЛУХУЮ...

К вечеру 16 августа 1982 года над Москвой нависла грозовая туча. Хлынул дождь, разогнав послеполуденную духоту и запоздалых туристов, бродивших у храма возле Серебряно-Виноградных прудов в Измайлове. Поднимая фонтаны брызг, неслась по шоссе одинокая машина. Вспышка молнии осветила на мгновение дипломатический номер посольства США в Москве.

Авто остановилось неподалеку от окруженного рвом собора, из него вышел атлетического сложения молодой человек и осторожно достал из багажника тяжелую спортивную сумку. Воровато оглядевшись, нырнул в заросли кустарника. Промокший до нитки, он выполз оттуда через минуту и вновь придирчиво осмотрелся. Никого. Только дождь да всполохи молнии. Иностранец облегченно вздохнул, небрежно бросил пустую сумку в багажник, уселся за руль и был таков...

Далеко за полночь сотрудники Службы генерала Маслова вернулись из Измайлова. В кустах, где ползал под дождем любитель ночных прогулок из американского посольства, они обнаружили огромный валун, камень-тайник, внутри которого находились инструкции, микрофотоаппаратура, вопросник, шифр-блокноты и крупная сумма денег в советских рублях.

Сопоставив два факта: звонок Вешнего (телефон его тестя продолжал оставаться на контроле) в Американский культурный центр и ночную блицпрогулку американского дипломата в Измайловский парк, Маслов коротко бросил присутствующему в его кабинете Олегу Козаченко: «Что ж, завтра будем брать, а далее — по плану!» После чего позвонил заместителю командира «Альфы» подполковнику Владимиру Зайцеву и оговорил детали захвата.

...Рано утром следующего дня, едва солнце позолотило коричневую воду рва, у зарослей кустарника появился кучерявый молодой человек привлекательной наружности с сумкой в руках.

В этот час на аллеях парка не было ни души.

Молодой человек посмотрел по сторонам, нагнулся и скрылся в зарослях. Через минуту он ползком, таща за собой неподъемную сумку, выбрался на тропинку.

Резко выпрямился — и от неожиданной тяжести и внезапно

нахлынувшегося страха осел — подкосились колени. Сидя на корточках, снова огляделся.

Нет, ничего опасного — просто раздался гудок вынырнувшей из тоннеля электрички метро.

«Быстрее, быстрее отсюда!»

Страх гнал его от этого места. Подспудный, неосознанный, но... не обосновательный. Озираясь по сторонам, кучерявый с трудом вскинул сумку на плечо и тут же оказался в объятиях «сорохватов» из «Альфы».

На первом же допросе, который Маслов проводил в присутствии Козаченко, Костя развернулся во всем блеске своего предательского дарования: прямая ложь, ложь в форме умолчания — признавал только то, что уже и без того было известно контрразведчикам, — наконец, подтасовка и сокрытие фактов.

Однако, как только Маслов объяснил задержанному, что, лишь сотрудничая с органами контрразведки, он может рассчитывать на снисхождение в будущем, он тут же развернулся на сто восемьдесят градусов и стал давать правдивые показания, выкладывая все до мелочей.

Устный контракт о сотрудничестве был заключен.

Вынужденные откровения «Даниэля»

В начале своего повествования Вишня с пафосом представился, сообщив свой рабочий псевдоним: Даниэль.

Маслов и Козаченко переглянулись, едва сдерживая улыбки: им он был известен как Вешний — под этой кличкой он проходил по делу оперативной разработки, да и вообще значился в файлах КГБ.

— Очень приятно, господин Даниэль! У вас очень звучное имя, но на текущий момент нас более интересует, когда, где и как вы должны осуществить следующий сеанс связи с вашими работодателями.

Вишня открыл инструкции, изъятые из валуна, и коротко сказал:

— Я должен заложить тайник в Ленинграде, на сороковом километре Приморского шоссе...

Место известно: в этом районе трасса Ленинград — Зеленогорск имела ответвление к дачам руководящих сотрудников генконсульства США в Ленинграде. Среди них было несколько установленных разведчиков ЦРУ, сидевших «под корягой» — действовавших под дипломатическим прикрытием. Кому же конкретно выпадет кон изымать тайник?

Посоветовавшись, Маслов и Козаченко пришли к выводу, что такого

ценного агента, каким был для американцев Вешний, может вести только сам резидент ЦРУ в Ленинграде Лон Дэвид фон Аугустенборг.

Чтобы получить подтверждение своим догадкам, Маслов выложил перед задержанным десяток извлеченных из сейфа фотографий.

— Который из них? — коротко спросил генерал.

Константин, ни секунды не сомневаясь, указал на фотографию Густава. Да, это был именно Аугустенборг. Удача!

Подумав, Вишня добавил:

— Этот человек первым вышел на меня, встречался со мной на Патриарших прудах в последней декаде июня, по его настоянию я уволился из Госплана и перешел в Госкомгидромет, от него и получил первое задание.

По предложению Маслова решено было брать американца с поличным во время выемки тайника.

Господин фон Аугустенборг, вы хотите секретов? Их есть у нас... с сюрпризами!

Шпионские инструкции: по прочтении запомнить!

Реализацию устного контракта о поставке Вешним информации контрразведчики начали с того, что предложили ему продемонстрировать технику вызова на безличную связь своего оператора. Тот согласился, пояснил, что все начинается с дома № 11 по улице Пестеля в Ленинграде. Маслов и Козаченко срочно вылетели в северную столицу. Через день туда же альфовцы, которые, как предполагалось, должны будут участвовать в задержании Аугустенборга, доставили и Константина.

В порядке проведения оперативного эксперимента 24 августа Вешнего привезли на указанное место. Он пояснил, что на левом углу фасада дома ему предписано поставить черным фломастером жирную цифру «2».

— Это знак, — дрожа от возбуждения, сказал Костя, — что контейнер в Измайлове мною изъят благополучно. Это место именуется как «Вход»...

Было известно, что мимо этого дома регулярно проезжают высокопоставленные сотрудники генконсульства США, двигаясь с семьями на свою дачу в Зеленогорске.

Присутствовавшие офицеры оглянулись по сторонам. Действительно удобно. Едешь себе в машине из генконсульства, разглядываешь красивых женщин. Подъехав к дому под номером одиннадцать, бросаешь взгляд влево, видишь «двойку»: ну, так и есть — контейнер в Москве изъят! Не

останавливаясь, спокойно продолжаешь путь. Как ни в чем не бывало.

— Сразу после того, как американцы увидят условную «двойку» у «Входа», — продолжал Вешний, — мне по радио передадут подтверждение, что сигнал ими принят. В том же сеансе обозначат, где я должен заложить тайник^[5].

— Но вы ведь и сейчас уже знаете, где вам предстоит заложить следующий тайник, не так ли? У вас же есть шпаргалка. Зачем же нужен радиосеанс? — подсказал Козаченко Вешнему.

— Да, это так. В присланных американцами инструкциях есть график передачи материалов с условным обозначением каждого места тайника, он полностью совпадает с ранее полученным. Но радио я должен слушать независимо от наличия графика — американцы могут внести коррективы по ходу дела... А я могу что-то перепутать от... — Вешний замялся, подыскивая нужное слово. — Поэтому американцы подстраховываются, передавая мне напоминание по радио.

Вообще, мы... простите, я хотел сказать: американцы используют следующие места для закладки материалов и установления меток:

Владимирская площадь

Эта площадь у рынка именуется «Влад». Если машина генконсульства США стоит носом к тротуару — значит, закладка сделана в Ленинграде. Если багажником к тротуару — в Москве.

Кронверкская улица, 16

Каждый раз по возвращении из рейса я должен ставить цифру «2» на фасаде дома № 16. Это — знак моей готовности принять сигнал о закладке американцами тайника.

Перекресток улиц М. Горького и Кронверкской

С перекрестка этих улиц хорошо видна телефонная будка. Это место называется «Максим». Здесь я должен ставить метку, что готов заложить в тайник собранные мной материалы.

Проспект Добролюбова, 1/79

Этот дом обозначен как «Добро». Так же, как и на Кронверкской, каждый раз после закладки материалов в тайник мне следует поставить на стене проходного двора свою «двойку».

Приморское шоссе, 40-й километр

Тайник «Сорок». Таким названием обозначается дорожный указатель на 40-м километре Приморского шоссе. Как я уже сказал, здесь я должен заложить нынешние материалы...

Таким образом, сейчас моя ближайшая задача в том, чтобы заложить

материалы на Приморском шоссе и вслед за этим поставить цифру «2» на проспекте Добролюбова 1/79... — подытожил свой рассказ Вешний.

Тон, которым это было произнесено, не оставлял сомнения в том, что помощник по принуждению близок к коллапсу. А вот этого допустить было никак нельзя. Вешний должен еще заложить тайник «Сорок», где разыграются основные события.

Кроме того, он еще должен... Да мало ли что он еще должен! К его долгам вернуться мы успеем, решили Маслов и Козаченко, а сейчас надо срочно его приободрить.

— Ну что ж, похвально, что вы готовы сотрудничать с органами безопасности... Это в какой-то мере свидетельствует о вашем раскаянии и будет обязательно зачтено вам в дальнейшем... Ну, а сейчас проверим на практике изложенный вами теоретический курс «молодого бойца»... За работу!

5 сентября Вешний под присмотром альфовцев поставил «двойку» в месте «Максим». На следующее утро по пути на работу сотрудник генконсульства США слегка притормозил у телефонной будки и зафиксировал метку. 10 сентября, в субботу, в семь часов вечера у указателя на 40-м километре появилась ничем не примечательная тряпка, измазанная в мазуте. Внутри была консервная банка с информацией от Даниэля. (Ведь о том, что Константин Вишня работает под присмотром нашей контрразведки, американцы не догадывались, и он по-прежнему оставался для них надежным агентом по кличке Даниэль.)

Над подготовкой материалов, которые предназначались для закладки в контейнер, контрразведчикам пришлось изрядно потрудиться, ибо «деза» должна выглядеть правдоподобно.

Если что-то вдруг не заладится и контейнер будет все-таки изъят господином фон Аугустенборгом, то не должны же американцы получить интересующую их информацию разведывательного характера из рук самих контрразведчиков! Это было бы уж слишком.

В ту же ночь на проспекте Добролюбова в условленном месте «Добро» появилась очередная «двойка».

...Утром в воскресенье 11 сентября американский разведчик, действовавший под прикрытием торгового атташе генконсульства США, Эдвард Мюллер убедился, что метка поставлена, и, прибавив газу, помчался на Приморское шоссе. Не сбавляя скорости, он свернул с трассы на дорогу, ведущую к дачам. Семейство Аугустенборгов находилось там с пятницы.

Через сорок минут после прибытия Мюллера на дачу оттуда на большой скорости вылетел «Форд» с дипломатическими номерами, за

рулем которого сидел не Аугустенборг, а молодой сотрудник генконсульства. И хотя его принадлежность к ЦРУ не вызывала сомнений, но он никак не вписывался в схему, разработанную лучшими умами КГБ СССР... Что за черт, неужели ошибка, и тайник будет изымать не резидент, а его подчиненный?! Это не входило в расчеты чекистов и уж тем более в планы Андропова, который из предстоящего разоблачения высокопоставленного шпиона собирался извлечь максимальные политические дивиденды!

Вдруг поступил сигнал, что Аугустенборг с женой и двухлетней дочкой покинули дачу. Все ясно: молодой цэрэушник — это всего лишь «передовой дозор».

Действительно, первая машина миновала 40-й километр не останавливаясь. Но зачем резидент прихватил с собой домочадцев? Чекисты успокоили себя тем, что жена и дочь выполняют роль прикрытия.

...Внешне на шоссе все было спокойно, когда Лон Дэвид резко свернул к столбу с отметкой 40-го километра. Из «Мерседеса» вышла его жена Дэнис, неся на руках дочь, укутанную в детское одеяльце.

Со стороны все выглядело так, будто заботливая мать хочет помочь своему дитяти сделать «пи-пи». Одеяльце соскользнуло с тела ребенка и упало, точно накрыв лежащую на бетонном основании столба грязную тряпку-контейнер.

Скорчив брезгливую гримасу, будто ей неприятно поднимать перепачканную вещь, Дэнис в одно касание подхватила одеяльце и, держа его одной рукой, а дочь — другой, поспешила к автомашине.

Ловкость, с которой американка подхватила одеяльце, не оставляла никаких сомнений, что мизансцена с «пи-пи» тщательно отработывалась.

Аугустенборг в это время сидел в машине с включенным двигателем, держа ногу на педали газа и нервно барабаня пальцами по рулевой баранке.

Миссис Аугустенборг открыла заднюю дверцу, бросила одеяльце с тряпкой на пол, ребенка усадила в детское кресло, притороченное к заднему сиденью, и уже собралась сесть рядом, как вдруг перед ней прямо из-под земли выросли гренадеры в камуфляже.

В ту же секунду надрывно взвыл мотор «Мерседеса» — это Лон Дэвид до упора выжал акселератор, пытаясь во что бы то ни стало сбежать с изъятым контейнером. Напрасно! Радиатор машины тут же уперся в колесо бензовоза. Слева от «мерса» остановился еще один.

Дэнис билась в истерике на руках у гренадеров...

И на старуху КГБ найдет проруху...

Как уже было сказано, операция по захвату резидента ЦРУ, действовавшего с позиций генконсульства Соединенных Штатов в Ленинграде, Лона Дэвида фон Аугустенборга, проводилась по личному указанию Председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова.

Но одно дело «высочайшее повеление», даже исходящее от такого признанного в чекистской среде авторитета, каким был Андропов, другое — реализовать его: взять с поличным сотрудников ЦРУ!

Задача оказалась сверхсложной. Место, на котором предстояло осуществить операцию, — открытое, как столешница: слева и справа от Приморского шоссе чистое, хорошо просматриваемое во все концы поле. Спрятаться группе захвата на обочине невозможно.

А о том, чтобы устроить засаду непосредственно на шоссе, не могло быть и речи, ибо, появившись на шоссе какие-нибудь «ремонтные бригады» или «сотрудники ГАИ», расследующие дорожно-транспортное происшествие, — все, пиши пропало.

Аугустенборг — разведчик матерый и осторожный, хорошо осведомленный об ухищрениях, к которым прибегают наши контрразведчики при проведении операций по задержанию. С ним вчерашние хохмы из театра имени «Советской контрразведки» не пройдут.

Заметить резидент у места закладки тайника «ремонтников» или «гаишников», даже если бы они были всамделишные, он не станет рисковать и не остановится, чтобы изъять контейнер. Он попросту перенесет сеанс связи на другое время в другом месте.

Надо было найти какой-то оригинальный ход, нечто из ряда вон выходящее, доселе не встречавшееся ни в разведывательной теории, ни в контрразведывательной практике. И тогда кто-то из бойцов группы захвата вспомнил!

* * *

Годом раньше от службы наружного наблюдения, работавшей по Москве, во Второй главк поступило сообщение, что два американских дипломата на автомобиле сумели оторваться от слежки и вернулись в посольство только поздним вечером.

Было ясно, что они выезжали на спецоперацию, но какую? Столь

длительное отсутствие указывало на то, что операция не только связана с выполнением работ технического характера, но и осуществлялась за пределами столицы. Но где именно, вот в чем вопрос!

В том секторе, где исчезли американцы, контрразведчики прочесали все режимные объекты. Добрались до сверхсекретного коммуникационного центра, что в 30 километрах к юго-западу от Москвы. Здесь сходились линии правительственной и оперативной связи центрального аппарата КГБ СССР и служб внешней разведки. Там же проходил канал связи с лазерным центром, расположенным в городе Троицке.

В результате тщательных поисков в нише, вырытой рядом с колодцем спецсвязи, был обнаружен контейнер. От него к кабелям тянулись провода. Контейнер являл собой суперсовременное устройство для перехвата и записи сигналов, проходящих по кабелям телефонной, факсовой и телетайпной связи. При накоплении информации приемно-передающее устройство в автоматическом режиме сбрасывало ее через спутник в Соединенные Штаты.

Именно таким оригинальным способом американская разведка собиралась перехватывать секретные сообщения. Поскольку источники питания устройства и магнитофонные пленки кому-то необходимо было периодически заменять, контрразведчики решили подготовиться к встрече «охотников» за чужими секретами и взять их с поличным.

Задача оказалась сложной. Колодец располагается неподалеку от Калужского шоссе, а вокруг чистое, хорошо просматриваемое во все концы поле. Только вдалеке виден небольшой лесочек.

От лесочка была прорыта узкая траншея длиной в полтора километра для проводов связи, а возле колодца обустроен схрон.

По многу раз в день бойцы «Альфы» имитировали приезд американцев и их захват. На все отводилось полторы минуты. Тренировались до седьмого пота, чтобы вовремя оказаться на местах.

Все было готово к приему «почетных гостей», а они... не приехали. По-видимому, контейнер имел электронную защиту от чужих посягательств, и, когда к нему прикоснулись, он послал хозяевам SOS-сигнал на спутник о провале объекта.

Как выяснилось по прошествии нескольких лет, ЦРУ удалось подкупить одного из прорабов, руководивших строительством коммуникационного центра, и в течение года успешно вести съем информации.

В дальнейшем колодец, сменяя друг друга, посещали сотрудники американской резидентуры, действовавшей под прикрытием посольства

США в Москве.

Делалось это так.

Территорию американской дипломатической миссии на Садовом кольце одновременно на большой скорости покидали не менее десятка автомашин с установленными разведчиками за рулем. Уходили «веером», врассыпную, чтобы отвлечь и растащить силы наружного наблюдения. Вслед за этим из ворот посольства с черепашьей скоростью выползал неприметный грузовичок-фургон, в котором скрывался техник, одетый туристом. Выбравшись из города, грузовичок обретал немыслимую прыть: на нем был установлен мотор гоночной машины.

На некотором расстоянии от колодца «турист» покидал фургон и с рюкзаком за плечами, посыпая следы спецпорошком (чтобы сбить с толку служебно-розыскную собаку), добирался до заветного пункта назначения. С помощью гидравлических инструментов (вспомните рюкзачок!) открывал люк и забирался в колодец. Все, игра сделана!

* * *

Местность у Приморского шоссе напоминала ту, что альфовцы уже «прорабатывали» в Подмосковье, в районе Калужского шоссе.

А почему бы траншеи, прорытые для проводов связи, не заменить на подземный ход для группы захвата?! Тем более что метрах в пятидесяти от Приморского шоссе, именно на той стороне, где Вешний должен был заложить тайник «Сорок», начинался густой лес. Решено — сделано!

От леса рабочие «Ленметростроя» прорыли тоннель и оборудовали его средствами связи. Заканчивался подземный ход прямо на насыпи Приморского шоссе лазом, замаскированным дерном.

Все работы по выемке и транспортировке грунта велись ночью, чтобы не привлекать внимание дипломатов и членов их семей, курсировавших между Зеленогорском и Ленинградом.

Более того, такой же тоннель и такая же насыпь были возведены в Ярославском пограничном учебном центре, на полигоне, где по традиции тренировались бойцы «Альфы». По многу раз на дню альфовцы вновь, как и тогда у Калужского шоссе, разыгрывали одну и ту же мизансцену: имитировали приезд американца и его захват.

На все отводились считанные секунды. Опять тренировались до седьмого пота в дождь, грязь, днем и ночью.

Долго не удавался прием, когда в доли секунды бойцы должны были

оказаться по разные стороны автомобиля. Пришлось применять акробатический трюк и в прыжке «сальто мортале» перелетать через авто, чтобы вовремя очутиться на противоположной стороне, у дверцы водителя.

Немало времени потратили и на отработку взаимодействия с «бензовозами», которые также управлялись бойцами «Альфы».

Аугустенборг внес в разработанную альфовцами схему неожиданные коррективы, так что перестроение пришлось делать на марше, но ничего, справились...

* * *

Вскоре господин Лон Дэвид фон Аугустенборг был объявлен персоной нон грата и вместе с семьей покинул пределы СССР.

Через некоторое время вслед за Аугустенборгами по тому же маршруту проследовал и господин Мюллер.

Андропов торжествовал: международный скандал имел грандиозный шум. А об альфовцах и говорить нечего — они в очередной раз оказались на высоте...

Эпилог

ДЕЛО «ВУРДАЛАКОВ» ПРОЦВЕТАЕТ

В салон вошла стюардесса и объявила, что до Парижа пять минут лета. Я выглядываю в окно, хотя понимаю, что еще слишком рано. Но мне не терпится увидеть хмурые лица сотрудников французской контрразведки, в круг обязанностей которых входит проверка всех въезжающих, врывающихся и, как я, влетающих во Францию иностранных граждан.

Хотя в паспорте я и под другой фамилией, но неисповедимы пути любой разведки и контрразведки — как знать, может быть, французам с помощью их нынешних друзей американцев удалось все же добыть мое фото в натуральную величину при проведении какой-нибудь операции, узнать мои настоящие анкетные данные, подробности биографии и теперь они, крадучись по-кошачьи, повсюду будут меня сопровождать?! Стервецы!

И этим подозрениям есть основания. Уж больно долго они тянули с выдачей мне въездной визы... Хотя, впрочем, почему долго? Виза-то непростая — Шенгенская! Проверок миллион требуется. Поэтому так долго и оформляли... Я с помощью этого «вездехода», Шенгенской визы, еще и в Испанию собираюсь на денек слетать, навестить своих бывших помощников — Распутину и Самурая...

Почему бывших? Это для меня они — бывшие, для ФСБ, Службы внешней разведки, — самые что ни на есть всамделишные... Они теперь — муж и жена, уже второго наследника ждут...

Может, поэтому в последнее время они и снизили активность на нашем общем поприще? Надо бы их встряхнуть, одним своим появлением напомнить, кому они обязаны своим семейным счастьем, от кого, в конце концов, деньги получают...

Провести «моменталку» — моментальную операцию — здесь, в Париже, а затем незамеченным слетать в Испанию — это, конечно, программа максимум. Удастся ли осуществить задуманное? Вот в чем вопрос! Все будет зависеть от того, насколько плотно меня будет опекать французская контрразведка. Замечу, что они мне проходу не дают, ограничусь парижской операцией, а супругам Курусу позвоню отсюда...

Ведь местная контрразведка может попытаться отыгаться на мне за все те козни, что я успел подстроить их разведчикам, сидевшим в Москве «под корягой», — в бытность мою начальником четвертого отдела Второго

Дома (контрразведка Союза) по разработке французских лже- и истинных дипломатов, а затем заместителем начальника управления «К» (внешняя контрразведка Союза)!

Не исключено! Хотя дело прошлое, но кто ж из профессионалов не злопамятен?!

Сегодня я — генерал-майор в отставке. Стоп! Может, это известно не только пенсионному отделу ФСБ, но и французам? Может, я поэтому-то и получил в конце концов визу?!

Тогда неминуемы провокации в мой адрес с целью вербовочных подходов, ведь французы прекрасно осведомлены о том, что на генеральское пенсионное содержание в России можно питаться только в доме для престарелых или в диетических столовых... Но где они, эти столовые?! Их в Москве господин Лужков повсеместно заменил на «Макдоналдсы»... Хорошие деньги срубил, получив, очевидно, огромное вознаграждение от Кохана — владельца корпорации «McDonald's», — за размещение его забегаловок, которые в Европе не то что не пользуются спросом — бойкотируются из-за того, что от употребления этой, якобы пищевой, продукции года через два-три ты гарантированно наживешь себе как минимум язву желудка... А с моим больным желудком никакой пенсии не хватит, чтобы пару раз в месяц сходить за парным мясом на Даниловский рынок или за курагой и зеленью, я уж не говорю о фруктах, — на Черемушкинский рынок...

К черту! Париж — под крылом, ему я готов отдаться без остатка и получить удовольствий соразмерно выданным в Москве командировочным. Генералы КГБ, как и народные артисты, на пенсию не выходят — их ресурс считается бессрочным, — перед отъездом меня пригласили в Департамент контрразведки ФСБ и сам... не скажу, кто! — дал мне одно поручение.

И я, подобно старому коню пожарной службы, откликнулся на сигнальный колокол и сразу же возвратился в строй... Правда, на ум мне сразу пришли слова кардинала шпионажа Аллена Даллеса:

«Шпион ошибается только один раз. В этом спорте повторные попытки не разрешены».

О сомнениях в своих силах я тут же поведал напутствовавшему меня имярек всероссийского значения. Ведь путь разведчика усеян банановой кожурой, и зачастую она лежит на льду... Однако он меня успокоил, пояснив, что в практике коневодства бывшего СССР не было зафиксировано ни одного случая, чтобы старый конь испортил борозду. Натом и сошлись...

Предполагается, что я выполню это поручение играючи, между

прочим, во время посещения одного из парижских храмов культуры. С точки зрения разведки, все парижские храмы искусств очень удобны для проверки, есть ли за тобой «хвост». Там много эскалаторов и переходов, тупиков и террас, что помогает очень легко выявить ведущуюся за тобой слежку, да и осуществить моментальную передачу тоже труда не составляет.

Стоишь себе, любишь какую-нибудь занюханную картину какого-нибудь бесштанного алкоголика, представителя авангардизма начала XX века, и, незаметно сделав шаг в сторону, получаешь вожделенный сверток...

В общем, мне надо, как говорят профессионалы, «в одно касание» встретиться с одной дамой, специально для этого прилетающей в Париж из Штатов.

Подозреваю, что выбор руководства ФСБ пал на меня не только потому, что у меня отличный французский и английский, максимально приближенный к американскому, рост и выправка сержанта-сверхсрочника из Вест-Пойнта, но и моя неистребимая тяга к прекрасному полу, который, кстати, обречен отвечать мне взаимностью...

Дело предстоит плевое: забрать-отдать. Всего-то! Но когда тебе уже шестьдесят, то за каждым столбом, в каждой проезжающей мимо машине тебе чудятся вражеские контрразведчики, вооруженные наручниками. Они звонят по мне!

Вся эта мура лезет мне в голову во время осмотра Лувра, я пытаюсь от нее избавиться и оживляю в памяти бородатый анекдот об американце из Техаса, приехавшем на экскурсию в Париж.

«Вы знаете, — рассказывает он своим друзьям по возвращении на родину, — я осмотрел Лувр за пятнадцать минут»

«Как вам это удалось?»

«Вы же знаете, как быстро я хожу!»

Закрытая пуленепробиваемым стеклом мужиковатая Мона Лиза, исполненная великим Леонардо да Винчи так, будто писал он ее, глядя на свое отражение в зеркале, не вызывает никаких эмоций, кроме желания опробовать стекло, запустив в него булыжником — орудием пролетариата. И что только находят в ней толпы японцев, постоянно окружающих этот застекленный шедевр? А может, только они и находят, а мы, европейцы, нет?

Холодный мрамор Венеры Милосской, наоборот, греет душу, но на ум идет не возвышенное, а приземленное: «В нашем правительстве краля бы даже Венера Милосская, если бы у нее были руки». Присмотревшись, я

замечаю диспропорцию между головой Венеры и ее торсом, не говоря уж о пышной заднице, и вновь разочарованный иду прочь.

Честно говоря, в изысканных дворах Лувра дышится легче и можно долго рассматривать Двор Наполеона и стеклянные пирамиды, чувствуя себя молодым Бонапартом. В зале сфинксов я восхищаюсь украденными им в Египте образцами, чувствуя себя загадочным сфинксом. В склепе Лувра я гремлю костями, в зале манежа хочется превратиться в жеребца — эх, я бы им показал, этим парижским кобылкам!! На память приходит вчерашнее посещение «Мулен Руж». Уж как там крашенные блондинки-кобылки задирают ноги, так просто и-го-го!

Хочется с ногами влезть в шедевр Эжена Делакруа, в картину «Свобода», стать ближе к полуголой бабе, которая с винтовкой и флагом убегает с баррикады от развязного Гавроша. Судя по всему, этот проходимец трахает баб исподтишка, дождавшись, когда они окончательно захмелеют и заснут в укромном уголке таверны. В промежутках он появляется на баррикадах в жилетке и бухает в воздух из пистолета. Очевидно, за этим делом его и подсмотрел Делакруа, незаконнорожденный сын великого дипломата-пройдохи и неумного бабника Талейрана...

«Лувр — не наш Эрмитаж, у нас — богаче!» — мысленно выношу я вердикт и выхожу на площадь, забитую туристами.

Суматошно мелькают видеокамеры и фотоаппараты. Греются на солнышке прикормленные голуби, которых хочется поджарить и сожрать. Кстати, нигде в Париже такого блюда не найти, одни разговоры. Может, во времена старика Хема и Скотта Фицджеральда что-то и было, но...

Какой-то старичок богемного вида, выйдя из туалета и напрочь игнорируя присутствие дам, с упоением застегивает ширинку. Я воочию убеждаюсь, что наши враги лгут, утверждая, что по этому признаку можно вычислить советских разведчиков. Да и где они, русские разведчики? Кроме меня — никого...

Медленно тащусь по Тюильри. Резиденция французских королей была предана огню активистами Парижской коммуны, а теперь на революционном пепелище разбит сад.

Едва живой выхожу к Пляс де ла Конкорд, автобусы и автомобили лезут друг на друга — где же хваленая французская галантность?

Тут было бы совсем неудобно, если бы на тротуарах не потрескивали весело жарящиеся каштаны, не разносился горький запах кофе, смешанный с ароматом дорогих французских духов и затхлым зловонием кухни, и... не группа туристов из категории «новых русских». Я узнаю их, даже когда они во всем от Версаче, Гуччи или Кардена. Гид рассказывает, что

установленный в центре площади обелиск посвящен египетскому фараону Рамзесу Первому. Из толпы следует вопрос: «А чего это фараон в Париже делал, уж не парижанок ли хотел пощупать?»

Так и тянет ответить ему на вопрос встречным вопросом:

«А ты как и для чего сюда попал? Хоть попытайся скрыть скульптурную окаменелость своих мозговых извилин...»

Обычно люди пытаются как-то скрыть собственную неосведомленность, задают какие-то уточняющие вопросы, но, похоже, только не эти... Они — все оплатили, в том числе и прилюдную демонстрацию своего бунтующего невежества!

Наверное, здесь, на Пляс де ла Конкорд, Маяковскому пришли в голову строки:

«Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва!»

Хотя вряд ли. Это место не могло навевать ему так презираемую всеми ратоборцами-максималистами сентиментальность.

В 1793 году на Пляс де ла Конкорд в очередной раз была доказана действенность самого совершенного и гуманного орудия Великой французской революции — гильотины.

Детище большого человеколюба, врача по профессии Жозефа Гийотена, она легким дуновением ветерка снесла голову жены Людовика XVI, королевы Франции Марии Антуанетты... Стоп! Опять в башку лезет всякая чертовщина... Гильотина, кровь, головы...

Когда, черт побери, оставят меня в покое эти обезглавленные бомжи, дело «Вурдалаки»?!

Ведь почти двадцать лет минуло с тех пор, и на тебе — даже в Париже они меня достали! А все потому, что я с детства не привык оставлять какое-то начатое дело на полпути... Черт бы побрал эти домостроевские замашки!

«Забудь о «Вурдалаках», выкинь их из головы, — говорю я себе, — ты же — в Париже... Где эти обезглавленные бомжи и где ты?! Они — остались в прошлом, а ты исполнил наконец свою мечту и прибыл в город, о котором Эрнест Хемингуэй так великолепно отозвался, назвав его: «праздником, который всегда с тобой», ну, так и празднуй, черт возьми, времени-то судьбой не так уж много отмерено!..»

Чтобы переключить свое внимание на что-то более приятное — себя тоже надо уметь обманывать! — я вхожу в подвернувшуюся таверну, заказываю продукт, экзотический даже для наших «новых», и начинаю священнодействовать над мидиями по-провансальски, которые мне подают

в эмалированной кастрюльке, горячей, как пламя всеочищающего ада, из которой они, мидии, торчат, раскрывши свое лоно...

Черт возьми, опять сексуальные реминисценции, да когда же это кончится! Уж не взять ли девушку напрокат? Нет, денег на это командировкой не предусмотрено, так что, друг мой, продолжай сношать кого-нибудь по памяти. Увы, это так же, как и хмелеть по памяти — невозможно!..

Если французская «наружка» наблюдает, облизываясь от зависти, как я поглощаю мидии, то она мне, конечно, этого не простит — какую-нибудь каверзу потом устроит непременно... И будет права, отомстив мне за устроенный мною сеанс садомазохизма...

Немедленно прочь из таверны!

...Я вхожу в какую-то анфиладу магазинчиков, торгующих антиквариатом, всякими дорогими безделушками, ранее принадлежавшими французским королям, их вассалам и завоеванным ими нациям и народам.

Содержимое каждой лавчонки убеждает меня, что на долю любого туриста, приезжающего в Париж, еще достаточно нераскрытых тайн. Это ощущение усиливается, когда я натыкаюсь на галерею, где свободно — были бы деньги! — можно приобрести полотна всемирно известных художников: Эдуарда Мане, Поля Сезанна, Ван Гога, Гогена и обожаемого мною Тулуз-Лотрека. Подлинники!

Увы, на мои командировочные можно приобрести разве что запах этих картин.

Кстати, о запахах. Вчера у магазина «Самаритэн» какие-то отвязные коммерсанты, парень и девица, приняв меня за американца, пытались всучить мне запаянные консервные банки, наподобие пивных, по пять франков за штуку. Уверяли, что в банках закатан ни много ни мало — воздух Елисейских полей. На банках по-английски были исполнены надписи: «весенний воздух», «осенний воздух», «утренняя свежесть», «вечерний бриз» и так далее.

Я замедлил шаг. Развязная пара оценила мой поступок со своей, с коммерческой, колокольни. Я же просто искал подходящие слова, чтобы изящно, не по-американски, ответить на их притязания.

«Простите, — наконец нашелся я. — Воздух с Елисейских полей — это прекрасно, но я ищу консервированные экскременты апостола Петра...»

Двигаясь мимо лавчонок, сплошь увешанных картинами мастеров разных эпох, от классицизма до постимпрессионизма, краем глаза замечаю какие-то странные статуэтки, подсвечники и настольные лампы. Они

вносят некоторый диссонанс в интерьер галереи и не могут не привлечь моего внимания.

Подхожу к прилавку и начинаю их рассматривать. Боже праведный, да это же настоящая кунсткамера, но как оформлена! Все выставленные на продажу предметы домашнего интерьера имеют заполненные жидкостью прозрачные полости, в которых находятся... человеческие головы. Прямо наваждение какое-то! Я от них бежал с Пляс де ла Конкорд и вдруг... с чем боролся, на то и напоролся!

Тут голов, отделенных от туловища, целая коллекция: негритянские — цвета зрелого баклажана, с курчавыми волосами, расплюснутыми носами и коровьими губами. Китайские — желтые, с тремя волосинами вместо бороды и хищным прищуром щелочек вместо глаз. На лбу у одной самурайской головы замечаю каллиграфически исполненный красный иероглиф. Славянские — бородатые, разухабистые, испытые хари. Встретишь такую в ночи — враз обделаешься от избытка чувств...

Однако пора взять в узду свои нервы.

«Спокойно, Леонид, — говорю я мысленно себе, — больше юмора, ты же в Париже! Это всего лишь кукольные головы, надо к ним прицениться: Новый год на носу, тебя домашние просили позаботиться о подарках, так что — вперед!»

Головы выглядят вполне натурально, это — не мумии фараонов, выставленные в Эрмитаже. Черты лица не просто узнаваемы — они будто вырезаны из кости, нос, губы, даже щербинка между передними зубами, все — как и положено искусно сделанной кукольной голове, только большого размера.

Мысленно представляю, как я развешу пару-тройку таких головок для своего внука на новогодней елке. Вот будет потеха-то для гостей! Если, конечно, ни с кем не случится сердечного приступа! Нет-нет, прочь — это уже от лукавого. Или от мистера Хичкока?

Я гляжу на головы со смешанным чувством страха, отвращения и восхищения одновременно, не в силах оторвать взгляда. Они действуют на меня завораживающе. Нечто подобное испытывают люди, стоящие у стеклянной перегородки, за которой струятся кобры, принимая предбросковую стойку.

Черт возьми, как все-таки хороши эти головки, они — произведение искусства! Или они хороши, потому что выглядят слишком естественными? В моем воспаленном воображении опять возникают образы, казалось, задавленные глыбой времени...

Нет-нет, надо немедленно все прояснить! Но ведь минуло почти

двадцать лет! Ну и что? В контрразведке не бывает сроков давности — в атаку!

...Мое заинтересованное отношение к выставленным на продажу головкам не остается незамеченным. Пожилой грузный мужчина с улыбкой, от которой тают снега Килиманджаро (вот у кого надо бы пройти практику нашим продавщицам!), и дежурной фразой: «Что желает мсье?» — приближается к прилавку.

...В таких лавчонках, как и в любом французском ресторане, завсегда вам вы станете с первого захода, если, конечно, не будете экономить на своем имидже солидного клиента.

В ресторане надо дать обильные чаевые, в лавчонке — с первого жеста продемонстрировать свою неиссякаемую кредитоспособность. Ну, скажем, приобрести, не торгуясь, дорогую безделушку. Лучше пару. Этот способ — родной ключ к потаенным замкам сердец стоящих за прилавком торговцев. Стоп! К этим уловкам надо прибегать лишь в том случае, если вы намерены вновь туда вернуться за чем-нибудь более существенным или что-то разузнать. Я — да, намерен! Разузнать, а если понадобится — то и вернуться...

Против лома — нет приема! А он — в правом кармане моих брюк. Театральным жестом я достаю... перетянутый резинкой «пресс» баксов. По сути — это «кукла» в долларовом исполнении. С двух сторон «пресс» обложен стодолларовыми купюрами, а между ними — однодолларовые.

Хвала и слава американским казначейам — они позаботились о том, чтобы купюры разного номинала были одного размера! С помощью «куклы» я легко прохожу за туриста-мота из Штатов. Плюс мой рост и безукоризненный американский выговор.

Не подумайте плохого — на случай, если незнакомка из Штатов, с которой мне предстоит встретиться, окажется в затруднительном материальном положении, меня снабдили, ну, о-очень кредитоемкой золотой карточкой из тех, что «новые русские» веером рассыпают перед официантами и продавцами фешенебельных заведений.

Однако «пресс» — это мое собственное изобретение, мое «секретное оружие», я горжусь им! «Пресс» впечатляет. Я вижу, что мой собеседник готов решить участь всей своей богадельни, не отходя от прилавка. Хоть оптом, хоть в розницу.

Начинаю прессинговать психику торговца. С его помощью не спеша выбираю безделушку подороже и, не торгуясь, небрежно швыряю зеленый «стольник» (выбранный амулет стоит 85 франков, это — около восемнадцати долларов) на прилавок.

— Простите, мсье, — раздается в ответ, — мы не принимаем доллары. Вам необходимо поменять валюту. Я очень сожалею, мсье...

Что ж, сейчас ты будешь жалеть еще больше.

— Я понимаю, — отвечаю я с техасской небрежностью, — но если я пойду искать пункт обмена, у меня есть вероятность заблудиться, а заблудившись, я уже сюда не вернусь, не так ли, мсье? Вы потеряете клиента, а я, между прочим, хотел бы еще кое-что приобрести у вас... Да и вообще, нет правил без исключений, не так ли?!

Моя наглость и намек на то, что я могу открыть кредитную линию, производят эффект. Лавочник безропотно выкладывает на прилавок амулет и сдачу во франковом эквиваленте.

Совсем ни к чему пересчитывать полученные деньги: мы же теперь сообщники.

Сунув сдачу и амулет в карман, я невзначай оставляю на прилавке 100-франковую банкноту и, не мешкая, хожу с козырного туза: интересуюсь ценой (разумеется, в долларах) напольных часов. В полости маятника, заполненной жидкостью, влево-вправо мечется головка «а-ля Карл Маркс». Она крупнее и рельефнее остальных, кроме того, у нее такая роскошная грива-борода!

— Я очень сожалею, мсье, но эти часы не продаются, — произносит торговец, жестом фокусника смахнув банкноту с прилавка. — Они — наш торговый знак. Я очень сожалею... Странно, но вот уже почти двадцать лет все наши покупатели почему-то начинают с этих часов, не знаю, что и думать... Впрочем, голова в них действительно впечатляющая. Не угодно ли мсье взглянуть на вот этот чернильный прибор. В нем, правда, голова чернокожего, но тем не менее...

Намек на мои техасско-расистские наклонности принят, а упоминание о сроке пребывания головы в часах вовсе разжигает тлевший в моей башке фитилек воспоминаний. Там уже полыхает пожар, и виной тому голова отца призрака коммунизма в маятнике!

Я выкладываю еще одну стофранковую купюру, которая, также как и первая, мгновенно исчезает под прилавком, и иду ва-банк:

— Неужели за двадцать лет вы не сумели заказать себе еще одни часы с кукольной головкой?! Верится с трудом! — тоном матерого провокатора говорю я, а по спине в три ручья хлещет горячий пот.

— Это настоящие головы, мсье... Головы живших в недалеком прошлом людей. Поэтому-то они стоят очень дорого...

Внутреннее напряжение достигло апогея, но я с напускным спокойствием выслушиваю целую лекцию о подготовке головок к

предпродажной экспозиции.

Разумеется, при каждой многозначительной паузе моего визави я проворно выбрасываю на прилавок очередную купюру. Из тех, что получены на сдачу.

Фантастика — я волей случая оказался на правильном пути! Плохо одно: это должно было произойти еще в восемьдесят втором...

Сразу оговорюсь: мумифицирование человеческих голов имеет мало общего с работой специалистов, колдующих над телом Вождя в Мавзолее, хотя в обоих случаях это очень долгий процесс, включающий множество трудоемких операций. А в случае с головами еще и смертельный риск, потому что в Мавзолее изначально обрабатывают мертвое тело, а головы накануне процесса мумификации должны быть непременно живыми...

В отсеченной голове просверливается маленькое отверстие, через которое внутрь запускается особый вид муравьев, пожирающих мозг. Чтобы эти прожорливые твари не добрались до кожного покрова и мягких тканей головы, в ноздри и уши вставляются специальные пробочки. Когда муравьи вычистят полость черепа, туда впрыскивают консервант, который обычно используется в моргах, чтобы воспрепятствовать процессу разложения.

— А-а, формалин! — в моем голосе сплошное разочарование.

— Не совсем, мсье! В него добавляется еще целый букет трав, известных только одному человеку — магу, который и руководит всем процессом...

Затем полуфабрикат — да-да, человек из-за прилавка так и сказал: полуфабрикат! — некоторое время, пока не размягчатся кости черепа, выдерживается в специальном растворе. При этом одновременно происходит стягивание, уменьшение всей кожной и даже костной (!) структуры.

Как только кости черепа станут мягкими, наступает самый ответственный момент всего технологического процесса: необходимо удержать их от сплющивания, сделать так, чтобы они, скукожившись и значительно потеряв в объеме, сохранили форму головы.

За это отвечает человек, посвященный в тайны всего процесса мумифицирования. Это — тот самый маг. Он, ко всему прочему, обладает экстрасенсорными способностями. Накладывая руки на размягченные головки, он направляет на них поток своих биоволн. Манипуляция, которую невозможно выполнить с помощью лазеров и компьютеров.

По утверждению торговца, все маги-искусники — экстрасенсы с самым сильным в мире биополем.

Маг будет прикладывать руки к головке до тех пор, пока она достаточно не затвердеет. Затем он осторожно будет прогревать ее на пламени, втирать мази из экстракта алоэ и африканской ивы и долго сушить, пока она не превратится в ту изящную, почти кукольную головку, подобную тем, что я сейчас наблюдаю.

В последующем головке предстоит постоянно находиться в жидкостно-бальзаме, в состав которой входит несколько ингредиентов. Каждый из них в отдельности известен только одному человеку. Но рецепт всей смеси знает только маг.

Искусство выделывания головок, именуемое на одном африканском диалекте «нга-нгоро», передается по наследству от отца к сыну. Им владеют только в одном племени Центральной Африки.

— Но всего этого, мсье, можно достичь лишь при одном условии... — За этим следует многозначительная пауза и лукавый взгляд моего собеседника, устремленный прямо мне в зрачки.

Я — парень понятливый. Сую руку в карман. О, ужас! — сдача иссякла. Делать нечего. Вынимаю «куклу» и решительно выдергиваю второй «стольник».

Знал бы московский «Карл Маркс», во что обходится мне его борода! Впрочем, я на собственном опыте убедился в правоте лозунга Генриха IV: «Париж стоит мессы!» Потраченная мною сумма — ничто в сравнении с той информацией, которой я теперь располагаю!

Стодолларовая банкнота присоединяется к компании своих французских подружек, а торгаш, хитро подмигнув, раскалывается окончательно:

— Головы станут тем, что вы имеете честь лицезреть, лишь в том случае, если будут отняты у живого человека. Тогда кости черепа легко поддаются усадке и обработке, их даже можно слегка уменьшить в объеме, чтобы конечный товарный продукт выглядел кукольной головкой...

Человек за прилавком внимательно наблюдает за мной, за эффектом, который должна произвести на меня его откровенность. Я парирую, не моргнув глазом:

— То есть, вы хотите сказать, что, прежде чем приступить к мумификации, надо произвести декапитацию не покойника, но живого и вполне здравствующего человека?

— Именно так, мсье! — в голосе торговца неподдельная радость. Чему он радуется? Что я так быстро научаем и так спокойно реагирую на его признание или тому, что я не помчался звонить в полицию?

— А как насчет морали, нравственности? — упавшим голосом

спрашиваю я.

— Видите ли, мсье, — с видом штатного лектора вещает торгаш, — я прожил долгую жизнь и разбираюсь в людях. Вы — не ханжа, это видно из вашего отношения к деньгам... Будем откровенны до конца.

В нашем мире так много людей, которые либо не могут, либо не хотят зарабатывать себе на хлеб. Они — никчемные наросты на теле планеты, которые необходимо удалять... Вместе с тем, немало таких, кто, невзирая на цену, готовы приобрести уникальный экзотический сувенир... Как вы, например. Наше дело — удовлетворить спрос, а он довольно высок.

Разве аморально приносить пользу, идя навстречу пожеланиям людей, удовлетворять их потребности? Именно это мы и делаем! Надо сказать, мы преуспели — никто не в силах с нами конкурировать. Мы владеем монополией на изготовление и продажу мумифицированных человеческих голов!

Теоретическое обоснование убийств изложено и мной усвоено, теперь — вперед, к практической стороне дела:

— И кто же эти добровольцы, что кладут свои головы на алтарь вашего процветающего бизнеса? Если не ошибаюсь, вы находите их на всех континентах: у вас выставлены на продажу головы негроидов, монголоидов, европеоидов, наконец!

— Вы правы в одном, мсье, они — на всех континентах... Но они — не добровольцы. Они — дичь, за которой надо охотиться. А это дорого обходится охотнику, потому так высоки цены...

— И кто же этот охотник?! — вырвалось у меня.

— Вам повезло — мсье Поль Мламбо-Нгука идет сюда...

Я невольно оборачиваюсь. Сквозь витринное стекло я вижу, как к нам приближается живописная троица.

Мальвина Савари идет под руку с негром огромного роста. Рядом, повиливая хвостом, чинно ступает пит-бультерьер. Размеренный и уверенный шаг трех зверей, знающих себе цену...

Пит-бультерьер — жуткое порождение человека, выкидыш селекции, исчадие злости, накопленной природой в добермане, кавказской овчарке, бульдоге и... пуделе. В его природе преобладает один ген. Ген абсолютного зверства. Нередки ведь случаи, когда пит-бультерьеры загрызали даже своих хозяев, вскормивших и выпестовавших их.

Да, такой гильотине достаточно команды «фас», и нужная голова в багажнике твоего автомобиля, потому что ты — водитель военного атташе Франции в Москве и владелец магазина экзотических сувениров в Париже...

Я понял, почему с приходом лета 82-го в столице перестали появляться обезглавленные трупы бомжей: в мае господин Мламбо по окончании служебной командировки убыл на родину.

Стоп! Но милиционеры ведь пристрелили его пса. Ну и что? Мламбо-Нгука приобрел нового, головы-то по-прежнему в цене...

Игорь Атаманенко — профессиональный контрразведчик и переводчик. Владеет итальянским, испанским и английским. Работал в СССР и в ряде стран Африки и Европы. Подполковник КГБ в запасе. Книга написана на основе личного опыта.

Руководство ЦРУ и европейских разведок огромную роль отводило работе с секретными агентами из числа дипломатов, крупных административных чиновников, сотрудников закрытых институтов, кадровых офицеров госбезопасности и разведки. Из этой книги Вы сможете получить эксклюзивную информацию о том:

- как спецслужбы Запада и Японии использовали коррумпированность чиновничьей верхушки Совмина;
- почему бежал за границу популярнейший киноактер Олег Видов;
- как под видом перевозки фаянсовой посуды ЦРУ производило радиоэлектронную разведку на территории нашей страны;
- каким образом японцам удалось вывезти из России огромное количество ценных полезных ископаемых.

ISBN 5-04-004376-7

9 785040 043767 >

notes

Примечания

Константиновский серебряный рубль, год чеканки 1825-й, изготовлен по недоразумению ввиду отсутствия информации о завещании императора Александра I. Константин, следующий после Александра сын Павла I, формально должен был унаследовать престол. Однако из-за того, что он состоял в неравнородном браке с польской дворянкой Иоанной Грудзинской, его дети не могли претендовать на царский трон. По этой причине Александр I незадолго до своей кончины подписал манифест о назначении наследником младшего брата — Николая. По мнению экспертов, в мире на сегодня сохранилось лишь шесть подлинных экземпляров константиновского рубля. Но даже подделки, датированные 1859–1860 гг., не смущают коллекционеров. Цена одной монеты на аукционе Sotheby в 1981 году достигала 100 тысяч долларов. — *Прим, автора.*

Кат — род вечнозеленых деревьев семейства стерликулиевых, листья и молодые побеги которых содержат большое количество кофеина и теобромина. При употреблении значительных доз ката наступает состояние наркотического транса, так называемый «откат» или «накат». — *Прим, автора.*

Александр Огородник, референт министра иностранных дел СССР, известный читателю по фильму «ТАСС уполномочен заявить» под кличкой Трианон. — *Прим, автора.*

КГБ — *Прим. автора.*

Сигнал посылался с одной из американских военных баз, расположенных в окрестностях столицы Греции, поэтому назывался «Афинским радиоцентром». — *Прим, автора.*